

Министерство сельского хозяйства Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Пермский государственный аграрно-технологический университет
имени академика Д.Н. Прянишникова»

А. А. Васильев

Почвовед Смирнов Иван Иванович
[1887-1938]

(Биография в контексте времени и судеб современников)

Пермь
ИИЦ «Прокростъ»
2019

УДК 631.4 (092)
ББК 40.3
В 191

Рецензенты:

С. В. Гриценко, канд. филос. наук, директор культурно-информационного центра (ФГБОУ ВО Пермский ГАТУ);

С. Л. Елисеев, д.-р с.-х. наук, заведующий кафедрой растениеводства (ФГБОУ ВО Пермский ГАТУ);

И. В. Иванов, Засл. деятель науки РФ, д.-р геогр. наук, профессор, гл. науч. сотр. ФГБУН ИФХиБПП РАН, председатель Комиссии истории, философии и социологии почвоведения Общества почвоведов имени В.В. Докучаева;

А. Н. Чашин, канд. биол. наук, доцент кафедры почвоведения (ФГБОУ ВО Пермский ГАТУ).

В 191 Васильев, А. А.

Почвовед Смирнов Иван Иванович [1887-1938] (Биография в контексте времени и судеб современников) / А. А. Васильев; М-во с.-х. РФ, Федеральное гос. бюджетное образовательное учреждение высшего образов. «Пермский гос. аграрно-технологический ун-т им. акад. Д.Н. Прянишникова». – Пермь : ИПЦ «Прокрость», 2019. – 271 с.
ISBN 978-5-94279-425-5

В книге впервые рассмотрена биография агронома-почвоведа И. И. Смирнова. Все основные этапы жизни учёного охарактеризованы в контексте времени. Рассмотрены годы учёбы в Барнаульском реальном училище, Томском Технологическом Институте, Императорском Московском университете и работа И. И. Смирнова в Институте исследования Сибири, Сибирском институте сельского хозяйства и промышленности, Томском университете, Башкирском почвенно-ботаническом институте, Маргушеванской НИС. Наибольшее внимание уделено фактам предыстории и истории становления кафедры почвоведения сельскохозяйственного и лесного (Агрономического) факультета ПГУ. Охарактеризовано сотрудничество И. И. Смирнова с Ростиславом Сергеевичем Ильиным.

Книга предназначена для специалистов по истории науки и образования, студентов и преподавателей вузов сельскохозяйственного и биологического профиля.

УДК 631.4 (092)
ББК 40.3

ISBN 978-5-94279-425-5

© Васильев, А. А., 2019
© ИПЦ «Прокрость», 2019

*Посвящается 100-летию аграрного образования на Урале
и 95-летию кафедры почвоведения Пермского государственного
аграрно-технологического университета*

**СМИРНОВ
ИВАН ИВАНОВИЧ
(1887-1938)**

Предисловие

*Насущное отходит вдаль, а давность,
Приблизившись, приобретает явность.*
(Иоганн Гете. Фауст. Перевод: Б. Пастернака)

В 1986 году автор книги был принят на должность старшего научного сотрудника кафедры почвоведения Пермского государственного сельскохозяйственного института имени академика Д. Н. Прянишникова. Тогда, как и сейчас, на одном из настенных планшетов кафедрального стенда размещались фотографии первых заведующих кафедрой: И. И. Смирнова (1923-1924), В. В. Никитина (1924-1931), Г. А. Маландина (1931-1936), Н. Я. Коротаева (1936 -1974). Биографии и направления научной деятельности этих почвоведов продолжают вызывать интерес у студентов, сотрудников, преподавателей, историографов вуза. Однако наши знания о каждом из них были и остаются на разном уровне.

Роль профессора В. В. Никитина в развитие почвоведения на Урале подробно оценена ещё в 1962 г. в монографии Н. Я. Коротаева [150] и в статьях А. И. Оборина [232, 233]. Позднее, уже в 2000-е годы, Елена Викторовна Чиркова – внучка Василия Васильевича, проживающая в Перми, познакомила работников музея вуза с некоторыми документами из семейного архива Никитиных, что позволило более детально охарактеризовать жизненный путь В. В. Никитина в монографии Г. И. Жаворонковой (2018) «Профессор кафедры почвоведения Уральского сельскохозяйственного института Василий Васильевич Никитин».

Биография профессора Георгия Александровича Маландина опубликована в журнале «Почвоведение» в 1970 г. [247], и позднее была дополнена в ещё нескольких публикациях.

Научная биография профессора Н. Я. Коротаева систематизирована его учениками – преподавателями кафедры. Профессор, доктор с.-х. наук, зав. кафедрой почвоведения (1974-1998) Вологжанина Таисия Васильевна в 1976 г. подготовила детальное биобиблиографическое описание жизни и научной деятельности профессора Николая Яковлевича Коротаева [269].

Биографические сведения об Иване Ивановиче Смирнове, в силу разных причин, были длительное время крайне скудными. В статье о почвенных исследованиях кафедры почвоведения Пермского государственного университета, которую в 1969 году подготовил один из учеников И. И. Смирнова – доктор с.-х. наук, профессор Антон Иванович Оборин, указано, что <...> «кафедра почвоведения была открыта в Пермском государственном университете в 1922 г. <...> Первым её руководителем был И. И. Смирнов, возглавлявший кафедру до 1924 г.» [233, С.41]. В статьях и книгах, подготовленных к юбилейным датам Пермского СХИ, информация об И.И. Смирнове отсутствовала или ограничивалась только упоминанием его фамилии [56], [195], [377], [378] и др. Во второй половине 1980-х годов личные беседы автора книги с преподавателями кафедры почвоведения и с

заведующим музеем Пермского СХИ П. А. Хоринко (выпускник Пермского СХИ 1939 года, ректор ПСХИ в 1960-1974 гг.) дали минимальную информацию об И. И. Смирнове. Только доцент кафедры В. В. Карпушенков сообщил мне, что «...в 30-е годы Смирнова расстреляли». В годы перестройки и гласности было опубликовано много материалов о репрессированных учёных, но новые сведения об И. И. Смирнове в печати не появились.

В 1990-е годы в профессиональную образовательную программу по специальности «Агрохимия и агропочвоведение» эколого-агрономического факультета Пермской ГСХА была включена дисциплина «История почвоведения», судьба и научная деятельность первого преподавателя кафедры почвоведения И. И. Смирнова снова привлекли внимание обучающихся и преподавателей новой дисциплины на кафедре, но какие-либо исторические изыскания по этому вопросу не были проведены. Всё ограничивалось анализом значимости его научной работы по характеристике почв опытных полей Уральской области, изданной в 1927 году [325].

Родственники И. И. Смирнова, которые бы могли более подробно рассказать о нём, в Перми не проживают. Отправной точкой к установлению контактов с прямыми потомками Ивана Ивановича Смирнова послужила Энциклопедия «Пермский край», включающая краткую информацию о сыне И. И. Смирнова – Ростиславе [401]. Поэт и учёный-филолог Ростислав Иванович Смирнов преподавал в Иркутском педагогическом институте и Иркутском государственном университете. Он ушёл из жизни в 2001 году (прил.1, 2, 3). Семья Ростислава Ивановича вырастила и воспитала сына – Сергея. Смирнов Сергей Ростиславович – доктор филологических наук, профессор кафедры новейшей русской литературы факультета филологии и журналистики Иркутского государственного университета, откликнулся на моё обращение с просьбой рассказать о судьбе И. И. Смирнова. В 2013 г. он подготовил и передал на кафедру почвоведения краткую биографию своего деда – Ивана Ивановича Смирнова [330]. Это стало хорошим импульсом для поиска новых материалов по истории кафедры почвоведения Пермского ГАТУ и о судьбе И. И. Смирнова. Появились новые публикации на электронных информационных ресурсах вуза и в университетской газете «Мариинка» [45-47].

Сведения о жизненном пути Ивана Ивановича Смирнова, опубликованные в указанных выше статьях, были краткими. Для составления расширенной биографии основателя кафедры почвоведения потребовалось осуществить поиск и обработку большого массива информации, так как жизненный путь Ивана Ивановича был насыщен разными значимыми событиями и охватывал обширную территорию – от Восточной Сибири до Украины и Нагорного Карабаха. Были изучены материалы из фондов кафедры почвоведения, музея Пермского ГАТУ, Государственного архива Пермского Края и общедоступные источники. Обращение к электронным ресурсам, на которые были сделаны ссылки в книге, происходило с ноября 2017 г. по октябрь 2018 г. Фотографии, сухие факты официальных и деловых

вых документов, рассказы и воспоминания очевидцев событий постепенно открывали все новые и новые подробности жизни И. И. Смирнова и его близких родственников и коллег. Все эти материалы и послужили основой для составления биографии Ивана Ивановича Смирнова в контексте времени его жизни.

Осенью 2018 г., уже после знакомства с первым вариантом рукописи книги, внук И. И. Смирнова – Сергей Ростиславович Смирнов сделал ряд ценных замечаний и любезно предоставил для публикации несколько новых копий документов из семейного архива. Групповая фотография (1912-1913 гг.) студентов и сотрудников кафедры Агронии Императорского Московского университета, размещённая в главе 5 книги, относится к редким документам и, несомненно, представляет ценность для истории почвоведения.

Введение

*Так что какой бы тропюю
Ты на земле ни ступил,
Ведай, что перед тобою
Здесь уже кто-нибудь был.
Некие знаки оставил –
Память разведки своей.
Пусть он себя не прославил,
Сделал тебя он сильней.*
(Александр Твардовский. Горные тропы.)

«Первооткрывателями» **специальных агрономических** кабинетов и кафедр Пермского государственного университета являются В. Н. Варгин (1922), И. И. Смирнов (март 1923), А. А. Хребтов (май 1923), Г. А. Танашев (1924), А. Ф. Тюлин (1925) и др. [23]. Кабинеты и кафедры факультета создавали и возглавляли неординарные личности, к которым, бесспорно, относится и Иван Иванович Смирнов.

Жизненный путь и научная биография почвоведов И. И. Смирнова – это часть истории почвоведения. И. В. Иванов считает, что <...> «фактами истории почвоведения являются все события интеллектуальной, организационной и практической деятельности почвоведов, а историческими источниками – воспоминания, материалы архивов, все публикации научного, прикладного, хроникального характера <...> [122, С.17]. Важными событиями в истории почвоведения являются процессы создания и развития кафедр «чистого» почвоведения [Апарин Б. А., 2006] в университетах. В 1894 году, благодаря стараниям В. В. Докучаева, в стенах Ново-Александровского института сельского хозяйства и лесоводства была организована первая в России кафедра почвоведения, заведовать которой было поручено Н. М. Сибирцеву [122]. История организации преподавания почвоведения в высших учебных заведениях Урала и Сибири имеет более короткий период, чем в университетах Европейской части России. Кроме того, поиск новых фактов истории почвоведения за первые десятилетия XX века затрудняет утрата части документов из архивов вузов, которая произошла из-за последствий Гражданской войны, охватившей на длительный период, прежде всего, территорию Сибири и Урала.

Цель книги «Почвовед Смирнов Иван Иванович [1887-1938] (*Биография в контексте времени и судеб современников*)» – расширить знания по истории почвоведения на Урале и в Сибири в контексте исторических эпох, личной жизни конкретного человека и биографий его современников. Для достижения цели были систематизированы биобиблиографические сведения об И. И. Смирнове. Биографический метод является одним из широко распространенных методов истории науки, а «научные биографии ученых – важная и обширная часть историографии почвоведения» [122, С.19].

И. И. Смирнов – выпускник 1913 года кафедры Агрономии Естественного отделения физико-математического факультета Императорского Московского

университета. Смирнов Иван Иванович – первый преподаватель дисциплины почвоведение на Сельско-Хозяйственном и Лесном (позднее Агрономическом) факультете Пермского государственного университета. На кафедре почвоведения университета и на Пермской сельскохозяйственной опытной станции И. И. Смирнов проработал четыре с половиной года (1923-1927). Он непосредственно участвовал в создании «с нуля» и оснащении первой учебной аудитории кафедры, в формировании почвенного музея. Первые выпускники агрономического факультета (июнь 1924 г.) получили знания и практические навыки по почвоведению под руководством и при непосредственном участии И. И. Смирнова [46], [232], [233].

В рамках условной классификации почвоведов, Ивана Ивановича Смирнова, прежде всего, можно отнести к категории «почвоведов-учителей» [122]. Он преподавал почвоведение в трёх высших учебных заведениях России, причём в самый начальный период становления высшего почвоведческого образования в Омске, Перми и Томске, был организатором кафедр почвоведения в Пермском и Томском университетах. Деятельность почвоведом И. И. Смирнова не ограничивалась педагогической работой, а охватывала актуальные вопросы географии почв и прикладного почвоведения. И. И. Смирнов работал в разных научных направлениях почвоведения вместе с крупными учёными: И. А. Шульгой, С. С. Неуструевым, К. П. Горшениным, В. В. Никитиным, Д. А. Сабининым, Г. А. Маландиным, А. Е. Возбуцкой, А. Ф. Тюлиным, Н. В. Шипчинским, Р. С. Ильиным, В. В. Ревердатто и др.

Судьба И. И. Смирнова сложилась трагически: 27 декабря 1937 года он был арестован, постановлением Тройки УНКВД по Иркутской области необоснованно приговорён к высшей мере наказания, расстрелян 15 февраля 1938 г. Реабилитирован И. И. Смирнов 8 октября 1957 г. [114, С.182]. В 1930-е годы были репрессированы многие однокурсники, коллеги-почвоведы и родственники И. И. Смирнова. В контексте времени, в котором жил И. И. Смирнов, обойти вниманием эту тему нельзя, тем более, что вопрос сохранения памяти о репрессированных учёных не потерял своей актуальности [122], [191]. Драматические события в жизни людей, связанных с И. И. Смирновым, их трагические судьбы, были также рассмотрены в книге.

В первых пяти главах книги приведены биографические сведения, охватывающие начальный период жизни Ивана Смирнова: семья, учеба, воинская служба и размещены краткие характеристики и биографии его учителей и наставников.

В главах 6-18 книги рассмотрена профессиональная деятельность почвоведом И. И. Смирнова, приведены биографии коллег; дана краткая характеристика коллективов учёных учебных и научных учреждений Томска, Омска, Перми, Уфы, Маргусевани (Нагорный Карабах), где в период с 1920 до 1937 гг. работал И. И. Смирнов. Наибольшее внимание уделено фактам предыстории и истории становления кафедры почвоведения Сельскохозяйственного и лесного (Агрономического) факультета Пермского государственного университета. В отдельной главе книги охарактеризовано научное сотрудничество Ивана Ивановича Смир-

нова и Ростислава Сергеевича Ильина, которого по праву относят к крупнейшим российским учёным XX века. До сих пор этот факт в научной биографии Р. С. Ильина не был проанализирован, хотя он представляет самостоятельный интерес для детализации томского периода жизни Ростислава Ильина, и для истории почвоведения в целом.

В приложении к книге приведены публикации из открытых источников о родных братьях И. И. Смирнова и его сыне – Ростиславе, отрывок из мемуаров Р. И. Смирнова и его стихотворение «Почвовед», а также биографические сведения об И. И. Смирнове, список его трудов, подготовленные внуком Ивана Ивановича – Сергеем Ростиславовичем Смирновым.

Рисунки и фотографии с изображением зданий, связанных с жизнью И. И. Смирнова, отбирались для книги в соответствии с замечательным выражением пермских краеведов С. Н. Плотникова и Г. Н. Плотниковой: «Здания – очевидцы исторических событий. Они – артефакты, способные поведать прошлое» [256].

Книга «Почвовед Смирнов Иван Иванович [1887-1938] (Биография в контексте времени и судеб современников)» не является строго исторической, так как для её написания были использованы не только исторические и архивные документы, но и всякого рода нарративные источники. Возможно, что после публикации этой книги найдутся те люди, чьи родственники имели отношение к описанным событиям, могут быть открыты новые архивные материалы, воспоминания очевидцев, фотографии и другие свидетельства. Новые материалы могут полнее представить биографию И. И. Смирнова. Одна из задач книги – активизировать поиск и вовлечение в научный оборот новых сведений по начальному периоду истории почвоведческого образования на Урале и в Сибири.

Книга «Почвовед Смирнов Иван Иванович [1887-1938] (Биография в контексте времени и судеб современников)» может быть использована в учебном процессе, как дополнительный источник литературы по дисциплине «История почвоведения» для обучающихся по направлению 06.03.02 Почвоведение, по дисциплине «История и методология в почвоведении, агрохимии и экологии» для обучающихся по направлению 35.04.03 Агрохимия и агропочвоведение, по дисциплине «История и философия науки» для обучающихся по направлению 06.06.01 Биологические науки, профиль Почвоведение.

Появление этой публикации было бы невозможным без участия д-ра филол. наук, профессора кафедры новейшей русской литературы факультета филологии и журналистики Иркутского государственного университета Сергея Ростиславовича Смирнова – внука Ивана Ивановича Смирнова, которому кафедра почвоведения и автор книги выражают признательность. Автор выражает благодарность рецензентам книги – д-ру с.-х. наук, профессору, заведующему кафедрой растениеводства ФГБОУ ВО Пермский ГАТУ С. Л. Елисееву; директору культурно-информационного центра Пермского ГАТУ, канд. филос. наук С. В. Гриценко; доценту кафедры почвоведения Пермского ГАТУ за ценные замечания и полезные советы.

Также автор очень благодарен председателю Комиссии истории, философии и социологии почвоведения Общества почвоведов имени В. В. Докучаева, засл. деятелю науки РФ, д-ру геогр. наук, профессору, гл. науч. сотр. ФГБУН ИФХиБПП РАН Игорю Васильевичу Иванову за рекомендации по работе над рукописью книги и за её рецензирование.

Автор благодарит директора О. К. Корепанову, ведущего редактора Е.А. Граевскую и сотрудников ИПЦ «ПрокростЪ»; канд. биол. наук, доцента А. Н. Чашина и лаборанта кафедры почвоведения Пермского ГАТУ С. М. Горохову; сотрудников СБО научной библиотеки Пермского ГАТУ и заведующую СБО Ю. В. Солину за помощь в работе с литературой, картографическими, некоторыми архивными материалами и за редактирование и подготовку рукописи книги к печати.

Читателей, которых заинтересовала данная книга, автор просит направить свои замечания и предложения по адресу: a.a.vasilev@list.ru

1. Детство. Иван Акимович Смирнов

Родился Иван Смирнов в семье православного священника – Ивана Акимовича Смирнова (о. Иоанн) 03 августа (21 июля) 1887 года в селе Шипуновское Змеиногорского уезда Томской губернии [61, Л.1], [339].

В списке населённых мест Томской губернии за 1893 год [340] размещена следующая характеристика села Шипуновское. «Томская губерния. Бийский округ. Алейская волость. №1640 село Шипуновское. Село Шипуновское расположено по обоим берегам речки Шипунихи (*приток р. Алей – курсив А.А. Васильев*). Находится от окружного города Бийска на расстоянии 349 вёрст, от квартиры земского заседателя в 62 вёрстах. Крестьянских дворов в селе – 264, не крестьянских – 3. Население мужского пола составляет 703 души, женского пола – 747 душ. Количество земли, закреплённой за селом, составляет 8168 десятин. В селе имеется Единоверческая Сретенская церковь, вновь открытая церковная школа грамотности, общественное питейное заведение, хлебозапасный магазин, небольшое кожевенное заведение, 2 воскобойни, у многих жителей есть пасеки и часть занимаются скупкой вошины» [340, С.192-193].

Алейская волость в составе Бийского уезда находилась до 1894 г. В период с 1894 по 1925 гг. она входила в состав Змеиногорского уезда Томской/Алтайской губернии. В настоящее время село Шипуновское носит название Шипуниха и является центром Шипунихинского сельсовета Третьяковского района Алтайского края. Административный центр Третьяковского района – село Староалейское [5]. Место рождения Ивана Смирнова расположено в южной части края на границе равнинных территорий и Алтайских предгорий. Это край заповедной природы, красивейших речных долин, поросших лесом гор [353].

Село Шипуниха Алтайского края. Источник: [298]

Прекрасные природные ландшафты Бийского округа, в котором длительное время проживала семья отца Иоанна, способствовали формированию у Ивана Смирнова естественно-научного мировосприятия.

Духовно-нравственное воспитание и формирование ядра личности Ивана Ивановича Смирнова происходило в православных традициях. Отец Вани Смирнова – Смирнов Иван Акимович (о. Иоанн) родился в семье священника около 1842 года. В 1866 году он окончил Томскую духовную Семинарию по II разряду, был рукоположен во священника к Покровской церкви с. Каменского, и 29 лет служил в разных храмах Томской Епархии [236]. Так, имеются сведения, что Иоанн Акимович Смирнов в 1868 г. являлся благочинным единоверческих церквей Бийского округа, служителем единоверческой Богородице-Рождественской церкви в селе Секисовское Змеиногорского уезда [125].

Алтайская Митрополия Русской Православной Церкви чтит вклад о. Иоанна в развитие Российского государства и его заслуги перед РПЦ и Отечеством. В статье, посвящённой просветительской деятельности церкви и алтайского духовенства в XIX – начале XX вв., в частности, написано следующее: «...развитие начального образования в России в пореформенный (*после реформы 1861г. – курсив А.А.В.*) период было немыслимо без широкой сети церковно-приходских школ. У земств, а тем более государства, не было сил без помощи церкви решить эту проблему. <...> Большинство населения получало образование именно в церковно-приходских школах. [В] <...> уездном Барнауле <...> его общественность <...> создавала общество содействия развитию начального образования, открывала школы, библиотеки. Этим же занимались три священника: Анемподист Завадовский, благочинный храмов Барнаула, настоятель Петропавловского Кафедрального Собора; настоятель Знаменского храма о. Николай Корольков и **настоятель Покровского храма о. Иоанн Смирнов**». Однако об этом давно и прочно забыто в силу известных исторических обстоятельств.

Народное образование во второй половине XIX – начале XX веков не было возведено в ранг общенациональных приоритетов. Однако, благодаря конкретным примерам мы можем составить мнение насколько большое значение ему придавалось <...>

<...> в 1895 году (*о. Иоанн Смирнов – курсив А.А.В.*) переведён к Покровской церкви г. Барнаула. С 1892-1895 гг. состоял законоучителем при церковной школе грамоты, с 1895-97 гг. был законоучителем при Покровской мужской одноклассной церковно-приходской школе г. Барнаула. Проходил должность члена правления БДУ (*Барнаульского Духовного Училища – курсив А.А.В.*) – с 1889-1892 гг. и с 1896-1899 гг. был сотрудником Томского Епархиального попечительства. С 1874 г. был заведующим двух местных – мужской и женской одноклассных церковно-приходских школ и законоучителем в женской школе (1895 г.). Являлся членом Барнаульского уездного Отделения Епархиального училищного Совета (с 1896 г.).

Сан протоиерея Иоанн Смирнов получил в 1909 г. Он был награжден Орденом Св. Анны 3-й степени за отличное усердное служение по Мин. Нар. Про-

свещения. Получил Архипастырское благословение за заслуги по церковно-школьному делу. За ревностное наставление детей в вере и благочестии награжден Библией от Святейшего Синода. Протоиерей Иоанн Смирнов положил много трудов и попечения на постройку нового каменного храма <...>

<...> Признательность жителей Зайчанской (*Заячьей* – курсив А.А.В.) слободы (*юго-западная окраина г. Барнаула в конце XIX в.* – курсив А.А.В.) о. Иоанну была столь велика, что даже в ноябре 1917 года на приходском совете постановили увековечить его имя "...учреждением стипендий в Барнаульском техническом училище", помещающемся в то время как раз в том самом школьном здании, которое было выстроено при неусыпной деятельности и заботах о. Иоанна, для чего "...ежегодно отчислять 10 процентов с суммы годового дохода, приносимого школьным зданием и передавать это отчисление правлению технического училища для вышеуказанной цели" ...» [158].

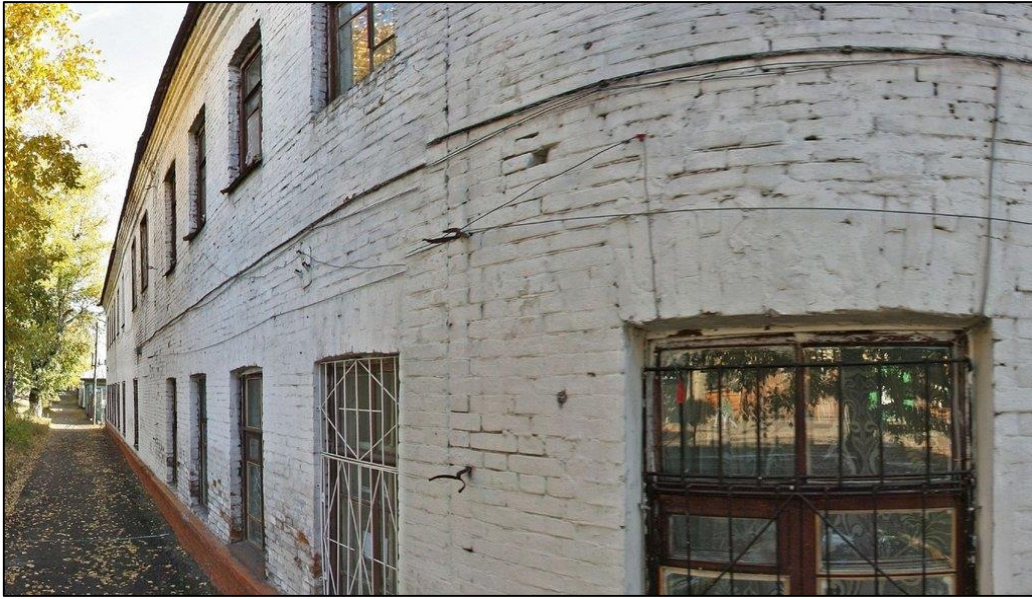
Настоятелем Покровского храма о. Иоанн служил до 23 февраля 1916 г [19]. «Вскоре после завершения строительства каменного храма отец Иоанн заказал известному барнаульскому архитектору Ивану Носовичу проект новой, кирпичной церковно-приходской школы. Вскоре и это здание было построено. Находится оно на углу Павловской (Анатолия) улицы и Третьего Прудского (Ядринцева) переулка. Это была самая большая церковно-приходская школа Барнаула. Нужно отметить, что это здание всегда использовалось по своему прямому назначению – после событий октября 1917 года в нем разместились школа № 13» [19] (Рис.2,3).

МБОУ «СОШ № 13» г. Барнаула и в настоящее время продолжает успешно выполнять своё просветительское предназначение [197].

Покровский Храм, построенный при деятельном участии о. Иоанна, до сих пор украшает г. Барнаул. В настоящее время храм имеет статус кафедрального собора Барнаульской епархии.

Прихожанином Покровского храма был и Иван Смирнов. Храм располагался на окраине города, и его прихожанами были простые люди. Среди них много переселенцев из западных губерний Российской Империи. Алтай и Сибирь начали активно осваиваться с конца X I X в.

Отдельные силуэты здания, неоштукатуренная кирпичная кладка из красного кирпича, некоторые элементы фасада Покровского Храма в г. Барнауле (рис. 4, 5), на взгляд автора книги, имеют сходство с придомовым храмом Мариинской женской гимназии в г. Перми (рис. 6, 7). Вероятно, аналогичные ассоциации возникли и у Ивана Ивановича Смирнова, когда в 1923 году он приехал в Пермь, а тем более, когда в 1926 году кафедра почвоведения и весь Агрономический факультет Пермского университета разместились в здании бывшей Мариинской женской гимназии. В 1920-е годы придомовой храм Мариинской гимназии был уже закрыт, но ещё сохранял свой первоначальный вид. До середины 30-х годов XX в. храм украшали купола и колокольня, главные фасадные окна храма сохраняли изящную арочную форму.

МБОУ «СОШ №13» г. Барнаула. Источник: [404]

МБОУ «СОШ №13» г. Барнаула. Источник: [189]

Обучение Вани Смирнова в начальной школе сопровождалось дополнительным домашним образованием. Дом о. Иоанна был наполнен атмосферой просветительства, которая сформировала у Ивана Смирнова потребность к учёбе и самообразованию, желание делиться своими знаниями с другими людьми, а также черты характера и многие душевные качества.

В семье о. Иоанна Акимовича Смирнова было пять (?) сыновей: Александр, Николай (?), Евгений, Алексей, Иван (прил. 4-8). Меньше всего сведений

имеется о Николае (прил.8). Александр, Евгений, Алексей и Николай (?) закончили Томскую духовную семинарию. Николай (?) и Евгений стали священнослужителями (прил. 5, 8).

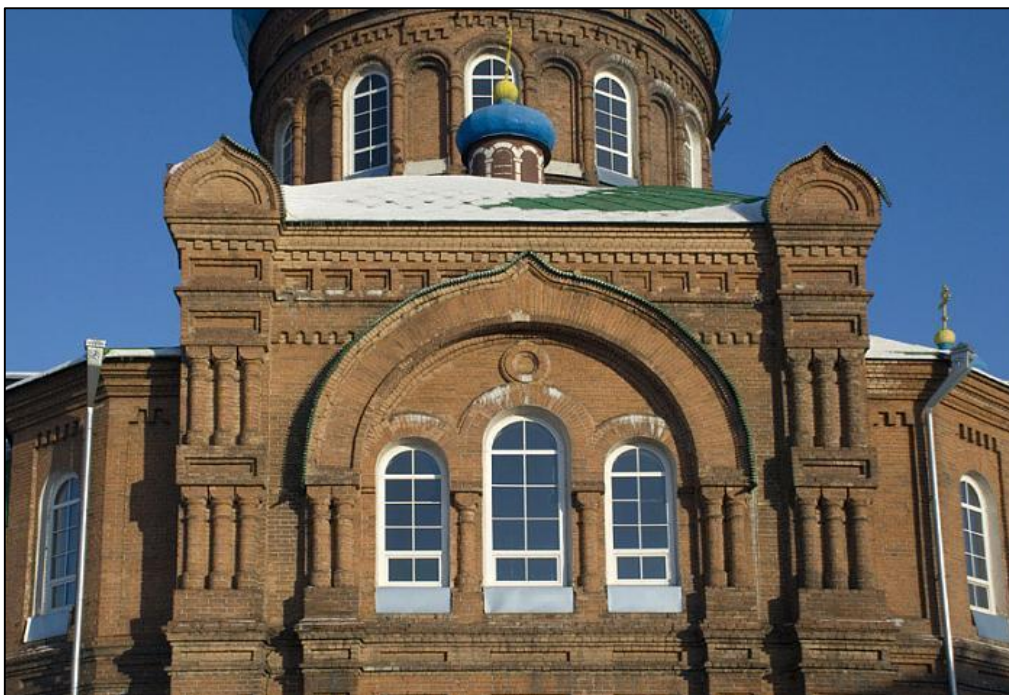
Старший сын о. Иоанна Смирнова – Александр был старше Ивана почти на 20 лет. Александр Иванович Смирнов в 1898 г. окончил медицинский факультет Томского университета. В 1900 году он переехал в Барнаул, где занял должность врача городской больницы и успешно там работал вместе с женой Марией (прил. 4). Алексей, как и Александр, после завершения обучения в Томской духовной семинарии получил высшее медицинское образование в Томском университете и специализировался в хирургии (прил. 6.). Младшим по возрасту сыном в семье о. Иоанна был Иван.

После окончания начальной школы Иван Смирнов, по традициям тех времён, как сын священника, вероятно, продолжил обучение в Барнаульском духовном училище, хотя в автобиографии [61, Л.1-2] И. И. Смирнов об этом не упоминает.

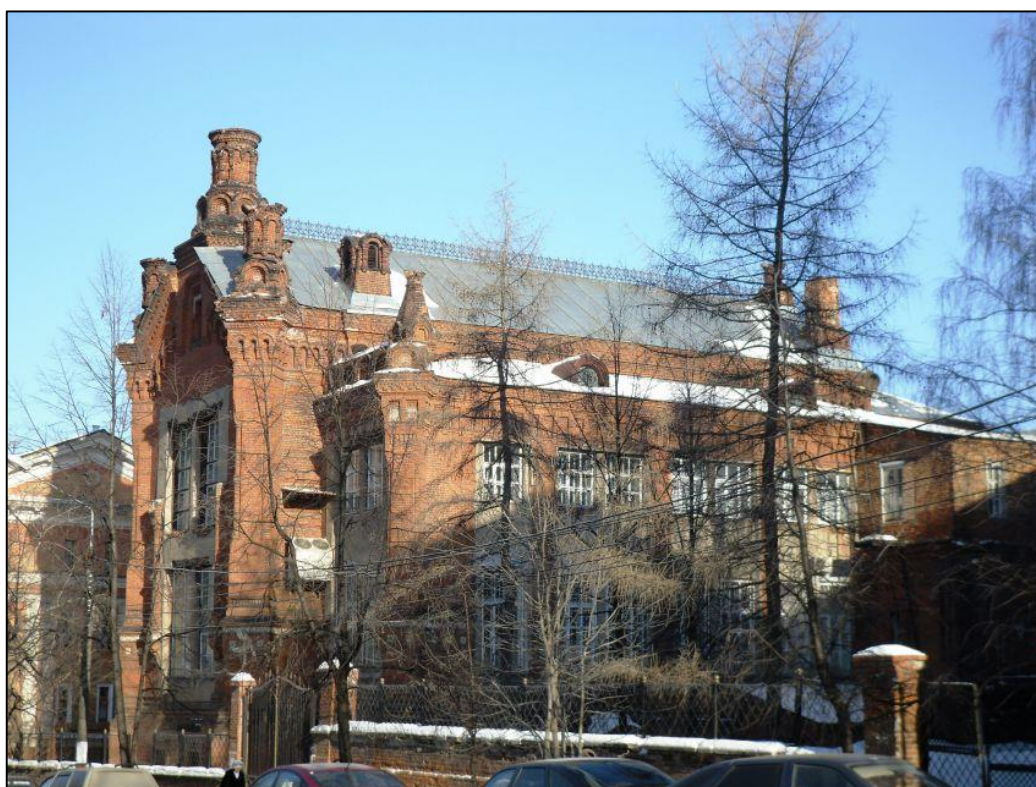
Среднее образование Иван Смирнов получил в Барнаульском реальном училище, куда поступил учиться уже в возрасте 12 лет.

Город Барнаул. Покровский храм. Источник: [102]

Город Барнаул. Покровский храм. Источник: [100]

Город Пермь. Никольская церковь при Пермской Мариинской женской гимназии
(сейчас в здании располагается библиотека Пермского ГАТУ).

Автор фотографии: Татьяна Малкова (Замараева). Снято: 20 февраля 2012.

Источник: [334]

Город Пермь. Никольская церковь при Пермской Мариинской женской гимназии.
Автор: Якунин Александр Александрович. Источник: [240]

2. Барнаульское реальное училище. В. И. Верещагин

Обратимся к характеристике Барнаульского реального училища Николая П – важнейшего учебного заведения г. Барнаула в первые два десятилетия XX века: <...> «Барнаульское реальное училище было открыто в 1897 г., путем преобразования горного училища. Имело 6 основных классов и 7-й дополнительный. Окончившим 6 классов выдавался аттестат, дающий право поступления в технические и коммерческие учебные заведения. Прошедшие полный курс обучения (7 классов) могли поступить в высшие учебные заведения. Кроме Закона Божьего, изучались русский язык, два современных иностранных языка, география, история, математика, физика, естественная история, рисование, черчение, чистописание.

<...> Обучение было основательным, на преподавание гуманитарных дисциплин отводилось на 30% учебного времени больше по сравнению с гимназией. Дисциплинам естественно-математического цикла также уделялось больше внимания, чем в других средних школах.

<...> В училище действовали довольно строгие порядки. От воспитанников требовали, чтобы они носили установленную форму: брюки и куртку из сукна серого цвета с бронзовыми пуговицами и стоячим воротником, черный ремень, фуражку военного образца с желтым кантом и эмблемой заведения на околыше, а вводилась летняя и зимняя форма. Внеурочные мероприятия проводились по специальному разрешению дирекции (например, посещение кинематографа)» [282].

«Ныне здание, где в XIX веке располагалось реальное училище, входит в архитектурный ансамбль Демидовской площади и является памятником федерального значения. В помещении бывшего реального училища сейчас находится один из корпусов Алтайского государственного аграрного университета» [20].

В Барнаульском реальном училище служили замечательные педагоги.

Город Барнаул. Демидовская площадь

Источник: [18]

Ученик реального училища

Источник : [18]

Здание Барнаульского реального училища

Так, преподавателем ботаники в училище был Верещагин Виктор Иванович. Его влияние на формирование естественно-научного мировоззрения у Ивана Смирнова и других воспитанников училища было огромным.

Е. А. Бондарев [309], сотрудник библиотеки № 20 им. М. И. Юдалевича г. Барнаула, приводит следующую информацию о Викторе Ивановиче Верещагине.

***Верещагин Виктор Иванович (1871-1956)** «Судьба Виктора Ивановича Верещагина весьма интересна и примечательна. Будущий сибирский краевед, ботаник, исследователь Алтая родился в маленькой деревушке Турны Калининской области (с. Турны Валдайского уезда Новгородской губернии) 15 октября (по старому стилю) 1871 года.*

<...> Окончив духовное училище и семинарию, Виктор Иванович сдал экстерном экзамены на аттестат зрелости и поступил на отделение естественных наук физико-математического факультета Петербургского университета.

Виктор Иванович Верещагин (1871-1956). Источник: [309]

Профессором Бекетовым был введён в кружок "маленьких ботаников", где участвовали профессора, доценты и несколько студентов университета и лесного института. Занятия в кружке положили начало серьёзному увлечению ботаникой.

В 1897 г. Виктор Иванович окончил университет с дипломом первой степени. Первые два года после окончания работал в Петербурге, в книгоиздательстве "Знание", возглавляемом К. П. Пятницким. Занимался переводами с немецкого и английского языков. <...> Однако его влекло к изучению природы, и, увидев объявление о том, что в Барнауле требуется преподаватель естественных наук, он без колебаний отправился в дальний путь.

Приехав в Барнаул в 1899 г., В. И. Верецагин поступил преподавателем в Барнаульское реальное училище. Здесь он проработал более 20 лет, до расформирования училища в 1920 г. <...> Позднее работал ...преподавателем ... Алтайского сельскохозяйственного института.

<...> По многочисленным отзывам учеников и преподавателей, занятия Виктора Ивановича всегда были очень интересными. Несмотря на глубокие знания, он тщательно готовился к ним, хорошо их иллюстрировал. Его уроки и лекции сопровождалась опытами, демонстрацией живых растений и гербарных образцов, фотографий, рисунков и т.д. Иллюстративный материал к занятиям готовил сам. Во время занятий делал рисунки на доске. Причём мог стереть с доски носовым платком и положить меловую тряпку в карман. Но студенты прощали ему эту рассеянность.

Прививая своим ученикам любовь к природе, Виктор Иванович вёл ботанические кружки, читал специальные лекции, занимался отдельно с теми, кто интересовался ботаникой и краеведением. Большое внимание уделял ботаническим экскурсиям, сопровождал их всегда увлекательными беседами.

Наряду с экскурсиями в окрестностях Барнаула, В. И. Верецагин совершал и более далекие экспедиции по Алтаю, а также на Волгу и Кавказ. В одной из заметок в "Алтайской правде" его называли основателем туризма на Алтае. Многие из участников поездок надолго сохранили о них восторженные воспоминания. В специальных письмах члены родительского комитета отмечали, что "умелое и сердечное руководство имело большое воспитательное значение и благотворное влияние на учеников". По поводу другой экспедиции родители учеников писали: "Мы участвовали в ней средствами, Вы же отдали ей своё время, свой труд и свою душу".

Первая пробная поездка с учениками Барнаульского реального училища в Алтайские горы состоялась летом 1905 года. Путь от Барнаула до Бийска (6-7 июня) члены экспедиции проделали по Оби на пароходе в отдельной каюте третьего класса. Утром 8 июня, разместившись на парных тележках, они отъехали от Бийска, а 13-го уже верхом на лошадях (колёсного пути дальше не было) двигались к урочищу Артыбаш. 15 июня, загрузив баркас багажом, они отправились в путешествие по Телецкому озеру, а 17-го раскинули палатки в урочище Кырсай, на южном берегу озера. 18-го прибыли в Чулышманский Благовещенский монастырь. 22 июня В. И. Верецагин со своим учеником Пушкарёвым отправился на всё лето в горы, а остальные его спутники двинулись в обратный путь. [В 1938 г. барнаульский учитель Вениамин Михайлович Пушкарёв был приговорен по

ст. 58 УК РФ к высшей мере наказания – расстрелу – А.А.В.]. Экскурсия обошлась каждому ученику в 31 рубль и длилась 23 дня. Средства на экскурсию состояли из взносов участников и субсидии в 100 рублей от училища.

Многочисленные гербарии и коллекции Верещагина находятся в научных центрах Москвы, С-Петербурга, Томска, Омска, Новосибирска. Его статьи регулярно появлялись в журналах "Сибирская природа", "Просвещение Сибири", "Советская ботаника", "Алтайский сборник" и др. Некоторые его работы вышли отдельными изданиями. Всего им опубликовано сорок работ. Они являются большим вкладом в изучение природы Алтая. Это отмечалось такими известными учёными-ботаниками, как П. Н. Крылов, В. В. Сапожников, Л. П. Сергеевская, В. К. Шишкин, В. В. Ревердатто». Источник: [309].

Информация на сайте «Алтай туристический» содержит сведения о том, что в годы советской власти В. И. Верещагин был репрессирован. «В феврале 1933 г. (В. И. Верещагин – курсив А.А.В.) был арестован и осужден на 5 лет ссылки по обвинению в антисоветской агитации. Ссылку отбывал в Красноярском заповеднике "Столбы", где продолжал заниматься научной работой. После возвращения работал в краеведческом музее. В 1944 г. получил разрешение преподавать ботанику в сельскохозяйственном техникуме и сельхозинституте. В 1947 г. Верещагин был удостоен ученой степени кандидата биологических наук без защиты кандидатской диссертации».

Барнаульское реальное училище Иван Смирнов окончил в 1906 году [61, Л.2]. В училище он получил основательную подготовку по дисциплинам естественно-математического цикла. Уровень среднего образования (7 классов реального училища) позволял Ивану Смирнову в 1906 году продолжить обучение в некоторых, но не во всех, высших учебных заведениях Российской Империи. В то время для поступления в отдельные вузы России имелись ограничения по национальному признаку, социальному положению и категории среднего учебного заведения (реальное училище, гимназия и т.д.). В Сибири выбор высших учебных заведений для Ивана Смирнова был ограничен двумя светскими вузами: Томским Технологическим Институтом Императора Николая II и Императорским Томским университетом. Иван Смирнов и ещё несколько его одноклассников по Барнаульскому реальному училищу Императора Николая II решили продолжить обучение в Томском Технологическом институте Императора Николая II.

3. Томский Технологический Институт Императора Николая II. Профессор В. А. Обручев. Профессор П. К. Соболевский

Образовательным центром Сибири в начале XX века был г. Томск – столица обширной Томской губернии, к которой относилась и территория Алтайского края в современных границах – родина Ивана Смирнова. В Томский Технологический Институт Императора Николая II, принимались выпускники всех средних учебных заведений, включая реальные и коммерческие училища, в которых по преимуществу учились купеческие дети [95]. К поступлению в Императорский Томский университет на первых порах допускались только выпускники гимназий и духовных семинарий, и лишь в 1906 г. был разрешен прием выпускников реальных и коммерческих училищ [156].

Иван Смирнов в 1906 году имел право поступать учиться в Императорский Томский университет, но им был сделан выбор в пользу Томского Технологического Института Императора Николая II, где на горном отделении можно было продолжить углубленно изучать естественно-математические науки, к которым у Ивана Смирнова сформировался интерес в Барнаульском реальном училище. В Императорском Томском университете к 1906 году было открыто только два факультета – медицинский и юридический [350], обучение на которых не прельщало Ивана Смирнова.

Ивану Смирнову предстояло выдержать вступительные испытания в соответствии с Правилами приёма в первый технический вуз Сибири [262]. Приведем выдержки из них. Некоторые положения Правил весьма интересны.

<...> « § 1. В Томском Технологическом Институте ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II при 5-летнем курсе имеются следующие отделения: 1) Механическое, 2) Инженерно-Строительное, 3) Химическое и 4) **Горное.**

§ 2. Согласно ВЫСОЧАЙШЕ утвержденному положению об Институте и Правилам для студентов Томского Технологического Института ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II, утвержденным Господином Управляющим Министерством Народного Просвещения 26-го февраля 1903 года, в число студентов Института принимаются:

а) окончившие курс в высших учебных заведениях;

б) имеющие аттестаты или свидетельства об окончании курса в средних учебных заведениях, поименованных в списке, окончание курса которых дает право на поступление в высшие специальные учебные заведения Министерства Народного Просвещения.

§ 3. На имеющиеся вакансии прежде всего зачисляются:

1) лица, окончившие курс в высших учебных заведениях,

2) затем уроженцы Азиатской России, имеющие аттестаты или свидетельства средних учебных заведений, а равно и лица, окончившие курс в средних учебных заведениях Азиатской России, если те и другие имеют в аттестате или свидетельстве по математике, физике и русскому языку не менее четырех баллов в среднем.

Примечание.

1. Лица, окончившие четырех-классные сред. технические и промышленные училища, должны вместе с аттестатом представлять также и свидетельство о выдержании при реальном училище или гимназии испытания по русскому языку в объеме курса названных учебных заведений.

Примечание.

2. Балл по «математике» определяется как средний из баллов по алгебре, геометрии и тригонометрии. Для окончивших реальные училища – баллы по алгебре и тригонометрии берутся из свидетельства об окончании дополнительного класса, по геометрии – из аттестата.

<...> § 10. Прошения, при которых не доставлен хотя бы один из вышеупомянутых подлинных документов, не принимаются вовсе, а присланные по почте остаются без рассмотрения.

Примечание 1. Эти правила относятся в полном объеме и к бывшим студентам Института, желающим вновь поступить в Институт. Ссылка на то, что копии их документов и фотографическая карточки в прежние годы были доставлены и хранятся в Институте – не будет приниматься во внимание.

Примечание 2. Студенты, получившие из Института входные билеты или виды на жительство, и затем уволенные за невзнос платы за слушание лекций – не могут быть приняты обратно, пока не будет внесена числящаяся за ними в недоимке упомянутая плата.

§ 11. Принятые в число студентов, как без конкурса, так и по конкурсу, должны внести до 1-го сентября за право учения вперед за весь год 50 рублей, каковые ни в каком случае не подлежат возврату.

§ 12. Не внесшие установленной платы в назначенный срок, исключаются из числа зачисленных и замещаются следующим кандидатом». Источник: [262].

В списке абитуриентов 1906 года Томского Технологического Института Императора Николая II, на 23 странице указано: «Смирновъ Иванъ Ивановичъ. Реал. уч. 1906 г., правосл.» [339].

Список свидетельствует о том, что в 1906 году заявлений для поступления на горное отделение было подано почти в полтора раза больше, чем выделено «бюджетных» мест. И. И. Смирнов выдержал конкурсные испытания по русскому языку, алгебре, геометрии, тригонометрии, физике и был зачислен в число студентов горного отделения Томского технологического института.

Горное отделение Томского Технологического Института (ТТИ) было открыто в 1901 г. для подготовки специалистов в области геологии и горного дела. После открытия горного отделения в ТТИ началось планомерное формирование горного музея, геологического, палеонтологического, минералогического кабинетов, с 1903 г. – кабинета горного искусства, с 1907 г. – геологического музея. Для них приобретались, в том числе и за рубежом, приборы, коллекции, снаряжение, книги, пособия, мебель [399].

Главный корпус Томского Технологического Института
Императора Николая II. Источник: [399]

Горный корпус ТПУ, 2013 год. Фото Владимира Лаврентьева. Источник: [408]

Иван Смирнов обучался на горном отделении по предметной системе. Первое десятилетие прошлого века было в Российской Империи крайне неспокойное: русско-японская война, революционные выступления. В результате революционных студенческих волнений в первые пять лет XX века были внесены изменения в организацию учебного процесса в Томском Технологическом Институте. На горном отделении ТТИ с 1905 г. произошел переход от курсовой системы обучения к предметной системе обучения, с принятием которой студенты самостоятельно выбирали для себя траекторию прохождения дисциплин учебного плана, по своему усмотрению сдавали любые экзамены и зачеты, и, если их количество соответствовало установленному минимуму на определенный срок (семестр), они получали право продолжать учебу. Преподаватели проводили занятия, не руководствуясь строго учебными правилами.

Все выпускники горного отделения получали право проектировать и строить жилые и производственные помещения, но не выше трех этажей. Все студенты перед защитой дипломного проекта должны были представить и защитить еще и дипломную работу, представлявшую собой самостоятельное научное исследование по отдельному избранному студентами вопросу.

Профессор В. А. Обручев читал лекции по физической геологии студентам 3-го курса горного отделения в 1903/04 уч. г. С осени 1904 г. он читал лекции по петрографии и в 1905 г. издал «Курс петрографии. Лекции, читанные студентам института». Кроме того, читал курсы: «Полезные ископаемые» (с 1903/04 уч. г.) и «Практическая геология» (с 1904/05 уч. г.). Впервые в истории русской высшей школы профессор Обручев ввел на горном отделении ТТИ, разработал и начал читать с 1904/1905 учебного года курс полевой геологии. Вскоре он издал лекции по этому предмету. В мае-июне 1908 г. В. А. Обручев впервые организовал проведение учебной геологической практики для студентов горного отделения в Красноярском крае [179], [271], [344], [400]. Весьма полезную, в плане профессиональных навыков почвоведения, геологическую практику в 1908 г. прошёл и Иван Смирнов.

Круг научных интересов профессора В. А. Обручева был чрезвычайно широким. Тематика его исследований включала несколько важных для геологии и почвоведения вопросов: происхождения лёссов в Центральной и Средней Азии, оледенение и вечная мерзлота в Сибири. Профессор В. А. Обручев щедро делился со студентами горного отделения ТТИ результатами своих экспедиционных исследований в Китае и Средней Азии. Лекции В. А. Обручева сопровождались рассказами из собственной практики, демонстрацией многочисленных рисунков и фотографий, им же изготовленных, показом диафильмов [235], [400]. Знания по геологии, полученные Иваном Смирновым на занятиях у профессора В. А. Обручева, чрезвычайно расширили его естественно-научный кругозор.

Обучение в технологическом институте предусматривало выполнение студентами горного отделения большого количества чертежей. За годы обучения в ТТИ, Иван Смирнов выработал хорошую технику черчения, которую он позднее успешно использовал при оформлении рукописей почвенных карт.

По установленному в ТТИ порядку, выполнять задания по черчению и проектированию студент мог только в чертежном зале. Каждому студенту отводили там стол, на который наклеивали лист ватмана с написанной на нем фамилией студента. Отклеивать ватман и выносить чертеж из зала не разрешалось. Чертежи, сделанные вне зала, не принимались и не рассматривались.

Все студенты, независимо от выбранной специальности, обязаны были делать проекты паровых машин, двигателей внутреннего сгорания, электрических двигателей, строительства жилых и производственных помещений и другие. Поэтому каждому студенту приходилось за период обучения в ТТИ вычертить 105-110 листов чертежей. Поскольку многие могли чертить только урывками, в свободное от службы время, то выполнение работ затягивалось надолго. А так как ватман был приклеен к столу в чертежном зале, то другим студентам места не хватало [179], [271], [344], [400].

Подобный порядок обучения студентов в ТТИ можно оценить как постоянное преодоление субъективных трудностей. В таких условиях организации учебного процесса студент не всегда мог полностью самореализоваться, что и могло быть одним из поводов для революционных студенческих волнений и причиной того, что количество отчисленных студентов на горном отделении было достаточно большим.

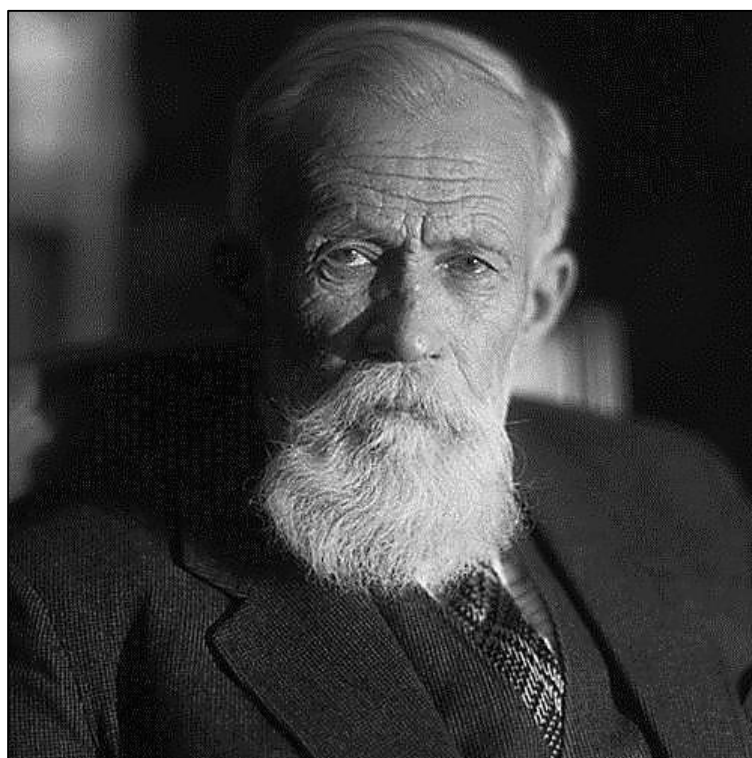
Учебные правила устанавливали, что экзамены по одному и тому же предмету нельзя держать более одного раза в семестр и не более трех раз за все время обучения в ТТИ. Студент, получивший при сдаче экзамена дважды неудовлетворительную отметку, третий раз мог сдавать экзамен только специальной комиссии, назначенной руководством отделения. Если на экзамене и у этой комиссии он получал двойку, его исключали из ТТИ за неуспеваемость без права обратного поступления. Экзамены проводились в течение всего учебного года, не реже одного раза в месяц.

Графические и лабораторные работы, проекты и работы в мастерских оценивались коллегиально – комиссиями, состоящими из руководителей работ и назначенных специалистов. Авторы работ приглашались комиссией в определённые сроки, давали объяснения и защищали работы. В случае двукратной неявки студента по приглашению комиссии работа оценивалась без его присутствия.

Результаты экзаменов и работ оценивались по следующей шкале: «весьма удовлетворительно», «удовлетворительно», «неудовлетворительно». Каждый студент при поступлении в ТТИ получал предметную книжку, в которую записывались оценки всех выполненных им работ и сданных экзаменов. Был установлен минимум экзаменов и зачетов, которые должен был сдать студент, чтобы продолжить учёбу в институте.

С первых лет деятельности горного отделения декан В. А. Обручев вел интенсивную работу по привлечению профессорско-преподавательского состава специальных областей знаний. В Томске таких специалистов еще не было, их приглашали для работы в ТТИ из центральных районов России. На горные специ-

альности удалось привлечь крупные научные силы, в значительной степени определившие развитие отделения как важного учебно-научного центра. В составе ученых, работавших на кафедрах отделения до 1917 г., были профессора, получившие инженерное образование в вузах Петербурга, Харькова, Киева, Москвы, Риги. Среди приехавших в ТТИ ученых был Л. Л. Тове, профессор по дисциплине «Горное искусство», он работал в 1902-1917 гг. Л. Л. Тове специализировался в механизации золотопромышленности. По дисциплине «Геодезия и маркшейдерское искусство» был приглашён профессор П. К. Соболевский [179], [270], [271], [344], [400].

Владимир Афанасьевич Обручев (1863-1956). Источник: [235]

Обручев Владимир Афанасьевич (1863-1956) – русский геолог, палеонтолог, географ, академик, а также писатель-фантаст, участвовал в проектировании Транссибирской железной дороги и был первым деканом горного отделения Томского технологического института.

Владимир Обручев родился в Тверской области. Высшее образование Обручев получил в Петербургском горном институте. После его окончания он отправился в экспедицию в Среднюю Азию. Во время многочисленных экспедиций Обручев открыл несколько хребтов в горах Наньшань (Китай), хребты Даурский и Борщовочный, исследовал нагорье Бэйшань. Обручев стал первым штатным геологом Сибири. Он занимался исследованием оледенения и вечной мерзлоты Сибири, вопросами ее тектонического строения и месторождений золота. Обручев полностью разработал структуру будущего корпуса горного отделения ТПУ и являлся деканом отделения в течение одиннадцати лет. Источник: [235].

В 1907/1909 гг. в числе студентов горного отделения ТТИ состояли два сына декана В. А. Обручева – Владимир и Сергей [341]. В 1915 г. Сергей Владимирович Обручев окончил геологический факультет Императорского Московского университета [235].

Профессором геодезии на горном отделении ТТИ был Петр Константинович Соболевский.

Петр Константинович Соболевский (1868-1949). Источник: [82]

Соболевский Петр Константинович (1868-1949) – выпускник Санкт-Петербургского горного института 1898 г. В августе 1903 г. был приглашен в ТТИ, с 01.09.1903 г. был утвержден штатным преподавателем по геодезии и маркшейдерскому искусству. В 1907 г. впервые провел магнитную разведку месторождений железных руд в районе Темиртау (Кузбасс), в 1910 г. – магнитные исследования по программе АН в Восточной Сибири. 24.10.1911 г. был назначен и.о. экстраординарного профессора по кафедре геодезии и маркшейдерского искусства. Соболевским впервые в России в ТТИ была создана маркшейдерская специальность. Источник: [82].

П. К. Соболевский – **основоположник горной геометрии** [333]. Труды профессора П. К. Соболевского в области горной геометрии имеют такое же значение, как графы, применяемые во многих отраслях науки и техники. Горная геометрия стала ведущей и необходимой частью методики изучения всех процес-

сов разведки и разработки месторождений полезных ископаемых и нефтяных месторождений.

Геодезическая подготовка горных инженеров в ТТИ, где учился Иван Смирнов, была поставлена на очень высоком уровне.

В 1908-1909 учебном году на горном отделении ТТИ обучалось 424 студента, в том числе семь выпускников 1906 года Барнаульского реального училища: Ватман Борис Георгиевич, Еремеев Василий Михайлович, Карамышев Николай Александрович, Проничкин Александр Никитич, **Смирнов Иван Иванович**, Сокуров Иван Михайлович, Шестаков Валентин Ксенофонович. Социальный состав студентов-барнаульцев был такой: два человека – сыновья крестьян, один – сын казака, один из мещан, один – сын священника, один – сын канцелярского служащего [341].

Шесть человек из семи поступило на горное отделение ТТИ в 1906 году, а Б. Г. Ватман – на год позднее. Из 55 студентов горного отделения ТТИ приема 1906 года, которые были указаны в списке 1908 г., 11% составляли выпускники одного года (1906) из одного учебного заведения – Барнаульского реального училища. В 1908 г., такой, явно дружной, компании, как у одноклассников-барнаульцев, на горном отделении ТТИ больше не было. Очевидно, что экскурсии и походы, организованные В. И. Верещагиным для учащихся Барнаульского училища, хорошо сплотили их участников, сформировали интерес к изучению природы. Часть выпускников училища 1906 года продолжила учёбу на горном отделении ТТИ.

Судьбы этих шести одноклассников и однокурсников Ивана Смирнова по ТТИ сложились по-разному. Анализ открытых источников информации показал, что, с высокой долей вероятности, в годы Гражданской войны некоторые барнаульские однокурсники Ивана Смирнова оказались в белой армии. В 1938 году они были репрессированы (Сокуров, Шестаков, Еремеев).

Ватман Борис Георгиевич после 1917 года работал начальником отдела одного из горных комбинатов Восточно-Казахстанской области. Он был арестован 17 сентября 1937 г. УГБ НКВД Каз.ССР. Приговорен выездной сессией ВК Верховного суда СССР в г. Алма-Ата 27 февраля 1938 г., обв.: 58-14, 58-7, 58-8 УК РСФСР. Приговор: высшая мера наказания. Реабилитирован 25 ноября 1991 года. Источник: [313].

В автобиографии, написанной в 1922 г., И. И. Смирнов указал, что он в 1909 году из Томского Технологического Института перешел на Естественное отделение физико-математического факультета Московского университета [61, Л.2]. Почему Иван Смирнов не завершил обучение в ТТИ и не получил высшее горно-инженерное образование? Сейчас трудно ответить на этот вопрос. Да и, наверное, на него не может быть дан однозначный ответ.

Рассмотрим некоторые возможные причины принятого им решения о кардинальном изменении в выборе будущей профессии: 1) *Был отчислен из Томского ТИ за неуспеваемость;* 2) *Решил повысить качество получаемого образования;*

3) *Решил сменить условия жизни в провинции на столичные (Московские);*
4) *Расширились возможности получения университетского образования из-за изменения духовного сана отца;* 5) *Появилась потребность участвовать в процессах аграрно-переселенческой реформы в России.;* 6) *Проявилось желание служению Отечеству и крестьянству в качестве агронома-почвовед; 7) Проявилось влияние В. Н. Верещагина, сформировавшего у учеников потребность изучения природы (почвенно-растительный покров).*

1) *Не справился с обучением в ТТИ.* Отчисление И. И. Смирнова из сибирского вуза за неуспеваемость следует исключить. Диплом 1-ой степени об окончании Императорского Московского университета, полученный И. И. Смирновым в 1913 году [61, Л.4], свидетельствует о том, что он был способным студентом и не мог быть отчислен из Томского технологического института за неуспеваемость.

2) *Решил повысить качество получаемого образования.* Объективно качество образования в Императорском Московском университете (ИМУ) в первое десятилетие XX века было выше, чем в ТТИ, что вполне может объяснить желание Ивана Смирнова продолжить обучение именно в Московском университете.

3) *Решил сменить условия жизни в провинции на столичные (Московские).* Условия проживания в Томске первого десятилетия XX века существенно уступали московским. Быт студентов ТТИ в первые 15 лет XX века был достаточно тяжёлым, его специфику детально описал кемеровский историк С. С. Астапенко [11].

4) *Расширились возможности получения университетского образования из-за изменения духовного сана отца.* В 1909 году о. Иоанн Акимович Смирнов был возведён в сан протоирея. В Российской Империи дети лиц высокого духовного звания имели более широкие возможности для обучения в Императорских университетах России.

5) *Появилась потребность участвовать в процессах аграрно-переселенческой реформы в России.* Охарактеризуем решение Ивана Смирнова о смене выбора будущей профессии в контексте российской аграрно-переселенческой политики конца XIX – начала XX века. В первом десятилетии XX века в Российской Империи интенсивно реализовывалась столыпинская переселенческая политика. Наиболее чётко она стала проявляться с 1906 года. «Масштабы переселения в Сибирь впечатляли. В 1906 году за Урал прошло 216 648 человек. В 1907 году – 576 979 человек. В 1908 году – 758 812 человек. В 1909 году – 707 463 человек. По Томской губернии данные таковы: в 1906 году в губернию проследовало 28 402 души обоего пола (д.об.п.), в 1907 году – 179 549 д.об.п., в 1908 году – 317 757 д.об.п., в 1909 году – 265 393 д.об.п.» [27].

«В 1908 году в Сибири начались интенсивные почвенно-ботанические работы, в которых принимали участие почвоведы Переселенческого управления. Это была работа, о которой мечтал В. В. Докучаев, выдвигавший грандиозный план сплошного почвенного исследования районов, тяготеющих к великому си-

бирскому пути. Руководитель работ – К. Д. Глинка привлёк для организации и выполнения исследований лучших почвоведов. В составе экспедиций работали почвоведы: Б. Б. Полынов, Л. И. Прасолов, С. С. Неуструев, Д. А. Драницын, В. П. Смирнов, М. М. Филатов и др.; ботаники: В. В. Сапожников, В. Л. Комаров, П. Н. Крылов, В. Н. Сукачев и др.» [119].

«Одним из важнейших видов деятельности Переселенческого управления была подготовка земельного фонда для переселенцев. Почвенно-ботанические исследования в переселенческих районах предваряли собственно землеотводные работы. После выяснения степени пригодности земли для сельскохозяйственной колонизации производилась хозяйственная съёмка, намечались места для усадеб, а по окончании съёмки определялся размер (в десятинах) и ёмкость (в душевых долях) участка. Запроектированные участки поступали на утверждение временных комиссий, после чего они отграничивались в натуре. В 1908 г. Переселенческое управление приступило к «более широкой и научной постановке почвенно-ботанических исследований». Для выработки программы исследований в 1908 г. было образовано особое Совецание с участием специалистов – почвоведов и ботаников. С 1908 по 1914 гг. включительно 97 экспедиционных отрядов обследовали в Азиатской России порядка 145000000 дес. земли, из которых для культурной разработки было признано пригодными 28000000 дес.

Итоги исследований выходили отдельными изданиями в виде «Трудов почвенно-ботанических экспедиций по исследованию колонизационных районов Азиатской России» [231], [248], [352].

«13 декабря 1908 г. в Петербурге было проведено совещание, рассмотревшее вопросы о надлежащей организации почвенно-ботанических исследований новых областей Азиатской России, под председательством начальника Переселенческого управления Г. В. Глинка, при участии чинов Переселенческого управления, заведующих почвенными и ботаническими экспедициями, заведующих переселенческим делом на местах и местных переселенческих агрономов, а также в присутствии представителей Государственного контроля и Иркутского генерал-губернатора.

По результатам совещания было выработано соответствующее заключение и утверждено 29 января 1909 г. товарищем главноуправляющего землеустройством и земледелием (ГУЗиЗ), сенатором Б. Е. Иваницким.

Согласно этому заключению:

1) почвенно-ботанические исследования местностей Азиатской России представляли научный материал для суждения о пригодности под заселение земельных угодий, а также решения вопросов о надлежащей организации агрономических мероприятий;

2) названные исследования, в зависимости от характера изучаемых районов и целей, могли быть: а) маршрутно-рекогносцировочными на обширных площадях, имеющими задачу установления общих схем распределения и общей классификации почвенно-растительного покрова; б) детальными на небольших участках,

в целях возможно полного изучения почв и растительности данной местности и с составлением почвенных и ботанических карт достаточно крупного масштаба (10,5 и 2 версты в 1 дюйме);

3) в целях выяснения практических результатов производимых исследований и оценки их значения для целей колонизации, а также для объединения деятельности отдельных партий было признано необходимым сохранить в составе научных экспедиций производителей работ, знакомых с совокупностью естественных и бытовых условий заселяемых местностей;

4) в зависимости от особенностей естественно-исторических условий обследуемых районов состав научных экспедиций мог пополняться и специалистами по агрономии, дорожному делу, гидротехнике, статистике и др.;

5) подлежащие исследованию местности намечались заведующими местными переселенческими районами, о чем сообщалось заблаговременно на утверждение Переселенческого управления, с указанием времени желательного открытия полевых работ;

6) вопросы организации и внутреннего распорядка партий и определение ближайших задач каждой отдельной экспедиции разрешались на совещаниях при местных переселенческих организациях при участии личного состава экспедиций;

7) непосредственно после окончания полевых работ участники экспедиций сообщали заведующим местными работами сведения о ходе произведенных работ, а также сдавали дубликаты наиболее типичных почвенных образцов и экземпляров растений, собранных при исследованиях, для помещения их в местных музеях в установленном — по взаимному соглашению — количестве отдельных названий;

8) в целях возможно полного согласования научных выводов работ экспедиций по отношению к характеристике обследуемых местностей почвенные и ботанические исследования должны были производиться по возможности совместно;

9) обработка собранного экспедициями научного материала должна была производиться в научных центрах, после чего описания данных почвенных анализов и дубликаты собранных растений, окончательно определенные, препровождались заведующим местными переселенческими районами, по принадлежности;

10) результаты работ экспедиций (научно разработанные) должны были печататься под редакцией заведующих экспедициями при Переселенческом управлении и сообщаться местным переселенческим организациям;

11) работы научных экспедиций должны были проводиться в тесной связи с местными переселенческими агрономическими организациями и по возможности содействовать им в изучении колонизируемых районов в сельскохозяйственном отношении.

Таким образом, данное совещание выработало развернутую программу, в которой был намечен план проведения почвенно-ботанических исследований осваиваемых местностей Азиатской России, содержащий вполне определенные принципы, порядок, характер и цели» [223].

«В 1908 году началось изучение ранее неисследованных пространств Томской губернии. Территориальные рамки территории Томской губернии в 1908 году включали 7 уездов: Томский, Мариинский, Каинский, Кузнецкий, Бийский, Барнаульский, Змеиногорский. На современном этапе исторического развития территории Томской губернии соответствуют Томская, Кемеровская, Новосибирская области и Алтайский край.

<...> Интерес к колонизируемым пространствам в данном случае был, конечно, не столько научный, сколько практический. Переселенческое Управление было озабочено естественно-научным освещением колонизируемых пространств, поэтому начиная с 1908 года регулярно командировало экспедиции из ученых специалистов. Последние должны были провести почвенно-ботанические исследования малоизученных районов Томской губернии. Так, в 1908 году были исследованы бассейн реки Лебедь (в Бийском уезде) и Мариинско-Зачулымская тайга на севере Мариинского уезда. В дальнейшем почвенно-ботанические исследования продолжались. Так, в 1909 году в Кузнецком уезде были исследованы бассейны рек Кондомы, Мрассу и верховьев Томи, а также в Бийском уезде бассейны рек Чарыш и Алея. Эти экспедиции давали ответ на вопросы о возможном расширении колонизационного фонда за счет ранее неизученных районов Томской губернии» [27]. Почвы бассейна р. Чулыма в Томской губернии в 1908 году обследовал М. Ф. Колоколов [355].

«Целью почвенно-ботанических исследований, проводившихся на территории Азиатской России, было следующее:

1) составление для всех губерний и областей Сибири "схематических почвенных карт, где были бы выделены границы своеобразных областей, то есть отличающихся друг от друга в почвенном отношении";

2) создание для каждой сибирской губернии и области "классификации встречающихся в ее пределах почвенных типов и разностей с подробной характеристикой таковых со стороны внешних признаков и внутренних свойств";

3) образование коллекций образцов "главнейших почвенных типов", а также составление "более детальных карт, иллюстрировавших характер почвенного покрова отдельных почвенных областей (зон)", которые должны быть помещены в местные музеи;

4) создание "общей сводки всех данных о почвах в Сибири с иллюстрацией этой сводки картами, фотографиями, анализами"» [317].

«В процессе исследований почвенного и растительного покрова Азиатской России составлялись почвенные и ботанические карты ряда территорий, определялись земледельческие зоны. Конечно же, не все данные, предоставленные почвенно-ботаническими экспедициями, были точными (в связи со срочностью работ). <...> по мнению оппозиционного сибирского депутата Государственной Думы Н. Л. Скалзубова, эти мероприятия должны были "заложить фундамент для организации в будущем агрономических мероприятий в Сибири". Справедливо указывая на все издержки почвенно-ботанических исследований на территории

Азиатской России, он вместе с тем говорил о Переселенческом управлении следующее: "Сорок грехов ведомству простится, если оно даст Сибири почвенную карту"» [312, С.177].

Естественно, что в аграрной России начала XX века, в том числе в Томской губернии, переселение огромного количества людей, организация и проведение почвенно-ботанических экспедиций и другие вопросы аграрно-переселенческой политики широко освещались в местных и столичных газетах, журналах, в отчётах Переселенческого управления, в сборнике «Вопросы колонизации».

Массовое переселение крестьян, проблемные вопросы и перспективы аграрно-переселенческой политики, были предметом обсуждения в обществе, в том числе и в студенческой среде. Интенсивное проведение в конце 1900-х годов обширных почвенно-ботанических исследований на территории Томской губернии не могло не привлечь внимание студентов вузов города Томска к значимости почвоведения в проведении аграрной реформы. Всё это оказало огромное влияние на Ивана Ивановича Смирнова – студента горного отделения Томского Технологического Института.

б) Проявилось желание служению Отечеству и крестьянству в качестве агронома-почвоведа. Возможно, что желание осуществлять, в качестве агронома-почвоведа, практическую помощь крестьянам-переселенцам и было главной причиной выбора И. И. Смирновым новой профессии. Служение народу было потребностью семьи Смирновых. Отец Ивана Смирнова – Иван Акимович Смирнов оказывал духовную поддержку и помощь прихожанам Покровского храма г. Барнаула. Большинство прихожан Покровского храма были переселенцами, проживающими в Заячьей слободе на западной окраине Барнаула (на 2010-е годы – Красноармейский проспект) и в прилегающих деревнях и сёлах. Покровская церковь находилась в беднейшей части города. Её прихожанами были крестьяне, мещане, ремесленники [19]. О. Иоанн заботился об образовании детей прихожан храма.

Старший брат Ивана – Александр Иванович Смирнов – врач по профессии, уже в первом десятилетии XX века принимал деятельное участие в организации строительства барнаульской городской больницы, оказывал медицинскую помощь жителям города и окрестных населённых пунктов.

Следует также ещё раз отметить, что детские и юношеские годы Ивана Смирновым были в большей мере связаны с крестьянской средой и сельским хозяйством, чем с горнодобывающей, горнозаводской промышленностью и рабочими рудников и плавильных заводов Сибири.

7) Проявилось влияние В. Н. Верещагина, сформировавшего у учеников потребность изучения природы (почвенно-растительный покров). Не будем забывать, что интерес к ботаническим исследованиям у Ивана Смирнова появился ещё при обучении в Барнаульском реальном училище.

Анализ списков студентов ТТИ начала XX века позволяет, на основе причинно-следственных связей, высказать ещё одно предположение о мотивах перехо-

да И. И. Смирнова с горного отделения ТТИ на Естественное отделение физико-математического факультета ИМУ. Возможно, что на принятие такого решения оказал влияние студент-почвовед ИМУ Фёдор Николаевич Улященко – старший брат студента горного отделения ТТИ Е. Н. Улященко. В списке студентов ТТИ на 1907-1908 учебный год указано: «367. Улященко Евгений Николаевич. (1904 г.). Род. въ г. Трубчевскъ, Орловской г., 19 февр. 1883 г., ок. Горецк. земел. уч. въ 1903. прав. крест. русск. под. Отсроч. до 1910 г.» [341]. Обучение в ТТИ Улященко Евгений Николаевич завершил в 1908 году. Техническое образование он продолжил в Москве. В числе выпускников Императорского Московского Технического университета указано: «Улященко Евгений Николаевич. Окончил ИМТУ в 1912 г. инженер-технолог. Трубчевск, Орловской губ.» [198].

Студентов горного отделения ТТИ Улященко Евгения и Смирнова Ивана связывали дружеские отношения. Иван Смирнов общался и со старшим братом Евгения – Фёдором Николаевичем Улященко – студентом Естественного отделения физико-математического факультета Императорского Московского университета, уроженцем Трубачёвского уезда Орловской губернии. Увлекательные рассказы Фёдора об учёбе "на почвовед" в Московском университете произвели на Ивана Смирнова большое впечатление и повлияли на его желание обучаться на кафедре Агрономии ИМУ.

Таким образом, Иван Смирнов, под влиянием сразу нескольких обстоятельств, кардинально изменил свою жизнь, и летом 1909 года принял решение о поступлении на учёбу в Императорский Московский университет. С этого времени он прочно связал свою жизнь с почвоведением.

4. Императорский Московский университет.

Профессор А. Н. Сабанин

В 1909 году И. И. Смирнов был зачислен студентом Естественного отделения физико-математического факультета Императорского Московского университета.

Учителями Ивана Ивановича в университете были выдающиеся ученые: Н. А. Умнов и П. Н. Лебедев (физика), Н. Д. Зелинский (органическая химия), И. А. Каблуков (неорганическая и физическая химия), А. П. Павлов (геология), Д. Н. Анучин (физическая география), М. А. Мензбир (зоология), В. И. Вернадский (минералогия) и др.

С 1895 г. Д. Н. Прянишников заведовал кафедрой в Московском сельскохозяйственном институте, читал курсы "Учение об удобрении" и "Частное земледелие". Одновременно (1891-1931гг.) читал курс агрономической химии в Московском университете (на кафедре Агрономии), а также курс по химии растений [376].

Научный авторитет профессоров Московского университета был очень высоким, а передовые научные взгляды и достижения многих учёных со временем превратились в новые направления соответствующих наук или трансформировались в новые самостоятельные науки.

Специализацией обучения И. И. Смирнова в Императорском Московском университете было почвоведение. Иван Иванович Смирнов, за три года обучения на горном отделении Томского Технологического Института Императора Николая II, получил естественно-научную подготовку в объёме вузовской программы подготовки горного инженера. Знания и практические навыки, приобретённые за годы обучения в ТТИ, помогли ему успешно обучаться на Естественном отделении физико-математического факультета Императорского Московского университета. Основательная геологическая, геодезическая и естественно-научная подготовка была для Ивана Смирнова важным базисом в получении профессиональных навыков агронома-почвоведа.

На кафедре Агрономии университета не только читались лекции и велись практические занятия по почвоведению, но и была поставлена подготовка агрономов-почвоведов. Кафедрой Агрономии заведовал профессор Алексей Николаевич Сабанин. А. Н. Сабанин был прекрасным педагогом и организатором, обеспечившим образцовую постановку преподавания почвоведения, что привлекло к нему большое количество студентов, желавших стать почвоведом. В числе этих студентов был и Иван Смирнов.

Алексей Николаевич Сабанин (рис. 14) окончил в 1864 г. Симбирскую гимназию и поступил в Казанский университет, а затем продолжил обучение в Петровской земледельческой и лесной академии. В 1868 г. он перешёл на Естественное отделение физико-математического факультета Московского университета, которое окончил в 1872 г. со степенью кандидата. Занял в 1873 году должность помощника лаборанта при только что созданной университетской агрономической лаборатории, а с 1897 он стал заведовать лабораторией [105].

С 1890 году А. Н. Сабанину было поручено чтение лекций по агрономии и зоотехнии в должности приват-доцента.

А. Н. Сабанин был последователем В. В. Докучаева и <...> «...перенес центр тяжести в преподавании агрономии на почвоведение. Научная, педагогическая и организационная деятельность А. Н. Сабанина за 30 лет руководства кафедрой Агрономии и его вклад в развитие отечественного почвоведения исключительно плодотворны. Сабанину удалось <...> оборудовать лаборатории первоклассными приборами, создать музей почв России и, что самое главное, включить с 1906 г. в учебный план физико-математического факультета почвоведение как самостоятельный курс, обязательный для студентов-естественников» [261].

Алексей Николаевич Сабанин (1847-1920). Источник: [304]

«На кафедре (*Агрономии*) развернулась систематическая исследовательская и учебная работа в разных разделах почвоведения, разрабатывались методы химических и физических исследований почв, изучались природа органического вещества, почвенные растворы, поглотительная способность и химические особенности главных почвенных типов России.

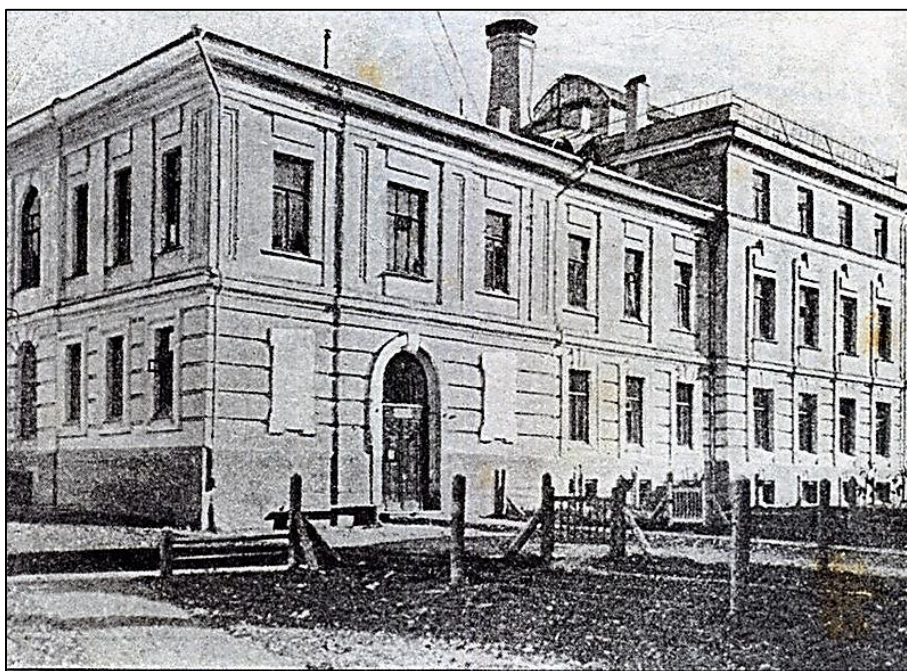
Сущность почвообразования А. Н. Сабанин видел в непрерывном процессе "разрушения и новообразования веществ" под влиянием деятельности организмов и условий среды. Лишь организмы (особенно растительность) и материнская порода являются, по мнению Сабанина, почвообразователями. Главные свойства почвы, отличающие ее от горных пород, обязаны, по его мнению, прямому или косвенному влиянию "живой плазмы" и продуктам жизнедеятельности.

В своей трактовке проблемы генезиса и классификации почв Сабанин иногда расходился с Докучаевым, который рассматривал почву в неразрывной связи с историей и особенностями географической среды. Но он расходился также с теми,

кто, отходя от Докучаева, видел не в организмах, а в современном климате ведущий фактор почвообразования, и кто понимал почвы как извечные тела, находящиеся в покое и в равновесии со средой. Почвы переживают, по Сабанину, процессы накопления изменений, ведущих к "гибели почвенного образования или метаморфозу почвы".

Почвоведение, по Сабанину, наука, изучающая "взаимоотношения двух миров: организованного и минерального..." "Наука о почвах ... стремится изучить эти взаимоотношения, познать их законы, определить пути развития и жизнь почв и их метаморфозы в пространстве и времени". Эти слова Сабанина, высказанные в 1909 г., и поныне сохранили прогрессивное значение. Сабанину удалось не только создать университетский центр преподавания почвоведения, через который прошли поколения многих русских ученых-почвоведов, – с 1896 г. он возглавлял Почвенную комиссию Московского общества сельского хозяйства. А. Н. Сабанин был бессменным председателем Почвенной комиссии, которая вместе с кафедрой агрономии МГУ играла роль московского центра по различным вопросам почвоведения [261].

В 1904-1906 гг. на территории, прилегающей к ректорскому домику Императорского Московского университета, заведующий кафедрой Агрономии А. Н. Сабанин организовал постройку обширного трехэтажного специализированного здания, которое затем занял Агрономический институт университета. Современный адрес здания – ул. Моховая, № 11, строение 9.

Новое университетское здание, въ Москвѣ, открытое въ 1906 г.—
Агрономическій институтъ.

Город Москва. Моховая улица, № 11 строение 9. Агрономический институт. 1906-1909 гг. Источник: [409]

Агрономический институт включал почвенно-химическую лабораторию, Почвенный музей, вегетационное сооружение, библиотеку, аудитории [105],

[106]. После ввода в эксплуатацию здания Агрономического института подготовка почвоведов в Московском университете получила новый качественный уровень. Значительно расширились возможности для увеличения количества выпускников кафедры Агрономии, которые были необходимы для осуществления масштабной аграрной реформы в России.

Позднее здание на ул. Моховой № 11 занимал химический факультет МГУ, а с 1966 года – факультет психологии МГУ. В первые два десятилетия прошедшего века рядом с Агрономическим располагались другие институты Императорского Московского университета (Геологический, Физический, Анатомический и др.) [84]. Институты Московского университета представляли целый комплекс лабораторий одного профиля. Лаборатории и кабинеты институтов ИМУ были хорошо оснащены современными приборами и оборудованием, приспособлены как для научных исследований, так и для занятий студентов.

Лабораторные занятия со студентами и научные исследования на кафедре Агрономии проводил большой коллектив преподавателей и лаборантов. Во время обучения И. И. Смирнова в ИМУ, на должности сверхштатных лаборантов кафедры Агрономии были избраны ученики А. Н. Сабанина – В. В. Геммерлинг и М. М. Филатов.

Приват-доцентский курс «Избранные главы по почвоведению» в эти годы на кафедре читал ещё один её выпускник – Сергей Александрович Захаров. В 1908 г. для подготовки к профессорскому званию была утверждена кандидатура Ивана Петровича Жолцинского. Он работал на должности сверхштатного лаборанта кафедры Агрономии университета с 1890 г. и был одним из ближайших помощников профессора А. Н. Сабанина [106].

Иван Петрович
Жолцинский (1862-1933)
Фотоснимок 1912-1913 гг. (?).

Владимир Васильевич
Геммерлинг (1880-1954)

Сергей Александрович
Захаров (1878-1949)

Смирнова
Геммерлинг Владимир Васильевич (1880-1954). В 1909 г. сверхштатным лаборантом кафедры Агрономии Московского университета был назначен выпускник

кафедры *Агрономии* 1906 г. Геммерлинг В. В. Одновременно его избрали заведующим кафедрой почвоведения *Московских высших Голицынских сельскохозяйственных женских курсов*.

В. В. Геммерлинг – крупный ученый, организатор науки и образования. Он является основателем самостоятельной кафедры почвоведения *Московского государственного университета*, которой заведовал 30 лет (1922-1953).

Г. В. Мотузова указывает, что, В. В. Геммерлинг внес существенный вклад в химию почв. В частности, он изучал коллоидно-химические свойства органических веществ почв, сформулировал положение о гумусовых веществах как о полидисперсной системе и предложил схему разделения их по степени дисперсности. В. В. Геммерлинг показал, что с увеличением степени дисперсности возрастает содержание и подвижность фульвокислот; организовал стационарное изучение лизиметрических вод почвенных растворов, получив материал для характеристики динамики процесса почвообразования. Источник: [219].

Михаил Михайлович Филатов (1877-1942).
Фотография 1901 г. Источник: [365]

Филатов Михаил Михайлович (1877-1942). В 1908 г. сверхдипломным лаборантом при *Агрономическом институте Московского университета* был зачислен М. М. Филатов, который в 1903 г. окончил *Московский университет* по специальности "*Агрономическая и техническая химия*" с дипломом I степени, защитив под руководством А. Н. Сабанина дипломную работу на тему «*Химический состав почв Западной Сибири*». С 1908 по 1914 гг. в составе «*почвенно-ботанической экспедиции по исследованию колонизационных районов Азиатской России*» М. М. Филатов проводил почвенно-ботанические исследования в *Забай-*

калье и других районах Сибири. Источник: [316].

Таким образом, Иван Смирнов обучался в Императорском Московском университете в тот период, когда на кафедре Агрономии работали основатель московской университетской школы почвоведов профессор А. Н. Сабанин и его талантливые ученики – В. В. Геммерлинг, И. П. Жолцинский, С. А. Захаров, А. М. Порубиновский, М. М. Филатов и другие.

Студенты и преподаватели кафедры Агрономии Императорского Московского Университета. 1912-1913 гг. Второй ряд, слева направо: н/д, Ростислав Ильин (студент), В. В. Геммерлинг, И. П. Жолцинский, профессор А. Н. Сабанин, приват-доцент С. А. Захаров, А.А. Ярилов, н/д, А. А. Гроссгейм (студент), А. М. Порубиновский (?). Пятый ряд, слева направо: н/д, М. М. Филатов, **Иван Смирнов** (студент). Шестой ряд, слева направо: Ф. Н. Ульященко (?) (студент). Фотография из семейного архива С. Р. Смирнова

Примечание: н/д – личность не установлена.

Преподаватели и сотрудники кафедры в первой половине 1910-х годов ежегодно участвовали в почвенно-ботанических экспедициях (Московская, Пензенская, Черниговская и др. губернии). Опытные почвоведы кафедры Агрономии охотно делились со студентами навыками проведения полевых работ, руководили прохождением старшекурсниками производственных почвенно-ботанической практик. Так, в 1914 году московскими почвоведомы была составлена почвенная карта северо-востока Черниговской губернии. Она создавалась по поручению Черниговского Губернского Земства под общей редакцией почвоведомы Н. А. Димо. Полевые работы и аналитическая обработка материалов, необходимые для со-

ставления карты, проведены при участии студентов университета в 1912-1913 гг. почвоведом Я. Н. Афанасьевым (уезды: Мглинский, Новозыбковский и западная половина Новгород-Северского уезда), И. П. Жолцинским (Конотопский уезд), А. М. Порубиновским (Глуховский, Кролевецкий и восточная половина Новгород-Северского уезда), И. А. Шульгою (Суражский и Стародубский уезды). Масштаб карты 10 верст в дюйме (1:420000). В 1912 году студент ИМУ Иван Смирнов работал помощником почвоведом И. А. Шульги и обследовал половину территории Суражского района.

На редкой фотографии, сделанной, предположительно осенью-зимой 1912-1913 гг. в вегетационном сооружении Агрономического института, Иван Смирнов, Ростислав Ильин и некоторые другие студенты без верхней одежды – в скромных косоворотках. Большинство студентов одеты в форменную одежду студентов Императорского Московского университета: тёмно-зелёную «тужурку» – форменное полупальто, по покрою похожее на современный матросский бушлат, тёмно-зелёное пальто или шинель. Под верхнюю одежду надеты либо рубашка с галстуком, либо, белая, цветная или даже вышитая косоворотка.

На фотоснимке Иван Смирнов располагается на один ряд ниже, чем студент Федор Ульященко. Фёдор положил руку на плечо Ивана. Справа от Ивана Смирнова в костюме-тройке и белой рубашке с галстуком-бабочкой стоит сверхштатный лаборант кафедры М. М. Филатов. Михаил Михайлович Филатов симпатизировал студентам-сибирякам, так как родился и вырос в Тобольской губернии (г. Туринск). Перед поступлением на Естественное отделение физико-математического факультета ИМУ М. М. Филатов окончил гимназию в г. Тобольске. Почвовед М. М. Филатов в 1900-е годы длительное время занимался исследованием почвенного покрова Сибири, и ему были интересно общаться на кафедре Агрономии со студентами – выходцами из Сибири.

Одежда преподавателей и сотрудников кафедры, запечатлённых на фотографии, соответствует принятому тогда «дресс-коду»: костюм-тройка, белая накрахмаленная рубаха, галстук. Профессор А. Н. Сабанин расположился в центре группы участников фотосъёмки, он держит в левой руке папиросу. Слева и справа от Алексея Николаевича сидят его ближайшие помощники – улыбающийся Иван Петрович Жолцинский и сосредоточенный Сергей Александрович Захаров. Приват-доцент С. А. Захаров скрестил руки на груди. В одном ряду с сотрудниками кафедры, справа от В. В. Геммерлинга, сидит Ростислав Ильин, которого уже со студенческих лет ценили и уважали учёные-естествоиспытатели университета. На групповой фотографии 1910-х годов В. В. Геммерлинг, С. А. Захаров, М. М. Филатов относительно молоды, их внешний облик заметно отличается от более поздних – «классических» профессорских фотопортретов этих выдающихся учёных-почвоведов.

Огромный вклад в дело подготовки молодых специалистов-почвоведов и агрохимиков на кафедре Агрономии внес И. П. Жолцинский. Он научил студентов «...многим, весьма ценным приемам лабораторной работы, которыми сам

владел в совершенстве». Внедрял в сознание обучающихся «...мысль об огромной важности для будущих исследователей отчетливой чистой и отсюда именно точной аналитической работы» [106].

Академик Л. И. Прасолов, в статье «История почвоведения в России» [263] указал, что «проблемами почвоведения в Московском университете ещё в XIX веке занимались профессора М. И. Афонин, М. Г. Павлов. <...> Позднее преимущественно в этой области работал также А. Н. Сабанин, который издал краткий курс почвоведения и оставил после себя школу почвоведов (М. М. Филатов и др.). Все они много сделали для географического изучения почв нашей Родины и для приложения почвоведения к решению технических задач уже в новейшее время» [263].

Академик Б. Б. Польшов, в очерке о развитии учения о почве как отрасли естествознания, писал, что у почвоведов сабанинской школы (В. В. Геммерлинга, М. М. Филатова и др.) была своя характерная особенность, выразившаяся в склонности к лабораторным опытам, что было следствием их воспитания, высокой культуры химического анализа и эксперимента, которые характеризовали кафедру и школу А. Н. Сабанина [258]. И неудивительно, что представители этой школы одни из первых перешли к более углубленному экспериментальному изучению почвенного профиля, не довольствуясь анализом его морфологических горизонтов, стараясь выяснить природу более тонких элементов его. Так, ещё в 1910 году В. В. Геммерлинг, в одной из своих первых печатных работ, дал характеристику почвенным ортштейнам [75].

Изучение генезиса почвенных конкреций является одним из современных направлений научных исследований кафедры почвоведения Пермского ГАТУ [46].

Г. В. Мотузова отмечает, что «в годы 30-летнего заведования профессором А. Н. Сабаниным (1890-1920) кафедрой агрономии Московского университета были выполнены ценные исследования по химии почв. В частности, А. Н. Сабанин предложил метод мокрого озоления почвенных проб серноокислым раствором бихромата калия для определения содержания органических веществ в почве. Это метод определения содержания органических веществ почвы получил название «метод Кнопа-Сабанина» [219].

Иван Иванович Смирнов, за время обучения на физико-математическом факультете Императорского Московского университета, по отделению естественных наук подвергался установленным Уставом университета восьми полукурсовым испытаниям. Результаты испытаний оценивались по трёхбалльной шкале: «весьма удовлетворительно», «удовлетворительно», «неудовлетворительно».

С 1910 по 1913 гг. И. И. Смирновым были получены следующие отметки: по аналитической химии – «удовлетворительно»; а по предметам: физика; органическая химия; кристаллография и минералогия; анатомия и морфология растений; систематика растений; анатомия человека и гистология; зоология и сравнительная анатомия позвоночных – «весьма удовлетворительно».

ДИПЛОМ.

Предъявитель сего, ИВАН ИВАНОВИЧ СМЕРНОВ, вероисповедания православного, сын протореера, состоя студентом Физико-Математического факультета императорского Московского Университета, по отделению естественных наук, подвергался с 1910 по 1913 год установленным полукурсовым испытаниям и, по зчете ему факультетом определенного уставом Университетов числа полугодий, был допущен заново 1913г. согласно его прошения, к испытаниям в Физико-математической испытательной комиссии при императорском Московском Университете, каковыя испытания и выдержал.

На означенных испытаниях им были получены следующие отметки:

1). На испытаниях полукурсовых (по физике весьма удовлетворительно, по неорганической химии весьма удовлетворительно, по аналитической химии удовлетворительно, по кристаллографии и минералогии весьма удовлетворительно, по анатомии и морфологии растений весьма удовлетворительно, по систематике растений весьма удовлетворительно, по анатомии человека и гистологии весьма удовлетворительно, по зоологии и сравнительной анатомии позвоночных весьма удовлетворительно.

2). На испытаниях в Комиссии по органической химии удовлетворительно, по геологии с палеонтологией весьма удовлетворительно, по физиологии растений весьма удовлетворительно, по зоологии беспозвоночных весьма удовлетворительно, по физиологии животных весьма удовлетворительно, по физической географии с метеорологией весьма удовлетворительно, по агрономии и технической химии весьма удовлетворительно и по сочинанию весьма удовлетворительно.

По сему и на основании ст. 81 Общего устава императорских Российских Университетов, 23 августа 1884г. г. СМЕРНОВ, в заседании Физико-математической Испытательной Комиссии, 28 мая 1913г., удостоен диплома первой степени, со всеми правами и преимуществами, поименованными в ст. 92 устава и в У п. высочайше утвержденного в 23 день августа 1884г. Высшим государственным советом. В удостоверение сего и дан сей диплом г. СМЕРНОВУ, за издавшем подписью и с приложением печати Управления Московского Учебного Округа.

Город Москва, марта 28 дня 1914 года.

Попечитель Московского Учебного Округа ТИХОМИРОВ (подпись)

Председатель Физико-математической Испытательной Комиссии МИТРОФАНОВ (подпись)

Правитель канцелярии В. Стефановский.

№ 12 377

Копия верна: Дело производится (Горник)

Копия диплома И. И. Смирнова об окончании Московского университета. Документ из семейного архива С. Р. Смирнова

Весной 1913 года И. И. Смирнов, согласно его прошению, был допущен к итоговому испытанию в Физико-математической Испытательной Комиссии при

Императорском Московском университете. Результаты испытаний следующие: органическая химия – «удовлетворительно»; геология с палеонтологией; физиология растений; зоология беспозвоночных; физиология животных; физическая география с метеорологией; агрономия и техническая химия – «весьма удовлетворительно» [61, Л.4].

И. И. Смирнов проводил в университете научные исследования по химии органического вещества растений. На кафедре Агрономии ИМУ большое внимание уделялось анализу семян различных культурных растений и другого растительного материала. Профессор А. Н. Сабанин считал, что характер растительности существенным образом влияет на почву – ее химический состав, физические свойства и структуру [105], [106]. Весной 1913 г. И. И. Смирнов подготовил и защитил перед Физико-математической Испытательной Комиссией дипломное сочинение на тему: «Состав и свойства искусственных гуминовых веществ, получаемых обработкой ваты серной кислотой при различных условиях» [61, Л.2].

28 мая 1913 года на заседании Физико-математической Испытательной Комиссии Императорского Московского университета Иван Иванович Смирнов был удостоен диплома первой степени, со всеми правами и преимуществами, поименованными в статье 92 Общего устава Императорских Российских университетов [61, Л.2]. При поступлении на государственную службу, выпускники Императорских университетов – обладатели дипломов 1-й степени – имели в Российской Империи четко регламентированные привилегии.

Г. Н. Рыженко – научный сотрудник Музея истории юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, пишет: «С 1889 студенты университета сдавали перед испытательной комиссией государственные экзамены и получали дипломы 1-й и 2-й степеней. 1-ю степень получали те, кто имел зачеты всех семестров, удовлетворительные или весьма удовлетворительные отметки в полугодовых и государственных испытаниях и представил дипломное сочинение. Диплом 1-й степени, как и до 1889 г. аттестат кандидата, предоставлял право при поступлении на госслужбу на чин 10-го класса, т.е. коллежского секретаря, диплом 2-й степени – на чин 12-го класса, или губернского секретаря. Многие обладатели университетских дипломов 1-й степени конца XIX – начала XX вв. предпочитали именовать себя "кандидатами", считая такой титул более престижным. Не все студенты стремились обзавестись дипломами, ограничиваясь получением Свидетельств о зачете восьми (для медиков – 10) семестров, такие свидетельства назывались "выпускными", т.е. подтверждали высшее образование, но давали право на получение чинов, лишь начиная с 14-го класса, т.е. коллежского регистратора» [302].

Таким образом, профессиональные навыки И. И. Смирнова развивались в благоприятной творческой атмосфере, при современном материально-техническом оснащении кафедры Агрономии Московского университета. Выдающиеся ученые-педагоги и благоприятная атмосфера для выполнения научной работы в Московском университете, а также личное усердие сформировали из Ивана Ивановича высококвалифицированного агронома-почвовода.

Впереди на жизненном пути И. И. Смирнова были очень беспокойные и бурные годы.

5. Военная служба. Гражданская война

Весной 1913 года И. И. Смирнов – 26-летний выпускник Естественного отделения физико-математического факультета Императорского Московского университета, имел прекрасные перспективы для карьерного роста на государственной службе. Блестящие успехи в обучении позволяли И. И. Смирнову заняться и научной деятельностью. Первая мировая война, революции 1917 года и Гражданская война в России внесли крутые и жесткие коррективы в жизненный путь Ивана Ивановича.

По законам Российской империи 1913 года, военная обязанность была всеобщей, т.е. служить в армии были обязаны все подданные Российской империи мужского пола всех сословий. Лица, окончившие учебные заведения первого разряда (все институты, университеты) и таким образом имеющие право на офицерский чин при условии сдачи экзамена на прапорщика или подпоручика, должны были служить 18 лет, из них 2 года – действительная служба, и 16 лет – служба в запасе [52].

В 1906 году, после поступления в Томский технологический институт, И. И. Смирнову был установлен срок призыва на военную службу – 1908 год. Это было зафиксировано соответствующей записью в публичном документе:

«314. Смирновъ Иванъ Ивановичъ. (1906 г.). Род. въ с. Верхъ-Алейскомъ, Томск, губ., 21 июля 1887 года, оконч. Барнаульск. реальн. уч. въ 1906 г., прав., с. свящ., русск. под. **приз, въ 1908 г.**» [342].

В 1908 году, после двух лет обучения на горном отделении ТТИ, Ивану Смирнову, как и другим студентам аналогичного призывного возраста и срока обучения, в соответствии с законом Российской Империи, была предоставлена отсрочка от военной службы до 1914 года, т.е. до 27 лет. В документе «Списки студентов и...» [341] была сделана следующая запись:

«323. Смирновъ Иванъ. Ивановичъ. (1906 г.). Род. въ с. Верхъ-Алейскомъ, Томск, губ., 21 июля 1887 г. оконч. Барнаульск. реальн. уч. въ 1906 г., прав., с. свящ. русск. под. **отсроч. до въ 1914 г.**» [341].

При продолжении студентом учёбы в другом вузе Российской Империи, срок отсрочки от военной службы, установленный ранее, не изменялся. Иван Смирнов завершил обучение в Московском университете до окончания истечения установленного законом срока (1914 г.) призыва на военную службу. Далее у него было два варианта исполнения военной обязанности. Первый – после окончания Московского университета приступить к гражданской службе и только через один год – в 1914 г. в обязательном порядке быть призванным на действительную военную службу нижним чином. Второй вариант – выбрать службу в Армии вольноопределяющимся и иметь перспективу получить офицерское звание. И. И. Смирнов выбрал второй вариант, и в 1913 г., после окончания университета, поступил на военную службу в качестве вольноопределяющегося [61, Л.2]. Срок службы для вольноопределяющихся полагался 18 лет, из них 2 года – действительной службы в Армии нижним чином и 16 лет службы в запасе Армии.

«Сама по себе служба вольноопределяющимся права на присвоение офицерского звания не давала. Для этого было необходимо сдать экзамен на производство в чин прапорщика или подпоручика (корнета). Требования к знаниям те же самые, что и для юнкеров военных училищ. Если вольноопределяющийся сдал экзамен на прапорщика до истечения первого года службы, то срок его действительной службы сокращается до 1 года и 6 месяцев, причем, оставшиеся полгода он служит в чине прапорщика. Если вольноопределяющийся сдал экзамен на подпоручика до истечения первого года службы, то срок его действительной службы сокращается до 1 года и 6 месяцев, и он может быть оставлен на офицерской службе. Но если в полку нет потребности в офицерах, сдавший экзамен дослуживал оставшиеся полгода в чине подпоручика и увольнялся в запас. Преимущество службы вольноопределяющимся состояло прежде всего в том, что он служил на 1 или 2 года меньше, чем призванные. Во-вторых, если вольноопределяющийся сдавал экзамен на офицера, то выигрывал еще полгода. В-третьих, основной целью приема на службу в качестве вольноопределяющихся была все же подготовка молодых людей как офицеров, а значит, отношение со стороны офицеров полка к нему должно было быть более внимательным. И, в-четвертых, в зависимости от успехов по службе он быстро производился в унтер-офицерские чины» [52].

И. И. Смирнов, в автобиографии указал следующее: «В 1914 г., не окончив отбывания воинской повинности, был направлен на Германский фронт. Откуда демобилизован в 1918 г.» [61, Л.2].

После демобилизации с германского фронта И.И. Смирнов приехал на родину в г. Барнаул. Его отец – Иван Акимович Смирнов к этому времени (1916 - 1917 гг.) уже ушел из жизни. В Барнауле проживал и работал старший брат – Александр (прил. 4). Ивану Смирнову надо было начинать встраиваться в новые, постреволюционные реалии России. Для трудоустройства И. И. Смирнов сделал копию документа об окончании Московского университета, которую в 1918 году ему заверил один из барнаульских нотариусов. Документ хранится в фондах Государственного архива Пермского Края [61, Л.4].

События Гражданской войны в России вновь резко изменили жизненный путь И. И. Смирнова. Процесс свержения советской власти начался в Сибири в начале июня 1918 г. К середине месяца он охватил и Алтайскую губернию. 15 июня 1918 г. Сибирская армия заняла г. Барнаул, открылась дорога на Бийск [82]. Иван Иванович Смирнов «...в 1918 г. был мобилизован в войска Временного Сибирского Правительства» [61, Л.2]. До декабря 1919 года И. И. Смирнов находился в белой армии [61, Л.2] и был вовлечен в события Гражданской войны.

О Гражданской войне на территории Пермской губернии рассказывают материалы многочисленных публикаций, которые опираются на исторические документы и личные воспоминания. В контексте времени проживания и работы И. И. Смирнова в Перми с начала 1923 г., т.е. вскоре после окончания Гражданской войны, прежде всего, целесообразно охарактеризовать события тех лет, связанные с Пермским университетом. Необходимо также рассмотреть предпосылки

формирования особой социально-политической обстановки в Перми в 20-е годы XX века, определяющей жесткий надзорный режим поствоенного пребывания И. И. Смирнова и других «бывших белых офицеров» в городе.

После начала Гражданской войны в 1918 году наступление белых войск из Сибири на Пермь было стремительным. <...> «При приближении белых войск к городу в Перми началось вооруженное выступление нескольких офицерских организаций, участники которых были внедрены в войсковые части красных, которые они сдавали наступающим вместе с вооружением, боеприпасами и артиллерией. Это окончательно деморализовало красных, начавших паническое отступление. 3-я советская армия была разгромлена, белогвардейцами были захвачены многочисленные трофеи. 25 декабря 1918 года город был взят белогвардейцами. <...> После взятия Перми части белогвардейцев выдвинулись вперёд на 50 вёрст от города и закрепились на достигнутых позициях, отражая попытки красных перейти в наступление и вернуть Пермь обратно» [245].

После установления в Перми власти белых «...на территории, занятой войсками Колчака, был развернут белый террор, прежде всего против коммунистов и сочувствующих им, против советских работников и членов их семей. Все, кто работал в советских структурах или сотрудничал с большевиками, подлежали увольнению со службы. Подобная практика только увеличивала число противников колчаковского режима» [237].

«В советской историографии победа Белых войск была названа Пермской катастрофой. По приказу Ленина на Восточный фронт была отправлена комиссия ЦК РКП(б) во главе со Сталиным и Дзержинским, чтобы вскрыть причины падения Перми и жестоко покарать виновных или тех, кто будет сочтён ими. В отчёте комиссии ЦК партии "О причинах падения Перми в декабре 1918 года" было отмечено: "Все партийные и советские учреждения единогласно констатируют сплошную контрреволюционность населения Пермской и Вятской губерний." Сдача Перми, встреча её населением Колчака хлебом-солью в последствии были не забыты большевиками. Губернскую Пермь они превратили в районный центр Уральской области. Свердловские коммунисты, управляющие областью, называли Пермь не иначе как "старая саботажница Пермь" и всячески ограничивали её развитие. Впоследствии, при Сталине, Пермь была переименована в Молотов, чтобы не напоминать вождю о "пермской катастрофе" [245].

«26 декабря (1918 г. – курсив А.А.В.) приказом командира 1-го Средне-Сибирского корпуса генерал-майора А. Н. Пепеляева, советская власть объявлялась "низверженной". При этом все офицеры русской армии обязаны были явиться к начальнику Пермского гарнизона. Неявившиеся должны были считаться дезертирами и подлежали военно-полевому суду. Новоназначенным местным воинским начальникам предписывалось взять на учет молодых людей призывных возрастов для последующего призыва в армию» [237]. Студенты и преподаватели Пермского университета оказались в сложнейшем положении жителей прифронтовых городов. Очевидец событий 1918 г., в тот период – ассистент университета

Ю. А. Орлов, в 1949 г. вспоминал о трагических событиях того времени так: «Часть студентов была мобилизована. Вскоре погиб молодой ботаник, студент В. М. Федотов. Помню, как мы нашли Валерьяна Федотова в покойницкой городской больницы среди других, привезенных с фронта. Он лежал весь заросший, с длинными, как у дьякона, волосами. На похоронах многие из нас плакали – нельзя было удержаться от слёз при виде этой бессмысленной гибели в тягостной братоубийственной войне» [241, С.32].

События, которые происходили в Перми в конце 1918 г. – начале 1919 г., очень колоритно описал ещё один очевидец тех дней – преподаватель кафедры энциклопедии права и истории философии права Пермского университета, талантливый журналист и писатель Всеволод Никанорович Иванов (1888-1971): «Пермь "освобождалась", Пермь "захватывалась", как писала пресса того времени. И под гул канонады <...> отступали, эвакуируясь, из Перми советские работники. Они грузили в сани прежде всего папки, бумаги, дела, а потом ребятишек, закутанных в одеяла, женщин. И, нахлестывая лошадей, уносились из города, держась подальше от железной дороги.

<...> в Пермь после годовой отлучки стал возвращаться старый быт. По улицам ходили люди, стучались в парадные двери, предлагая что угодно – муку, сахар, масло, хлеб, – все радости бытия... Откуда всё это бралось? Трудно сказать, но почему-то всегда так получалось – старое явно приносило с собой изобилие. Очевидно, купцы приходили в себя подобно мухам, оживающим с теплом весны. Затем на стенах домов, на заборах появились объявления новой власти, требующие от всех офицеров немедленно явиться на регистрацию. Естественно, пришлось идти. Во время этой процедуры я назвал себя "бывшим офицером", на что получил от регистратора, этакого благополучного капитана, замечание, что-де офицер не может быть "бывшим", для этого есть слово "ренегат". Это слово было тогда вообще в большом ходу, им охотно перебрисывались люди, оказавшиеся "по обе стороны баррикад". Я ответил в том смысле, что-де непонятно, каким образом офицеры сохранились где-то в Сибири, а здесь что-то их давно не видно.

Из нашего брата (а нас набиралось до 360 человек) был немедленно сформирован офицерский полк (*Первый Пермский офицерский полк – курсив А.А.В.*). Мы все явились в здание **Мариинской женской гимназии** (*Здесь В. Н. Иванов или редакторы книги допустили ошибку. Следует читать «Александровской женской гимназии» – курсив А.А.В.*), где для нас уже были приготовлены койки, покрытые серыми одеялами; начались дежурства, караулы на "ключевых позициях" и т.д. А главное – пьянство. С "освобождением Перми" забушевало, разлилось по городу широкой волной пьянство, тон которому задавали победители. Полковник Урбанковский, "герой освобождения", со своими офицерами часто скакал "на бешеной тройке" по Сибирской улице, провожаемый с тротуара женскими и девичьими взглядами, чрезвычайно красноречивыми, не требующими разъяснения. Пришедшие в Пермь офицеры-сибиряки пользовались общим благоволением и любовью – победители! Мы же находились пока что в резерве.

После нескольких дней ожидания явился к нам под- или полковник, пожилой, на вид довольно "печального образа". Нас собрали, построили. Он сказал, что прибыл из Омска. Мы, естественно, ждали что-нибудь "о возрождении России", но услышали поздравление с "освобождением" (в который раз!) и пятиминутную речь какого-то весьма затрапезного содержания. Она свелась к тому, что мы мобилизованы омским правительством, призваны на действительную службу, обязаны исполнять старые законы и правила, что жалованьем, содержанием, всякого рода довольствием мы будем удовлетворяться по старым нормам, по чинам и должностям. Затем этот далеко не блестящий оратор извлек из кармана объемистый серебряный портсигар семейного вида, закурил толстую папиросу, осведомился, нет ли претензий, и исчез столь же незаметно, как и явился. Это было само видение старого, которое восстанавливалось, чтобы нас "освободить". Но за год-то жизни в Советском государстве мы привыкли уже к бурному стилю пламенных речей, к выявлению злостных врагов, к блестящим перспективам в самом непродолжительном времени! А здесь вылезла наружу захолустная рутинка какого-то сибирского маленького гарнизона.

Как часто бывает в жизни, вскорости мне довелось встретиться с этим самым тихим полковником за каким-то пышным пирогом, вновь появившимся на столе в пермских семьях. Старый воин был так же тих и безмятежен, как и при нашей первой встрече в офицерском полку, но на предложение хозяйки выпить рюмку водки вдруг ответил энергичным отказом, хотя его обличье никак не выказывало наличия добродетели алкогольного воздержания. Возникли прения, ветеран настаивал на своем отказе, но не совсем: выяснилось, что водку он мог пить... только из чайного стакана. Из рюмки не мог! И действительно, он пил и ел, как сибирский Гаргантюа! Сверкал семейным портсигаром, дымил сибирским табаком.

Что можно было сказать о таком зрелище? Ничего! Можно было или рассмеяться "горьким смехом", или заплакать от нелепости происходящего...

Ха! Освобождение! Откуда?

<...> В Омске что-то происходило. Оказалось, там необходимы "культурные силы", чтобы "вырабатывать политическую линию"... Первой ласточкой улетел туда из Перми талантливый публицист профессор Н. В. Устрялов. Его вызвал сам диктатор... Прошло время, и вызвали еще нескольких преподавателей Пермского университета, среди них и меня» [120].

Современные пермские историки описывают некоторые события первой половины 1919 г. в Перми, связанные с Пермским университетом и Мариинской женской гимназией (*сейчас здесь располагается главный корпус Пермского ГАТУ – курсив А.А.В.*), следующим образом: «В феврале 1919 г. Пермь посетил Верховный правитель адмирал А. В. Колчак. Ему была устроена торжественная встреча <...> В зале Благородного собрания был устроен прием, на котором присутствовали должностные лица правительственных и общественных учреждений, в том числе вся профессура Пермского университета, представители научно-промышленного музея, всех учебных заведений города. Верховный правитель посетил земскую

управу, университет и два средних учебных заведения» (*А. В. Колчак посетил два раза Мариинскую женскую гимназию – курсив А.А.В.*) [237], [281].

«Спустя почти два месяца после того, как столица губернии (*Пермской – курсив А.А.В.*) была взята белыми войсками, Александр Колчак в сопровождении генерал-лейтенанта Пепеляева, членов французской миссии и др. принял парад войск, принимавших участие в штурме Перми, на Сенной площади (*Октябрьская площадь – курсив А.А.В.*).

<...> 19 февраля 1919 г. в Мариинской женской гимназии Колчаку поднесли хлеб-соль, воспитанницы ... кричали "ура", а две малютки-первоклассницы преподнесли живые цветы, за что он их расцеловал. <...> В пятницу, 21 февраля Александр Колчак посетил Мотовилихинский завод: обошел цеха, осмотрел производство артиллерийских орудий. В этот день он вторично посетил Мариинскую женскую гимназию. Дело в том, что гимназистки, которые не смогли увидеть его 19 февраля, через свою начальницу передали просьбу посетить гимназию еще раз. Гимназистки подарили Верховному правителю дорожный несесер (*несесер – шкатулка, чемоданчик с набором принадлежностей для туалета – курсив А.А.В.*) и спели кантату "Слава". Спустя час после отъезда Колчака, в гимназию вернулся его адъютант и передал портрет адмирала с его автографом» [281].

Разгромное поражение красных в Перми, не без участия белого офицерского подполья, сформировало в начале 1920-х годов определённый «бело офицерский» комплекс у пермских сотрудников органов государственной безопасности (ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД). За офицерами царской и белой армии, проживавшими в Перми, проводился жёсткий надзор. По сути, в 20-30-е годы XX века, после формального окончания Гражданской войны, гражданского замирения в России не произошло. Война негласно продолжалась в виде политического надзора, постоянных чисток и репрессий по отношению практически ко всем «бывшим» белым.

Многие профессора и преподаватели Пермского государственного университета также получили статус «неблагонадежных». Учитывалась их, преимущественно отрицательная, позиция по отношению к советской власти в 1918 году и «неподобающее» поведение при Колчаке (встречали с хлебом-солью), «эвакуация» в Томск, которую по факту было бы правильно называть отступление с войсками белой армии, более похожее на бегство.

Иван Иванович Смирнов как офицер Русской императорской армии, а затем и Временного Сибирского Правительства, находясь в 1920-е годы в Перми, не мог избежать политического надзора. Он попал «под колпак» местного ОГПУ в 1923 году, практически сразу же после переезда в Пермь из Омска. Начальник регионального отдела Пермского ОГПУ выдал руководству Пермского государственного университета предписание о направлении в срочном порядке «...б[ывшего]. б[елого]. офицера Смирнова И. И., прибывшего из г. Омска» [61, Л.17].

И. И. Смирнов в конце 1919 г. находился в составе белых войск в сибирском городе Томске. Заключительные эпизоды боевых действий Гражданской войны в этом регионе России были описаны в донесении о боевых действиях 5-й

Красной Армии, подготовленном 05 мая 1920 г. начальником информационно-исторического отделения штаба 5-й армии Н. П. Малышевым и военкомом Фуксом. Приведём фрагмент из этого документа: «...период с 18 ноября по 14 декабря 1919 г <...> Взятие нами г. Омска, как важного во многих отношениях неприятельского центра, нанесло противнику удар, от которого он уже не мог оправиться. Его войска, понеся ряд серьезных поражений в предыдущих операциях, утратили всякую способность к активным боевым действиям, а дезертирство с фронта и переход на нашу сторону как отдельных людей, так и целых войсковых частей стали случаями постоянными <...> на всем протяжении от Омска до Новониколаевска, р. Обь являлась единственным естественным препятствием, могущим послужить опорой для обороны, то противник стремился скорее подойти к ней и занять заранее намеченные позиции. В район г. Томска им была выведена из боевой линии вся 1-я армия для переформирования и пополнения. Этими силами он предполагал сдержать наш натиск и поправить свое шаткое положение. Но таким намерениям не суждено было осуществиться. События на театре военных действий развертывались очень быстро. 5 армия наседала на врага с необычайной энергией. Противник, хотя и пытался оказывать сопротивление, но не мог достичь этой цели. К концу операции неприятельское отступление приняло вид хаотического бегства. Линия Сибирской ж. д. от ст. Дуленская до г. Новониколаевска была забита сплошной лентой стоящих на всех путях эшелонов с разного рода имуществом и служащими учреждений, эвакуированных из Омска и других городов» [75].

«20 декабря 1919 года в Томск вошёл Уральский советский полк, у заставы его встречал кавалерийский эскадрон Томского гарнизона. В период до 30 декабря 1919 г. вблизи станции Томск-2 был организован лагерь для пленных солдат белой армии» [273].

И. И. Смирнов указывает в автобиографии, что «в декабре 1919 года по сдаче белых войск в Томске был зачислен в 4-ю запасную тяжёлую батарею 5-й армии» [61, Л.2]. В этом ничего удивительного нет, так как после процедуры фильтрации кадровые военные белой армии широко привлекались в ряды РККА. «В условиях активных боевых действий на обширных фронтах Гражданской войны уже к ноябрю 1919 г. резервы командного состава РККА были практически исчерпаны, поэтому тысячи пленных офицеров сразу рассматривались как источник его пополнений. Сугубый прагматизм советского военного ведомства не исключал, однако, их предварительной фильтрации, морально-политической нивелировки и установления над ними бдительного контроля. С точки зрения мотивации поступления в Красную армию, главной была принудительная мобилизация как единственная альтернатива расстрелу или концентрационному лагерю» [1, С.117].

Таким образом, в 1919 г. Томск стал очередным этапом в жизни И. И. Смирнова. Это был уже второй «томский» период, который начался через 10 лет после прекращения обучения на горном отделении в Томском технологическом институте.

Специалисты с высшим гражданским образованием, полученным в вузах Российской Империи, активно привлекались к развитию образования и науки в

советской России. В Институте исследования Сибири, руководство которого располагалось в Томске, был востребован почвовед И. И. Смирнов. Запись в Журнале №10 заседания совета Института от 15 января 1920 г. подтверждает это:

«... п. 12 С л у ш а л и: Заявление заведующего естественно-историческим отделом П. Н. Крылова о решении совета отдела пригласить в состав отдела в качестве ассистента по почвоведению окончившего курс Московского университета по агрономической специальности Ивана Ивановича Смирнова и о возбуждении советом института ходатайства об освобождении И. И. Смирнова от военной службы (вх. № 22).

<...> П о с т а н о в и л и: избрать И. И. Смирнова младшим ассистентом естественно-исторического отдела и возбудить ходатайство об освобождении его от военной службы» [115, С. 86].

Ходатайство совета Института было удовлетворено. И. И. Смирнов с января 1920 г. приступил к своим служебным обязанностям в естественно-историческом отделе нового для Сибири научного учреждения.

Так, относительно благополучно, закончилась для Ивана Ивановича воинская служба. На фронтах войн второго десятилетия XX века погибло много его товарищей, но высшие силы и молитвы родственников сохранили ему жизнь.

6. Институт исследования Сибири. Профессор С. С. Неуструев. Профессора Пермского университета

Сейчас с каждым годом в оборот вводятся всё новые источники по истории России. Одним из таких ценных источников для истории Пермского ГАТУ являются Журналы заседаний совета Института исследования Сибири (13 ноября 1919 г. – 16 сентября 1920 г.), изданные с комментариями в 2008 году Томским университетом. Ответственный редактор этого научного издания – профессор С. Ф. Фоминых [115]. Журналы заседаний, подготовленные к публикации томскими учеными-историками, содержат факты из жизни И. И. Смирнова, и факты, связанные с предысторией кафедры почвоведения Пермского государственного университета.

По своим функциям и задачам Институт исследования Сибири (ИИ Сибири) должен был стать Сибирской Академией наук. «Начальник отдела высших учебных заведений Министерства народного просвещения Омского правительства В. Ю. Ульянинский в своем приветствии назвал будущий институт Сибирской академией наук (*Труды съезда по организации Института исследования Сибири: в 5 ч. Томск, 1919. Ч. 5. С. 1-2*)», цитируется по [374, С.113].

В приветствии к учредительному съезду Института адмирал А. В. Колчак в телеграмме написал: «Как старый работник в научном исследовании Сибири, всегда поддерживающий близкую связь с Академией наук и географическим обществом, я от всей души приветствую создание Института, придавая огромное значение его будущей работе, которой буду рад содействовать всеми зависящими от меня способами» [320, С.221]. Задачами Института исследования Сибири являлось «планомерное научно-практическое исследование природы, жизни населения Сибири в целях наиболее рационального использования естественных богатств края и культурно-экономического его развития» [215, С.134].

Работой ИИСибири, после его создания в 1919 году, руководил ректор Томского университета, профессор ботаники Василий Васильевич Сапожников. До назначения на должность директора института, В. В. Сапожников некоторое время занимал пост Министра народного просвещения Временного всероссийского правительства А. В. Колчака.

В составе ИИСибири действовало шесть отделов: 1) географический с подотделами геодезии, геофизики и гидрологии; 2) бальнеологии и курортоведения; 3) естественно-исторический с подотделами ботаники, зоологии, **почвоведения**, сельского хозяйства и лесоведения; 4) промышленно-технический; 5) историко-этнографический; 6) статистико-экономический в составе статистического и экономического подотделов. Институт Исследования Сибири не располагал собственными помещениями, и поэтому все его отделы занимали площади в зданиях, принадлежавших Томскому технологическому институту и Томскому университету. Научная библиотека ИИСибири вначале была размещена на нижнем этаже горного корпуса ТТИ, а затем – в здании Сибирских высших женских курсов.

Для финансирования работы Института Правительством А. В. Колчака были выделены крупные денежные средства. Так, на первом этапе было представлено 1 млн 635 тыс. руб. Но, даже с учётом того, что эти средства отпускались всего на полгода, их было явно недостаточно для реализации проектов, выработанных сибирскими учёными на учредительном съезде. Сокращения в смете Института диктовались экономией денежных средств в условиях Гражданской войны. На первый аванс в 230 тыс. руб., выделенный «на неотложные экспедиции и обследования», институту пришлось существовать в течение полугода, хотя изначально он был отпущен всего на два месяца. После перехода власти к красным в 1920 году, все выполненные в Институте работы также были оплачены, но новая смета представителями советской власти так и не была утверждена [277].

На первом этапе существования естественно-исторического отдела Института, где и работал И. И. Смирнов, его последовательно возглавляли крупные учёные-ботаники – профессор В. В. Сапожников (рис. 20) и профессор П. Н. Крылов.

Василий Васильевич Сапожников (1861-1924). Источник: [311]

Примечательно, что в детстве и юности Василий Сапожников и Порфирий Крылов проживали в г. Перми, и оба, правда, в разное время обучались в Пермской мужской гимназии [173]. Отметим также, что П. Н. Крылов, по результатам изучения растительности и природных условий обширной по площади и разнообразной по природным условиям Пермской губернии, впервые в 1887 г. обосновал и ввёл в научный оборот термин «лесостепь», который постепенно вытеснил используемый ранее термин «предстепье», введённый А. Н. Бекетовым [173].

Профессор В. В. Сапожников и профессор П. Н. Крылов в 1908-1916 гг. принимали самое активное участие в почвенно-ботанических экспедициях Пере-

селенческого управления в Азиатской части России, поддерживали научные контакты с руководителем работ от Переселенческого управления – К. Д. Глинкой и членами Докучаевского почвенного Комитета.

Порфирий Никитич Крылов (1850-1931). Источник: [349]

На заседании совета Общества «Институт исследования Сибири» 07 августа 1919 г. было принято постановление "Об использовании для нужд исследования Сибири ученых сил из среды лиц, бежавших из эвакуированных городов Поволжья и Урала" (ГАТО. Ф. Р-26. Оп. Д. 24. Л.120), цитируется по [374, С.114]. Состав сотрудников института формировался в основном из профессоров и преподавателей высших учебных заведений Томска и представителей научных сил из Иркутска, Красноярска, Барнаула, Омска, Владивостока [374]. В работе Института принимали участие преподаватели и научные сотрудники Казанского и Пермского университетов, учёные из других образовательных и научных центров Европейской России, которые в результате перипетий Гражданской войны в это время оказались в Томске. Представители Пермского университета работали в каждом отделе нового научного учреждения Сибири. Так, по заданию ИИСибири профессор А. Г. Генкель участвовал в организованной институтом экспедиции на Байкал.

На одном из заседаний Совета Института исследования Сибири слушали «...отношение декана физико-математического факультета Пермского университета от 29 ноября т. г. за № 539 (вх. № 1580) об избрании представителем факультета в естественноисторический отдел института проф[ессора] А. А. Рихтера. По-

становили: принять отношение за № 539 к сведению, проф[ессора] Рихтера утвердить членом сотрудником института по естественно-историческому отделу и об этом сообщить отделу» [115, С.58].

29 января 1920 года В. Н. Беклемишев и С. А. Теплоухов были утверждены членами совета естественно-исторического отдела [115, С.91].

Павел Васильевич Сюзёв занимался научными исследованиями по флоре Сибири и Урала в подотделе ботаники естественно-исторического отдела ИИСибири. П. В. Сюзёв в 1919 г. «...эвакуировался с университетом в Томск, работал преподавателем Томского университета и старшим ассистентом Института исследования Сибири в Томске. Затем вернулся в Пермь, был помощником ректора, а с 1924 г. профессором Пермского университета, читал лекции и проводил курсы по музееведению и географии растений Урала» [79], [230].

П. В. Сюзёв играл важную роль на этапе становления (1918-1922 гг.) Сельскохозяйственного и лесного факультета Пермского университета, был членом Совета факультета [230].

Взаимодействие видных учёных-естествоиспытателей Сибири и Урала в Томске на рубеже 20-30-х годов XX века было плодотворным. Томский период деятельности Общества Естествоиспытателей при Пермском университете, в состав которого входили ведущие преподаватели дисциплин естественных наук Сельскохозяйственного и лесного факультета университета, охарактеризовал в 1924 году профессор Владимир Николаевич Беклемишев. Он, в частности, указал, что «...за время пребывания Университета в Томске (с 13 июля 1919 по 20 марта 1920 г.) Общество не прекращало своей деятельности; **здесь имели место 5 заседаний** Общества, совместно с Томским Обществом Естествоиспытателей и Институтом Исследования Сибири, не говоря об исследовательской деятельности отдельных членов Общества. По приглашению Института Иссл. Сибири, Обществом был командирован представитель (В. Н. Беклемишев) для участия в работах Ест.-Ист. Отдела Института» [25, С.4].

На 17-м Общем Собрании Общества Естествоиспытателей при Пермском Университете [*Об-ва Е.П.У. – курсив А.А.В.*] 15 октября 1919 года (совместно с Обществом Естествоиспытателей и Врачей при Томском университете) председательствовал директор ИИСибири профессор В. В. Сапожников. На заседании «...А. А. Рихтер в краткой речи указал на научную жизнеспособность Об-ва Е.П.У., которая проявилась в нынешних тяжелых условиях. Ибо хотя деятельность его в значительной степени подорвана эвакуацией, оно, тем не менее продолжает работы и вдали от Перми, совместно с Обществом Естествоиспытателей и Врачей при Томском Университете.

Председатель собрания (*В. В. Сапожников – курсив А.А.В.*) в ответном слове выразил надежду, что проявленная молодым Пермским Университетом научная жизнеспособность выразится и в будущем, в работах по изучению Пермского Края и Сибири» [25, С.18].

На совместных заседаниях пермских, казанских и томских учёных-естествоиспытателей выступали с докладами и принимали участие в их обсуждении преподаватели Сельскохозяйственного и лесного факультета Пермского университета: А. Г. Генкель (доклад на тему: «Предварительное сообщение о фитопланктоне озера Байкала»), В. Н. Беклемишев (доклад на тему: «Наблюдения над ресничными червями водоемов г. Томска»), А. А. Рихтер, Д. А. Сабинин, П. В. Сюзёв, Д. М. Дьяконов и другие.

Профессор В. Н. Беклемишев входил в состав библиографической комиссии ИИСибири, как представитель естественно-исторического отдела.

Профессор В. В. Сапожников, отмечал, что Институт Исследования Сибири считает полезным работать совместно с Обществом Естествоиспытателей, так как дела их во многом совпадают, а также указывал на «желательность привлечения более широких кругов общества к работе института» [25, С.19].

Таким образом, в результате стечения многих обстоятельств, И. И. Смирнов в январе 1920 года, после почти семилетнего перерыва, связанного с военной службой, снова оказался в близкой к его профильному образованию и научным интересам научной среде. Он стал работать в естественно-историческом отделе ИИСибири вместе с профессорами и преподавателями Пермского университета.

Совет Института исследования Сибири решал кадровые и организационные вопросы для реализации мероприятий по обследованию почвенного покрова Сибири. Так, на своём заседании 04 марта 1920 г. совет рассмотрел отношение естественно-исторического отдела от 04 марта с. г. о возбуждении ходатайства перед уездным (*Томским – курсив А.А.В.*) военным комиссаром об откомандировании приглашенного советом отдела для работ в почвенных экспедициях в качестве практиканта студента Московского с[ельско]-х[озяйственного] института Александра Васильевича Дмитриева, состоящего военнопленным и находящегося на излечении в лазарете. Было вынесено постановление возбудить ходатайство перед уездным военным комиссаром об освобождении военнопленного студента Александра Васильевича Дмитриева для работ в почвенных экспедициях [115]. Ходатайство совета Института было удовлетворено.

В качестве документов, связанных с работой И. И. Смирнова в Институте исследования Сибири, приведём ещё несколько фрагментов из Журналов заседания [115] его совета:

«Ж У Р Н А Л № 14

заседания совета Института исследования Сибири

12 февраля 1920 г.

Под председательством и. о. директора В. В. Сапожникова.

Присутствовали: помощник директора Б. П. Вейнберг и члены В. Д. Дудецкий, В. И. Бауман, С. С. Неуструев, Я. И. Николин и ученый секретарь Н. Н. Бакай [115, С.98]

<...> 14. С л у ш а л и: заявление С. С. Неуструева о приглашении Неуструева и [В. В.] Сапожникова в качестве руководителей почвенных и бота-

нических исследований в Омской губернии, предпринимаемых Омским губземотделом, а также об откомандировании почвоведом, ассистента ест[ественно]-ист[орического] отдела **И. И. Смирнова** в распоряжение Омского губземотдела для указанных выше почвенных исследований.

П о с т а н о в и л и: ввиду желательности сосредоточения всей работы по исследованию Сибири в Институте исследования Сибири разрешить **В. В. Сапожникову** и **С. С. Неуструеву** руководить почвенными и ботаническими исследованиями в Акмолинской области, предпринимаемыми Омским губземотделом, и откомандировать почвоведом **И. И. Смирнова** в распоряжение Омского губземотдела» [115, С.101].

(Акмолинская область – в современных границах южная часть Омской области РФ и северные территории Республики Казахстан – курсив А.А.В).

<...> Ж У Р Н А Л № 15

заседания совета Института исследования Сибири

19 февраля 1920 г.

Под пред[седательством] и. о. дир[ектора] **В. В. Сапожникова**.

Присутствовали: **Б. П. Вейнберг**, **И. И. Бобарыков**, **С. С. Неуструев**, **В. И. Бауман**, **В. Д. Дудецкий**, **Н. Н. Бакай**» [115, С.102]

<...> 3. С л у ш а л и: устное сообщение **С. С. Неуструева** о выезде в г. Омск в самом ближайшем времени лошаадьми или поездом младшего ассистента ест[ественно] истор[ического] отдела **И. И. Смирнова**.

П о с т а н о в и л и: вручить **И. И. Смирнову** все материалы о возникновении и деятельности института и смету с объяснительной запиской на содержание института в 1920 г. для осведомления лиц, интересующихся работой института, и для передачи по приезду в Омск этих материалов **В. Я. Нагнибеде**, если в них встретится у Нагнибеды надобность. Кроме того, поручить **И. И. Смирнову** передать в Ново-Николаевске и Омске учреждениям, ведущим исследовательскую работу, «Труды съезда по организации Института исследования Сибири» и просьбу института о сообщении плана работ на 1920 г. в части, касающейся исследований» [115, С.103].

<...> Ж У Р Н А Л № 21

заседания совета Института исследования Сибири

1 апреля 1920 г.

Под председательством и. о. директора института **В.В. Сапожникова**.

Присутствовали: помощник директора **Б. П. Вейнберг** и члены: **М. К. Азадовский**, **С. И. Руденко**, **В. Я. Нагнибеда**, **В. Д. Дудецкий**, **М. А. Великанов**, **Н. В. Гутовский**, **С. С. Неуструев** [115, С.124]

<...> 5. С л у ш а л и: сообщение из Омска младшего ассистента естественно-исторического отдела **И. И. Смирнова** о его участии в **комиссии по районированию Сибири** и о недостаточности привезенных им «Трудов съезда по организации Института исследования Сибири» для раздачи учреждениям, ведущим исследовательскую работу, и о высылке с **С. С. Неуструевым** нескольких экземпляров «Трудов».

П о с т а н о в и л и: а) просить комиссию по районированию Сибири осведомить институт об их работе; б) просить естественно-исторический отдел ускорить ответ на запрос географического отдела поэтому же вопросу и в) просить **С. С. Неуструева** при отъезде в Омск взять несколько экземпляров «Трудов» для передачи не получившим таковых учреждениям, ведущим исследовательскую работу» [115, С.125]

<...> 10 С л у ш а л и: отношение заведующего естественно-исторического отдела **С. С. Неуструева** об избрании советом отдела 30 марта с. г. специалистом отдела **Михаила Ивановича Рожанца**.

П о с т а н о в и л и: Михаила Ивановича Рожанца утвердить специалистом естественно-исторического отдела с 30 марта 1920 г.

11 С л у ш а л и: заявление уполномоченного Ново-Николаевским отделом народного образования **И. И. Смирнова** о допущении его к продолжению работы по упаковке музея, переданного Институтом исследования Сибири для первого основного музея в г. Ново-Николаевске.

П о с т а н о в и л и: допустить по предъявлении полномочий» [115, С.126].

<...> Ж У Р Н А Л № 24

заседания совета Института исследования Сибири

22 апреля 1920 г.

Под председательством и. о. директора института **В. В. Сапожникова**.

Присутствовали: **А. П. Поспелов**, **Н. В. Гутовский**, **С. И. Руденко**, **С. С. Неуструев**, **М. К. Азадовский**, **Я. И. Николин** и учёный секретарь **Я. Н. Бакай** [115, С.140]

<...> 12 С л у ш а л и: выписку из журнала заседания совета естественно-исторического отдела от 20 апреля с. г., заключающую следующие постановления: а) об откомандировании сотрудника отдела **А. В. Дмитриева** в распоряжение Омской почвенно-ботанической экспедиции с 15 апреля и об обращении с просьбой к совету о выдаче командировочной бумаги Дмитриеву и об извещении почвенной экспедиции Омского губземотдела о состоявшемся постановлении и в случае надобности возбуждения ходатайства перед кем следует о разрешении Дмитриеву выезда из г. Томска в г. Омск; б) об избрании в качестве сотрудника-практиканта по почвенному подотделу студента технологического института, топографа Томского переселенческого района и слушателя курсов по подготовке исследователей природы **Евгения Иосифовича Серякова** с откомандированием его в Омскую почвенно-ботаническую экспедицию в качестве помощника почвоведов на 5 месяцев с апреля 1920 г., об оплате работы Серякова по возвращении из командировки институтом из расчета не менее оклада помощника специалиста Омского губземотдела и в соответствии со ставками института, об обращении с просьбой к совету об утверждении приглашения Серякова и о снабжении его документами о поступлении его на 5 месяцев в Омскую почвенно-ботаническую экспедицию и о возбуждении ходатайства перед Томским губземотделом об откомандировании Серякова от Томского переселенческого района;

П о с т а н о в и л и: а) сотрудника естественно-исторического отдела А. В. Дмитриева откомандировать в распоряжение Омской почвенно-ботанической экспедиции с 15 сего апреля и возбудить ходатайство перед Томским уездным военным комиссариатом о разрешении **Дмитриеву** выехать в Омск; б) студента технологического института топографа Томского переселенческого района Е. И. Серякова утвердить сотрудником-практикантом естественно-исторического отдела с 20 сего апреля, откомандировать его в Омскую почвенно-ботаническую экспедицию на 5 месяцев, по возвращении из командировки работу **Серякова** оплачивать из средств Института применительно к ставкам соответствующих должностей. Возбудить ходатайство перед Томским губземотделом об откомандировании Серякова от Томского переселенческого района в распоряжение Института исследования Сибири» [115, С.144-146].

<...> Серяков Евгений Иосифович – сотрудник-практикант Почвенного подотдела естественно-исторического отдела Института исследования Сибири. В апреле 1920 г. был откомандирован в Омскую почвенно-ботаническую экспедицию в качестве помощника почвоведом. Окончил Омское среднее сельскохозяйственное училище, в 1917 г. работал гидротехником отделения Акмолинского переселенческого района в Атбасарском уезде. В 1919 г. – топограф Томского переселенческого района, землемер II разряда. С мая 1919 г. – студент ТТИ. Прослушал цикл наук на курсах подготовки исследователей природы» [115, С.245].

По поручению руководства ИИСибири, И. И. Смирнов совершал переезды по железной дороге из Томска в другие города Сибири. Во время командировок в Омск и Новосибирск в первой половине 1920 года младший ассистент естественно-исторического отдела И. И. Смирнов решал с органами советской власти в Омске организационные вопросы по функционированию и финансированию ИИСибири, устанавливал научные контакты с местными научными учреждениями, снабжал их «Трудами съезда по организации Института исследования Сибири».

Передвижение по сибирским железным дорогам в период Гражданской войны и сразу после её окончания было крайне опасным для здоровья и жизни пассажиров. В ослабевшей России вспыхнула эпидемия тифа. Исследования историков показывают, что, только, по предварительным сведениям, в 1918-1923 гг. было зарегистрировано свыше 7,5 млн. случаев заболеваний сыпным тифом; умерло от него более 700 тыс. чел. [217].

Характеристика этой мрачной страницы в истории России поможет понять условия жизни и работы И. И. Смирнова и его современников в первой половине 1920 года.

«В госархивах Сибири сохранились документы колчаковского периода и первых лет советской власти, проливающие свет на возникновение, развитие и окончание эпидемий острых инфекционных болезней, распространявшихся по России с запада на восток. Помимо "испанки" – пандемической формы птичьего гриппа H1N1, в тюрьмы и концлагеря Временного Сибирского правительства пленные красноармейцы занесли "сыпняк" – сыпной, брюшной, возвратный и дру-

гие тифы, что способствовало вспышке заболеваний среди заключенных. <...> уголовники, содержащиеся (в тюрьме) вместе с политическими, имели выход в город – они снимали с мертвых одежду, которую продавали на рынках и тем самым распространяли инфекцию.

Вскоре началась эвакуация. Отступающий под натиском 5-й армии Тухачевского А. Колчак был увлечен маниакальной идеей вывезти все и вся. Транссибирская магистраль была забита составами с вагонами, груженными войсками, оборудованием, сырьем, беженцами, и вскоре встала. К идее ничего не оставлять "красным" относится, и попытка Колчака вывезти заключенных, больных и здоровых, которых сначала гнали этапом вдоль железной дороги. Ослабевших конвой пристреливал, а оставшихся в живых вскоре посадили в вагоны и повезли вплоть до Забайкалья, отчего была заражена вся Сибирь. Транссиб превратился в русло сыпнотифозного потока.

О том времени вспоминал современник: "Целые вагоны вымирают от тифа. Врача ни одного. Медикаментов никаких. Целые семьи в бреду. Вдоль дороги трупы. У станций штабеля трупов". Тухачевский отмечал, что дорога от Омска до Красноярска представляла собой сплошное царство сыпного тифа. <...> К чести наступающих, ответных "кровавых бань" для больных пленных белогвардейцев они не устраивали. В захваченном ими Омске, колчаковской столице, красноармейцы столкнулись с 15 тысячами брошенных больных врагов, которыми надо было заниматься. Назвав эпидемию "наследством белых", победители повели борьбу на два фронта, в том числе против тифа. Положение сложилось катастрофическое. В Омске ежедневно заболевали 500 человек и 150 умирали. Эпидемией были поражены все общественные места – Беженский приют, сиропитательный дом, рабочие общежития, почтовая контора и другие помещения, где больные лежали на нарах вповалку, на полу на гнилых тюфяках. На новосибирской станции Кривошёкове стояли 3 штабеля по 500 трупов в каждом. Еще 20 вагонов с умершими находились поблизости. Аналогичное положение сложилось повсеместно. "Наследство" досталось жуткое.

<...> Сибирский Чекатиф (Чрезвычайная комиссия по борьбе с тифом) <...> организовал 150 тысяч коек для больных и 80 тысяч для выздоравливающих, что обратило мор в эпидемию. К 1920 году <...> стали отмечать снижение общей тифозной заболеваемости. Сибирь была спасена» [2], [257].

Сложнейшее положения на отрезке железной дороги Томск-Пермь в первой половине 1920 года было описано в воспоминаниях очевидца тех событий – преподавателя Пермского университета Ю. А. Орлова. Он рассказал, что после освобождения Томска от колчаковских войск начался процесс возвращения Пермского университета в Пермь или «резэвакуация»: «...В Пермь первыми поехали А. А. Заварзин, профессор Д. М. Федотов и, кажется, В. М. Здравомыслов. По дороге Д. М. Федотов заболел сыпным тифом в тяжелой форме, Алексей Алексеевич (врач, профессор гистологии Алексей Алексеевич Заварзин – курсив А.А.В.) за ним ходил, а самое главное, каким-то образом сумел довести его до

Перми, вероятно, обманом, так как ссаживали с поездов не только сыпнотифозных, но и сопровождавших их. Таким образом, реэвакуацию ассистенты Алексея Алексеевича провели без него. Всем хотелось побыстрее вернуться в Пермь. Однако не хватало железнодорожных составов, на железной дороге свирепствовал по-прежнему сыпной тиф. Не было и продовольствия. Наконец, в марте мы начали погрузку в теплушки. Они были предварительно прокурены для дезинфекции серой, щипало нос сернистым газом <...> В эшелон никого из посторонних не пускали из-за боязни заражения сыпным тифом» [241].

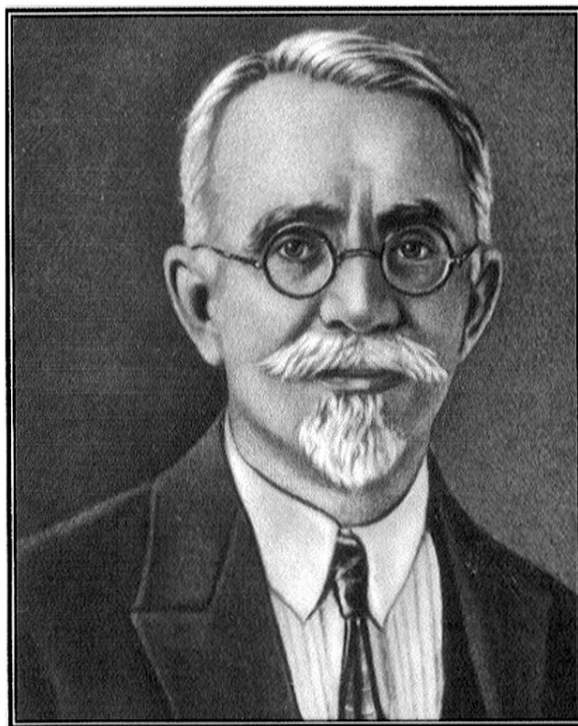
В такой сложной эпидемиологической обстановке совершал весной 1920 г. неоднократные междугородние (Омск, Новониколаевск) железнодорожные переезды из Томска И. И. Смирнов – ассистент ИИСибири. Ему, как высококультурному и образованному человеку, удалось в 1920 году избежать заражения опасными инфекционными заболеваниями.

С. С. Неуструев и учёные-почвоведы в ИИСибири. В организации и работе естественно-исторического отдела ИИСибири заметную роль играли ученые-почвоведы. В январе 1920 года профессор П. Н. Крылов покинул должность руководителя естественно-исторического отдела института. Его сменил секретарь Докучаевского почвенного Комитета (ДКП) Сергей Семёнович Неуструев. В комитете С. С. Неуструев организует регулярные научные заседания, участвует в создании почвенного музея комитета, редактирует «Известия Докучаевского почвенного Комитета».

О Сергее Семеновиче Неуструеве – крупнейшем почвовед-географе, – имеется обширная литература в виде монографий, отдельных статей, посвященных его выдающемуся вкладу в науку [121], [160] и др.

С. С. Неуструев занимает особое место в истории становления высшего почвоведческого образования и развития почвоведения как науки на Урале и в Сибири [30], [147]. В 1915-1918 гг. крупная почвенно-ботаническая экспедиция, которую возглавляли С. С. Неуструев и его помощники – Рожанец и Горшенин, осуществила обследование почвенного и растительного покровов территории Оренбургской губернии. Работы экспедиции охватывали территорию всей губернии, в том числе, Троицкий и Челябинский уезды [147]. Последние, в результате административно-территориальной реформы, с 1923 г., на правах округов, были включены в состав Уральской области РСФСР (1923-1934 гг.). Почвенный покров территории Зауралья многие годы был объектом исследований для преподавателей и студентов кафедры почвоведения Агрономического факультета Пермского государственного университета, а затем факультета почвоведения и агрохимии Уральского (Пермского) СХИ, почвенного отделения Уральского Института Почвоведения и Агрохимии (УИПиА) (1931-1933). Материалы экспедиции Неуструева (1915-1918 гг.) были востребованы пермскими почвоведцами уже в 1925 году, когда под руководством профессора В. В. Никитина была организована комплексная Троицкая экспедиция (1925-1927 гг.) [45], [46], [150], [232], [233]. 20 января 1919 года, в «белом» Омске, на съезде по организации Института исследования Сибири, М. И. Рожанец, сделал доклад «Роль Докучаевского почвенного Комите-

та в исследовании почв Сибири и ближайшие задачи таких исследований. (К вопросу об организации почвенного Отдела Института исследования Сибири)». В докладе он отметил, что «...приходится пока отказаться от мысли возобновить сводные почвенные работы из-за отсутствия материалов и очень незначительного числа специалистов, но удовлетворение самых насущных текущих нужд различных отделов Министерства земледелия в связи с колонизацией, мелиорацией и агрономическими проблемами, должно стать первоочередной целью Института исследования Сибири, так как работами маршрутного, рекогносцировочного характера в областях колонизационных изысканий будут расширены наши географические познания о почвах Сибири, а детальная съемка для целей мелиорации и сельскохозяйственных мероприятий углубят понимание отдельных почвенных типов, их генезиса, эволюции и жизни. Для этого необходимо организовать небольшое бюро в виде временного отдела или подотдела, по крайней мере из двух специалистов почвоведов, работающих или работавших на территории Сибири, поручив им собрать сведения о всем наличном персонале почвоведов на территории Сибири и о всех предполагаемых различными ведомствами и учреждениями изысканиях в области почвоведения и принять все меры к объединению этих работ и работников в Институте исследования Сибири» [*Труды съезда по организации Института исследования Сибири: в 5 ч. Томск, 1919. Ч. 3. С. 15-20*].

Сергей Семенович Неуструев (1874-1928). Источник: [133]

Из протоколов заседаний Совета ИИСибири известно, что один из близких соратников С. С. Неуструева – член Докучаевского почвенного Комитета Михаил Иванович Рожанец исполнял обязанности секретаря естественно-исторического отдела ИИСибири с 1 августа 1919 г., а с 30 марта 1920 г. он был избран специалистом отдела. В «белый» Томск М. И. Рожанец прибыл с женой С. Е. Кучерев-

ской-Рожанец в июне 1919 из Оренбурга, где после нанесения поражения казачьим войскам атамана Дутова, была восстановлена власть красных. В ИИСибири М. И. Рожанец занимался сбором коллекции монолитов основных типов почв Томского уезда для музея естественно-исторического отдела, обследовал окрестности Томска в почвенно-ботаническом отношении [292].

В период нахождения в Томске, М. И. Рожанец в 1920 г. читал лекции по предмету «Коллектирование почв, почвенные исследования в природе». Курсы для подготовки исследователей природы и инструкторов по составлению школьных коллекций и созданию школьных музеев находились в ведении особой советской комиссии при ИИСибири и имели цель дать подготовку лицам, желающим участвовать в естественно-научных экспедициях и экскурсиях, самостоятельно вести изучение природы, собирать коллекции для научных учреждений, школ, музеев и т.п., а также тем лицам, которые хотели бы пополнить свои знания. С. С. Неуструев вел занятия на курсах по «Почвоведению» и «Основам общего страноведения», а Константин Петрович Горшенин по предмету «География почв Сибири» [103, С. 55].

Программа курсов была разработана С. С. Неуструевым [103, С.54]. Всего читался 41 курс. «Среди тех, кто читал лекции слушателям курсов, были профессора В. В. Сапожников (основные группы растительного царства и флористическая география растений; ботаническое коллектирование и гербаризация), Б. П. Вейнберг (магнитология), <...> М. А. Усов (динамическая геология; стратиграфия), <...> П. К. Соболевский (съёмка с барометрической нивелировкой и чтение географических карт, определение географических координат (краткий курс практической астрономии). На курсах преподавал также <...> П. В. Сюзёв (коллектирование и гербаризация) [103, С.55].

Работа Ивана Ивановича Смирнова в коллективе естественно-исторического отдела ИИСибири вместе с опытными почвоведом и естествоиспытателями университетов Томска, Казани, Перми и др., хотя и была по времени непродолжительной, но способствовала восстановлению его профессиональных навыков, которые в период воинской службы он мог использовать только частично и не по профилю профессии почвоведом.

7. Профессор Варгин Владимир Николаевич и Смирнов Иван Иванович в Институте исследования Сибири

Весьма интересным является до сих пор малоизвестный факт работы «основателя пермского Агрофака» Владимира Николаевича Варгина в Институте исследования Сибири. Владимир Николаевич Варгин – выпускник 1888 г. Петровской земледельческой академии, был Агрономом с большой буквы и обладал энциклопедическими знаниями. Пребывание и работу В. Н. Варгина в Томске следует рассматривать как один из эпизодов предыстории кафедры почвоведения Пермского государственного университета. В Институте исследования Сибири состоялась личное знакомство почвоведом И. И. Смирнова с профессором В. Н. Варгиным.

Масштабная и значимая для Пермского края личность В. Н. Варгина на протяжении многих лет привлекает внимание ученых и исследователей истории Пермского ГАТУ. Заметным событием в историографии вуза была публикация в 2017 году книги «Варгин Владимир Николаевич» [43].

Кажется, что были установлены и детально описаны все этапы его жизни и деятельности. Вместе с тем, отдельные важные моменты в научной биографии Варгина остались вне поля зрения биографов учёного. Прежде всего, это касается периода времени проживания Владимира Николаевича в Сибири, который, по нашим предварительным оценкам, составляет целый год (июль 1919 г. – июль 1920 г.).

Т. В. Кувардина и Г. И. Жаворонкова в книге «Варгин Владимир Николаевич» характеризуют эту часть биографии учёного следующим образом: "Есть упоминание того, что В. Н. Варгин какое-то время жил и служил в Сибири, скорее всего дочь была с ним. До 1920 г. есть перерыв в ее послужном списке; а затем – Мария (*дочь В. Н. Варгина – курсив А.А.В.*) – делопроизводитель в здравотделе г. Перми"» [43, С.164]. Статья краеведа Н.Е. Красноперовой [43, С.146-156] содержит фрагмент из автобиографии В. Н. Варгина: «В "Жизнеописании", составленном профессором агрономического факультета Пермского государственного университета Владимиром Николаевичем Варгиным 29 мая 1927 г., он сухо и кратко пишет: "... С 1899 г. по 1913 г. служил губернским агрономом Пермского земства. С 1913 г. и до настоящего времени работаю по сельскохозяйственному опытному делу – до 1920 г. в качестве заведующего сетью опытных учреждений Пермской губернии, а с 1920 г. – агронома-консультанта по опытному делу и его применению при Пермской сельскохозяйственной опытной станции. 17 февраля 1920 г. был избран профессором Агрономического факультета Пермского государственного университета на кафедру "Организации хозяйства" [ГАПК. Ф. Р-180. Оп.6. Д.62. Л.2]» [43, С.150]. Следовательно, краеведы и близкие родственники (*Т. В. Кувардина является правнучкой В. Н. Варгина – курсив А.А.В.*) в своих публикациях о В. Н. Варгине никак не отражают подробности его жизни и научной деятельности в Сибири. В. Н. Варгин в автобиографии, написанной в 1927 году, и в других документах об этом факте своей биографии также не упоминает.

В книге «Варгин Владимир Николаевич» [43] Г. И. Жаворонкова, приводит и такую информацию о сибирском этапе жизни Варгина: «Г. А. Соколов на кон-

ференции в 1966 г. в Пермском СХИ вспоминал, что с 1918 по 1920 годы работы по опытной сети были прерваны. В это время В. Н. Варгин находился в Сибири и в 1920 году еще работал в Тобольском Губернском земском отделе» [43, С.94]. Сведения Г. А. Соколова о работе Владимира Николаевича в указанном учреждении требуют уточнения.

Агроном Золотов Михаил Евгеньевич – ближайший помощник В. Н. Варгина по Пермской сельскохозяйственной опытной станции, эвакуировался вместе с войсками Колчака из Перми в Томск, работал (в один из отрезков периода времени с 1919 г. по 1923 г.) в Томском губземотделе [43, С.169-174]. М. Е. Золотов с 1923 г. был в числе ключевых преподавателей агрономического факультета Пермского государственного университета.

До настоящего времени Сибирский период всё ещё остаётся «белым пятном» в жизни В. Н. Варгина, так как нет полной ясности о деятельности Владимира Николаевича во второй половине 1919 года. Для уточнения информации потребуется дополнительно изучить материалы из Государственных архивов Омской, Томской и Иркутской областей.

Записи в Журналах заседаний совета Института исследования Сибири свидетельствуют, что В. Н. Варгин с 06 января 1920 года, после заслушивания его *curriculum vitae* (в переводе с латинского – «ход жизни» или краткое описание жизни и профессиональных навыков – курсив А.А.В.), был избран специалистом-агрономом, позднее председателем сельскохозяйственного подотдела естественно-исторического отдела Института исследования Сибири [115, С.175-176]. В естественно-историческом отделе Института исследования Сибири В. Н. Варгин проработал до июня 1920 года, т.е. до самого отъезда в Пермь [115].

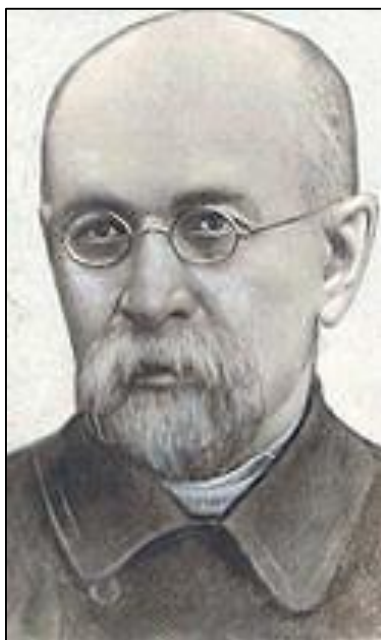
Постановлением Сибревкома летом 1920 г. ИИСибири, «как "центр интеллигентских сил, враждебно настроенных к Советской власти" был закрыт, хотя его труды (всего с 1919 г. было издано шесть выпусков «Известий ИИС») издавались ещё в 1921 г.» [202], [321, С.30].

В период своей службы в ИИСибири В. Н. Варгин вместе с представителями Союза агрономов Сибири занимался разработкой проекта самостоятельного сельскохозяйственного отдела в составе ИИСибири, организовывал покупку и пересылку семян пшеницы для постановки полевых опытов, готовил к изданию рукописи сразу нескольких своих книг [115].

За время работы в отделе, В. Н. Варгин подготовил материалы по сельскохозяйственному районированию Сибири. Вся работу Института по составлению карты естественных районов Сибири возглавлял С. С. Неуструев, который также занимался почвенным районированием Урала [85]. Неуструев считал возможным составление карты естественных районов Сибири только коллективным путем [118]. Переселенческим управлением Министерства земледелия правительства адмирала А. В. Колчака на составление этой карты было выделено в 1919 г. 150 тыс. руб. [115]. Весьма внушительная сумма средств, выделенных на цели районирования, свидетельствует о том, что правительство высоко оценивало значимость проводимых работ и доверяло С. С. Неуструеву.

В комиссии по районированию Сибири принимали участие ассистент есте-

ственно-исторического отдела ИИСибири И. И. Смирнов и специалист-агроном отдела В. Н. Варгин. Их личное знакомство и совместная работа в Томске послужили предпосылкой для приглашения И. И. Смирнова в конце 1922 года на работу в Пермь. К этому времени оставались вакантными должность заведующего химической лабораторией Пермской сельскохозяйственной опытной станции и должность преподавателя почвоведения Сельскохозяйственного и лесного факультета Пермского университета. В работе названных учреждений агрономического профиля г. Перми самое деятельное участие принимал В. Н. Варгин.

Владимир Николаевич Варгин (1866-1936).
Источник: фонды Музея Пермского ГАТУ

В. Н. Варгин был «известный всей России и далеко за ее пределами» [76] агроном Пермской губернии, хорошо знали его и почвоведы России, как автора книги «Почвоведение». К 1919 году было выпущено уже шесть изданий учебного пособия В. Н. Варгина «Почвоведение» [44].

В. Н. Варгин и С. С. Неуструев, судя по фотографиям с их изображениями, имели даже некоторое внешнее сходство. Сотрудничество пермского профессора В. Н. Варгина и почвоведов Докучаевского почвенного Комитета – С. С. Неуструева и К. П. Горшенина продолжилось позднее – в 1923-1924 годы, и оно выразилось в подборе преподавателей для кафедры почвоведения Пермского государственного университета. При поддержке В. Н. Варгина, К. П. Горшенина и С. С. Неуструева сначала преподавателем кафедры был избран бывший ассистент Института исследования Сибири, преподаватель СибАки И. И. Смирнов, а через некоторое время – профессор Псковского СХИ В. В. Никитин.

Но до начала «пермского» периода в биографии почвоведом И. И. Смирнова был в его жизни ещё и «омский» период. И. И. Смирнов свыше двух лет проработал в Сибирском институте сельского хозяйства и промышленности (СИСХиП) – Сибирской Академии сельского хозяйства (СибАки) в г. Омске.

8. Омский период. Сибирский институт сельского хозяйства и промышленности (СИСХиП) и Сибирская Академия сельского хозяйства (СибАка)

Многие исследователи отмечают, что изучение науки и высшего образования в Сибири в период Гражданской войны – одна из наиболее проблемных страниц в отечественной исторической науке. Не стал исключением в этом смысле и начальный период истории ОмГАУ, который в феврале 2018 г. отметил своё столетие со дня образования. Н. Г. Казыдуб и О. А. Милищенко охарактеризовали трудности в изучении истории вуза следующим образом: «Бурные события, пережитые страной **за первые десять лет** советской власти, почти не сохранили архивных документов о первых днях факультета, да и вуза в целом (в сетку высших школ он был включён в апреле 1922 г., а в СССР о нём узнали только в 1923 г. от А. В. Луначарского и В. И. Ленина; других документов не сохранилось)» [137, С.449].

Историографы Омского ГАУ кратко характеризуют период становления первого сельскохозяйственного вуза в Сибири следующими основными историческими вехами:

09 декабря 1917 г. принято решение об открытии вуза, ректором-организатором был избран д.с.с. П. И. Плодовский, а 2/15 февраля 1918 г. состоялось первое заседание учёного совета, на котором и. о. директора К. Н. Саввон передал дела ОССХУ (*Омского среднего сельскохозяйственного училища – курсив А.А.В.*) ректору В. С. Титову <...> Институт получил название Сибирский институт сельского хозяйства (СИСХ).

<...> 19 апреля - 25 июля 1919 г. решением Правительства А. В. Колчака было произведено объединение Омского политехнического института (организованного на базе прежнего Омского коммерческого института в марте 1918 г.) и СИСХ в единый вуз – СИСХиП... <...> Полное название нового вуза – Сибирский институт сельского хозяйства и промышленности. <...> После слияния 20 марта 1922 г. СИСХиП с Омским земельным институтом и организации Сибирской сельскохозяйственной академии (СибАка, СибАка)» [161].

С открытием доступа к новым архивным материалам, стало известно, что российские учёные, по разным причинам оказавшись в Омске – столице «белой» Сибири, были привлечены к работе в органах власти этой подконтрольной контрреволюционерам территории. Так, видный почвовед-географ С. С. Неуструев летом 1919 года, после поражения казачьих войск атамана Дутова и установления в Оренбурге советской власти, переехал с женой Ольгой Эвертовной Кнорринг-Неуструевой в г. Омск. С. С. Неуструев «...в 1919 г. был назначен членом Сельскохозяйственного ученого комитета Министерства земледелия и колонизации Всероссийского правительства адмирала А. В. Колчака» [115, С.237].

Сельскохозяйственный Учёный комитет Министерства возглавлял директор Омского среднего сельскохозяйственного училища, первый ректор Сибирско-

го института сельского хозяйства (СИСХ), профессор-энтомолог Петр Игнатьевич Плодовский. Очевидно, что в состав Учёного комитета Министерства земледелия и колонизации Всероссийского правительства адмирала А. В. Колчака, в период нахождения его в Омске (июль 1918 - конец 1919 гг.), входили и другие профессора СИСХ, в том числе и С. С. Неуструев.

Историки отмечают, что «...обилие рафинированных интеллигентов и высокая концентрация научных работников создавали своеобразную атмосферу в Министерстве. Периодически созывавшиеся многочленные совещания при Министерстве больше напоминали не деловую встречу практиков-бюрократов, а научный симпозиум» [303, С.10-11].

А. И. Климентьев, И. В. Иванов и Л. В. Березин [147] дают несколько иную трактовку взаимоотношений С. С. Неуструева и белых в г. Омске: «В этом же году (1918 г. - курсив А.А.В) С. С. Неуструев отправился для продолжения почвенных исследований в Оренбург, но, неожиданно попав на территорию, где вспыхнула гражданская война, оказался отрезанным от Петрограда. Будучи в Омске, он попал в плен к Колчаку и был под угрозой расстрела, но затем отпущен» [147]. Возможно, что арест С. С. Неуструева представителями армии А. В. Колчака и угроза его расстрела имели место, так как отдельные группы военных как среди белых, так и красных, в годы Гражданской войны отличались своей радикальностью и непредсказуемостью.

Длительное время фигуранты событий Гражданской войны в автобиографиях старались не упоминать о своей работе в органах власти белых правительств. В годы «Большого террора» 1937-1938 гг. значительная часть учёных была репрессирована за «сотрудничество» с белыми.

В 1918-1920 гг. усилиями С. С. Неуструева и его соратников в сельскохозяйственном вузе г. Омска была организована первая в Сибири кафедра почвоведения. Материально-техническая база для создания кафедры почвоведения в Омске оказалась весьма солидной. «Драверт П. Л., уникальный человек, <...> **в ноябре 1918 г.** вывез из Семипалатинска на агрофак пять вагонов с оборудованием агрономической (почвенно-ботанической) лаборатории Неуструева и Горшенкина и нерастроченный кредит в 1000 твёрдых рублей» [204].

В очерках о ранней истории агрономического факультета Омского ГАУ есть сведения о том, что С. С. Неуструев преподавал ботанику и почвоведение студентам Сибирского института сельского хозяйства (СИСХ), открытого в январе-феврале 1918 года. Об этом пишет О. А. Милищенко: «Первыми организаторами учебного процесса и кафедр единственного тогда агрономического факультета были В. В. Таланов (селекция), **С. С. Неуструев** (ботаника и почвоведение), К. А. Умов (агрономия, земледелие), а также преподаватели ОССХУ – Н. Н. Болдырев (химик), П. И. Плодовский (зоолог, ректор-организатор института) ...» и другие [204].

В. В. Берников [32], со слов очевидцев событий того времени, описал в 1940 году некоторые моменты создания кафедры почвоведения в Омске следую-

щим образом: «в первых числах мая 1920 г. группа почвоведов с С. С. Неуструевым во главе прибыла из Томска в Омск в товарном вагоне, на две трети загруженном экспедиционным инвентарем. Летом того же 1920 г. группа развернула почвенные работы на территории б. Омской губернии, а в дальнейшем выделила из своей среды ядро, из которого образовалась <...> первая в Сибири кафедра почвоведения.

<...> В момент организации (весной 1920 г.) весь персонал кафедры состоял из профессора, ассистента и лаборанта. В качестве заведующего кафедрой был тогда приглашен профессор С. С. Неуструев, а его ассистентом – К. П. Горшенин» [32, С.78]. Фамилию лаборанта кафедры В. В. Берников не указал, хотя для организации лабораторно-практических занятий по почвоведению – это ключевая фигура на кафедре. И этой фигурой на этапе становления кафедры почвоведения СИСХиП сначала был М. Н. Архангельский (?), а чуть позднее И. И. Смирнов [61, Л.2].

И. Ф. Храмцов и Б. С. Кошелев [379] в монографии по истории аграрного образования и науки в Омской области указали, что кафедра почвоведения в СИСХиП была создана в 1920 году, т.е. уже после отступления войск А. В. Колчака из Омска [379]. Это не противоречит указанным выше сведениям о том, что С. С. Неуструев преподавал ботанику и почвоведение студентам Сибирского института сельского хозяйства (СИСХ) в 1918-1919 гг. Самостоятельная кафедра почвоведения в омском сельскохозяйственном вузе в 1918-1919 гг. ещё не была организована.

И. Ф. Храмцов и Б. С. Кошелев [379], ссылаясь на источник по истории вуза 1958 года, утверждают, что <...> «в начальный период истории кафедры почвоведения в Омске в ее состав входили С. С. Неуструев, М. Н. Архангельский, К. П. Горшенин, **И. И. Смирнов**, М. А. Винокуров» [354, С.35].

И. И. Смирнов, под руководством С. С. Неуструева, работал не только на кафедре почвоведения СИСХиП (г. Омск), но и участвовал в обследовании почвенного покрова региона. Летом 1920 г. И. И. Смирнов проводил исследования на территории Омской губернии в качестве помощника почвоведом почвенно-ботанической экспедиции. Работы выполнялись по заявке Омского губернского земельного управления. Для этого Омским ГЗУ был заключён договор с Институтом исследования Сибири, когда его сотрудниками являлись С. С. Неуструев и И. И. Смирнов. В протоколе заседания совета Института исследования Сибири от 03 июня 1920 г. (журнал №30) записано: «...слушали: следующую телеграмму из Омска от С. С. Неуструева: <...> экспедиция работает опытным поле выезд задерживается недостатком экипажей» [115, С.181]. Следовательно, почвенно-ботанические работы весной 1920 года экспедиция С. С. Неуструева, К. П. Горшенина и И. И. Смирнова начала с изучения почвенного покрова опытных полей в Омском уезде.

В 1920-1922 гг. С. С. Неуструев, К. П. Горшенин и И. И. Смирнов организовали обследование почвенного покрова Омского и Калачинского уездов Омской губернии [32]. Для выбора местоположения опытного поля в степной зоне губер-

нии было проведено обследование почвенного покрова в Атбасарском уезде [242].

В Сибирском институте сельского хозяйства и промышленности (СИСХ и П) Иван Иванович Смирнов работал с 01 февраля 1921 г. до конца 1922 г. Он был назначен лаборантом почвенной лаборатории (с 01.02.1921г.), затем избран по конкурсу преподавателем кафедры почвоведения (с 02.07.1921 г), но позднее был переведен на должность научного сотрудника (с декабря 1921 г.). И. И. Смирнов руководил практическими занятиями студентов в почвенной лаборатории института [61, Л2]. Лекции читал С. С. Неуструев, а после его отъезда – К. П. Горше-нин.

Перевод И. И. Смирнова на должность научного сотрудника автоматиче-ски означал лишение его права самостоятельно читать лекции студентам. Лекци-онные курсы могли вести только лица, занимающие должности профессора или преподавателя. Сотрудники Омского ВЧК следили за кадровыми назначениями в сельскохозяйственном вузе и «проявили революционную бдительность» по отно-шению к «бывшему белому офицеру».

Город Омск. Учебный корпус СибАки.

Фотография из архива Омского ГАУ. Источник: [163]

Летом 1922 г. И. И. Смирнов провел почвенную съёмку и подготовил рукописную почвенную карту по центральной части Омского уезда в 10 -верстовом масштабе и почвенный очерк [61, Л.2]. В почвенной лаборатории Сибирской академии сельского хозяйства (СибАки) осенью 1922 года он проводил анализ почв части Омского уезда Омской губернии [61, Л.2].

С декабря 1922 г. И. И. Смирнов был принят на работу заместителем заведующего агрономической лаборатории Омского губернского земельного управления, в лаборатории Иван Иванович организовал химический анализ почв [61, Л.2].

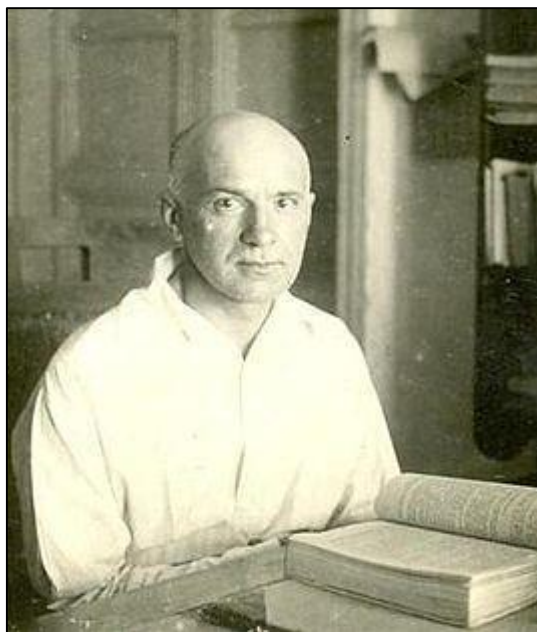
Иван Иванович Смирнов работал в естественно-историческом отделе ИИСибири и на кафедре почвоведения СИСХиП (СибАки) вместе с С. С. Неуструевым и его соратниками – опытными почвоведо-географами: М. И. Рожанцом, К. П. Горшениным, а также с более молодым почвоведом М. А. Винокуровым. Все перечисленные выше почвоведы участвовали в организации и проведении нескольких почвенных экспедиций, организованных Переселенческим управлением на территории Российской империи, в том числе, в 1915-1917 гг. в пределах Оренбургской губернии. В годы Гражданской войны многие участники оренбургской экспедиции С. С. Неуструева оказались в Томске и в Омске. В 1918-1919 гг. здесь была сосредоточена значительная часть учёных Урала и Сибири, добровольно-принудительно перемещённых войсками и правительственными структурами «белых» в Сибирь из городов Поволжья и Урала.

Физико-географические, культурно-исторические и политико-экономические условия г. Омска, по мнению П. Л. Драверта, объясняют «...то обстоятельство, что каждое из правительств, нарождавшихся в Западной Сибири в период 1918-1919 гг., выбирало своей резиденцией Омск, куда стягивались учёные силы России. Без натяжки можно сказать, что не найдётся ни одного высшего учебного заведения дореволюционной России, преподаватели или выпускники которого не побывали бы в Омском сельскохозяйственном институте в первые 3-4 года его существования» [205, С.100].

Драверт Пётр Людовикович (1879-1945) окончил естественное отделение физико-математического факультета Казанского университета. В 1918 г. он оказался в г. Омске и принял активное участие в создании и становлении местного сельскохозяйственного вуза. В 1920 году П. Л. Драверт был избран профессором и заведующим кафедрой минералогии и геологии СИСХиП. В 1923-1926 гг. он четырежды избирался президентом учёного бюро Сибирской сельскохозяйственной академии. П. Л. Драверт был профессиональным минералогом, геологом и метеоритоведом, но также обладал научными интересами в весьма широком диапазоне, в том числе и в вопросах почвоведения [205].

В годы советской власти участники Оренбургской экспедиции С. С. Неуструева – К. П. Горшенин, М. И. Рожанец и М. А. Винокуров достигли значительных успехов в науке и в высшем почвоведческом образовании. Приведём краткие биографии этих почвоведов, коллег И. И. Смирнова по работе в Томске и Омске.

Горшенин Константин Павлович – почвовед, Заслуженный деятель науки РСФСР (1943), доктор сельскохозяйственных наук (1938), профессор (1924), член-корреспондент ВАСХНИЛ (1956), основатель научной почвенной школы в Сибири, директор Сибирского отделения Государственного почвенного института Наркомзема РСФСР (1929-1931), директор Сибирской станции агротехнической организации территории (1931-1935).

Константин Павлович Горшенин (1888-1981). Источник: [86]

Родился в с. Барское Бузулукского уезда Самарской губернии. После окончания С.-Петербургского университета (1913) работал в почвенных экспедициях в Западной Сибири, Воронежской и Орловской губернии. (1913-1919). Преподавательская деятельность К. П. Горшенина началась в Томском университете, где он преподавал географию (1919). В дальнейшем работал в Омском сельскохозяйственном институте: в 1920-1922 гг. и в 1963-1973 гг. проводил занятия и читал лекции по почвоведению, в 1922-1963 гг. заведовал кафедрой почвоведения и одновременно был проректором по науке (1938-1947), с 1973 г. – профессор-консультант кафедры почвоведения.

К. П. Горшениным изучены закономерности пространственного распределения сибирских почв, их комплексность и зависимость от типа территории, разработана классификация почв Сибири, составлены почвенные карты. К. П. Горшенин – организатор и руководитель первой в Сибири проблемной лаборатории по мелиорации солонцов. Им были выполнены работы по установлению влияния высокой агротехники на плодородие почв. Всего ученым опубликовано около 150 научных работ, в т. ч. 25 книг и брошюр, из них 4 монографии («Почвы черноземной полосы Западной Сибири» (1927), «География почв Сибири» (1939), «Почвы южной части Сибири» (1955) и др.). К. П. Горшенин награжден 2 орденами Ленина, орденом Трудового Красного Знамени, медалями. Источник: [101].

***Рожанец Михаил Иванович** – почвовед-географ, специалист в области почвенной съемки и картографии почв. Последовательно проводя идеи В. В. Докучаева, работая совместно с С. С. Неуструевым, Рожанец возглавил почвенные экспедиции в самых различных районах СССР: в Казахстане и Башкирии, на Урале и в регионе Центрально-Европейской части России. Итогом этих исследований явились почвенные карты и работы, посвященные характеристике почв. М. И. Рожанец разрабатывает вопросы классификации почв и, являясь знатоком*

степных почв, создает свою оригинальную генетическую классификацию почв. В эти годы Рожанец разработал региональную номенклатуру генетических горизонтов почвенного профиля, впоследствии широко используемую почвоведом.

С 1936 года профессор Михаил Иванович Рожанец заведовал кафедрой почвоведения в Ленинградского СХИ. В довоенный период кафедра почвоведения под его руководством проводит большие работы по крупномасштабному картированию почв госсортучастков в Башкирии, Оренбургской и Челябинской областях. 57 почвенных карт и почвенных очерков выходит в это время под редакцией М. И. Рожанца.

В годы войны кафедра под руководством Рожанца находилась в эвакуации в Алтайском крае, где продолжалось и обучение студентов, и проводились крупномасштабные почвенные изыскания.

После возвращения с.-х. института из эвакуации М. И. Рожанец возглавлял кафедру до 16 августа 1948 года, дня его скоростной кончины. По отзыву Л. Н. Александровой, М. И. Рожанец был не только крупным почвоведом-исследователем, но и прекрасным педагогом, всегда тщательно готовился к лекциям, излагая в них все новейшие достижения науки о почве. Он всегда был инициатором и организатором студенческих кружков и семинаров, прививая студентам навыки к самостоятельной научно-исследовательской работе и углубленному изучению основных положений почвоведения. Он, как отмечала Л. Н. Александрова, любовно растил новые кадры и умел создать хорошие условия работы для своих сотрудников и учеников» [364].

М. И. Рожанец 11 лет (1930–1941) был заведующим кафедрой географии почв (с 1935 по 1941 г.) в Ленинградском государственном университете. «Благодаря его организаторским способностям кафедра географии почв расширила свое помещение в здании на 10-й линии Васильевского острова, были созданы почвенный музей и кафедральная библиотека со штатным библиотекарем» [310].

Винокуров Михаил Александрович – почвовед, Заслуженный деятель Татарской АССР, доктор сельскохозяйственных наук, профессор кафедры почвоведения и агрохимии Казанского университета.

«М. А. Винокуров окончил Петербургский университет в 1916 г. Еще в студенческие годы он стал активным участником почвенных экспедиций и ознакомился с почвами Горного Алтая и Туруханского края. После окончания университета М. А. Винокуров начал работать в Оренбургской области и оказался одним из первооткрывателей Южного Урала.

В 1921 г. он приступил к работе в Омском СХИ, где наряду с педагогической деятельностью занимался изучением почв на обширной территории от Иртыша до границы с Китаем. В результате этих исследований М. А. Винокуров совместно с К. П. Горшениным опубликовал монографию «Почвы и почвенные районы Сибири» с приложением карты почвенных районов Сибири, на которой воспиталось не одно поколение почвоведов.

В эти же годы М. А. Винокуров приступил к выяснению влияния сельскохозяйственной деятельности человека на физико-химические свойства черноземов. Названная проблема стала одним из основных направлений его последующей

научной деятельности. К этому времени относятся также исследования, в результате которых М. А. Винокуров показал, что вопреки установившимся представлениям количество поглощенных катионов в почвах и их емкость поглощения изменяются во времени.

В 1932 г. М. А. Винокуров был избран заведующим кафедрой почвоведения Казанского университета. Здесь он организовал ряд экспедиций для изучения различных областей страны и стал руководителем работ по первичному обследованию сортоиспытательных участков областей и автономных республик Поволжья.

Исследования М. А. Винокурова в области поглотительной способности почвенных коллоидов имели большое теоретическое значение и позволили научно обосновать способы окультуривания дерново-подзолистых почв путем создания на них пахотного слоя за счет вовлечения в пахоту верхней части иллювиального горизонта с одновременным внесением извести и органических удобрений. На основании этих исследований в 1940 г. он защитил докторскую диссертацию.

В послевоенный период М. А. Винокуров приступил к изучению органического вещества почв и выяснению изменения свойств почв под воздействием полекапитных лесных полос и разных типов леса, а также к обобщению материалов по изучению почв в Татарской АССР. Итогом этого был ряд статей и написанные совместно с сотрудниками монографии: «Влияние полекапитных лесных полос на почвы» (1959), «Почвы Татарии» (1962), «Краткая характеристика почв и агропочвенных районов Татарской АССР (1963), «Татарская АССР» (1966), «Изменение свойств лесостепных почв при окультуривании» (1969), «Гумус почв Волжско-Камской лесостепи и его роль в плодородии (1972), «Черноземы Татарии» (1976).

Большой вклад внесен М. А. Винокуровым в дело подготовки специалистов-почвоведов. Его эрудиция, содержательные и интересные лекции, увлеченность, требовательность и в то же время внимательное отношение к сотрудникам и студентам создали ему глубокое уважение с их стороны.

Ученики М. А. Винокурова работают в различных областях, краях и республиках страны, возглавляя кафедры, отделы, лаборатории и производственные учреждения. Большая часть почвоведов Татарии являются его учениками.

<...> Им подготовлены 18 кандидатов наук, причем пятеро из них защитили докторские диссертации.

М. А. Винокуров проявил себя и как хороший организатор. Работая в Сибири, он создал отдел почвоведения при Западно-Сибирской областной сельскохозяйственной опытной станции и участвовал в организации Сибирского научно-исследовательского Почвенного института.

В течение 25 лет он заведовал кафедрой почвоведения университета и пять лет был деканом геолого-почвенного факультета. Одновременно организовал почвенную группу при Институте биологии КФАН СССР, которой руководил с 1946 по 1950 гг.

М. А. Винокуров опубликовал около 100 работ. Он принимал активное участие в разработке рекомендаций по рациональному использованию почв и удобрений, в составлении агропроизводственной группировки почв Татарии.

<...> Награжден орденами Ленина, «Знак Почёта» и медалями.

Источник: [208].

С. С. Неуструев завершил работу в Омске в самом начале 1921 г. Известный почвовед, профессор Н. В. Орловский, обучавшийся почвоведению в 1920 г. у С. С. Неуструева на агрофаке СИСХиП, в своих мемуарах описал некоторые детали отъезда Неуструева из Омска и назвал причины его отъезда: «... в 1920 г., когда связь с Петроградом восстановилась, академик А. Е. Ферсман, тогда ректор Географического института, в котором Неуструев играл ведущую роль, уговорил ректора Сibaки Титова, и последний вынужден был после длительной тяжбы с Петропрофобром откомандировать его в начале 1921 г. из Сibaки» [242].

Работа на кафедре почвоведения в Омске (1920-1922 гг.) позволила И. И. Смирнову получить ценный педагогический опыт, а участие в омских почвенно-ботанических экспедициях – расширить практические навыки по картографии и географии почв.

Ещё одним примечательным моментом в истории Пермского ГАТУ является факт работы в СИСХиП, на протяжении практически одного временного отрезка, Ивана Ивановича Смирнова и Аристоклия Александровича Хребтова. Профессор А. А. Хребтов – одна из ключевых фигур агрономического образования на Урале, первый заведующий кафедрой частного земледелия Агрономического факультета Пермского государственного университета [23].

До настоящего времени историографы Омского ГАУ [379] не указывают факт преподавательской и научной деятельности А. А. Хребтова в омском сельскохозяйственном вузе, хотя результаты ботанических исследований, проведённых А. А. Хребтовым в омский период, отражены в его нескольких научных статьях, в том числе изданных в г. Омске [382-384].

В начале 1920-х годов коллектив преподавателей сельскохозяйственного вуза в г. Омске был небольшой, все преподаватели хорошо знали друг друга. Общение И. И. Смирнова и А. А. Хребтова в Омске, а затем и в Перми происходило на темы, связанные с природой Алтая, которую оба хорошо знали и любили. И. И. Смирнов проживал на Алтае в детстве и юности, а А. А. Хребтов в годы Гражданской войны в 1918 г. приехал на Алтай из г. Ярославля. В г. Бийске он организовал краеведческую работу, работал инспектором народных училищ, преподавал естествознание в учительской семинарии [381].

А. А. Хребтов с 1918 г. по 1921 г. читал курс лекций по сельскохозяйственной ботанике в Алтайском народном университете г. Бийска [403]. В годы Гражданской войны в Сибири А. А. Хребтов, в соответствии со своими должностными обязанностями, взаимодействовал со структурами Министерства народного просвещения правительства Колчака, которое возглавлял П. И. Преображенский.

В 1921 г. А. А. Хребтова избрали преподавателем кафедры прикладной ботаники СИСХиП в г. Омске [403].

Аристоклий Александрович Хребтов (1876-1944). Источник: [380]

А. А. Хребтов изучал сорную растительность омских опытных полей [382], [384]. Вот, что он сам писал по этому поводу: «В течение 1921-1923 г. автор (*А. А. Хребтов – курсив А.А.В.*) подробно обследовал посевы и поля в размере 500 десятин приблизительно на территории Сибирского Сельскохозяйственного Института, областной машинно-испытательной, сибирской селекционной и полеводственной станций, а также и крестьянские поля вблизи гор. Омска» [382, С.25]. В это же время почвенный покров Омского уезда, в том числе опытных полей, обследовал И. И. Смирнов [61, Л.2]. Так или иначе, агроном-почвовед И. И. Смирнов и агроном - ботаник А. А. Хребтов, ещё до начала совместной работы в Пермском государственном университете, работали в одном высшем учебном заведении – СИСХиП,

Какое-то время, с 1919 г. по 1923 г., в сельскохозяйственном вузе г. Омска работал Михаил Евгеньевич Золотов. После возвращения из Омска в Пермь в 1923 г. он стал одним из ведущих преподавателей специальных дисциплин («Учение об удобрении почв»), заведующим по организации и проведению летней практики студентов Сельскохозяйственного и лесного факультета Пермского государственного университета [154].

Таким образом, Иван Иванович Смирнов перед переездом в Пермь уже был знаком с частью профессоров и преподавателей Пермского университета (совместная работа в ИИСибири), а с некоторыми из будущих коллег по пермскому агрофаку успел поработать в сельскохозяйственном вузе г. Омска.

9. Пермский государственный университет. Профессор П. И. Преображенский. Профессор В. В. Никитин

Пермский государственный университет начала 1920-х годов представлял собой очень сплочённый коллектив [24], [77]. Кафедры университета естественно-научного профиля были оснащены современными приборами и оборудованием. Так, например, уже к 1920 году «ботаническая лаборатория становится крупным научным и учебным институтом, одной из лучших лабораторий университета, значительно превосходящей многие из соответствующих учреждений других университетов» [77, С.21]. Занятия со студентами младших курсов Сельскохозяйственного и лесного факультета по естественно-научным дисциплинам вели А. А. Рихтер, А. Г. Генкель, Д. А. Сабинин, В. Н. Беклемишев и другие профессора, которые через некоторое время стали занимать ведущие позиции в биологических науках СССР.

Вместе с тем, в начале 1922/1923 учебного года материально-техническая база, необходимая для обеспечения учебного процесса по специальным дисциплинам на Сельскохозяйственном и Лесном факультете Пермского государственного университета, в частности, из-за событий Гражданской войны, была развита очень слабо. Приём студентов на лесное отделение факультета был прекращён, а сам факультет находился на грани закрытия [76].

Правление университета оказывало всяческую поддержку факультету для сохранения и развития высшего сельскохозяйственного образования в Перми. Руководством вуза было принято неординарное решение – укрепить административный ресурс факультета – избрать его деканом геолога Павла Ивановича Преображенского. На современном языке это решение можно охарактеризовать, как назначение антикризисного управляющего, опытного менеджера образования. Для решения многих организационных вопросов, направленных на сохранение и укрепление факультета, требовался авторитетный и деятельный человек, каким и был профессор П.И. Преображенский.

Энергичными усилиями декана П. И. Преображенского факультет стал буквально на глазах преобразовываться. В конце 1922 г. Сельскохозяйственному и Лесному факультету Пермского университета под учебный корпус было выделено двухэтажное здание по ул. Зиновьева (сейчас ул. Пушкина).

Краткая история этого здания такова. В 1911 году на ул. Большая Ямская (сейчас ул. Пушкина) было завершено строительство двухэтажной кирпичной пристройки к бывшему дому семьи Дягилевых на углу ул. Сибирской и ул. Большая Ямская. Новое здание предназначалось для расширения площади помещений Пермской Александровской 2-ой женской гимназии г. Перми (1911-1918 гг.). С 1907 года Пермская Александровская 2-ая женская гимназия г. Перми размещалась в бывшем доме Дягилевых. Революционные события 1917 года привели к закрытию гимназии. «В 1918 г. домовладение на углу улиц Карла Маркса и Зиновьева, 31/41/43 было муниципализировано у Александровской женской гимназии на основании Декрета ВЦИК от 20 августа 1918 г.» [59].

Город Пермь. 1923-1926 гг. Улица Зиновьева (сейчас Пушкина). Учебный корпус Агрономического факультета Пермского государственного университета. В центре фасада размещена вывеска «АГРОНОМИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ». Фотография из фондов кафедры почвоведения Пермского ГАТУ

Во время нахождения в Перми войск армии Колчака в здании гимназии находился призывной пункт и казарма Первого Пермского офицерского стрелкового полка Сибирской армии [120]. Процедура призыва офицеров на воинскую службу в конце 1918 года и их размещение в здании бывшей Александровской женской гимназии, обустроенном под казарму офицерского полка, были описаны в воспоминаниях В. Н. Иванова [120]. В процессе ремонта здания в 1990-е гг. на стенах его вестибюля была обнаружена надпись: «Уклонение от воинской повинности, уклонение от службы в действующей армии, отказ от участия в бою хотя бы временно – наказание каторжные работы от 4 до 20 лет или смертная казнь» [59].

После того, как войска Колчака были вытеснены с Урала, в помещениях бывшей Александровской женской гимназии размещалось общежитие и учебные помещения рабочего факультета Пермского государственного университета (1919-1922 гг.).

С конца 1922 г. по май 1926 г. в здании двухэтажной кирпичной пристройки к дому Дягилевых по улице Г. Е. Зиновьева (с 1934 по 1937гг. – ул. Университетская, с 1937 г. по настоящее время – ул. Пушкина) размещался учебный корпус Сельскохозяйственного и лесного (Агрономического) факультета Пермского государственного университета.

За время Гражданской войны и первые послевоенные годы здание бывшей Александровской женской гимназии, из-за его ненадлежащего содержания, по-

степенно разрушалось и концу 1922 г. оно находилось в неудовлетворительном состоянии. От декана и членов Президиума факультета, а также преподавателей и студентов потребовалась немало сил для проведения ремонта здания и оснащения в нем специализированных кабинетов и лабораторий. В центральной части корпуса, на крыше здания были оборудованы вентиляционные камеры, чтобы обеспечить работу химической лаборатории факультета. На фотографии видно, что после ремонта внешний вид учебного корпуса Агрономического факультета стал разительно отличаться в лучшую сторону от дома Дягилевых (в правой части фотоснимка), который в тот период времени пришёл в обветшавшее состояние. В бывшем доме Дягилевых в начале 1920-х годов размещалась школа 2-й ступени № 21 Пермского окружного отдела народного образования. В это послевоенное время средств на ремонт школы катастрофически не хватало. Удивительно, что они были изысканы для обустройства здания, предназначенного для Агрофака.

Организационную помощь в создание материальной базы специальных кабинетов факультета оказывал профессор Дмитрий Анатольевич Сабинин. С февраля 1923 г. по 17 декабря 1924 г. он был членом Правления университета и одновременно проректором университета (заведующим научно-учебной частью) [77].

В марте 1923 года в состав Совета Сельскохозяйственного и лесного факультета Пермского ГУ входили ведущие профессора университета: А. А. Рихтер, В. Н. Беклемишев, А. Н. Круглевский, А. Г. Генкель; преподаватели: М. И. Битовт, Н. М. Бубнов, Н. П. Матвеева, В. П. Сергованцев, Н. А. Тарновский, А. М. Шелоумова. Почти каждый из них находился в вынужденной «эвакуации» в Томске. Совместно пережитые трудности и проблемы в Томске ещё больше сплотили коллектив учёных Пермского университета. Возглавлял Совет факультета декан – профессор Павел Иванович Преображенский, который был избран на эту должность в 1922 году [61, Л.7].

Декан П. И. Преображенский сумел привлечь на факультет новых преподавателей специальных дисциплин. Для этого, в частности, он обратился в СибАки (г. Омск), руководство которого и часть профессорско-преподавательского состава он знал лично. В годы Гражданской войны П. И. Преображенский возглавлял Министерство народного просвещения в правительстве А. В. Колчака. В служебные обязанности министра П. И. Преображенского входило взаимодействие с учебными заведениями г. Омска, Томска, Перми, Казани и других городов, Институтом исследования Сибири.

Во второй половине 1922 года научный сотрудник СибАки И. И. Смирнов принял предложение декана Сельскохозяйственного и лесного факультета П. И. Преображенского о переходе на работу в Пермский государственный университет. Химико-геологическая комиссия 02 января 1923 года рекомендовала Совету факультета избрать И. И. Смирнова преподавателем по кафедре почвоведения. Характеристику И. И. Смирнова, необходимую для его участия в конкурсе, подготовил декан Сельскохозяйственного и лесного факультета П. И. Преображенский [61, Л.6].

В числе приглашённых в конце 1922 г. иногородних преподавателей агрономического профиля, И. И. Смирнов был на факультете «первой ласточкой», через некоторое время, в первой половине 1923 г., в Пермь из Омска переехал А. А. Хребтов, вернулся из Омска в Пермь агроном М. Е. Золотов. В 1923 г. на преподавательскую работу в Пермском университете пригласили почвовед В. В. Никитина, работавшего в Псковском СХИ.

А. А. Хребтов в 1923 г. был избран преподавателем (с 1924 г. – профессор) кафедры частного земледелия и одновременно ему, с мая 1923 года, было поручено руководить кабинетом частного земледелия.

И. И. Смирнов во время работы в ИИСибири имел возможность оценить человеческие, деловые качества неформального лидера факультета профессора В. Н. Варгина, а также познакомился с другими профессорами и преподавателями Пермского государственного университета.

Подбор преподавателей для работы на факультете проводился с особой тщательностью. На этом, в своей речи на торжественном мероприятии по празднованию 5-летия со дня образования факультета, акцентировал внимание слушателей профессор А. Г. Генкель: «Все испытания Агрофак перенес стойко и более того, он ни разу не опустил, в угоду практике, своего научного знамени, ни разу не пустил он в свои стены недостойного преподавателя только для того, чтобы спасти положение» [76, С.55].

03 февраля 1923 года И. И. Смирнов на заседании Совета факультета был избран на должность преподавателя кафедры почвоведения Сельскохозяйственного и лесного факультета ПГУ [61, Л.7]. В 1920-е годы, в своей работе университета России руководствовались Декретом Совнаркома РСФСР от 3 июля 1922 г., который принял «Положение о высших учебных заведениях», разработанное комиссией Наркомпроса и рассмотренное на заседании Политбюро ЦК РКП(б) и Всероссийской конференции вузов.

Фактически этот документ стал уставом высшей школы, действующим до 1930 г. «Научно-преподавательские кадры, делились на три категории: профессора (вели самостоятельные курсы, утверждались ГУСом Наркомпроса на основании всероссийского конкурса); преподаватели (вели вспомогательные курсы под руководством профессоров) и научные сотрудники» [99, С.231].

07 марта 1923 г. и. о. ректора, член Правления Пермского государственного университета П. И. Преображенский обратился с письмом (исх. № 145 от 07.03.1923) в Омское ГПУ с ходатайством о разрешении выезда из г. Омска преподавателю университета И. И. Смирнову [61, Л.12]. Просьба и. о. ректора ПГУ профессора П. И. Преображенского была удовлетворена.

Канцелярия университета в феврале 1923 г. выдала справку Вере Ивановне Смирновой, удостоверяющую, что она является женой преподавателя Пермского университета И. И. Смирнова [61, Л.16]. В октябре 1923 г. у Ивана Ивановича Смирнова и Веры Ивановны Смирновой родился сын – Ростислав.

Семья Смирновых проживала в Перми по адресу: ул. Малышева д. 4 кв. 2 (прил. 8). Жилой дом старой постройки по этому адресу к настоящему времени не сохранился. Сейчас на этом месте построен кирпичный девятиэтажный жилой дом.

Смирнов Иван Иванович и Смирнова Вера Ивановна.

Фотография из семейного архива их внука – Сергея Ростиславовича Смирнова

В течение 1923 г. преподаватель Иван Иванович Смирнов вел лабораторные занятия и учебные практики по почвоведению, а также по поручению декана факультета П. И. Преображенского занимался созданием в учебном корпусе Агрофака кабинета почвоведения, и затем был назначен его первым заведующим. Летом 1923 г. на опытном поле агрофака были отобраны первые шесть монолитов почв, создана коллекция горных пород. Кабинет почвоведения постепенно оснащался учебным оборудованием и приборами, но в условиях ограниченности денежных средств процесс формирования материальной базы кабинета проходил очень медленно. Оснащённость кабинета почвоведения на момент его создания в 1923 г. описал очевидец событий, в то время студент факультета, Антон Иванович Оборин: «В этот период кафедра имела всего лишь две штатных единицы – заведующий кафедрой и препаратор, помещалась в одной комнате и имела очень бедное оборудование. В этот период кафедра имела около десятка почвенных монолитов, несколько десятков коробочных почвенных образцов и очень скудный мелкий лабораторный инструментарий. Из приборов имелся один лишь прибор Сабанина, который только демонстрировался на лекциях. Кафедра обслуживала агрономов-полеводов» [232, С.25].

Вклад сотрудинок и студентов Агрофака в обустройство первого отдельного учебного корпуса, организацию учебного процесса на факультете в 1923 году отметил ректор университета Виктор Карлович Шмидт. В Отчете о деятельности Пермского Государственного Университета за 1923-24 г., доложенный ректо-

ром университета в день 8-й годовщины его основания, 14 октября 1924 г. он, в частности сказал: *«Агрономический факультет, в течение нескольких лет развивавшийся медленно и с большими затруднениями, лишь с 1923 года в связи с предоставлением ему собственного помещения начинает свое действительное формирование путем устройства и оборудования собственных кабинетов и лабораторий. Выработав в течение истекшего года свой план преподавания, отправленный на утверждение Главпрофобра, агрономический факультет неуклонно и планомерно ведет свою организацию. В конце учебного года состоялся первый выпуск молодых агрономов в числе 35 чел., и этим Агроном, факульт. достиг осязательного результата многолетней упорной работы всех членов его. В настоящее время в состав агрономического факультета входят 12 учебно-вспомогательных учреждений в виде кабинетов и лабораторий и учебное хозяйство на Липовой горе. Личный состав его состоит из 5 профессоров, 13 преподавателей, 2 научных сотрудников и 8 препараторов. Возглавляет агрономический факультет президиум, состоящий из декана преп. Н. Г. Кудрявцева, зам. декана исп. об. проф. А. А. Хребтова и секретаря студ. Ф. А. Бынова. За истекший год прибыло проф. 4, препод. 6, научных сотрудников 1, и убыло препод. 3, таким образом преподават. состав увеличился на 8 чел. Студентов состояло на I/X—23 г. 482; выбыло в течение 1923—24 г. 201, из них исключены комиссией по проверке акад. успеш. 110; вновь принято и переведено из др. ВУЗ 67, состоит к I/X—24 г. 348»* [243, С.7-8]. Орфография и пунктуация оригинала публикации доклада сохранены.

В личном архиве П. И. Преображенского сохранилась благодарность Президиума Агрофака от 15 декабря 1923 г. с выражением ему «искренней признательности за общественные и исключительные труды по созданию и укреплению агрофака» [278, С. 167].

Следует отметить, что историографы Пермского государственного университета ошибочно утверждают, что «...в 1923 г. агрофаку было предоставлено здание бывшей Мариинской (?) женской гимназии (ныне ул. Коммунистическая, 23), и потребовалась большая работа по размещению и налаживанию учебного процесса в новом помещении» [278, С.167] или, что П. И. Преображенский «руководил организацией учебного процесса в предоставленном факультету здании, ранее принадлежавшем Мариинской (?) женской гимназии» [264, С.374].

На самом деле размещение агрофака университета в здании бывшей Мариинской женской гимназии произошло гораздо позднее – в 1926 году. Но это не отменяет главного – существенной роли профессора П. И. Преображенского в сохранении и развитии первого на Урале факультета сельскохозяйственного профиля.

Во втором десятилетии XXI века, под влиянием ряда знаковых внешних и внутренних событий, в общественном сознании жителей России и г. Перми произошло переосмысление многих событий прошлого времени. Одной из примет времени второй половины 2010-х годов стало установление на исторических зданиях города мемориальных досок и знаков в память о заслугах выдающихся жи-

телей города и Пермского края. Профессор П. И. Преображенский внёс значительный вклад в развитие высшего образования на Урале, является первооткрывателем месторождений калийно-магниевых солей и нефти в Пермском Прикамье, и его имя заслуживает увековечения в виде мемориальной доски на здании бывшего учебного корпуса Агрономического факультета (1923-1926 гг.) Пермского государственного университета.

В октябре 2018 года члены Общественного Совета по топонимике при Главе города Перми единогласно поддержали установку бронзового памятника ученому-геологу, профессору Пермского государственного университета Павлу Преображенскому. Расположить его планируется с правой стороны фасада офиса ООО «ЛУКОЙЛ-ПЕРМЬ» по улице Ленина, 62. Идея увековечить память выдающейся личности принадлежит коллективу и студентам Пермского государственного национального исследовательского университета. Памятник решен в виде скульптурной фигуры, установленной на постамент, «врезанный» в склон газона и облицованный с трёх открытых сторон природным необработанным камнем. Установка и содержание объекта предполагается за счет средств нефтяной компании [221]. Реализация проекта позволит увековечить вклад П. И. Преображенского в высшее образование, в том числе сельскохозяйственное, и науку Пермского края.

Павел Иванович Преображенский (1874-1944). Источник: [265]

В 1924 году кафедру почвоведения Агрофака возглавил Василий Васильевич Никитин. Приглашение на работу он получил от декана П. И. Преображенского, повторное приглашение В. В. Никитину направил Николай Григорьевич Кудрявцев, сменивший в конце 1923 г. в должности декана П. И. Преображенского. В переписке с В. В. Никитиным также состоял заместитель декана Агрофака, и. о. профессора Аристоклий Александрович Хребтов, который обсуждал некоторые детали переезда семьи В. В. Никитина из Подмосквья в Пермь, а также и условия его работы в университете [65, Л.7].

В. В. Никитин – ученик профессора В. Р. Вильямса, выпускник (1910 г.) кафедры почвоведения и общего земледелия Московского сельскохозяйственного института. К моменту избрания профессором кафедры почвоведения Пермского ГУ, В. В. Никитин работал преподавателем почвоведения и мелиорации в Псковском сельскохозяйственном институте [46].

В 1924 году препаратором кафедры почвоведения состоял студент Агрофака Александр Александрович Лютин, одновременно он работал (1922-1925 гг.) на Пермской сельскохозяйственной опытной станции лаборантом химической лаборатории, которую в этот период возглавлял И. И. Смирнов. Социальное происхождение И. И. Смирнова и А. А. Лютина было одинаковым. Можно утверждать, что Иван Иванович оказал большое влияние на формирование у А. А. Лютина навыков квалифицированного специалиста в области химического анализа почв. Рукопись кандидатской диссертации Александра Александровича Лютина, состоящая из двух увесистых томов, хранится в фондах кафедры почвоведения Пермского ГАТУ. В работе А. А. Лютина содержится большой перечень таблиц с аналитическими данными по составу и свойствам почв поймы р. Сылвы [190].

Лютин Александр Александрович – почвовед, канд. с.-х. наук. Родился 20 августа 1899 года в Ижевском заводе Вятской губернии. Отец служил священником в г. Уржуме. Мать – учитель. Среднее образование получил в г. Вятке, окончив 4 класса Вятской духовной семинарии в 1918 году. В 1915 году служил культурным надзирателем в Шестаковском лесничестве Вятской губернии Слободского уезда. В 1917 году работал статистиком-инструктором земского управления. В 1918 году в течение 10 месяцев работал арматурищиком по постройке вагоносборочного цеха. Осенью 1918 года поступил в Вятский институт народного образования. Там прослушал 2 курса. Одновременно работал техническим служащим в химической лаборатории того же института.

В октябре 1920 года поступил в ПГУ на Сельскохозяйственный и Лесной факультет. Окончил факультет в 1925 году по специализации растениеводство. Одновременно с учебой работал на Пермской сельскохозяйственной опытной станции (с 1922 по 1925 годы). В 1924 году состоял препаратором при кабинете почвоведения Пермского Агрофака. Источник: [62, Л.3].

Лаборантом кафедры почвоведения по конкурсу была избрана Валентина Николаевна Котова [64, Л.2].

В 1924 году, после приезда в Пермь профессора В. В. Никитина, начался новый этап развития кафедры почвоведения.

Таким образом, можно выделить следующие основные организационные итоги процесса создания кафедры. *Во-первых*, в предыстории создания кафедры почвоведения Пермского ГАТУ непосредственное участие принимал Сергей Семёнович Неуструев. Используя современный канцелярский язык, можно сказать, что И. И. Смирнов прошел повышение квалификации на производстве под руководством профессора С. С. Неуструева. Действительно, длительное прямое общение с С. С. Неуструевым позволило И. И. Смирнову расширить свой кругозор. Ра-

бота И. И. Смирнова в Институте исследования Сибири, в почвенных экспедициях на территории Омской губернии и на кафедре почвоведения СИСХиП под руководством С. С. Неуструева способствовала приобретению новых почвенно-картографических навыков и опыта педагогической работы.

Во-вторых, поиск профессора на кафедру почвоведения Агрофака Пермского государственного университета происходил при деятельном участии С. С. Неуструева. Отзыв о научной работе В. В. Никитина, необходимый для избрания претендента на должность преподавателя кафедры почвоведения, дал именно С. С. Неуструев [65, Л.9]. С. С. Неуструев и В. В. Никитин хорошо знали друг друга, так как изучали почвенный покров Средней Азии практически в один период времени, но, правда, в составе разных почвенно-ботанических экспедиций. С. С. Неуструев проводил почвенные исследования в Туркестане с 1908 г. по 1915 г., а В. В. Никитин работал в этом же регионе, но чуть позднее – с 1911 г. по 1915 г. В 1926 году, С. С. Неуструев и В. В. Никитин подготовили совместную монографию о почвах хлопковых районов Средней Азии. Известный историк почвоведения И. А. Крупеников в 1981 г. охарактеризовал её как «солидную» [160, С.99].

Интересно, что архивные документы позволяют проследить, как проходил сам процесс избрания В. В. Никитина на должность преподавателя кафедры почвоведения. Известно, что осенью 1923 г., после объявления конкурса на вакантную должность преподавателя по кафедре почвоведения Агрономического факультета Пермского ГУ, было подано два заявления – от почвоведов А. Н. Розанова и от почвоведов В. В. Никитина.

Отзыв о научной работе Александра Николаевича Розанова дал профессор Александр Матвеевич Панков [65, Л.9]. Кандидатуры соискателей были одинаково достойны для участия в конкурсе.

Безусловно, что при отборе кандидатов на должности преподавателей специальных дисциплин мнение «вдохновителя идеи агрофака в Перми» [76] – профессора В. Н. Варгина было приоритетным для членов соответствующих предметных комиссий университета и Совета факультета. В. Н. Варгин и многие другие профессора университета знали лично С. С. Неуструева ещё по «томскому» периоду совместной работы и высоко ценили его рекомендации. Поэтому позиция членов предметной комиссии по вопросу выбора кандидатуры преподавателя по кафедре почвоведения была однозначной. Как именно происходило неформальное и формальное обсуждение кандидатов на вакантную должность нам неизвестно. Известен официальный результат – предметная Химико-Геологическая комиссия университета (председатель **П. И. Преображенский**, секретарь А. Н. Ярославцев) 8 ноября 1923 года провела баллотировку, и по её результатам рекомендовала Совету факультета к избранию на должность преподавателя кафедры почвоведения В. В. Никитина [65, Л.9]. На заседании 01 декабря 1923 г. Совет факультета единогласно избрал В. В. Никитина преподавателем по кафедре почвоведения с правом самостоятельного чтения лекций [65, Л.7]. Одновременно было

предложено поручить В. В. Никитину заведование кабинетом почвоведения. Выборы проходили без личного присутствия претендентов на заседаниях предметной комиссии и Совета. Период переезда В. В. Никитина в Пермь с момента его избрания растянулся почти на семь месяцев. В это время всю учебную нагрузку по почвоведению в университете выполнял И. И. Смирнов.

Постановлением Научно-Технической секции ГУСа от 13/VI 1924 г. В. В. Никитин утверждается в должности профессора по кафедре почвоведения [65, Л.12]. В. В. Никитин только с 1924/1925 учебного года стал читать лекции по почвоведению и мелиорации на Агрономическом факультете, а также вести лекционный курс по почвоведению на Педагогическом факультете университета. В. В. Никитин проводил семинарские занятия по почвоведению с агрономами-полеводами и руководил летними учебными практиками.

Лабораторные занятия по почвоведению в 1920-е годы вели ассистент И. И. Смирнов (1923-1927 гг.), позднее ассистент Г. А. Маландин (с 1925 г.), а с 1927 года выпускник кафедры, один из учеников И. И. Смирнова – ассистент Н. Я. Коротаев [46]. Лабораторные занятия по мелиорации в 1925 году вел преподаватель-инженер А. Е. Ширяев.

Маландин Георгий Александрович – почвовед, доктор с.-х. наук. В 1923 году он окончил Петроградский сельскохозяйственный институт. В 1925-1930 гг. преподаватель, с 1930 заведующий кафедрой почвоведения кафедры почвоведения Пермского университета. Г.А. Маландин – автор монографии «Почвы Урала» (1936). Им составлены первые схематические карты почвенных районов Свердловской и Челябинской областей. Профессор Г. Н. Маландин справедливо признается научным сообществом почвоведов России одним из основоположников учения о структуре почвенного покрова. Источники: [46], [247].

Георгий Александрович Маландин (1900-1944[?]).
Фотография из фондов кафедры почвоведения Пермского ГАТУ

Николай Яковлевич Коротаев (1898-1974).
Фотография из фондов кафедры почвоведения Пермского ГАТУ

Постепенно почвенно-химические лаборатории факультета стала оснащаться оборудованием и приборами.

Почвенно-химическая лаборатория. 1926 г.
Фотография из фондов кафедры почвоведения Пермского ГАТУ

Почвенно-химическая лаборатория. 1926 г.
Фотография из фондов кафедры почвоведения Пермского ГАТУ

Педагогическая эрудиция и компетентность, высокая профессиональная квалификация специалиста почвовед, хорошие организационные способности позволили Василию Васильевичу Никитину быстро стать лидером на факультете, уже в конце 1924 года его избрали деканом.

Из Александровки в Мариинку. В 1926 году органы власти города Перми передали Агрономическому факультету здание на углу ул. Обвинской (25 Октября, д.10) и ул. Петропавловской (Коммунистическая, д.23). В мае-июне 1926 года кафедрой почвоведения был пройден важный этап развития, который можно назвать, как «из Александровки в Мариинку». Кафедра почвоведения и другие кабинеты и кафедры факультета из аудиторий Александровской женской гимназии перебазировались в более просторные по площади помещения Дворца Труда (б. Мариинская женская гимназия).

Оснащение научной лаборатории и учебных аудиторий, почвенного музея кафедры в новых условиях проводили ассистент И. И. Смирнов и старший ассистент Г. А. Маландин. Активное участие в переезде кафедры и обустройстве на новом месте принимали студенты-почвоведы агрофака. Работами по обустройству кафедры в новых стенах руководил профессор В. В. Никитин.

Город Пермь. Учебный корпус Агрономического факультета Пермского государственного университета. 1927 г. Фотография из фондов музея Пермского ГАТУ (первая страница альбома, посвященного 10-летию Агрономического факультета). Опубликовано в [43, С. 258]

Заведующий кафедрой почвоведения ПГУ (*была вновь создана в 1932 году на короткий период времени в ПГУ – А.А.В.*) А. И. Оборин в 1936 году так охарактеризовал это важнейшее событие в истории кафедры: «Осенью 1926 года агрономический факультет, а вместе с ним и кафедра почвоведения были переведены в здание Дворца Труда (*часть помещений в здании б. Маршинской женской гимназии – курсив А.А.В.*).

«С перемещением в новое здание кафедре почвоведения было выделено значительно большее помещение, чем она занимала раньше. Были выделены отдельные комнаты для кабинетов профессора, доцента и ассистентов, помещение для учебной и научно-исследовательской лаборатории, помещение для музея и др. В почвенном музее были размещены те многочисленные музейные почвенные и геологические коллекции, которые были собраны во время студенческих практик и экспедиций, фотографии ландшафтов Урала, почвенные карты и профили. Почвенный музей в дальнейшем все время пополнялся за счет материалов новых экспедиций и студенческих работ» [232, С. 26].

«За счет средств экспедиции (*комплексной Троицкой, с 1925-1927 – курсив А.А.В.*) значительно пополнилось лабораторное оборудование кафедры. Многие появившиеся приборы не только стали демонстрироваться на лекциях, как это

было раньше, но и использоваться на студенческих практических занятиях. Помещение и штат кафедры в это время также значительно увеличились. Штат кафедры вырос с двух человек до пяти. Кроме того, большой штат специалистов сохранился за счет средств Троицкой экспедиции» [232, С. 26].

В 1930 году произошла реорганизация ряда университетов в СССР, которая привела к тому, что Пермский государственный университет фактически почти на год прекратил своё существование. На его базе создано пять отраслевых институтов: химико-технологический (Березники), зооветеринарный (Троицк), сельскохозяйственный, медицинский и педагогический (Пермь). Только в 1931 году Пермский университет был восстановлен специальным постановлением Совнаркома РСФСР [249], [300].

В результате реорганизации университета кафедра почвоведения в полном составе сотрудников перешла в ведение Уральского сельскохозяйственного института, который уже через год также был реформирован и разделён на три небольших аграрных вуза. Факультетская и кафедральная системы в вузах страны в конце 1930-х годов была ликвидирована и заменена системой отделений. Кафедра почвоведения с 1931 г. по 1933 г. представляла собой самостоятельное почвенное отделение в составе уже нового вуза – Уральского Института Почвоведения и Агрохимии (УИПиА) [377]. На базе УИПиА, после очередной реформы в высшем аграрном образовании РСФСР, в 1933 году был создан Пермский сельскохозяйственный институт (в 1995-2017 гг. вуз имел статус академии). Все эти годы (с 1923 г.), в составе первого сельскохозяйственного вуза (факультета) на Урале, подготовку агрономов-почвоведов, почвоведов-агрохимиков и почвоведов осуществляла и осуществляет кафедра почвоведения. С 2017 года кафедра почвоведения является структурным подразделением факультета почвоведения, агрохимии, экологии и товароведения (ПАЭТ) Пермского государственного аграрно-технологического университета имени академика Д. Н. Прянишникова (Пермский ГАТУ).

Коллеги И. И. Смирнова по работе в Пермском государственном университете. На коллективных фотографиях из фондов Музея Пермского ГАТУ, относящихся к 1920-м годам, И. И. Смирнов запечатлен, чаще всего, рядом с А. Е. Ширяевым и С. И. Куприяновым. Этим трём преподавателям агрофака многое объединяло.

Вероятно, что наиболее доверительные и дружеские отношения у Ивана Ивановича Смирнова сложились с Александром Евстафьевичем Ширяевым, который с 1922 г. по 1931 г. работал преподавателем дисциплины «Мелиорация» на Сельскохозяйственном и лесном факультете Пермского университета, а затем и в Уральском Институте Почвоведения и Агрохимии (УИПиА) [66, Л.18]. И. И. Смирнова и А. Е. Ширяева связывали не только профессиональные интересы в области почвоведения и мелиорации, но и студенческие годы, общие знакомые в Томске. И. И. Смирнов и А. Е. Ширяев обучались в Томском технологическом институте практически в одно время. А. Е. Ширяев был студентом инженерно-строительного отделения в 1903-1910 гг., а И. И. Смирнов в 1906-1909 гг. обучался на горном отделении института [342].

Александр Евстафьевич Ширяев (1882- не ранее 1942).
Источник: [394]

Личность А. Е. Ширяева весьма колоритная, его биография насыщена многими яркими событиями. Достаточно привести только тот факт, что в сложнейшие годы революций и Гражданской войны в 1917-1919 гг. он занимал пост городского головы г. Перми [394].

В контексте того времени и трагической судьбы И. И. Смирнова, следует отметить, что А. Е. Ширяев в 1930-е годы также был репрессирован. В январе 1933 г он был арестован по делу контрреволюционной антисоветской группировки, которая якобы вела агитацию против мероприятий в области социалистического переустройства сельского хозяйства и прежде всего против коллективизации. А. Е. Ширяев был осужден на два года и отбывал наказание на севере Пермского региона – в Вишерлаге [394].

Ещё одним, близким по духу и возрасту человеком на Агрономическом факультете, для И. И. Смирнова, был ученый лесовод, преподаватель по дисциплине лесоводство Сергей Иванович Куприянов. Лесовод С. И. Куприянов – выпускник 1905 г. Ново-Александрийского института сельского хозяйства и лесоводства, где в 1894 году В. В. Докучаевым была организована первая в России кафедра почвоведения. Студенты отделения лесоводства Ново-Александрийского института изучали почвоведение в таком же объёме, как и студенты сельскохозяйственного отделения. Место и время обучения С.И. Куприянова в вузе, квали-

фикация учёного лесоведа позволяют отнести его к докучаевцам. В своих научных исследованиях по вопросам лесоведения С. И. Куприянов использовал характеристику почв для оценки местообитания различных лесных насаждений, в тексте научных статей он приводил подробное морфологическое описание почвенных разрезов, заложенных на учётных лесных площадках [174].

Сергей Иванович был высококвалифицированным специалистом лесного дела, таксатором. До 1917 года он более девяти лет руководил лесоустроительными партиями в Вологодской, Тобольской и Пермской губерниях.

В конце 1919 г. С. И. Куприянов находился кратковременный период времени в составе белых войск в Томске (Томской губернии) [67, Л.10]. После сдачи колчаковскими войсками г. Томска, органы советской власти мобилизовали С. И. Куприянова в Западно - Сибирскую трудовую армию, где он почти два года нес трудовую повинность в Томской лесозаготовительной дружине в должности лесоведа-инструктора. Сергей Иванович с перерывами работал на агрономическом факультете Пермского СХИ с 1923 г. по 1936 г. [67, Л.10].

Некоторые фотографии из фондов Музея Пермского ГАТУ и из архива кафедры почвоведения, размещенные в данной книге, были сделаны в 1920-е годы и имеют особую историческую ценность. Они позволяют визуально охарактеризовать здания, отдельные коллективы, межличностные отношения, условия работы И. И. Смирнова на Пермской сельскохозяйственной опытной станции, агрономическом факультете и на кафедре почвоведения Пермского университета. Авторы фотонегативов на стеклянных пластинах первой половины 20-х годов XX века, хранящихся в музее вуза (частично были переданы в Государственный Архив Пермского края), неизвестны. Авторство более поздних фотографий конца 1920-х – начала 1930-х годов приписывается доценту А. И. Мошеву (*устная информация быв. зав. музеем вуза П. А. Хоринко – курсив А.А.В.*).

Следует отметить, что И. И. Смирнов хорошо владел фотоделом, так как проходил специальную подготовку, необходимую для профессиональной деятельности почвоведом в Российской Империи. В составе почвенно-ботанических экспедиций первых десятилетий XX века в обязательном порядке имелся фотограф. Например, штатным фотографом в составе крупной комплексной Нарымской экспедиции 1927 г. был именно И. И. Смирнов [14]. Вполне возможно, что некоторые из фотоснимков, хранящихся в музее и на кафедре почвоведения Пермского ГАТУ, были сделаны лично И. И. Смирновым. Российская фотография в первой четверти XX века имела важное информационное значение, а участники создания событийных снимков тщательно подходили к компоновке фотокадров. Случайностей в расстановке людей и предметов при создании групповых фотографий, как правило, не было.

На знаковой для истории Пермского ГАТУ фотографии запечатлены первые 15 выпускников-агрономов (июнь 1924 г.), преподаватели и учебно-вспомогательный персонал факультета. В центре фотографии, с правой стороны от И. И. Смирнова, располагается А. Е. Ширяев, а с левой стороны – С. И. Куприянов.

Профессорско-преподавательский и учебно-вспомогательный персонал Агрономического факультета Пермского государственного университета и его первые выпускники (*Выпускники* – 15 человек с бантами на груди). 1924 г.

Первый ряд – выпускники. Второй ряд, слева направо: И. Г. Конторович (*выпускник*), н/д, Д. А. Сабинин (проректор по учебной работе), Н. Г. Кудрявцев (декан факультета), В. Н. Варгин, А. Г. Генкель, А. А. Хребтов, н/д, А. А. Зеленин (*выпускник*), Н. М. Бубнов, А. П. Горин. Третий ряд, слева направо: С. П. Окуневич, н/д, В. Н. Беклемишев, В. П. Сергованцев. Четвёртый ряд, слева направо: н/д, н/д, н/д, н/д, М. Е. Золотов, **А. Е. Ширяев, И. И. Смирнов, С. И. Куприянов**, Л. Н. Круглов (*выпускник*), н/д. Пятый ряд: третий слева В. В. Гусев.

Фотография из фондов кафедры почвоведения Пермского ГАТУ.

Примечание: н/д – личность не установлена.

На другой коллективной фотографии членов Совета Агрономического факультета в январе 1925 года расположение И. И. Смирнова, А. Е. Ширяева и С. И. Куприянова такое же, как и на их фотографии с выпускниками летом 1924 г.

Естественно, что по служебным и профессиональным вопросам Иван Иванович чаще всего общался с Василием Васильевичем (рис.38).

Первоначально обратимся к событиям, которые происходили в жизни В. В. Никитина и Смирнова И. И. почти за десять лет до их встречи в Перми. В 1912 году почвовед В. В. Никитин принимал участие в работе почвенно-ботанической экспедиции на территории Черниговской губернии. Экспедицией руководил почвовед Николай Александрович Димо. За полевой сезон 1912 года В.В. Никитин объехал всю Черниговскую губернию, давал инструктаж по сбору

бурового материала. Кроме того, он лично обследовал в одноверстовом масштабе почвенный покров части Суражского уезда Черниговской губернии. Почвенно-ботаническими работами в этой части губернии руководил почвовед Иван Александрович Шульга.

Совет агрономического факультета: преподаватели и студенты.
Январь 1925 г.

Первый ряд: н/д, О. М. Трубецкова, н/д. Второй ряд, слева направо: А. Г. Генкель, А. А. Хребтов, Ф. А. Бынов (секретарь факультета), Н. Г. Кудрявцев (директор опытной станции), **В. В. Никитин** (декан), И. А. Берзинь (зам. декана), А. А. Ерофеев, А. Н. Чумишев, В. Н. Прокошев, н/д. Третий ряд, слева направо: н/д, н/д, **А. Е. Ширяев**, **И. И. Смирнов**, **С. И. Куприянов**, Г. А. Танашев, Д. А. Сабинин, П. А. Генкель, Л. А. Трефилова, н/д. Четвёртый ряд, слева направо: А. П. Швалёв, В. П. Мыларщиков, К. Ф. Осипов, **Н. Я. Коротаяев**, н/д, А. И. Оборин, н/д, н/д, А. Г. Силин.

Фотография из фондов музея Пермского ГАТУ, впервые опубликована в [23, С. 36]

Примечание: н/д – личность не установлена.

Василий Васильевич Никитин (1886-1932).

Источник: [46]. Фотография из фондов кафедры почвоведения Пермского ГАТУ

Шульга Иван Александрович (1874-1947) – почвовед, доктор геолого-минералогических наук, профессор.

Профессор В. В. Геммерлинг в 1947 году написал в некрологе, посвящённом памяти своего коллеги, следующее: «И. А. Шульга родился 4 августа 1874 г. в селении Ягаты б. Мариупольского у. Екатеринославской губ. По окончании среднего учебного заведения в 1896 г. он поступил в Ново-Александрійский институт сельского хозяйства и лесоводства. В это время директором Института был В. В. Докучаев, организовавший первую в России специальную кафедру почвоведения, заведующим которой был ближайший сотрудник В. В. Докучаева, выдающийся ученый и педагог Н. М. Сибирцев. В 1900 г. И. А. Шульга окончил Институт; одновременно с ним окончила Институт большая группа учеников Н. М. Сибирцева – хорошо известные почвоведы Н. А. Димо, Т. П. Гордеев, И. К. Фрейберг, А. П. Черный, Г.И. Вихман и др. Указанные товарищи И. А. Шульги по Ново-Александрійскому институту были одними из первых земских почвоведов. (Одновременно с ними начали работать почвоводами в б. Самарском губернском земстве С. С. Неуструев, Л. И. Прасолов и А. И. Безсонов).

И. А. Шульга вместе с Н. А. Димо и Т. П. Гордеевым сейчас же по окончании Института приступили к исследованию почв б. Саратовской губ. Начало научной деятельности И. А. Шульги совпало с моментом, когда почвоведение как самостоятельная естественно-историческая дисциплина переживала еще стадию своего научного оформления, и потому оно особенно нуждалось в фактическом материале, который должен был подтвердить правильность установленных В. В. Докучаевым основных положений новой науки и дать необходимые условия для ее дальнейшего теоретического и практического развития.

И. А. Шульга работал в Саратовском губернском земстве с 1900 по 1907 г. и участвовал в обследовании 6 уездов б. Саратовской губ. По двум уездам – Кузнецкому и Петровскому им напечатаны полные отчеты и составлены почвенные карты в масш. 1: 126 000, а по другим уездам – предварительные отчеты.

По направлению своей деятельности И. А. Шульга был почвоведом-географом.

Будучи докучаевцем, он знал, что для познания почвы необходимо изучать весь ландшафт, частью которого она является, и что только таким образом могут быть выяснены причины образования данной почвы и ее генетические особенности. Эту взаимосвязь полнее и лучше можно установить там, где еще сохранилась первобытная, не тронутая человеком, природа. <...>

<...> В 1907-1909 гг. И.[ван] А.[лександрович] работал в экспедиции, организованной б. Переселенческим управлением Департамента земледелия под руководством акад. К. Д. Глинки. Им была исследована (1907 г.) большая площадь по маршруту Минусинская степь – Абакан – Западные Саяны – Урянхай (степь до подножий хребта Танну-Ола). В результате этой работы была составлена схематическая почвенная карта и отчет, собран гербарий (свыше 600 видов), который был передан в Ботанический сад Академии Наук.

В 1908 г. И.[ваном] А.[лександровичем] была исследована тайга по междуречью Чуна-Ангара, а в 1909 г. тайга по междуречью Ангара – Чадобец – Подкаменная Тунгуска. Результаты его исследований по двум последним маршрутам изложены в опубликованной в 1913 г. отчете "Маршрутное исследование почв в юго-восточной части Енисейского округа". К отчету приложены две схематические почвенные карты.

В 1910 г. И. А. Шульга приезжает в Москву и здесь принимает участие в организации Почвенного комитета при Московском обществе сельского хозяйства и в этом же году, а также в 1911 г. по поручению этого Комитета он участвует в экспедиции по почвенным исследованиям в б. Пензенской губ., руководимой Н. А. Димо. Результаты этой работы им напечатаны в "Предварительном отчете о почвах Краснослободского, Наровчатского и Городищенского у. Пензенской губ." и составлены почвенные карты в 2-верстном масштабе по всем трем уездам.

В 1910 г. И.[ван] А.[лександрович] участвует в экспедиции в "Голодную степь", организованной Н. А. Димо по поручению б. Отдела земельных улучшений Министерства земледелия. Экспедицией было исследовано левобережье Сыр-Дарьи от Кызыл-Кумов до ж.- д. ст. Чирчик и подножий Кара-Тау и Туркестанского хребта, а также Дальверзинская степь по правобережью Сыр-Дарьи. Собранный по экспедиции материал был передан Н. А. Димо, на основании которого последним была написана и опубликована работа – "Грунты и почвы восточной части Голодной степи".

В 1912 и 1913 гг. по поручению Московского почвенного комитета И.[ван] А.[лександрович] принимал участие в почвенных исследованиях в б. Чернигов-

ской губ. Под его руководством были исследованы Стародубский, Суражеский, Городнянский и Черниговский уезды. По первым двум уездам составлен предварительный отчет, напечатанный в 1913 г., а также составлены одноверстные почвенные карты и написан полный отчет (15 печ. л., не напечат.).

В 1914 г. И.[ван] А.[лександрович] вновь вернулся в Саратов и работал на Саратовской областной с.-х. станции в качестве заведующего почвенным отделом станции и с.-х. лабораторией. Однако ввиду начавшейся первой европейской войны, кредиты настолько были сокращены, что вести научные работы на Станции было невозможно, и потому в 1916 г. он уходит со Станции.

В 1915 г. И.[ван] А.[лександрович] был избран заведующим кафедрой почвоведения на Саратовских агрономических курсах и в течение 1915 и 1916 гг. он читал на них лекции по почвоведению.

В 1916 г. по предложению б. Департамента земледелия он начал работать на Печерской с.-х. опытной станции в качестве ее заведующего. На этой станции он организовал лабораторию и подготовил участки для опытов. Параллельно им были исследованы почвы земельного участка станции. Результатами этих исследований он поделился в своем докладе на 3-м Всероссийском съезде почвоведов.

В 1918 г. в связи с оккупацией севера "белыми" ему пришлось прекратить работу на станции и сдать ее имущество местным представителям власти, переехать в Мурманск.

В 1919-1920 гг. после ликвидации "Северного фронта" он был приглашен руководить полевыми работами по исследованию почв вдоль ж. д. линии Мурманск – Петроград (в пределах Кольского полуострова), которые выполнялись почвенным отрядом Северной экспедиции ВСНХ, возглавлявшейся на Мурмане акад. А. Е. Ферсманом. Результаты этой работы были доложены на Всероссийском съезде почвоведов в 1921 г.

По окончании полевых работ на Мурмане И.[ван] А.[лександрович] вновь вернулся на Саратовскую областную с.-х. опытную станцию, но ввиду несогласия с постановкой дела, на станции, в конце 1921 г. он вновь покидает Саратов и уезжает в г. Ейск, где по предложению Ейской с.-х. опытной станции, занял место заведующего почвенного отдела станции. Здесь он пробыл с 1922 г. по октябрь 1923 г. За это время им были исследованы почвы участка станции и района ею обслуживаемого.

В 1923 г. И.[ван] А.[лександрович] переезжает в Новочеркасск профессором и заведующим кафедрой почвоведения в Донском институте с. х. и мелиорации. Находясь в Новочеркасске он – одновременно с 1925 по 1929 гг. исполнял обязанности зам. директора Государственного института засушливых областей.

<...> В 1932 г. И.[ван] А.[лександрович] начал работать в Научн.-исслед. Институте почвоведения МГУ в качестве зав. сектором генезиса и географии почв. Работу в Университете он совмещает с преподавательской деятельно-

стью на Почвенно-географическом, на Геолого-почвенном и Географическом факультетах. <...>

<...> Много времени И.[ван] А.[лександрович] уделял педагогической работе. С особым интересом он всегда читал лекции по географии почв, которые позволяли ему широко использовать большой лично им собранный материал». Источник: [74].

И. И. Смирнов в автобиографии указал, что в 1912 году он проводил почвенную съёмку на территории Суражского уезда Черниговской губернии. В этот период времени Иван Смирнов был студентом 3 курса кафедры Агрономии Естественного отделения физико-математического факультета Императорского Московского университета, проходил производственную почвенно-ботаническую практику в Черниговской губернии в качестве почвовед-экскурсанта. Руководил почвенным обследованием в Суражском уезде почвовед Иван Александрович Шульга [61, Л.2].

После изложения этих примечательных фактов возникают закономерные вопросы, ответы на которые помогут уточнить некоторые детали комплектации кадрового состава кафедры почвоведения Пермского государственного университета.

Первый вопрос – встречались ли лично в Черниговской почвенно-ботанической экспедиции И. И. Смирнов и В. В. Никитин? *Второй вопрос* – учитывалось ли мнение И. И. Смирнова о персональном составе кандидатов на вакантную должность преподавателя по кафедре почвоведения?

Кроме автобиографий Смирнова и Никитина, других архивных документов, подтверждающих их совместную работу в Суражском уезде, пока не обнаружено, но вероятность именно такого развития событий очень высокая. Время (1912 г.) и место проведения почвенной съёмки (Суражский уезд Черниговской губернии), руководитель работ (почвовед И. А. Шульга), которые указали в автобиографиях И. И. Смирнов и В. В. Никитин, полностью совпадают. Экспедиционный характер работ почвовед В. В. Никитина в Черниговской губернии предусматривал его нахождение на территории всего Суражского уезда. Всё это позволяет дать на первый вопрос практически однозначный ответ – да.

Второй вопрос – учитывалось ли мнение преподавателя кабинета почвоведения И. И. Смирнова о персональном составе кандидатов на вакантную должность преподавателя по кафедре почвоведения Пермского государственного университета? При положительном ответе на первый вопрос, ответ на второй вопрос тоже будет однозначным – да.

Почвоведы Н. А. Димо и И. А. Шульга – руководители В. В. Никитина и И. И. Смирнова в составе Черниговской почвенно-ботанической экспедиции 1912 года, профессор В. И. Вернадский, приват-доцент С. А. Захаров – университетские преподаватели И. И. Смирнова, являются представителями первого поколения Докучаевской научной школы или иначе – соратников и «прямых учеников Докучаева и Сибирцева» [121].

Если придерживаться «классификации», которая была предложена И. В. Ивановым [121] для учеников и последователей основателя генетического

почвоведения, то почвоведы Смирнов Иван Иванович и Василий Васильевич Никитин относятся ко второму поколению Докучаевской научной школы или являются «научными внуками» Василия Васильевича Докучаева. По базовому образованию Смирнов и Никитин – представители двух ветвей «московской школы почвоведения» [121].

В. В. Никитин начал работать с И. А. Шульгой и Н. А. Димо в почвенно-ботанических экспедициях с 1908 года, ещё будучи студентом МСХИ [65].

Николай Александрович Димо (1873-1959).
Фотография 1911 г. Источник: [94]

Методология истории почвоведения, как и методологии истории других наук, предполагает создание хронологии событий, оценку роли отдельных ученых-почвоведов в развитие науки. Роль И. И. Смирнова и В. В. Никитина заключается в создании первой кафедры почвоведения на Урале, целенаправленной подготовке агрономов-почвоведов, организации систематического изучения почвенного покрова Уральского региона на принципах, заложенных В. В. Докучаевым. Лидирующая роль в развитии генетического почвоведения на Урале принадлежит В. В. Никитину, но «первопроходцем» в высшем почвоведческом образовании в регионе был Смирнов Иван Иванович. Фактические дела и научное наследие И. И. Смирнова и В. В. Никитина свидетельствуют о правомерности отнесения их к почётной категории представителей второго поколения учеников и последователей В. В. Докучаева.

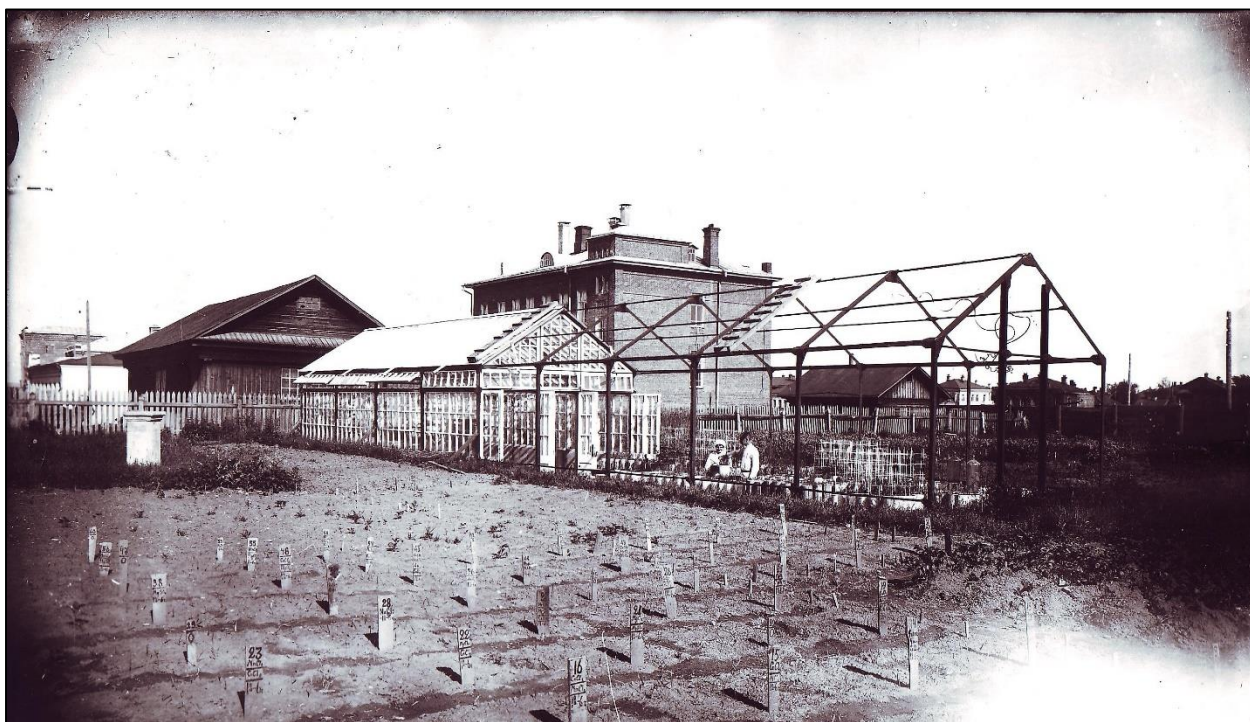
В конце XIX – начале XX вв. почвенный покров Пермской губернии был изучен и охарактеризован почвоведом казанской школы почвоведения, которой руководил Рафаил Васильевич Ризположенский [150]. Подходы к классификации и номенклатуре почв, принятые казанскими почвоведом, существенно отличалась от подходов В. В. Докучаева и его учеников [121].

Дело В. В. Никитина и И. И. Смирнова по созданию научной (докучаевской) школы почвоведения и высшего почвоведческого образования на Урале продолжили Г. А. Маландин, Н. Я. Коротаев, А. И. Оборин, их ученики и последователи.

10. Пермская сельскохозяйственная опытная станция.

Профессор А. Ф. Тюлин

В 1910-е годы власти Пермской губернии передали обширную усадьбу, принадлежавшую земству, под организацию Пермской опытной станции. В то время это была окраина г. Перми, напротив загородного сада (*сейчас он носит название «Центральный парк развлечений им. М. Горького»*).

Город Пермь. Территория Пермской сельскохозяйственной опытной станции.

1926 г. Сейчас на этом месте построен «Дом чекистов (жилой)».

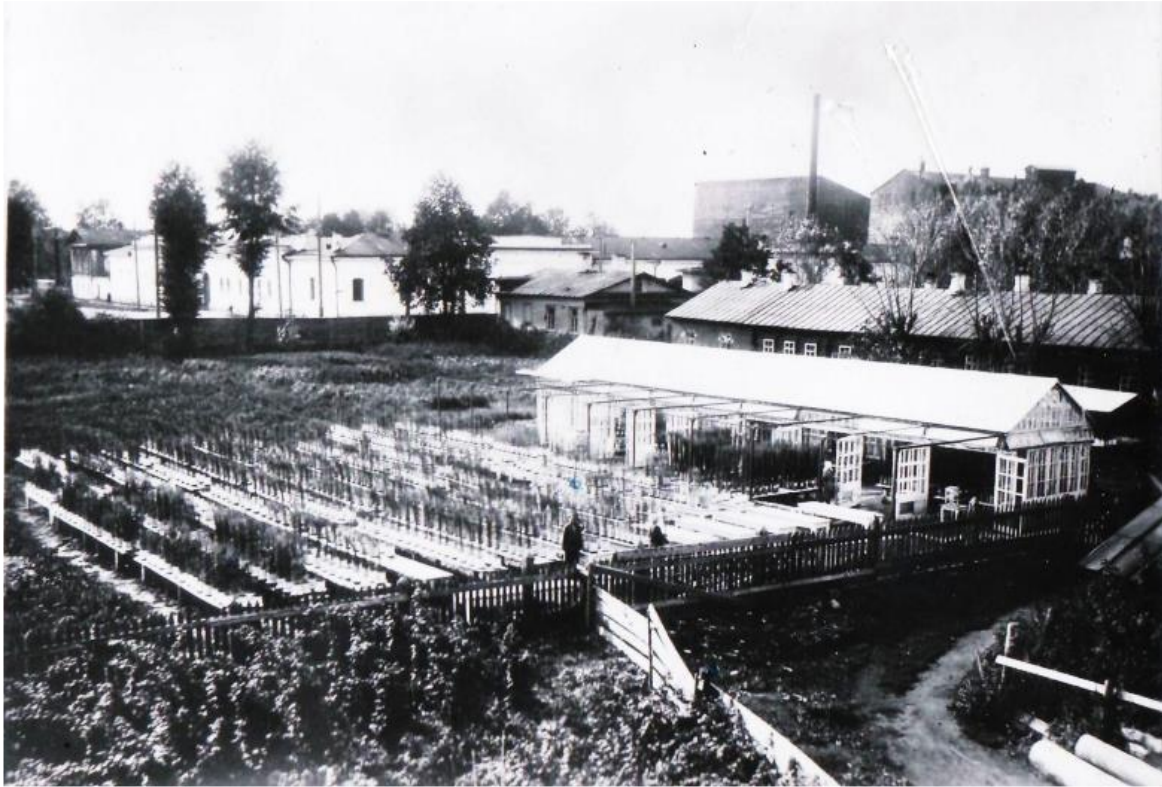
Литер «В». «Восточный корпус», ул. Сибирская 30.

Фотография из фондов кафедры почвоведения Пермского ГАТУ

«В составе опытной станции были созданы отделы: сельскохозяйственных опытных учреждений (полеводство, семеноводческое дело), метеорологический, исследовательский (химическая лаборатория с вегетационным домиком). Официальное открытие станции состоялось в январе 1913 года. В 1914-1915 гг. на усадьбе опытной станций были сооружены специальное трехэтажное каменное здание, <...> вегетационный домик на 1000 сосудов» [43, С.49].

В годы Гражданской войны материальные ценности станции усилиями её работников удалось сохранить.

В здании Пермской опытной станции в 1931 г. была открыта Уральская Областная Мелиоративная Опытная Станция. Директором станции был назначен один из учеников И. И. Смирнова – Виктор Павлович Мыларщиков. Вскоре станция была преобразована в лугово-болотное опытное поле.

Город Пермь. Территория Пермской сельскохозяйственной опытной станции: вид на вегетационное сооружение и коллекционный питомник из здания опытной станции. Теперь на этом месте «Дом чекистов (жилой)», ул. Сибирская 30. Фотография из фондов музея Пермского ГАТУ, опубликована в [43, С.264]

Город Пермь, ул. Краснова 10.
Учебный корпус № 4 Пермского ГАТУ. 2013 г. В 1968 году на фасаде здания установлена мемориальная доска Агроному В. Н. Варгину. Источник: [252]

В 1933 году здание бывшей Пермской (Предуральской) сельскохозяйственной опытной станции было передано Пермскому государственному сельскохозяйственному институту. Сейчас это здание является учебным корпусом № 4 (химический корпус), где размещены кафедры химии и экологии факультета почвоведения, агрохимии, экологии и товароведения Пермского ГАТУ, ул. Краснова 10.

В феврале 1923 году на должность заведующего агрономической лабораторией сельскохозяйственного научно-опытного учреждения был принят И. И. Смирнов [61, Л.23]. Экспериментальный отдел станции проводил на её территории ряд опытов: лизиметрические, вегетационные, полевые. На левой части фотоснимка 1926 года видна лизиметрическая площадка и смотровой колодец; в центре – вегетационное сооружение, где рядом с вегетационными сосудами находится И. И. Смирнов и ещё один сотрудник станции. На втором плане в правой части снимка – здание опытной станции. На переднем плане фотографии зафиксирован микроделяночный полевой опыт. На рабочих кольшках обозначена дата закладки опыта – 1926 г., а также прописаны химические формулы хлорсодержащих солей, использованных в опыте. Опыт был заложен сотрудниками агрохимического отдела станции.

С 1 октября 1920 года директором Пермской сельскохозяйственной опытной станции был назначен Николай Григорьевич Кудрявцев, который сменил на этой должности В. Н. Варгина – первого руководителя станции. В 1923-1924 гг. Н. Г. Кудрявцев исполнял обязанности декана агрономического факультета Пермского университета [76]. В. Н. Варгин продолжал работать на опытной станции консультантом.

В период обучения в Императорском Московском университете, И. И. Смирнов прослушал курс лекций об удобрениях и химии растений, который на кафедре Агрономии ИМУ читал создатель школы российских агрохимиков, выдающийся русский ученый Дмитрий Николаевич Прянишников [206]. Дмитрий Николаевич в 1924 г. посетил г. Пермь и Пермскую сельскохозяйственную опытную станцию. Среди научных сотрудников станции в 1924 году преобладали выпускники Московского сельскохозяйственного института, а значит и бывшие студенты основателя отечественной агрохимии: М. Е. Золотов (студент МСХИ в 1912-1916 гг.), Н.Г. Кудрявцев (1914-1917 гг.), Н. Ф. Добряков (1920-1923 гг.), А. П. Горин(?). На станции работал давний знакомый Дмитрия Николаевича – выпускник Петровской земледельческой и лесной академии В. Н. Варгин.

За время пребывания в Перми Д. Н. Прянишников встречался с профессором Д. А. Сабининым, который в 1924 году уже являлся известным специалистом в области минерального питания растений. В Перми Дмитрий Николаевич и сотрудники станции составили перспективный план проведения ряда новых агрохимических исследований и обсудили участие в них сотрудников Ботанической лаборатории университета. Был намечен переезд из Москвы в Пермь некоторых сотрудников лаборатории Д. Н. Прянишникова.

Сотрудники Пермской сельскохозяйственной опытной станции, преподаватели и студенты-практиканты агрономического факультета в вегетационном сооружении станции. Осень 1924 г.

Первый ряд, слева направо сидят: Н. Ф. Добряков, В. Н. Варгин, Н. Г. Кудрявцев (директор станции), Н. П. Матвеева (?), В. А. Лобанов. Второй ряд, справа налево: **И.И. Смирнов, В.В. Никитин**, н/д, н/д, н/д, А. А. Лютин. Фотография из фондов музея Пермского ГАТУ, опубликована в [43, С.265]

Примечание - н/д – личность не установлена.

Город Пермь. Прянишников Дмитрий Николаевич, Николай Дмитриевич Прянишников (сын профессора Д. Н. Прянишникова) и сотрудники Пермской сельскохозяйственной опытной станции. 1924 г.

В первом ряду, слева направо: М. Е. Золотов, Н. Д. Прянишников, Н. Г. Кудрявцев. Д. Н. Прянишников, В. Н. Варгин, Н. Ф. Добряков. Во втором ряду, слева направо: н/д, А. Г. Силин, В. А. Лобанов. Фотография из фондов музея Пермского ГАТУ, опубликована в [43, С.263]. *Примечание: н/д – личность не установлена*

Уже в 1925 г., по рекомендации Д. Н. Прянишникова, на Пермской опытной станции приступил к работе А. Ф. Тюлин – выпускник аспирантуры кафедры агрохимии ТСХА. В Перми последователи Д. Н. Прянишникова изучали применение минеральных удобрений на почвах разных типов Урала и Предуралья, их агрегатно-структурное состояние, поглотительную способность (коллоидные системы) и другие актуальные проблемы агропочвоведения и агрохимии. Дмитрий Николаевич оказывал постоянную методическую поддержку пермским учёным.

В 1948 году, по ходатайству Учёного совета Пермского сельскохозяйственного института, вузу было присвоено имя академика Д. Н. Прянишникова, которое он носит и сейчас. Некоторые вузы России, в том числе в г. Перми, в 1990-е годы отказались от присвоенных им ранее именных названий.

В 1925 г. на Пермской сельскохозяйственной опытной станции был создан агрохимический отдел, который возглавил профессор **Тюлин Александр Фёдорович**, заведующий кафедрой агрохимии агрономического факультета Пермского государственного университета и Уральского СХИ (1925-1931). В 1930-1940 гг. профессор А. Ф. Тюлин стал ведущим учёным СССР в области агрохимии и агропочвоведения, занимал лидирующие позиции в отечественной науке по вопросам коллоидно-химических свойств почв. В агрохимическом отделе Пермской сельскохозяйственной станции в 1925-1927 гг. работали научные сотрудники: И. И. Смирнов, С. С. Колотова, А. Е. Возбуцкая, лаборанты и техники Е. М. Быстрова, С. А. Арбузов, А. В. Юркова и др. Вегетационные опыты на станции проводились при участии Н. Ф. Добрякова.

***Добряков Николай Филиппович** заведовал отделом вегетационных опытов на Пермской сельскохозяйственной опытной станции с 1924 г. по 1927 г. В 1923 г. он окончил Петровскую сельскохозяйственную академию (МСХА имени К. А. Тимирязева) и сначала работал лаборантом, затем заведующим лабораторией на Уральском суперфосфатном заводе [96].*

***Возбуцкая Амалия Ефреимовна** – почвовед и агрохимик, автор учебного пособия «Химия почв» (1935), которое выдержало несколько изданий. Им пользовалось не одно поколение почвоведов и агрохимиков в нашей стране и за ее пределами. Доцент кафедры агрохимии Пермского СХИ (1925-1936 гг.), руководитель одного из почвенных отрядов вуза [46].*

А. Е. Возбуцкая была арестована в Челябинской области в марте 1938 г. по обвинению в шпионаже. Освобождена в 1940 г. Работала с 1941 по 1948 г. в Омске (СИБНИИСхоз), в Кирове (в НИИ Северо-Востока) и снова в Омске (СХИ) до 1959 г. Источники: [55], [113].

А. Е. Возбуцкая – выпускница кафедры почвоведения Московского государственного университета. Руководителем её дипломной работы был заведующий кафедрой почвоведения МГУ, профессор В. В. Геммерлинг [105]. По его рекомендации А. Е. Возбуцкая в 1924 г. была направлена для работы на Пермскую сельскохозяйственную опытную станцию, где химическую лабораторию возглавлял почвовед И. И. Смирнов. В годы учёбы Ивана Смирнова на кафедре Агроно-

мии Московского университета, В. В. Геммерлинг был одним из его руководителей по химическому анализу почв.

Быстрова Елизавета Михайловна с 1925 г. по 1929 г. – лаборант

Сабинин Дмитрий Анатольевич (1889-1951) – один из крупнейших физиологов XX века, крупный специалист в области почвенной микробиологии. Работы Д. А. Сабинина по физиологии растений получили международное признание: в 1923 г. он был избран членом немецкого Общества ботаников, в 1926 г. – членом французского научного Общества биохимиков. Д. А. Сабинин первым среди биологов еще в начале 1940-х гг. понял огромную роль нуклеиновых кислот в онтогенезе растений. Его классические работы по минеральному питанию, в которых он обосновал специфическую роль корня не только как пассивного органа, выполняющего функции поглощения воды и минеральных веществ, но и важнейшей биохимической лаборатории растения, – значительные этапы в развитии физиологии растений как науки. В 1941 г. за монографию "Минеральное питание растений" (1940) удостоен Президиумом АН СССР премии им. К. А. Тимирязева. После преждевременной кончины были опубликованы две фундаментальные монографии: "Физиологические основы питания растений" (1955) и "Рост и развитие растений" (1963), которые до сих пор являются настольными книгами для физиологов. Находясь на преподавательской работе в МГУ, открыто критиковал работы Т. Д. Лысенко с середины 1930-х гг. до сессии ВАСХНИЛ 1948 г., после чего был уволен из Московского университета. В 2005 году Крымской Астрофизической обсерваторией вновь открытой малой планете (зарегистрирована в международном каталоге под номерами 6591) присвоено имя «Сабинин» в честь Дмитрия Анатольевича Сабинина. Источники: [77], [306].

На Пермской сельскохозяйственной опытной станции было организовано проведение вегетационного опыта по поглощению фосфатов (Вятских) растениями кукурузы при разных значениях рН почвы. Физиологическими исследованиями динамики химического состава пасоки растений кукурузы руководил заведующий кафедрой физиологии растений (1924-1929 гг.) Пермского государственного университета, профессор Д. А. Сабинин, исполнителем физиологических исследований была аспирант кафедры физиологии растений О. Ф. Туева. Научный сотрудник агрохимического отдела станции Софья Савельевна Колотова (выпускница агрофака 1924 г.) контролировала динамику реакции среды в почве вегетационных сосудов и содержание в ней водорастворимых фосфатов.

Была проведена большая исследовательская работа, в которой принимали участие сотрудники опытной станции, кафедры агрохимии и кафедры физиологии растений университета. Чёткая организация проведения химических анализов в агрономической лаборатории станции была обеспечена её заведующим – И. И. Смирновым.

Коллектив агрохимического отдела Пермской сельскохозяйственной опытной станции и сотрудники кафедр агрохимии и физиологии растений Пермского государственного университета 1926 г.

Первый ряд, слева направо: С. А. Арбузов, н/д, О. М. Трубецкова, н/д, н/д. Второй ряд, слева направо: н/д, Н. Ф. Добряков, О. Ф. Туева, Д. А. Сабинин, А. Ф. Тюлин, А. Г. Силин, н/д. Третий ряд, слева направо: **И. И. Смирнов**, Е. М. Быстрова, А. Е. Возбуждая. Фотография из фондов музея Пермского ГАТУ. Фотоснимок опубликован в [23, С.70]

Примечание - н/д – личность не установлена.

Профессор Д. А. Сабинин с 1921 г. проводил в Ботанической лаборатории Пермского Университета и на Пермской Биологической станции оригинальные исследования пасоки, выделяемой растениями после срезания стебля. В 1925-1926 гг., главной научной проблемой Ботанической лаборатории кафедры физиологии растений университета были исследования по минеральному питанию и осмотическим процессам в растениях (аспиранты Л. С. Литвинов, Е. Г. Минина, О. Ф. Туева). Основные идеи по выполнению аспирантами физиологических экспериментов были изложены профессором Д. А. Сабининым в его монографии «О корневой системе, как осмотическом аппарате» (1925), опубликованной в приложениях к «Известиям Биологического научно-исследовательского института и Биологической станции при Пермском государственном университете» [77].

Таким образом, методика проведения физиологических исследований в вегетационном опыте с применением фосфатов на Пермской сельскохозяйственной опытной станции была отработана на самом высоком уровне.

Техническая часть по постановке вегетационного опыта обеспечивалась сотрудниками станции. Руководство осуществлял заведующий отделом вегетационных опытов Н. Ф. Добряков.

В 1927 г., Д. А. Сабининым и С. С. Колотовой была опубликована большая статья [305], в которой были изложены результаты исследований динамики поглощения фосфатов корневой системой кукурузы при разных значениях рН почвы. Заведующий агрохимическим отделом станции А. Ф. Тюлин оценил метод учета поступления P_2O_5 в растения (по микроанализу сока пасоки), разработанный профессором Д. А. Сабининым и его учениками, как «точный и изящный».

В январе 1927 г. некоторые итоги работы агрохимического отдела Пермской сельскохозяйственной опытной станции были доложены профессором А. Ф. Тюлиным на VI Всесоюзном съезде почвоведов в Ленинграде (в секции химии почв). На съезде присутствовала представительная делегация от Пермского государственного университета. Иван Иванович Смирнов был командирован с 27 декабря 1926 г. по 18 января 1927 г. на Всесоюзный съезд почвоведов в г. Ленинград [61, Л.31]. Одновременно, приказом ректора университета, ему поручили руководить экскурсией научных работников (ботаников и почвоведов) Пермского ГУ, направленных на съезд почвоведов. Состав участников экскурсии был следующий: ассистент И. И. Смирнов (руководитель), ассистент А. Е. Возбуждая, ассистент Л. А. Минюхина, и. о. ассистента О. М. Трубецкова, аспирант О. Ф. Туева [61, Л.34]. Ольга Михайловна Трубецкова вела занятия по физиологии растений на агрономическом факультете ПГУ. Историографы Пермского СХИ относят её к кругу лиц, стоявших у колыбели агрохимического факультета вуза [378].

О. М. Трубецкова и О. Ф. Туева стали известными учёными в области физиологии растений. На протяжении всей жизни они оставались верными соратниками и благодарными учениками профессора Д. А. Сабинина, длительное время работали с ним на кафедре физиологии растений Московского государственного университета [77].

В кулуарах VI Съезда почвоведов И. И. Смирнов тесно общался с ленинградскими почвоведом – Елизаветой Александровной Домрачевой и Сергеем Павловичем Кравковым. Они обратились к И. И. Смирнову с предложением быть рецензентом практикума «Физико-механический и химический анализ почвы. Краткое руководство» (прил. 7). И. И. Смирнов любезно согласился, внимательно изучил рукопись и сделал ряд ценных советов по усовершенствованию некоторых видов почвенных анализов. Он высоко оценил в своей рецензии работу ленинградских учёных-почвоведов. В 1928 году вышло первое издание книги Е. А. Домрачевой «Физико-химический и механический анализ почв» с предисловием профессора С. П. Кравкова [98].

Учебник-практикум "Физико-химический и механический анализ почв" издавался с дополнениями ещё четыре раза: 1930, 1931, 1935, 1939 гг. В послевоенное время практикум Е. А. Домрачевой долгое время оставался настольной книгой студентов вузов и аналитиков в почвенных лабораториях СССР.

Научное наследие И. И. Смирнова, созданное за период его работы в Перми, включает отчёты о результатах работы агрономической лаборатории Пермской сельскохозяйственной опытной станции и статью о составе и свойствах почв опытных полей Уральской области [325]. Статья отличается высоким научным уровнем и хорошо известна почвоведом Предуралья, ссылки на неё приведены в работах Г. А. Маландина [194], Н. Я. Коротаева [150], В. П. Дьякова [104], учёных Пермского НИИСХ и др. [274]. На статью И. И. Смирнова ссылаются авторы академического издания «Агрохимическая характеристика почв СССР» (1968, Т.9. С.308).

В тексте публикации [325] И. И. Смирнов указывает лиц, которые участвовали в выполнении ряда анализов почв опытных полей. Среди них: Г. А. Маландин, С. С. Колотова, Кюнцель. Имя и Отчество Кюнцель в статье не указаны, но, возможно, что это известный пермский врач-физиотерапевт А. А. Кюнцель, который в то время обучался в ординатуре медицинского факультета Пермского университета и одновременно работал в лаборатории опытной станции. Сам Иван Иванович выполнил анализ содержания органического вещества и валовой химический состав почв. По оценке профессора Н. Я. Коротаева [150], сделанной в 1962 г., публикация И. И. Смирнова «Аналитические материалы по изучению почв опытных полей сети опытных учреждений Уральской области (Менделеевского, Балаирского, Шадринского)» [325] имела существенное значение для организации агрономической научно-опытной работы на Урале. Характеристика химического состава дерново-сильнопodzolistой тяжелосуглинистой почвы Менделеевского опытного поля использовалась научными сотрудниками Пермской ГСХОС в 1970-е годы [274].

В мае 1927 года И. И. Смирнов написал заявление с просьбой отчислить его из числа преподавателей Пермского государственного университета с 01.07.1927 года [61, Л.38]. В заявлении он указал, что все материалы по учебной работе он передал В. В. Никитину.

К середине 1927 г. сложился комплекс причин для отъезда И. И. Смирнова с семьёй из Перми в Томск. В 1926 году статус Пермской сельскохозяйственной опытной станции был понижен с областного до районного уровня, соответственно сократилось штатное расписание и финансирование станции в Перми. Областная сельскохозяйственная опытная станция была организована в столице Уральской области – г. Свердловске. Директор Пермской станции Н. Г. Кудрявцев и ряд других сотрудников были переведены из Перми в Свердловск.

Не всё благополучно складывалось у И. И. Смирнова и на преподавательской работе в Пермском университете, где, как и в других вузах СССР, регулярно проводились унизительные малые и большие «чистки» профессорско-преподавательского состава. Со стороны пермского управления ОГПУ и Уральского обкома ВКП(б) осуществлялся жёсткий надзор за деятельностью и настроем преподавателей университета. Неудобные подвергались гонениям. «В 1927 г. ректором университета был назначен С. А. Стойчев, член ВКП(б), филолог

по образованию. Именно при нем началось последовательное давление на "реакционную профессию", в результате чего некоторые ученые вынуждены были покинуть Пермский университет» [236, С.148]. Во второй половине 1920-х годов, т.е. ещё до отъезда И. И. Смирнова из Перми, со стороны ОГПУ и коммунистов университета сложилось негативное отношение к преподавателям вуза из условной категории «бывшие».

Пермский историк Л. А. Обухов [236], на основании тщательного анализа архивных документов, оценил состояние отношения советской власти к преподавателям Пермского университета в конце 1920-х – начале 1930-х годов. В частности, Л. А. Обухов указал следующее: «...настроения профессорско-преподавательского состава представлены в информационной записке [ОГПУ] в августе 1929 г. Научные работники и преподаватели в университете, по данным ОГПУ, в большинстве своем выходцы из буржуазной среды (дети дворян, купцов и т.п.), в лучшем случае – из мещанско-чиновничьей (дети чиновников, кустарей и т.п.). Примерно 20% их составляют выходцы из духовенства. «Антипролетарский» социальный состав научных работников и преподавателей обуславливает, как считают в ОГПУ, и их идеологию: "идеологию мелкой, частью крупной буржуазии." <...> "Научные работники агрономического факультета (профессура) почти поголовно не верят в социалистическое развитие деревни. Идеал большинства – единоличное крепкое хозяйство".

<...> В борьбе с профессурой власть делала ставку на студенчество, в первую очередь, на членов партии, и молодых преподавателей» [236, С.148-149].

Ректор С. А. Стойчев (1927-1931) дал циничную стратегическую политическую установку поведения руководства вуза по отношению к профессорско-преподавательским кадрам университета: «"...теперь уже профессура дезориентирована, организационно не оформлена, идеологически не наша, и нужно проводить постепенно изъятие их, ибо нарастают свои новые молодые силы, и есть возможность подготовки своих кадров. ...Развернутая программа наша – сохранить по возможности профессуру для преподавания и для работ и изъять ее только тогда, когда она в наших условиях будет не нужна. "

<...> Резкой критике в печати и на различных собраниях подверглись профессора <...> В. Н. Беклемишев, <...> А. П. Дьяконов, <...> П. А. Генкель, <...> и др.

<...> Результатом этой разнузданной кампании стал отъезд ряда профессоров из Перми (<...> Дьяконов, <...> Беклемишев, <...> и др.), что, безусловно, ослабило научный потенциал города и не могло не сказаться на научной работе в вузах. Пермь уже не могла соперничать в научном плане со Свердловском. Уехавшие профессора устроились в других городах и вузах, внесли немалый вклад в развитие науки. Некоторые из них пострадали в ходе репрессий 1937 г.» [236, С.151-152].

Через несколько лет после отъезда И. И. Смирнова из Перми, подверглись необоснованным репрессиям и «изъятию» из вуза и научной среды некоторые

коллеги И. И. Смирнова по университету и опытной станции. Профессор А. Ф. Тюлин был арестован 15 июля 1930 г., а 12 февраля 1931 г. осуждён; однако дело было прекращено за недоказанностью состава преступления, и в том же 1931 году его освободили с полной реабилитацией [23, С.59]. Профессор В. В. Никитин был арестован в 1930 г. по делу Трудовой крестьянской партии. Обвинения сняты в 1931 году [23, С.58]. В. В. Никитин умер в 1932 г. в результате обострения хронических заболеваний за месяцы тюремного заключения. Н. Г. Кудрявцев – директор Уральской областной сельскохозяйственной станции (г. Свердловск), был арестован в 1930 г. по делу Трудовой крестьянской партии, а в 1931 г. его приговорили к заключению сроком на 10 лет в ИТК [23, С.58].

Сам проводник идеологии «изъятия» старой профессуры из Пермского университета, С. А. Стойчев в 1938 г., уже в должности директора Воронежского педагогического института, был арестован за якобы "участие в правотроцкистской диверсионно-террористической организации". «15 января 1938 года Военная коллегия Верховного Суда СССР приговорила С. А. Стойчева к высшей мере наказания. Приговор был приведён в исполнение немедленно» [144].

Основные события по кадровым чисткам в университете развернулись на рубеже второго и третьего десятилетия XX века, но первые сигналы об ужесточении кадровой политики в вузе поступили весной 1927 году, сразу после назначения на должность ректора члена ВКП (б) С. А. Стойчева.

Весной 1927 года И. И. Смирнов получил приглашение принять участие в работе экспедиции Сибирской рыбохозяйственной станции Наркомзема (г. Красноярск) по комплексному обследованию Нарымского края. Ему также было предложено возглавить химическую лабораторию Таёжной опытной станции Томской окружной колонизационной переселенческой партии Управления колонизации Сибири и занять должность ассистента на кафедре геоботаники Томского государственного университета. И. И. Смирнов, с учётом всех жизненных обстоятельств того времени, принял эти предложения.

11. Томская окружная колонизационная переселенческая партия. Нарымская научно-промысловая экспедиция. Н. В. Шипчинский

В 1927 г. Иван Иванович Смирнов вновь, уже в третий раз за свою жизнь, переехал в г. Томск для постоянного проживания и работы. Томск для И. И. Смирнова был почти родным городом, с большим количеством друзей, знакомых в Томском технологическом институте и Томском государственном университете. Кроме того, Томск был значительно ближе к Барнаулу и к Новосибирскому округу, где проживали родные братья Ивана Смирнова – Александр Иванович и Евгений Иванович Смирновы (прил. 4, 5).

Томское управление ОГПУ во второй половине 1920-х годов проводило менее жёсткую, чем в Перми, политику по отношению к «бывшим белым офицерам». В силу сложившихся исторических обстоятельств в Томске произошла массовая сдача в плен представителей колчаковской армии, и на территории Томского округа оказалось достаточно много «бывших». Поэтому до особых распоряжений особо активных действий по отношению к этой категории граждан не проводилось, хотя конечно надзор за «неблагонадёжными лицами» был организован на должном уровне и в Томском ОГПУ.

Климатические и бытовые условия жизни ссыльных и поднадзорных лиц в поселениях на территории заболоченных и «урманых» частей Сибирского края были суровыми. Общими словами оценку пребывания интернированных лиц в Томском округе можно выразить такими словами: «дальше Сибири посылать уже некуда».

К середине 1920-х годов наиболее высокая «плотность» новых ссыльных образовалась в населённых пунктах северных районов Томского округа, которые использовались для ссылки ещё властями Российской Империи. С января 1927 г. в с. Парабель ссылку отбывал почвовед и геолог Р. С. Ильин. «Бог создал Крым, а чёрт Нарым» – так, ещё со времён Российской Империи, называли эту территорию бассейна р. Оби в её среднем течении.

В г. Томске почвоведы были востребованы в Томской окружной колонизационной переселенческой партии Управления колонизации Сибири, где И. И. Смирнов работал с 1927 г. по 1929 г. [330].

Томская Колонизационная Переселенческая Партия была создана в 1925 году. Она имела следующие основные функции: <...> «учет колонизационного фонда, приведение колонизационных фондов в состояние, пригодное для освоения переселенцами, зачисление, водворение и устройство переселенцев. Партия была ликвидирована предположительно в 1930 г. в связи с ликвидацией Томского округа и Сибирского края» [69].

Исследователи аграрно-переселенческой политики советской России отмечают, что «...разработка вопросов колонизации и переселения включала большие риски. Одним из инструментов национальной политики советского государства на протяжении 1920-х годов <...> была острая критика переселенческой политики

дореволюционной России и колониальной политики в капиталистических странах. Поэтому стремление вложить новое содержание в "негативный" термин "колонизация" противоречило официальной доктрине. <...> В 1927 г. на I Всероссийском совещании работников переселенческого дела термины "колонизация" и "колонизатор" были признаны равнозначными бранному выражению» [214, С.101]. В Сибири, на бытовом уровне и даже в официальных документах того времени, термин «колонизация» применялся ещё достаточно долго.

Аграрная переселенческая политика в постреволюционной России отличалась от дореволюционной формами проведения. В первые годы после революции 1917 г. в России сохранялись проблемы крестьянского малоземелья и перенаселения деревень Европейской части РСФСР. Особенно остро обозначенные проблемы проявлялись в аграрно-перенаселенных черноземных губерниях (Курская, Воронежская, Орловская, Самарская и др.) с высокой плотностью сельского населения и незначительными по площади земельными наделами. Катастрофические последствия Гражданской войны, которая, по оценке некоторых историков, привела к гибели более 10 миллионов граждан России [142], не снизили остроту этих вопросов.

Руководители ВКП(б) и Совет народных комиссаров (СНК) решили восстановить основные элементы столыпинской аграрно-миграционной политики и продолжить сельскохозяйственное освоение территории Сибири. Органы советской власти, как и предшествующие ей органы власти Российской Империи, наметили превращение Сибири в продовольственную базу России. Объективные предпосылки для этого существовали: к началу 1921 года сельское население Сибири составляло до 90 %, а доход от сельскохозяйственной деятельности более, чем в три раза превышал доход от промышленности; плотность населения сибирских регионов была низкой. В результате реализации переселенческой политики намечалось решить продовольственные проблемы РСФСР, резко обострившиеся в начале 20-х годов, и преодолеть проблемы недостаточности земли в густонаселённых районах страны.

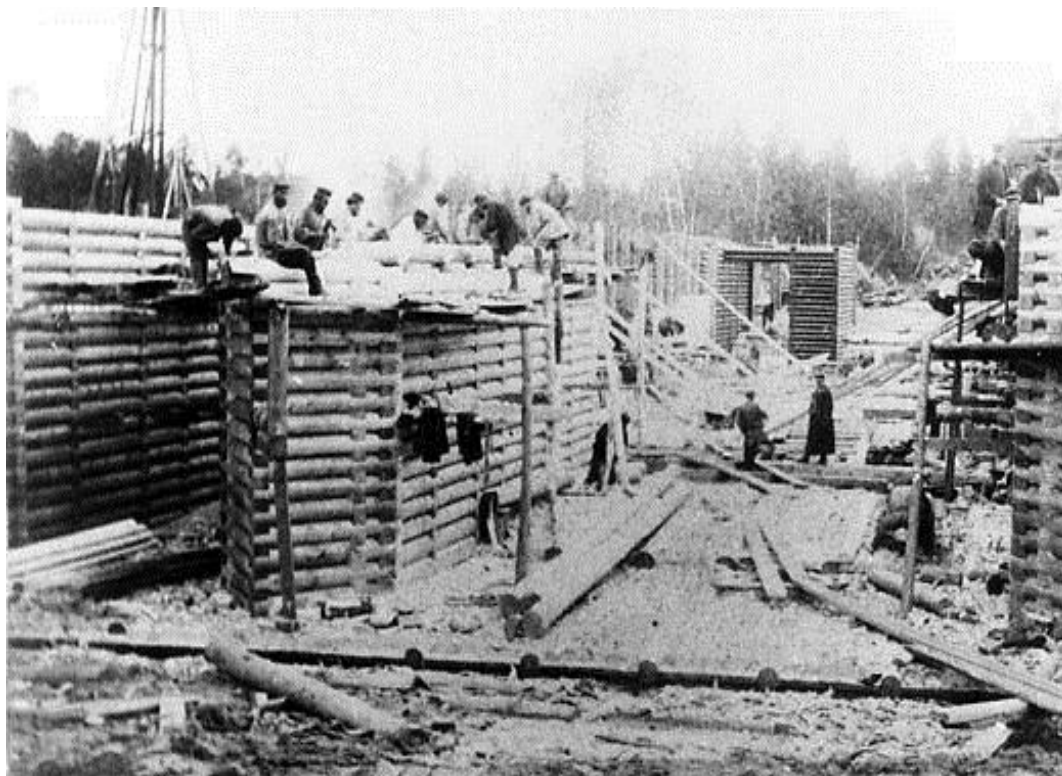
Колонизацию Сибири затормозили последствия войн и революций – массовый голод и эпидемии (тиф, холера). В 1921 году переселение в Сибирь было официально закрыто. Государственные переселенческие мероприятия восстановились только с середины 1920-х гг., когда был принят Декрет Всероссийского Центрального исполнительного комитета (ВЦИК) и Совета народных комиссаров (СНК) от 6 июля 1925 г. «Об открытии планового переселения в районы Поволжья, Сибири и Дальне-Восточной области» [321]. Декрет разрешал переселяться на территорию Омской, Новониколаевской, Томской, Иркутской и Енисейской губерний (существовали до лета 1925 г).

В 1925 году Правительством РСФСР были поставлены задачи создания в Сибири прочных крестьянских хозяйств и вовлечения в сельскохозяйственных оборот новых земель. В связи с этим предполагалась организация мероприятий по подготовке земельного фонда территории Сибири. Проблема нового этапа пере-

селения состояла в том, что в период 1896 – 1916 гг. все относительно удобные земли в Сибири уже были заселены, и требовалась серьёзная подготовка «переселенческого» фонда. В 1917-1924 гг. органами власти не проводилось никаких значительных мероприятий по подготовке новых земель к переселению. Свободные земли на территории Томского округа и других регионов Сибири располагались преимущественно в таёжной зоне. Одним словом, существующий фонд был малопригоден для немедленного заселения. Колонизационные работы неизбежно должны были развернуться на таёжных и болотистых пространствах Сибири, что требовало гораздо больших финансовых затрат [142].

Одним из мероприятий, направленных на выявление новых земель, пригодных для водворения переселенцев, было проведение в июне-сентябре 1927 года Нарымской научно-промысловой экспедиции. Экспедиция была организована Сибирской рыбохозяйственной станцией Наркомзема (г. Красноярск). В задачи комплексной экспедиции входило изучение территории среднего течения Оби в рыбопромысловом отношении, обследование почвенного и растительного покрова, народонаселения Нарымского края и его экономического благосостояния.

Был предусмотрен автономный переход водным транспортом из Енисея в Обь. Маршрут Нарымской экспедиции предполагал шлюзование по каналу, построенному еще в 1883-1895 гг. Канал соединял притоки Енисея и Оби – реки Большой Кас и Кеть [3]. Обь-Енисейский соединительный путь – канал длиной более двухсот километров, крупнейшее гидротехническое сооружение своего времени, настоящая рукотворная река.

Обь-Енисейский водный путь. Окончание нарубки надводной части шлюзоплотины на 72-й версте (жилой стан Генеральский). 1887 г.

Источник: [239]

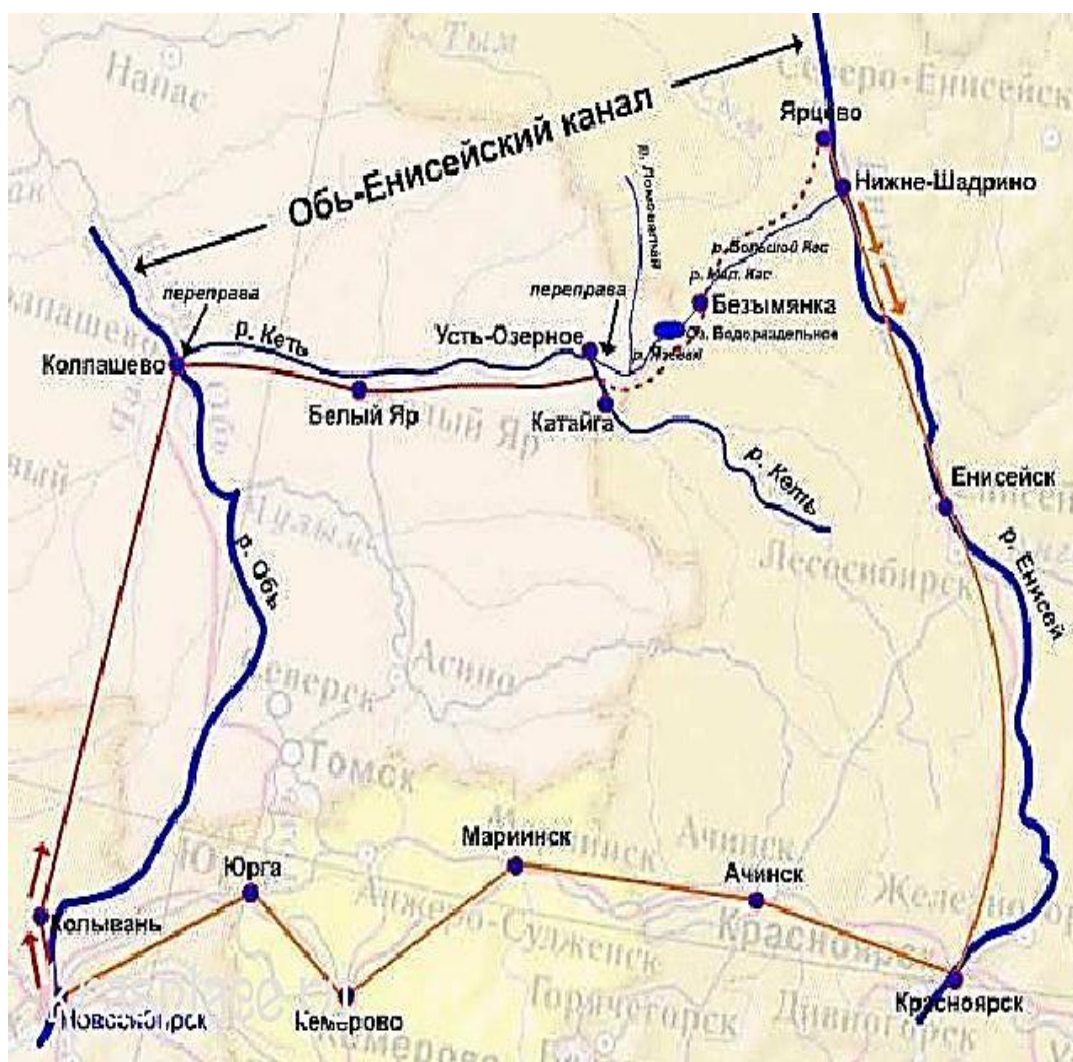

Схема Обь-Енисейского канала. Источник: [239]

Идея о соединении сибирских рек Оби и Енисея своевременно была включена в стратегию развития путей сообщения России ещё, на рубеже XVIII–XIX вв. В период строительства на всей трассе велись серьёзные работы по углублению и расширению русла рек. Были укреплены и расчищены берега рек, построены временные жилые станы, ремонтные мастерские. Природный ландшафт в зоне строительства значительно изменился [187]. Масштабы стройки в Сибири были поистине грандиозными.

Кроме этого, судоходные гидротехнические сооружения предназначались для поддержания уровня воды в реках. Инженерные сооружения возводились преимущественно из дерева, и это отличало российское строительство водных коммуникаций от зарубежного. Преимуществом деревянных конструкций судопропускных сооружений являлась простота при трансформации их габаритов. Возможность быстро и легко реконструировать деревянные сооружения, которые, в отличие от каменных (капитальных) сооружений, не требовали значительных средств [187].

Участники комплексной Нарымской научно-промысловой экспедиции в 1927 г. прошли этот Обь-Енисейский водный путь (прил. 9).

Спустя много лет после завершения Нарымской экспедиции 1927 года, журналистка Людмила Бабанова изучила тексты отчетов экспедиции и фотодокументы, созданные фотографом экспедиции И. И. Смирновым. Они хранятся в фондах Нарымской государственной селекционной станции. Л. Бабанова охарактеризовала условия проведения экспедиции и её значение для жителей Сибири в XXI веке. В статье «Первопроходцы», опубликованной в 2012 г. в томской газете «Ветеранские Вести», она написала: «85 лет назад была совершена эта экспедиция, важная для молодой советской страны, бесценная для нас, нынешних жителей земли Томской. Ведь речь идёт об исследовании, изучении природных богатств нашей родной Сибири, рек, болот и лесов, среди которых мы живём» [14].

В газетной статье размещена коллективная фотография участников экспедиции с полным полевым снаряжением. Обращает внимание большой объём груза, который приходилось переносить на себе исследователям. Ботаники и почвоведы проводили обследование почвенно-растительного покрова бассейнов рек Кеть и Тым – правых притоков р. Оби.

При осуществлении почвенно-ботанических экспедиций в первые три десятилетия прошлого века «...активно использовалась фотография, так как к тому времени были созданы перевозимые (хотя и очень громоздкие) фотоаппараты. Фотоматериалы экспедиций являются бесценными, с точки зрения не только ботаники и географии, но и истории России. В начале XX века фотоаппарат был дорогим и редким оборудованием, и снимки, сделанные исследователями-ботаниками [*почвоведками*], являются первыми (а порой единственными) документальными изображениями ландшафтов, растительных сообществ, старых городов и селений, а также картин жизни и быта различных областей и народностей. <...> В экспедиции брали <...> геодезические инструменты – буссоль, теодолит и др., а также барометр, высотомер, различные термометры – почвенный, максимальный и минимальный, бинокли, различные лупы и т.д. Все это требовало тщательной упаковки и имело внушительный вес. <...> Ко всему этому нужно добавить провиант, различный инструмент, палатки, кухонную утварь, личные вещи. Особо нужно было оберегать фотокамеры и стеклянные фотопластинки, которые также имели немалый вес. Для коробок с фотопластинками изготавливали специальные кожаные сумки с мягкими прокладками. Сверху на сумку одевался чехол из непромокаемой ткани.

Отснятые фотоматериалы перевозили с особой тщательностью, т.к. после возвращения домой делались отчеты с использованием фотоматериалов» [37]. Отчёты о работе Нарымской экспедиции 1927 г. иллюстрированы авторскими фотографиями И. И. Смирнова. Фотонегативы долго хранились в семейном архиве Смирновых.

Участники Нарымской научно-промысловой экспедиции 1927 г.
Фотография из отчёта экспедиции, впервые опубликована в [14, С.4].
Автор фотографии И. И. Смирнов

Слева направо: А. И. Березовский (ихтиолог), Н. В. Шипчинский (ботаник), Д. И. Каратанов (художник-этнограф), Ф. А. Петров, н/д, П. Л. Пирожников (?) (гидробиолог), н/д, н/д, н/д, н/д.

Примечание: н/д – личность не установлена. По материалам [207], [246]

Людмила Бабанова выразила в статье своё восприятие исторического фотоснимка из отчёта экспедиции. «Эта фотография притягивает. Снова и снова вглядываюсь в лица людей, хотя нет здесь ни знакомых, ни родных. Это 1927 год. Переселенческое управление Сибири вместе с Государственным луговым институтом города Москвы и Ленинградским сельскохозяйственным организуют экспедицию по Оби. <...> Цель – определить наличие земель, пригодных для переселения. <...> Начальником был назначен заведующий Сибирской рыбохозяйственной станцией А. И. Березовский. Другие сотрудники: А. И. Трифонов, агроном, почвовед, обследовал территорию от юрт Боркиных (*небольшая деревня*) до Колпашева, И. И. Смирнов почвовед и фотограф, Н. В. Шипчинский ботаник <...> Нарымская научно-промысловая экспедиция Березовского была сформирована в Красноярске, в ее составе 21 специалист и рабочие» [14].

Л. Бабанова [14] приводит в своей статье несколько фрагментов из рукописных отчётов участников экспедиции 1927 г. «Успешности работы мешают неблагоприятные обстоятельства, которые сводились главным образом к недостатку продовольствия, отсутствию средств передвижения (лодок) и рабочей силы. Последнее нужно было постоянно иметь в виду при сборе материала, особенно тя-

жёлтого (например, почвенные образцы), так как перенести их могли только люди. Очень заманчива была мысль отправить материал и возвратиться самим в лодках по Васюгану до Нарыма и оттуда на пароходе. От этого пришлось отказаться, так как навигация на Оби заканчивается слишком рано.

<...> Последний подрайон – от юрт Боркиных до Колпашева. Условно удобной для сельского хозяйства земли 74 тысячи гектаров. Выбрасываем 25%, остаётся 55500. Или ёмкость этого района выразится в количестве 11100 душевых долей. В этом районе развиты следующие промыслы: рыболовный, охота (пушнина и птицеводство), извозный, кустарно-ремесленный (изготовление дуг, саней), ореховый, ягодный, грибной. Земледелие с 1602 года – образование Кетского острога. На частые неурожайи не жалуются». Климатические наблюдения в районе не проводились. О климате можем судить по соседним недалеко отстоящим районам. Если основываться на показаниях Нарымской метеорологической станции, наиболее близкой с обследованному району, то последний в климатическом отношении в вегетационный период почти не отличается от Европейской части Союза на той же широте (57 градусов 30 минут северной широты – Ярославская губерния). Таким образом, надо считать, что и со стороны климата, обследованный район пригоден для заселения. Неблагоприятным обстоятельством являются здесь заморозки в мае и в августе. Сельское хозяйство как в долине реки Кеть, так и реки Тым не может быть зерновым, а должно быть смешанным, причём главным образом базироваться на молочном хозяйстве. Охота, кедровый и рыбный промыслы должны стать подсобными. Основной недостаток здесь – отсутствие путей сообщения» [14].

Людмила Бабанова описала эмоции, которые у неё возникли при ознакомлении с материалами экспедиции: «Я перелистываю внушительных размеров «Отчёты», хранящиеся в фондах Нарымской Государственной селекционной станции. Как житель нашего города удивляюсь – какая огромная работа по обследованию края проводилась тогда! <...> Смотрю на фотографию снова – 85 лет минуло! Кто есть, кто – неизвестно, нет описания фото в отчётах. А какая в общем-то разница? Они все вместе проделали для нас такую колоссальную работу! Сибирь ведь надо было изучать и осваивать!» [14].

В «Очерках истории рыбохозяйственных исследований Сибири» [246] указано, что в составе Нарымской экспедиции работали следующие сотрудники Красноярской рыбохозяйственной станции: зав. станцией А. И. Березовский; лаборант Л. А. Благовидова; зав. теххимическим отделом, ст. ассистент Ф. А. Петров; зав. опытно-показательной мастерской А. Н. Воскресенский; экономист Н. В. Суханов, Ф.А. Коморовский – моторист катера (прил.10).

На сезон полевых исследований в состав экспедиции 1927 г. были привлечены высококвалифицированные специалисты из различных научно-исследовательских учреждений и университетов. «Персонально это были: Н. В. Шипчинский профессор, ботаник главного ботанического сада в Ленинграде; И. И. Смирнов – почвовед из Пермского университета; В. Н. Симаков – почво-

вед; А. И. Трифонов – почвовед-морфолог из Томской колонизационно-переселенческой партии; Н. И. Аничкова – химик, сотрудник Российского гидрологического института; Е. Н. Орлова – экономист-этнограф; Д. И. Каратанов – художник-этнограф; В. И. Иванов – агроном-экономист; О. Н. Юданова – агроном-экономист; А. К. Желнин – статистик; Л. Е. Гоголина – статистик; М. А. Рейнгольд – статистик; М. И. Кусков – препаратер; А. И. Лашков – помощник механика на катере; П. Л. Пирожников – практикант; А. А. Световидова – практикант; Н. И. Коркина – практикант; Б. Ф. Петров – практикант» [246]. В составе экспедиции было пять отрядов: химико-гидрологический, почвенно-ботанический, ихтиологический, этнологический, статистико-экономический [246].

Ещё раз обратимся к фотографии, размещённой в статье Л. Бабановой. Очевидно, что снимок был сделан штатным фотографом экспедиции – Иваном Ивановичем Смирновым. На фотографии второй человек слева – это ботаник Николай Валерианович Шипчинский, в то время научный сотрудник Ленинградского ботанического сада. Впоследствии Николай Валерианович станет известным учёным, заведующим Ленинградским ботаническим садом, организатором науки. И. И. Смирнов и Н. В. Шипчинский много недель бок о бок проводили почвенно-ботанические изыскания в Нарымском крае, делили «и хлеб и кров».

Приведем краткую биографическую справку о Н. В. Шипчинском.

Николай Валерианович Шипчинский (1886-1955). Источник: [72]

Шипчинский Николай Валерианович (Валерьянович) (1886-1955) – русский ботаник, систематик, заведующий Ленинградским ботаническим садом в 1934-1938 и 1942-1948 гг.

Родился в Гельсингфорсе. Отец – бухгалтер Интендантства, мать – домохозяйка. В 1909 году в Гельсингфорсе окончил русскую гимназию, поступил на физико-математический факультет Петербургского университета по отделению естественно-исторических наук, специализировался в области ботаники. С 1910 года изучал флору Дальнего Востока в Гербарии Санкт-Петербургского ботанического сада под руководством В. Л. Комарова. Принимал участие в экспедициях Переселенческого управления в Баргузинском уезде Забайкальской области (1912), в Южно-Уссурийском округе Приморской области (1913), в Семипалатинской области (1914), в Иране (1916). В марте 1915 года зачислен в штат Санкт-Петербургского ботанического сада, в котором работал до конца своих дней сначала лектором-экскурсоводом (1915), потом консерватором в Гербарии (1915-1931), старшим ботаником в отделе живых растений (1931-1933), заведующим Музеем (1933-1934). С 1934 года заведовал отделом Ботанический сад. В 1939-1941 годах был командирован в строящийся город Балхаш, где руководил озеленением территории Прибалхашского медеплавильного комбината и города Балхаша. Во время Великой Отечественной войны Н. В. Шипчинский принимал участие в оборонительных работах по созданию маскировочного озеленения Ленинграда. Н. В. Шипчинский – один из разработчиков проектов организации и строительства Главного ботанического сада АН СССР в Москве (1936-1937), Ботанического сада Академии наук Белорусской ССР в Минске (1939), Ботанического сада Киргизской ССР». Источник: [391].

Н. В. Шипчинский подготовил несколько рассказов-воспоминаний об экспедициях, в которых он принимал участие [392]. Ценность его воспоминаний, в контексте биографии И. И. Смирнова, состоит в том, что они являются письменным свидетельством очевидца и участника проведения на территории Нарымского края почвенно-ботанических исследований в 1927 г. В рассказе Н. В. Шипчинского «**Снова в комарином царстве**» [392], содержатся сведения об условиях проведения уникальной Нарымской экспедиции, а также детали быта и повседневной жизни её участников.

Отметим, что в воспоминаниях Н. В. Шипчинского, имена и фамилии участников Нарымской экспедиции ни разу не упоминаются. С одной стороны, рассказ-воспоминание написан от первого лица, и поэтому делать этого не требовалось. Однако, есть и иное объяснение отсутствию в рассказе имён и фамилий его героев. Некоторые участники экспедиции, в том числе руководитель экспедиции А. И. Березовский, почвовед Иван Иванович Смирнов, гидрохимик Ф. А. Петров, в 1930-е годы погибли в застенках НКВД. Профессор Н. В. Шипчинский работал над воспоминаниями, в то время (до 1955 г.), когда учёные, подвергшиеся репрессиям, ещё не были реабилитированы. Н. В. Шипчинский знал о трагической судьбе своих товарищей. В условиях, действующих в то время цен-

зурных требований, упоминать имена и фамилии, описывать положительные образы «врагов народа» в печатных изданиях не допускалось.

Газетная статья Людмилы Бабановой [14] позволяет по-новому прочитать мемуары Н. В. Шипчинского о Нарымской экспедиции. Приведём, фрагменты рассказа-воспоминания Н. В. Шипчинского «Снова в комарином царстве», снабдив их краткими комментариями и фотографиями из семейного архива С. Р. Смирнова.

«Снова в комарином царстве». Н. В. Шипчинский [392] (по материалам сайта «Антология экспедиционного очерка» [10]).

<...> «В 1927 году мне (*Н. В. Шипчинскому* – курсив А.А.В.) предложили принять участие в экспедиции в Нарымский край. Предполагалось пройти со среднего течения р. Енисея на среднее течение р. Оби. Экспедиция была комплексной и ставила перед собой разнообразные научные задачи. В ее состав входили: ихтиологи (рыбоведы), почвоведы, ботаник, агроном, этнографы, статистики, гидрологи, химики и другие специалисты. Всего в экспедиции участвовало 24 представителя разных специальностей.

В то время в районе, где экспедиция должна была работать, сухопутных дорог еще не было, и основной путь предполагалось проделать по водным артериям на плавучих средствах. Исходным пунктом назначался – г. Красноярск; здесь проходила вся подготовительная работа по снаряжению. Экспедиция располагала моторной лодкой, которая должна была буксировать довольно большую баржу.

Из Красноярска нам предстояло спуститься вниз по Енисею до р. Кас. Эта река впадает в Енисей с запада, ниже г. Енисейска. Отсюда надо было подняться почти до истоков р. Кас и перебраться в воды реки Кеть. Потом надо было пройти вниз по течению Кети на запад – до Оби и войти в Обь около Колпашево. Дальнейший путь шел вниз по Оби до р. Тым. По Тыму предполагалось подняться насколько возможно выше, затем вернуться на Обь и пройти по Оби вверх до Новосибирска. Здесь экспедиция заканчивалась.

В Красноярском управлении водного надзора считали, что с такими, как у нас, небольшими и неглубоко сидящими судами мы легко пройдем по рекам Касу и Кети, без труда преодолеем шлюзовую систему Обь-Енисейского канала и выйдем на Обь. Нас уверили, что на весь путь потребуется не больше двух недель.

Однако оптимизм работников Управления водного надзора оказался необоснованным. Вся шлюзовая система Обь-Енисейского канала уже свыше десяти лет не работала и была в таком запущенном состоянии, что даже для наших мелкосидящих судов оказалась почти непроходимой.

Обь-Енисейский канал с 16 его шлюзами (*прил.9*) сооружался еще до начала постройки Сибирской железной дороги. Этот водный транспортный путь должен был связать западную Сибирь с восточной. В 1898 году строительство канала было уже почти закончено, и только тут выяснилось, что он не сможет оправдать своего назначения (*экспорт сибирского зерна и леса в Европу, через*

Лондонскую биржу, по рекам Сибири до Обской губы и далее по Северному морскому пути – курсив А.А.В.). Его пропускная способность оказалась далеко не достаточной, а в долгий зимний сезон и вовсе прекращалась. Поэтому, когда приступили к строительству Сибирской железнодорожной магистрали, постройку Обь-Енисейского канала забросили, и каналом почти совсем не пользовались.

<...> Мы уже почти были готовы к отплытию, и только укрепление прочности корпуса баржи, названной "Иголиндой", задержало выход экспедиции из Красноярска до 10 июня. Утром 10 июня закончили погрузку снаряжения, продовольствия и горючего для моторной лодки» [10], [392].

Лодка-буксир носила гордое название «Ёрш». Мотористом этого катера был Ф. А. Коморовский [246] (прил.10).

«Экспедиционного груза оказалось очень много и разместили его с трудом. Четверо сотрудников экспедиции устроились на моторной лодке, остальные 20 человек – на баркасе.

Нос и корма "Иголинды" были открытыми, беспалубными, и предназначались для горючего, рыболовных сетей и прочих принадлежностей работы ихтиологов. Остальная часть баржи была крытая. На палубе высилась легкая надстройка с небольшими застекленными окнами. В первой от носа каюте размещалось шесть человек на двухъярусных нарах. Предназначалась она для мужского персонала экспедиции. Вторая каюта, тоже на шесть человек и с такими же нарами, была предоставлена женщинам. Дальше следовало большое помещение химической лаборатории, одновременно служившее и кают-компанией, и спальней для остальных восьми человек. Ближе к корме, в кладовых, размещалось продовольствие и другие грузы.

Наконец, "Иголинда" отвалила от пристани. Течение Енисея очень быстрое. Моторная лодка («Ёрш»), плотно пришвартованная с левого борта к барже, легко тянет нас полным ходом вперед. Скоро теряем Красноярск из виду.

Погода стоит прохладная, иногда накрапывает мелкий дождь, иногда сквозь разрывы облаков светит солнце. Дует умеренный ветер, и нас немного покачивает. Вечером остановились на ночевку у берега, заросшего кустами ивы. За день спустились по Енисею от Красноярска приблизительно километров на 100.

Утром отплыли очень рано – часа в 3, и уже в 9 часов утра пристали к левому берегу Енисея, около деревни Залив. Ниже начинается гигантский Казачинский порог. По берегу на протяжении всего порога установлены створные знаки, по которым лоцман ориентируется в фарватере.

Проход через этот порог разрешается только с лоцманом и то лишь после того, как снизу сообщат, что вверх по порогу не идет ни одно судно. Такие суровые правила вполне оправданы, так как проход через порог очень опасен, и нужен большой опыт и мужество, чтобы благополучно провести судно.

Берега вдоль порога высокие, скалистые, особенно справа по течению. Со дна реки поднимаются подводные утесы, их верхушки угрожающе торчат над водой. Река течет здесь под большим уклоном, она низвергается по порогу с огром-

ной быстротой. Белая от пены и брызг вода с ревом и грохотом несется по камням. Мне довелось побывать в Финляндии на Иматре. Когда-то этот водопад казался мне исключительно грандиозным. А ведь Казачинский порог в десятки раз шире Иматры, в сотни раз мощнее и грандиознее. Его величие поистине незабываемо.

Лоцман, крепкий человек лет 35, прибыл к нам около полудня. Он проверил крепость швартовов, связывающих моторную лодку с баржей, и мы отвалили от деревни Залив. Подошли к блокировочному посту, расположенному в непосредственной близости от порога и получили окончательное разрешение на спуск. Потом сразу же вышли на середину реки.

Бурное течение реки быстро подхватило наши суда и бросило их на грохочущий порог. Кругом мощные струи воды, натываясь на подводные скалы, вздымаются кверху могучими фонтанами. Со страшной быстротой они перескакивают через подводные утесы и несутся все дальше вниз. Кажется, что вода кипит и колочет в гигантском котле. От шума, грохота и рева ничего не слышно рядом. Там, где нет пены и брызг, вода кажется тяжелой расплавленной металлической струей, только густо-синего цвета.

Лоцман очень внимательно следит за ходом наших судов и направляет их по более спокойным струям, туда, где нет камней. Суда делают крутые повороты. Временами кажется, что мы стоим на месте, а берега проносятся мимо нас в обратном направлении, торчащие из воды подводные каменные глыбы мелькают с кинематографической быстротой. Нервы натянуты до крайности, зрение напряжено до предела. Длится все это каких-нибудь 20 минут, но за это время мы пролетаем около 9 км.

Сразу за порогом Енисей снова спокойно течет среди расширившихся берегов. Отсюда, высадив лоцмана на берег, поплыли дальше самостоятельно. Прошли устье р. Ангары (Верхней Тунгуски), которая впадает в Енисей справа, почти на полпути между Казачинским и Енисейском. Место впадения Ангары заметно издали по цвету воды. Слева идет темная енисейская вода, а справа светлая, серебристая – ангарская. Лишь постепенно, на протяжении многих километров, обе струи смешиваются, и след ангарской воды исчезает.

После впадения Ангары Енисей становится еще полноводнее, а берега его приобретают более спокойный равнинный характер. Дальше на север берега Енисея становятся совсем пологими, скалы остаются позади.

Около 10 утра пришли в Енисейск, <...> пополнили запасы продовольствия и отплыли дальше на север. Погода стояла теплая, безветренная,плыли мы хорошо и к вечеру дошли до поселка Назимова. В поселке пробыли недолго, купили корову, разделали тушу на куски и развесили на палубе для провяливания. Здесь же приобрели небольшую долбленную лодку, которую погрузили на палубе баржи.

К утру следующего дня проплыли до деревни Суковатой, иначе Нижне-Шадрино, где устроили дневку, чтобы подготовиться к путешествию по безлюдным местам. Здесь же наняли проводника. До устья р. Каса, в которое нам предстояло

свернуть, оставалось километров шесть, а на Касе в то время жилья еще не было.

Вечером мы подверглись нападению бесчисленного комариного «войска» в союзе с мошкаррой, по-сибирски – гнусом. В каюте от массы комаров гудело. Легли спать, но заснуть было немислимо – комары ели поедом. Я перебрался на палубу, на лицо надел накомарник, сверх него укрылся капюшоном, однако терпения моего хватило ненадолго – мошка пробиралась в любую, даже самую маленькую щелку и нещадно кусала. Тогда я снова вернулся в каюту, но спустя полчаса не выдержал и встал.

За ночь все участники экспедиции были сильно искусаны. У кого опухли и не смотрят глаза, у кого от опухоли свернулся нос на сторону, у кого отвисла распухшая губа.

Все стали такими «красавцами», что без смеха невозможно было смотреть друг на друга.

Из-за порчи машины в моторной лодке отплытие задержалось, но все же часа через два вошли в устье р. Кас. Река эта неширокая, вода в ней бурая, болотная, глубина маленькая, но течение довольно быстрое. Почти сразу же километра через три сели на песчаную мель, однако снялись с нее довольно легко. К нашему несчастью, мотор лодки засосал со дна песок, и машину пришлось разбирать и промывать. Это задержало нас еще на три часа. Таково было наше первое знакомство с р. Кас, которая доставила нам много тяжелых дней.

Воспользовавшись невольной остановкой, сделали небольшую экскурсию в сторону от берега. Вдоль берега неширокой полосой идет заросль кустарников тальника, за нею тянется сырая пихтовая тайга с примесью лиственницы и березы. В лесу очень много валежника и сухостоя.

В период половодья прибрежные леса сплошь затопляет вода. Никаких троп в лесу не видно. **Уже на глубине 47 см натолкнулись на вечную мерзлоту.** В этот день я сделал первые ботанические сборы для гербария.

Как только машина моторной лодки была исправлена, отправились дальше вверх по реке. Теперь моторная лодка шла впереди и тянула за собой баржу. По пути встретились две стремнины. Моторная лодка не смогла своими силами вытянуть баржу против течения, и всему составу экспедиции пришлось взяться за шесты.

Вверх по р. Кас проплыли до вечера около 20 км и остановились на ночевку у низкого песчаного острова. Ночью прошел небольшой дождь с грозой, но он нам не очень помешал. Зато комары и мошки снова нас жестоко атаковали.

В 6 часов утра двинулись дальше вверх по реке, среди низких берегов, поднимавшихся над водой всего метра на два. Кругом тайга из пихты, кедра, лиственницы и березы. Часто видны рябина, черемуха, реже серая и зеленая ольха. Сосна встречается лишь на высоких песчаных буграх, но ее мало.

Глубина реки около одного метра, и нам приходится все время делать промеры, чтобы не сесть на мель. Река сильно петлит, нередко делая повороты чуть ли не в обратную сторону, и это значительно удлиняет путь. Нередко встречаются

острова, и русло реки раздваивается. Обычно одно из русел забито заломом – массой древесных стволов вместе с корнями и сучьями, нанесенных сюда во время половодья.

На ночь остановились около высокого песчаного яра, поросшего на вершине сосновым лесом.

Сегодня, 16 июня, мое (*Н. В. Шипчинского – курсив А.А.В.*) и **почвовед** дежурство по кухне. В качестве поваров и судомоек по очереди дежурят все, кроме начальника экспедиции и моториста. Поварское дело оказалось очень хлопотливым – ведь надо было накормить 25 человек. Поэтому мы встали раньше других часа на два, чтобы к пробуждению завтрак был готов. К 7 часам утра все были накормлены и напоены, вещи уложены на баржу и катер, и экспедиция двинулась дальше» [10, 392].

Сотрудник показательной технологической мастерской Сибирской научной рыбохозяйственной станции А. Н. Воскресенский, ещё в Красноярске, изготовил для нужд экспедиции «350 банок мясоовощных консервов вполне удовлетворительного качества» [246]. В задачи участника экспедиции А. Н. Воскресенского входило: ознакомление местного населения Нарымского края с рецептурой и оптимальными условиями течения процессов приготовления рыбопродуктов, демонстрация технологий рыбообработки.

Смирнов Иван Иванович (справа) на камбузе «Иголинды».
Фотография из семейного архива С. Р. Смирнова

«Приготовление обеда в экспедиции серьезное дело. Накануне на песчаном острове мы собрали много дикорастущего щавеля и накормили всех зелеными щами. Обедали на песчаной косе. После обеда отправились дальше вверх по реке. Мы, дежурные "повара", моем и убираем посуду, потом садимся на палубе отдохнуть. Ужин будем стряпать на берегу, когда остановимся на ночевку.

С палубы осматриваем берега. Кругом все та же тайга, только чаще стали встречаться небольшие песчаные холмы, поросшие сосновым лесом. Тайга кажется мертвой, не видно даже птиц. Кругом царит тишина. Низкие острова забиты плавником.

На другой день погода стояла пасмурная, моросил дождь. Появились какие-то особенно крупные комары, которые не пугаются ни костра, ни дымокуров и жалят даже сквозь одежду. Река стала значительно уже, в русле много осевших на дно деревьев, затрудняющих плавание. Особенно мешали те стволы, которые были целиком затоплены, но их вершины поднимались почти до самой поверхности воды. От устья реки мы прошли, считая все повороты и извилины, километров 150. До первого шлюза оставалось еще около 50 км.

Несмотря на то, что все время лил дождь, мы с почвоведом (*И. И. Смирновым* – курсив *А.А.В.*) совершили экскурсию вглубь от левого берега. Прибрежная полоса густо заросла кустарником, через который трудно было пробраться. За кустарниками вдоль берега реки шла песчаная возвышенная гряда, поросшая сосновым лесом, за ней заболоченная пониженная полоса, а дальше снова гряда с сосновым лесом. За второй грядой шло широкое торфяное болото, особенно топкое по краю.

Около 7 часов утра 18 июня отчалили от берега и продолжали путь вверх по все более петлявшей реке. Часа через два сделали посередине реки остановку для гидрологических наблюдений. К вечеру добрались до места впадения р. Малого Каса в р. Кас. Проход вверх по реке оказался здесь очень трудным, и мы сели на мель. Спустив купленную на Енисее долбленую лодку, обследовали глубину и возможность дальнейшего прохода наших судов. После долгих поисков фарватер был найден.

Через полчаса пути подошли к месту, где река раздваивается. Отсюда начались наши мучения. Справа вход в русло был закрыт плавником и замыт песком. Сделали разведку и выяснили, что это русло ведет к первому на нашем пути шлюзу – Александровскому, состоящему из одной камеры, сплошь забитой плавником. Рядом с камерой расположен низкий остров, заваленный беспорядочно нагроможденными друг на друга стволами деревьев. Много лет они накапливались здесь приносимые весенним половодьем.

Левое русло реки было открыто для входа, но выше его преграждала разрушенная плотина, состоявшая из двух береговых ряжей (Заслонов, сделанных из толстых бревен) и двух русловых в середине реки. Сверху по течению реки во время весеннего половодья к этим ряжам привалило огромный толстый ствол кедра, который перегородил русло. Постепенно, в течение нескольких лет, к этому кедру во время весенних паводков приносило все новые и новые стволы деревьев. Выше шлюза они образовали невероятно путаное сплетение бревен, торчащих в разных направлениях и местами уже поросших ивняком.

Этот залом преграждал русло реки метров на 200, и за несколько лет превратился в новую мощную плотину. Однако вода находила себе сток между стволами и с шумом вырывалась около ряжей.

Суда пришвартовались к правобережному ряжу, и мы отправились осматривать препятствие, преградившее нам путь. Долго промеряли глубину, выискивали места, где залом менее прочен и легче может поддаться разборке. Положение казалось безнадежным. А ведь это был первый шлюз из 16, которые нам предстояло пройти.

При всестороннем и внимательном осмотре выяснили, что большая часть воды проходит сквозь залом вдоль правого берега. Следовательно, именно здесь надо попытаться его разобрать и расчистить проход для проводки судов. Мы понимали, что работа будет очень тяжелой и потребует много времени даже при мобилизации всех наших сил.

С вечера подготовили пилы, топоры, багры, шесты, веревки, сняли со шлюза стоявший здесь чугунный двухрычажный ворот и укрепили его на палубе баркаса.

Работу всем коллективом начали с рассветом. В первую очередь надо было перепилить толстый ствол кедра, который лежал над самой поверхностью воды и послужил причиной образования залома. Перепилить поперечными ручными пилами этот мощный, более метра в диаметре ствол оказалось делом очень трудным. Пилили по очереди, когда одна пара пильщиков уставала, их сменяла другая.

Остальные сотрудники экспедиции с помощью багров, шестов, веревок и установленного на барже ворота вытаскивали из залома менее толстые бревна и спускали их вниз по течению.

Во время этой работы чуть не случилось несчастье, едва не повлекшее за собой гибели одной из наших научных сотрудниц. Перебираясь по бревнам залома с одного ствола на другой, она поскользнулась, потеряла равновесие, упала в омут и моментально скрылась под водой. По счастью, она была неплохой физкультурницей, не растерялась и сумела вынырнуть. Как только она показалась над водой, ее немедленно вытащили на берег. Отдохнув минут 15 наша, "утопленница" снова принялась за работу по расчистке залома.

Чтобы ускорить расчистку, мы развели на заломе костры и расположили их так, чтобы огонь пережигал наиболее толстые стволы деревьев и помогал нам прокладывать себе дорогу.

Вскоре кедр, особенно мешавший работе, в двух местах был перепилен и спущен вплавь по течению. Это было нашей большой победой – исчезло препятствие, которое мешало сплавлять другие стволы. Через несколько часов упорной работы нам удалось прорубить узкий проход через весь залом. Оставалось только его расширить до четырех метров, чтобы можно было пропустить суда. Тут помощницей нашей стала вода. Она стремительно врвалась в прорубленный проход, размывала и обрушивала правый берег.

Можно ли пройти дальше, мы не знали, и наш проводник на лодке отправился на разведку пути до следующего шлюза, расположенного километрах в семи выше по реке.

Назавтра закончили расширение прорубленного канала и приступили к проводке судов. Течение в проделанном нами канале оказалось настолько стреми-

тельным, что моторная лодка сама не могла подняться вверх. Пришлось помогать ей с помощью троса и канатов, за которые тянули все сотрудники, идя по берегу. Так ученые превратились в бурлаков.

Когда моторная лодка была выведена на верхний плёс, к ней стальным тросом прицепили баржу. Кроме того, в канаты снова впряглись все участники экспедиции. На таком комбинированном буксире баржу провели, наконец, через прорубленный канал.

Когда закончили проводку судов, вернулся наш разведчик и сообщил, что выше в русле реки очень много топляков – замытых на дно реки деревьев, вершины которых косо торчат из воды или находятся где-то вблизи от ее поверхности. На втором шлюзе, по его словам, залом еще больше, чем только что прорубленный.

Идем навстречу новым трудностям. Плыть становится все труднее. Прогоняемся на буксире моторной лодки, часто натываемся на коряги или садимся на мель. Где моторная лодка не в силах своей машиной вытянуть баржу, используем в помощь ей ворот. Для этого один конец троса зацепляем за деревья, растущие на берегу, а другой выбираем, наматывая его на ворот. Трос натягивается, как струна, а иногда и рвется. Повороты реки настолько круты, что в отдельных местах разворачиваемся с большим трудом. Естественно, что при таких условиях продвигаемся вперед очень медленно – за целый день проходим меньше 3,5 км. Ночуем у песчаной косы. Назавтра путь становится еще труднее и скорость нашего движения снижается до километра в час. Часто садимся на мель. Нередко встречаем горелые леса. Преобладающие породы в окружающей тайге – кедр и сосна, берез и осин здесь мало. Почва даже на возвышенных местах часто заболочена. Она оттаяла не больше чем на 50 см, а в низинах – всего на 30 см.

Наконец, подходим к шлюзу Георгиевскому. Вход в шлюзовую коробку сильно замыт песком и забит плавником. Выше сливной плотины залом значительно больше, чем уже пройденный. Уже имея опыт расчистки и прокладки канала, на этом шлюзе мы принялись за работу более уверенно. Поставленный на носу баржи ворот значительно облегчал и ускорял работу.

Весь состав экспедиции пилил, рубил, прожигал, растаскивал бревна и сплавливал их. Работа заметно двигалась вперед. Несмотря на сырую, холодную и дождливую погоду, работали до 2 часов ночи. На следующий день заканчиваем прокладку канала к 2 часам и отправляемся дальше.

До третьего шлюза около 23 км. За три дня напряженной работы все невероятно устали, все сильно искушены комарами и гнусом, кожа на руках от холода и постоянной мокроты покрылась глубокими трещинами и кровоточащими ранами. Все мокрые, грязные, одежда изорвана. Ставим заплаты из мешковины, больше не из чего.

Поздно вечером подходим к шлюзу Безымянному, который состоит из двух последующих камер. Сливная плотина расположена в стороне, она также сильно замыта песком и илом и забита плавником. На разборку залома и проводку судов на этот раз затратили больше двух дней. За это время мы с **почвоведом**

(И. И. Смирновым – курсив А.А.В.) совершили пешеходную экскурсию по берегу до следующего шлюза – Налимьего. Большую часть пути пришлось сделать по старой истлевшей гати, проложенной через болота еще в то время, когда строился канал.

Во второй половине дня 30 июня продвинулись по реке всего на каких-нибудь 200-250 м и прочно сели на мель. Сколько ни бились, но сняться с мели до ночи не удалось, тут же на мели и заночевали. Снялись с мели только утром и довольно легко, очевидно за ночь часть песку вымыло течением реки из-под баржи.

Фарватер реки становится все мельче, а коряги в нем попадают все чаще. Только и делаем: то снимаемся с мели, то с коряжины. Продвигаемся вперед черепашьим шагом, местами тащимся волоком, царапая баржой по дну реки.

Чтобы уменьшить осадку судов, решили снять с них часть груза. На берег сгрузили несколько бочек с керосином и другое экспедиционное имущество. Всего оставили на берегу пудов 150. Хотя осадка судов стала меньше, все же продвигаемся по-прежнему – где на буксире моторной лодки, где с помощью ворота, а иногда и проталкивая баржу вагами (длинными шестами). Эта работа самая неприятная.

Приходится соскакивать в реку и орудовать большими толстыми березовыми жердями, стоя по пояс в холодной воде.

За последние три дня продвинулись вперед на каких-нибудь 5-6 км. Изредка нам с **почвоведом** (И. И. Смирновым – курсив А.А.В.) удавалось совершать небольшие пешеходные экскурсии по тайге. Везде профиль местности был одинаков: повышенные гряды, занятые преимущественно сосняком, чередовались с полосами торфяных болот. Чем дальше от реки, тем болота становились шире. В тайге комары, слепни и мошки «работают» в три смены: с утра жалят комары, в середине дня слепни, с 5 часов вечера и мошка и комары. Гнус лезет во все щелочки, в рукава, за воротник, в уши, в глаза.

Мы ползем все дальше вверх по реке. Чаще всего передвигаемся с помощью ворота и человеческих сил.

Наши продовольственные запасы тают. Хлеб кончился, крупа на исходе, мяса давно нет, жиров тоже. Охотиться и ловить рыбу негде. Здесь нет ни рыбы в реке, ни зверя на суше, ни птицы в воздухе. Вместо хлеба, теперь каждому выдаются три сухие баранки на день, кроме того, чайное блюдечко рисовой каши, три куска сахара – вот и все.

Еще два дня назад мы отправили в лодке двух человек вперед просить помощи в ближайшей деревне. Мы рассчитывали с помощью новых людей и мелко сидящих лодок перебросить возможно больше груза сквозь шлюзованную часть Обь-Енисейского канала, облегченные же суда провести до р. Кети, которая имеет более глубокий фарватер. Но наших посланцев все нет и нет. Нет и столь необходимой нам помощи.

Наши силы окончательно иссякли. Последним напряжением преодолели еще несколько перекатов и остановились на ночлег, не дойдя километра полтора

до шлюза Налимьего. Выдержим ли мы или придется повернуть обратно? Все-таки решили двигаться вперед. Если не сможем выйти в бассейн Оби, дождемся зимы, сделаем лыжи и налегке по замерзшим болотам дойдем до ближайшей деревни и там зазимуем.

Только что снова двинулись вперед, как вдруг из-за крутого поворота нам навстречу показывается одна, вторая, а за ними еще три лодки. Это возвращаются наши разведчики и с ними шестеро мужчин из ближайшего селения. Оно оказалось довольно далеко, уже по ту сторону шлюзированной части канала, на р. Кети.

На прибывших лодках нам привезли немного продовольствия, что было весьма кстати, так как мы уже ощущали основательный голод. Долгожданная помощь подняла наши силы и энергию, хотя мы и узнали, что дальнейший путь по шлюзам Обь-Енисейского канала будет не легче. Река очень обмелела, на следующих шлюзах тоже много заломов. Лишь за шлюзами на р. Кети проход свободен.

Прибывшие также рассказали, что последний пароход по каналу проходил в 1915 году, имея особо подобранную команду и специально приспособленные для растаскивания заломов ворота. До тех пор в год проходило по каналу только два-три, редко четыре судна за лето. С 1917 года канал был окончательно заброшен, и движение по нему совсем прекратилось. Шлюзовая система канала начала разрушаться, а русло реки засоряться топляками и заноситься песком.

До следующего шлюза, Мокряки, путь был очень скверным, на перекатах глубина реки не превышала 15-20 см, затонувших коряг не сосчитать. Поэтому решили возможно больше груза отправить на лодках и перенести на себе; людей поделили поровну. Утро 9 июля прошло в сортировке снаряжения. Имущество, которое нельзя было отправить с лодками, погрузили на себя. Таким способом облегчили нагрузку баржи еще пудов на 130, и осадка ее значительно уменьшилась.

До шлюза Мокряки сухим путем было километров девять-десять. Пешком мы прошли их довольно легко. Дорога шла горелым сосновым лесом и лишь под конец пришлось пройти около километра торфяным болотом по полуистлевшей гати. На шлюз Мокряки пришли к вечеру. наших лодок, идущих с грузом по реке, там еще не было. В ожидании лодок, на которых находилось продовольствие и посуда, разожгли костер; в походной манерке вскипятили воду; вместо чая, заварили листья черной смородины и подкрепились тем, что нашлось у себя. У костра и переночевали. Лодки с грузом пришли только на другой день после полудня. Оказалось, что большую часть дороги людям пришлось идти вброд и тащить за собой лодки.

До следующего шлюза, Марьина Грива, 9 км. Двигаемся прежним порядком – 12 человек пешком, остальные в лодках» [10], [392]. На фотографии из отчёта экспедиции запечатлены 11 человек с ценным оборудованием за плечами, 12-м участником пешего перехода был автор фотоснимка – почвовед И. И. Смирнов. Историческая фотография сохранилась в отчёте.

Далее Н. В. Шипчинский пишет: «Путь по торфяным болотам тоже несладок – приходится пробиваться по полусгнившим гатям. Их жерди местами

настолько сгнили, что того гляди провалишься по пояс. Таких гатей пришлось пройти три, каждую в полкилометра длиной. Прошли также мимо большого, по краям заболоченного озера» [10], [392], (прил. 9).

На фотографии видно, что у каждого из участников пешего перехода в руке имеется палка, предназначенная для облегчения передвижения по болотистой местности.

Участники экспедиции закладывают почвенный разрез в нарымской тайге, 1927 г. Первый слева – И. И. Смирнов.
Фотография из семейного архива С. Р. Смирнова

Н. В. Шипчинский [392], описывает трудности участников экспедиции за время вынужденного пешего перехода с грузом. «За этот переход очень устали. Под дождем, выбиваясь из сил, мы дошли до шлюза Марьина Грива только к 9 часам вечера. На этот раз лодки прибыли раньше нас. Ночью было холодно. Ночевали в маленькой палатке, прижавшись друг к другу.

Весь следующий день шел дождь. От шлюза Марьина Грива к 6 часам добрались до следующего, носящего название Малый Кас (прил. 9. – А.А.В.). Дорога шла частью березняками, частью по болотам. За день прошли 16 гатей. Последние километра полтора шли по отвалам прорытого канала.

Постройки на шлюзе Малый Кас разрушены, уцелел только один навес и баня, да и та с провалившимся потолком. Поставили две палатки и убрали в них

груз, боящийся дождя, сами же устроились под навесом. Ночь опять была очень холодная.

С утра занялись просушкой подмоченных вещей и закладкой в сушку собранных за три дня растений. Экономисты и этнографы отправились дальше, а мы – **почвовед** (*И. И. Смирнов – курсив А.А.В.*), ботаник (*Н. В. Шипчинский*), гидролог (*Ф. А. Петров*) и ихтиологи – остались у шлюза.

К утру погода прояснилась, и мы сумели пойти в небольшую экскурсию на юго-запад от шлюза. Вечером на лодках приехала часть второй группы экспедиции.

Разобрав собранные накануне научные материалы, готовимся к дальнейшему пути. Большую долбленую лодку перетаскиваем волоком по берегу к нижней части шлюза и грузим в нее вещи. Делаем попытку отплыть от берега и сразу же черпаем воду, сначала одним, а затем другим бортом. Тогда часть вещей складываем на берегу. Все же лодка остается очень валкой, поэтому решили плыть в самое спокойное и безветренное время, особенно через пересекающее нас путь озеро.

Берега озера сильно заболочены. Мы с трудом нашли маленький, относительно сухой бугорок, к которому можно было пришвартоваться. По озеру продвигались с большой осторожностью, чтобы не нарушить равновесия лодки, даже не разговаривали. Плыли по озеру часа полтора. Оно довольно велико – около 7 км в длину, 3–4 км в ширину при глубине 5–6 м. Из озера вошли в речку Язевую – приток р. Кети, в свою очередь впадающей в Обь. Глубокой ночью подошли к шлюзу Николаевскому (Никольскому).

Обойти плавом плотину и шлюз оказалось невозможно, так как шлюзовые механизмы были испорчены. Пришлось разгрузать лодку и опять перетаскивать волоком по берегу. Поставили ее в маленькой заводи у берега. Пошли за вещами, и каково же было наше удивление, когда вернувшись, лодки на месте мы не нашли. Мы решили, что по рассеянности забыли привязать лодку к берегу и ее снесло течением. Отправились вниз по реке в расчете настигнуть беглянку и привести ее обратно. Оказалось, что проходившие мимо тунгусы заметили лодку, перегнали ее в боковую протоку и спрятали в густых кустах. Натолкнулись мы на нее случайно, после долгих поисков.

До следующего шлюза, Генеральского, было около 7 км. Здесь снова пришлось разгрузать лодку, снова перетаскивать ее волоком и снова грузить. Отсюда поплыли дальше, к шлюзу Новому, к которому добрались уже в темноте.

Здесь когда-то были размещены ремонтные мастерские управления каналом, но, когда им перестали пользоваться, все станки отсюда вывезли, а дома забросили.

Назавтра отправились к следующему шлюзу – Ильинскому. Здесь в р. Язевую впадает р. Ломовитая, и отсюда Язевая становится значительно полноводнее, а течение ее быстрее. Далее пришлось пройти всего несколько перекатов и до шлюза Красного проплыли быстро – за два с половиной часа. Этот шлюз стоит уже на р. Домовитой, притоке р. Кети. Намучились много, но все же р. Язевую прошли. Теперь нам оставалось преодолеть всего один, последний шлюз – Веселый, до которого было около 5 км.

Ночь была холодная. Укрылись всем, что у нас нашлось, – одеялами, пальто, брезентовыми плащами, но все-таки сильно озябли. Зато холод и ветер спугнули комаров.

У шлюза Веселого встретили глубокого старика с длинной по пояс седой бородой и с ним двух женщин, одетых в черные платья и повязанных белыми платками. Они приехали сюда на лодке снизу и направлялись в какой-то отдаленный таежный поселок. Старик сообщил, что дальше они пойдут пешком и поэтому могут продать свою лодку. Лодка была дощатая, вместительная, крытая посередине» [10], [392].

«Хотя она была без киля и не отличалась большой устойчивостью, все же она соблазнила нас тем, что на ней имелось крытое помещение. В такой «каюте» можно было не бояться дождя, держать все снаряжение, собранные коллекции и продовольствие и хорошо разместиться самим. Дальше поплыли уже на двух лодках. Течение реки стало медленнее, но зато река глубже и шире. Итак, мы прошли всю шлюзовую систему Обь-Енисейского канала, преодолели почти непосильные трудности, голодали и холодали. Вместо «обещанных» нам судовым надзором в Красноярске двух недель на весь путь от Енисея до Оби, мы только на прохождение шлюзовой системы затратили более месяца.

Километрах в четырех от небольшого поселка Усть-Озерного по берегам реки начали попадаться пойменные луга и около них небольшие рощицы осокоря или черного тополя. Поселок Усть-Озерный был в то время первым населенным пунктом после Нижне-Шадринского на Енисее. Он расположен при слиянии рек Домовитой и Кети. Поэтому дома в поселке построены на высоких сваях, так как в половодье берег заливается здесь водой.

Участники экспедиции на р. Кеть. Фотография из семейного архива С. Р. Смирнова. Автор фотографии И. И. Смирнов, 1927 г.

Мы расположились в пустой избе и ночью стали добычей изголодавшихся клопов. После комаров и гнуса это все-таки было разнообразием. Однако утром нам пришлось переселиться в свои палатки.

В Усть-Озерном мы восстановили запасы продовольствия. Договорились с местными жителями о поставке ежедневно молока и свежей рыбы. На фактории Охотсоюза купили муки, сушек, соли. После долгих лишений мы смогли воспользоваться и плодами "культуры". Отдали в стирку белье и вымылись в бане. Баня была бревенчатая, хорошо держала тепло, но топилась по-черному.

После бани занялись починкой одежды. Из-за отсутствия материала заплата делали из брюк, отрезая брюки до колен, а отрезанные концы надставляли мешковиной. Правда, вид у нас был довольно странный, но это никого не смущало.

Вечером на нас опять напали комары и мошки. Пришлось разложить дымокуры. Местные жители, чтобы избавиться от комаров и гнуса, ставят на пороге при входе в избу ведро с песком, в котором тлеют мелкие головешки или кора. Вход в избу для комаров и мошки всегда закрыт дымовой завесой.

С утра 23 июля ботаники и почвоведы (*в том числе И. И. Смирнов – курсив А.А.В.*) отправились на экскурсию по левому берегу р. Ломовитой. Осмотрели поёмные, преимущественно осоковые, сильно кочкарные луга. Побывали в лесу из кедра и лиственницы с примесью сосны и ели. В более низких местах бродили среди берез и осин» [10], [392].

«С утра следующего дня начали подготовку к дальнейшему пути вниз по р. Кети. Для придания большей устойчивости нашей лодке, погрузили на ее дно ящик с песком. Значительной осадки здесь уже опасаться не приходилось, так как р. Кеть имеет по фарватеру глубину около 8 м.

25 июля двинулись в путь вниз по Кети. Плыли не торопясь, внимательно осматривали берега и записывали все виденное. На ночь остановились около большой песчаной косы, немного ниже юрт Кондуковых. **Юртами здесь называются небольшие поселки** из двух-пяти домиков, редко из десятка-полтора десятков. В таких юртах живут или остяки, или остяки вместе с русскими. Утром я отправился вглубь тайги. Картина чередования рельефа местности и растительного покрова здесь приблизительно та же, что и в долине р. Кас, с той лишь разницей, что берега р. Кети более высокие. Параллельные береговой возвышенной гряде песчаные гряды тоже несколько выше. Однако полосы торфяных болот такие же, и чем дальше от берега, тем они шире.

На следующий день, около полудня дошли до юрт Зубрековых. В них было всего семь домов, населенных остяками. Только в одном доме жила русская семья. Отсюда поплыли дальше к юртам Пириных, которые стоят на речке Пириной в километре от р. Кети, потом к юртам Паргуновых.

Километрах в пяти ниже юрт на левом берегу увидели крутой размытый яр с погребенным торфяником. Пристали к берегу и занялись его исследованием, взяли пробы торфа и сделали описание его залегания.

Всю ночь шел дождь, только к утру он перестал, и мы тронулись дальше. Прошли мимо юрт Аргаусовых, ниже которых начинаются большие поемные луга. В Максимкином Яре зашли в боковую протоку и поставили палатки под старыми соснами и кедрами невдалеке от села. Дома в селе разбросаны по сухому песчаному плато. Около домов небольшие огороды. Из-за короткого лета и ранних заморозков хлебопашеством здесь не занимались. В селе в то время, когда мы там были, насчитывалось десятка полтора плохоньких коровенок и приблизительно столько же лошадей. Летом лошади паслись без всякого присмотра, а осенью, с наступлением холодов, сами возвращались домой. Ездили здесь на них только зимой, по санному пути, после того как замерзнут реки и болота.

Вечером 31 июля нас догнали с моторной лодкой и баржей все остальные участники экспедиции. Встреча была радостной. Приехавшие рассказали нам о мучениях, с какими они проходили шлюзы; мы им – о своих трудностях.

Утром с начальником экспедиции договорились о дальнейшем пути. Условились, что основная часть сотрудников с моторной лодкой и баржей сегодня же отправится вниз по р. Кети и будет ждать ботаников и почвоведов у устья р. Лисицы недели через две.

За это время нам предстояло совершить глубокую экскурсию в сторону от реки, чтобы установить закономерности в растительном и почвенном покровах и выяснить возможность земледелия в этом районе.

Рано утром следующего дня мы с **почвоведом (И. И. Смирновым – курсив А.А.В.)** отправились в далекую экскурсию на юг от р. Кети. Погода стояла пасмурная, но дождя не было, и мы отошли от реки, если считать по прямой, километров 10.

Характер растительного покрова здесь все тот же. У берега реки на довольно высоком песчаном валу сосняк, за ним заболоченное понижение с торфяным болотом. Дальше снова песчаная грядка, только низкая и узкая, поросшая сосной и кедром. За этой грядкой снова понижение, но уже более широкое и тоже с торфяным болотом. Чем дальше от берега реки, тем песчаные гряды становились уже, а торфяные болота шире. В конце концов они переходили в сплошные торфяники, простирающиеся на многие десятки, а местами и сотни километров.

Ночевать пришлось на небольшом песчаном бугорке среди обширного торфяного болота. В защиту от дождя соорудили из сосновых веток шалаш, разожгли костер и так скоротали ночь до рассвета. Обрато к лагерю вернулись прежней дорогой. Снова пересекли ряд топких болот и песчаных грив с сосной и кедром.

Следующие два дня льет, не переставая, дождь и конца ему не видно. Все же решаем плыть дальше. Проходим мимо юрт Митяшкиных, населенных остяками. Дома живописно раскинулись среди лиственниц и кедров, а кругом топкие болота. Вечером мы достигаем устья р. Тоглике (Тогояшки), на следующий день проходим мимо устья р. Орловки и поворачиваем на юг в большую старицу – Анге.

Пока плыли по старице, добыли себе хороший ужин – поймали четырех щук и крупного окуня.

От юрт Алипкиных со смешанным русско-остяцким населением отправились в экскурсию на юг от реки. Сначала путь шел смешанным лесом, потом километров шесть по хорошему чистому бору. Здесь сосновый лес резко обрывался перед безбрежным торфяным болотом. На нем оказалось пять небольших, продольных, вытянутых с востока на запад низких песчаных грив, поросших сосной.

После обеда отправились смотреть поемные луга. Они почти целиком покрыты осокой и очень однообразны. На лугах масса комаров и мошки; летучие хищники набрасывались на нас целыми тучами, а впереди стояли черной стеной. Вернулись с экскурсии затемно.

12 августа продолжаем путь вниз по р. Кети, часто останавливаемся на островах. В юртах Ибескиных нашли проводника для двухдневной экскурсии на юг от реки.

Отправились в эту экспедицию рано утром. Через песчаные гривы и торфяные болота прошли километров 16 и сильно промокли при переходе через топи. В довершении ко всему вечером пошел дождь. Остановились ночевать в маленьком амбарчике, в котором оказалось сухо и тепло. С утра двинулись в обратный путь; по дороге, как обычно, собирали растения, **записывали характер растительного и почвенного покрова, копали почвенные ямы и делали описание вскрытых горизонтов. И все это под проливным дождем.**

Вернувшись в лагерь, сразу отплыли дальше вниз по реке, до юрт Мулешкиных. Отсюда опять совершили небольшую экскурсию в смешанный лес, расположенный в речной пойме. Лес оказался прорезанным во всех направлениях многочисленными старицами.

17 августа встали очень рано и продолжали свой путь к устью р. Сегединки. Прошли за день не менее 50 км и остановились ночевать на открытом воздухе около штабеля толстых сосновых бревен. Ночь была очень холодной, но зато без комаров и мошки.

На левом берегу р. Кети, вблизи устья р. Лисицы, мы увидели воткнутый в землю высокий шест. Сверху в расщепе шеста был укреплен кусок белой, видной издали бересты. В бересте мы нашли записку от начальника экспедиции, в которой сообщалось, что головной отряд экспедиции с моторной лодкой и баржей прошел здесь 16 августа. Отсюда он поднялся вверх по р. Лисице до мощного залома, преградившего реку, повернул обратно и поплыл по р. Кети. Мы пустились вдогонку изо всех сил, и, пройдя километров 20, у юрт Савкиных догнали головной отряд.

24 августа мы совершили экскурсию на моторной лодке вверх по р. Елтыревой, впадающей в р. Кеть, поднялись по ней километров на пять до первого непреодолимого переката и вернулись обратно. В сумерках достигли поселка Жигалова и застали здесь пароход "Алтай" с баржей, пришедшей с Оби. Капитан парохода рассказал, что о судьбе нашей экспедиции очень беспокоятся в Томске и Новосибирске и уже склонны считать, что мы погибли. Всем капитанам парохо-

дов, плавающих по Енисею и Оби, дано указание, что, если будут обнаружены какие-нибудь следы нашей экспедиции, сейчас же сообщить об этом в ближайший административный центр.

В красном уголке парохода были газеты, которых мы не видели со дня выезда из Красноярска, мы ими так увлеклись, что просидели за чтением до глубокой ночи. Ведь **два с половиной месяца мы были оторваны от внешнего мира.**

С утра 25 августа продолжали путь вниз по реке. К полудню доплыли до поселка Тогура, а вечером были уже в Колпашево на Оби. После дикой безлюдной тайги Колпашево показалось нам чуть ли не столицей. Мы увидели здесь школу, больницу, магазины, слышали радио.

Несказанным блаженством показалось нам посещение парикмахерской.

26 августа сделали краткое сообщение о работах экспедиции на расширенном заседании пленума Районного исполнительного комитета. Весь следующий день прошел в хлопотах, мы готовились к дальнейшей поездке вниз по рекам Оби и Тыму.

28 августа мы уже покачивались среди широкого речного простора. Встречный ветер поднимал на Оби короткие сердитые волны. В середине дня ветер усилился и нас стало качать, как в море. Пришлось остановиться и переждать бурю.

На следующий день (*29 августа – курсив А.А.В.*) в селении Парабель мы посетили недавно построенный здесь агрометеорологический пункт. На пункте нас угостили чудесной цветной капустой со своего огорода. Вот вам и север!» [10], [392].

Экзотические для северных широт результаты огородничества в с. Парабель были закономерны и объяснимы. На Васюганском агрометеорологическом пункте в с. Парабель с 7 марта по 10 декабря 1927 г. отбывал ссылку и работал заместителем директора станции почвовед и агроном Ильин Ростислав Сергеевич – однокурсник И. И. Смирнова по Императорскому Московскому университету. Наряду с основной работой на станции, он организовал изучение почвенного покрова в долине р. Парабель. Р. С. Ильин отбирал монолиты для местного краеведческого музея, почвенные образцы в окрестностях с. Парабель. Урожай цветной капусты, выращенный в северных широтах на Парабельском опытном поле, подтверждает высокую квалификацию агронома Р. С. Ильина, который после окончания в 1913 году обучения в ИМУ, продолжил учёбу (1913-1917 гг.) на агрономическом факультете Московского сельскохозяйственного института. Р. С. Ильин имел опыт работы в овощеводстве. В 1916-1922 гг. он создал семейное приусадебное хозяйство в Подмосковье, служившее примером для окрестных деревень Дмитровского района, обучал крестьян передовым методам хозяйствования [124].

«По пути мы (*участники Нарымской экспедиции – курсив А.А.В.*) побывали и в г. Нарыме, отстоящем от берега километрах в трех. К вечеру дошли до Усть-Васюгана. Из селения Тымское (Тымск) наш почвенно-ботанический отряд (*почвовед И. И. Смирнов, ботаник В. И. Шипчинский и др. – курсив А.А.В.*) с двумя вьючными лошадьми направился сухим путем в село Белый Яр, расположенное

на р. Тым. До Белоярского было километров 20. Тропа проходила то по кедрочам с примесью березы и осины, то по торфяным болотам. Здесь в самых топких местах проложен бревенчатый настил.

Встретившись в Белоярском с основным отрядом, мы еще несколько дней на буксире моторной лодки шли вверх по р. Тым. Путь по этой реке труден – фарватер очень мелкий, дно илистое, в русле много затонувших в весеннее половодье деревьев. Все это сильно задерживало наше движение.

У юрт Напаских снова совершили пешеходную экскурсию. Вокруг густая, безлюдная тайга, в ней много медведей и другого зверья. Везде осень уже наложила свою печать. Береза пожелтела и ее листья переливаются на солнце светлым золотом. Багряным пламенем горят листья осины. Рябина стоит уже голая, а хваченные крепкими утренними заморозками кисти ее ягод рдеют среди сумрака леса. Ночи стали очень холодными, и к утру на поверхности воды в заводях появился лед. Нас догоняла зима и пришлось поворачивать обратно, иначе мы рисковали зазимовать в этом глухом крае.

У юрт Негутских увидели шамана. Долго его уговаривали и угощали, наконец упростили облечься в шаманские атрибуты и незаметно сфотографировали (*фотографом экспедиции был И. И. Смирнов – курсив А.А.В.*). Шаман стал уже почти безработным. Население разочаровалось в силе его заговоров, стенаний, плясок под бубен и предпочитало обращаться к фельдшеру или в больницу.

14 сентября вернулись на Обь и, наконец-то, повернули обратно вверх по реке – к Тымску. Здесь кончалась моя ботаническая работа, и я пересел на товаро-пассажирский пароход, который шел в Тобольск. Это было 17 сентября.

Путь на пароходе по Оби был очень однообразным, но зато спокойным, и я с наслаждением отдыхал от тяжелой работы нескольких месяцев экспедиции. <...>

<...> В Тобольске я пересел на другой пароход, который доставил меня в Тюмень, а оттуда поездом вернулся в Ленинград.

Условия, в которых проходила наша экспедиция, были исключительно тяжелыми. Особенно тяжелым был путь по водоразделу через шлюзованную часть Обь-Енисейского канала. На этом пути – по прямой всего каких-нибудь 90 км – мы преодолели исключительные трудности благодаря самоотверженной работе всего дружного коллектива экспедиции. На его прохождение потребовалось больше месяца самых напряженных усилий среди суровой природы, грозящей иногда большими опасностями» [10], [392].

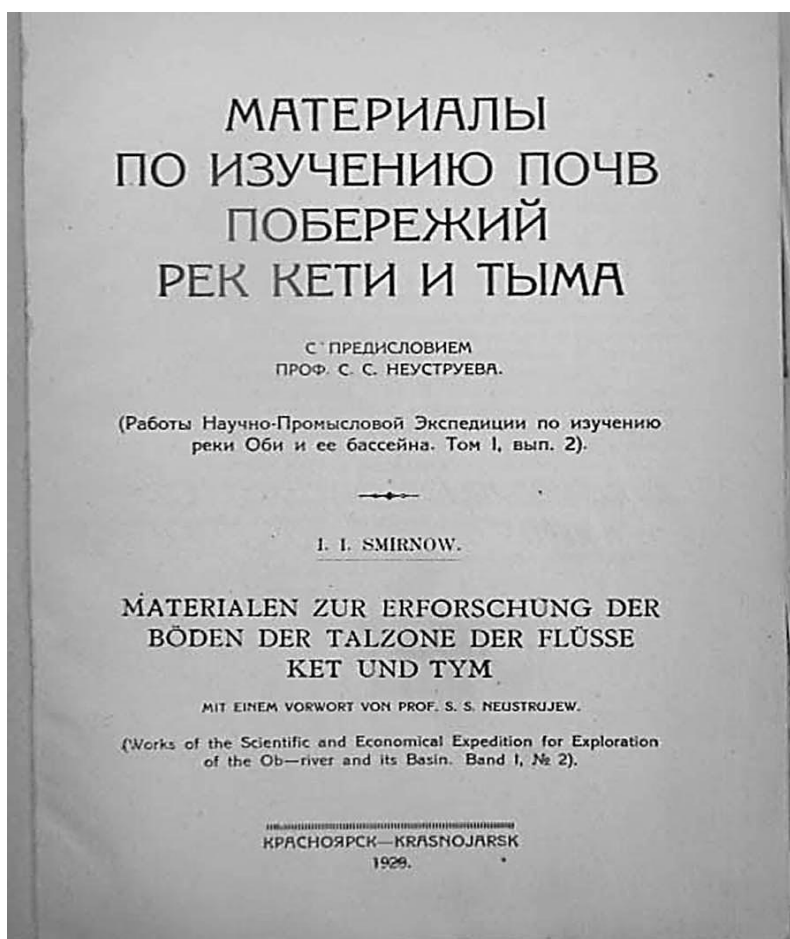
Благодаря Н. В. Шипчинскому, подробности этой экспедиции, уникальной по форме организации и маршруту, дошли до наших дней. Вызывает восхищение не только работа участников экспедиции, но и труд русских людей, построивших в глухой местности грандиозное гидротехническое сооружение, соединившее в XIX веке две великих сибирских реки.

Сын И. И. Смирнова – Ростислав в 1985 году написал: «Экспедиция отца в 1927 г. впоследствии (в 1940 г.) меня сильно увлекла. Я рассматривал фотокарточки, печатал фото с пластинок и даже начал писать повесть» [328], (прил. 8).

Некоторые научные итоги Нарымской экспедиции И. И. Смирнов изложил в статье «Материалы по изучению почв побережий рек Кети и Тыма» [326], которая была опубликована в сборнике «Работы научно-промысловой экспедиции по изучению р. Оби и ее бассейна» [275] и в виде отдельных оттисков [26].

Предисловие к статье И. И. Смирнова [326] написал Сергей Семенович Неуструев. Маститый учёный в очередной раз поддержал своего молодого коллегу и дал высокую оценку проведённым исследованиям в Нарымском крае.

И. И. Смирновым, наряду с описанием почв, был охарактеризован и рельеф территории обследования. Так, всхолмленные песчаные пространства берегов Обь-Енисейского канала он отнес к зандрам. Полоса зандров широтно протягивается на правом берегу р. Кети. Были высказаны предположения о влиянии ледников на рельефо- и почвообразование [78], [326].

Титульный лист оттиска работы И. И. Смирнова «Материалы по изучению почв побережий рек Кети и Тыма» (1928). Источник: [26]

Сделать квалифицированные выводы по подпочвам и рельефу местности побережий правых притоков р. Оби И. И. Смирнову помогли знания по четвертичной геологии, в том числе полученные в Томском технологическом институте.

Результаты ботанических исследований, выполненных в период Нарымской экспедиции Н. В. Шипчинский изложил в статье «Растительный покров во-

сточной части Нарымского края» [393], которая была опубликована в сборнике работ по итогам экспедиции [275].

Информация, собранная И. И. Смирновым о почвах бассейнов р. Кеть и р. Тым, имела существенную научную ценность [171]. В 1929 г., во 2-м томе «Сибирской советской энциклопедии» [31] была опубликована статья «КЕТЬ», которую подготовил А. И. Березовский – руководитель комплексной экспедиции Сибирской научной рыбохозяйственной станции 1927 г. В статье ССЭ сделана ссылка на работу И. И. Смирнова [326].

«КЕТЬ, р. – прав. прит. Оби (см.); берет начало с Кемнугского водораздела, расположенного к С.-З. от Енисейска. К[еть]. течет в пределах Красноярского и Томского окр. сначала в сев. направлении, затем от с. Маковского поворачивает на С.-З. и от устья р. Озерной на запад. Впадает в Обь двумя устьями, отстоящими одно от другого на 110 км: одним севернее с. Колпашева, другим близ Нарыма. Общая дл. К[ети]. – 1.356 км. Шир. К[ети]. – 200-300 м, достигая в отдельных плесах 500 м. Характерными особенностями К[ети]. являются ее извилистость и многочисленность проток. Река делает постоянные повороты, подмывая берег. Против подмываемого берега образуется пологий песчаный берег, т[ак]. наз[ываемый]. «песок». Пески повторяются настолько равномерно, что местные жит. считают расстояние по реке «песками». Разность выс. истока и устья К[ети]. незначит, и выражается 61- 65 м на 800 км. Падение уровня К[ети]. на 1 км определяется. в ср. 0,08 м. Вследствие малого падения течение К[ети], умеренное и лишено каких-либо резких понижений русла. К[еть]. — судоходна на 658 км, от устья до впадения р. Озерной, являющейся зап. частью Обь-Енисейской шлюзованной системы. К[еть]. условно судоходна от впадения р. Березовки (на 945 км) и сплавная от с. Маковского на 1.084 км. В К[еть]. впадает ряд рек. Прав., наиб. крупные, притоки: Сочур, Озерная, Орлова, Лисица, Кызурова, Елтырева, Б. Пиковка и Пайдугина; лев.: М. Кеть, Мендель, Тет (Большая Еловая), Котайга, Ингузет, Суйга. Долина К[ети]. широка, хорошо разработана и в ней можно выделить три террасы: пойма, надлуговая и коренной берег. Берега – не высоки, и только изредка коренной берег подступает к реке высокими песчаными ярами. Берега – лесисты и мало заселены. По составу населения и по характеру экономики хоз-ва течение К[ети]. можно разбить на 2 отрезка: верх. – до деревни Большой Мысовой и ниж. – от деревни Мысовой до устья. В первом преобладают остяки-самоеды, живущие оседло и ведущие исключительно промысловое хоз-во, во втором – рус, занимающийся, преим., сел. хозяйством. В 1927 К[еть]. была обследована комплексной экспедицией Сибирской Научной Рыбохозяйственной Станции. На основании материалов этой экспедиции произведено районирование Кети с выделением туземной территории, с распределением на ней промысловых угодий.

Л и т.: Смирнов, И. И. Материалы по изучению почв побережий рек Кети и Тыма, Красноярск, 1928; Симаков, В. Н. Полевые почвенно-химические

исследования района рр. Кети и Тыма в связи с явлениями замора, Красноярск, 1928; Орлова, Е. Н. Население по рр. Кети и Тыму, его состав, хоз-во и быт, Красноярск, 1928 (все эти книги изданы Сиб. научно-рыбохоз. станцией в серии "Работа научно-промысл. экспедиции по изучению р. Оби и ее бассейна"); Водные пути Сибири, в. 1: Маршрутное описание водных путей Сибири, Омск, изд. Упр. внутр. водных путей Сиб., 1925. А. Б. (Примечание: А. Б. – А. Березовский). Источники: [31].

На труд И. И. Смирнова [326] неоднократно ссылались многие учёные: Р. С. Ильин (1929, 1930) [128], [129]; Б. Ф. Петров (1937) [253]; академик Л. С. Берг (1947, 1960) [28], [29]; В. В. Барков (1951) [17]; К. А. Кузнецов (1951) [164]; Н. Н. Аксёнова (1963) [6]; Б. В. Мизеров и А. И. Стрижова (1964) [203]; В. Е. Калугин (1969) [139]; Г. С. Липкина (1969) [185]; Г. В. Афанасьева и В. И. Василенко (1971) [13]; Е. Д. Никитин (1975, 1976) [228], [229]; Н. С. Евсеева и А. А. Земцов (1978, 1999) [108], [109]; А. М. Прокашев (1984) [267]; В. А. Базанов, Н. С. Евсеева и Н. Н. Пологова (1987) [15]; Н. С. Евсеева (1997, 2001, 2009) [107], [110], [111]; С. П. Кулижский, Л. И. Герасько (2017) [172]. Ссылки в других источниках: [58], [254], [276].

В бассейне реки Кеть сосредоточены большие запасы леса. В 1929 году Р. С. Ильин, отмечал, что «...у Кети, как колонизационного района, есть положительные стороны. Заблачивание водоразделов Кеть – Чулым меньше, нежели в южных зонах левобережья Нарымского края, по сравнению с которыми этот район значительно более доступен, – нижняя Кеть судоходна для небольших судов. Меньшая подверженность огню кетских лесов представляет собой ценное свойство, ибо на сравнительно малолесном обском левобережье колонизация должна быть в значительной мере чисто сельскохозяйственной, а на Кети легче устроить правильное лесное хозяйство и организовать подсобные промыслы для использования быстрого прироста древесины её лесов» [129, С.146].

Руководитель экспедиции А. И. Березовский проявил незаурядные организаторские способности. Ему удалось, за счёт средств заинтересованных организаций и обществ, привлечь на нужды проведения Нарымской экспедиции свыше 12 тыс. рублей и сформировать работоспособный коллектив высококвалифицированных специалистов. Нарымская экспедиция смогла выполнить исследований даже больше, чем планировалось [246]. Вполне возможно, что «почвовед из Перми» [246] – И. И. Смирнов получил приглашение для участия в Нарымской экспедиции от А. И. Березовского, как от человека, с которым он был знаком ещё со студенческих лет. Учились они на Естественном отделении физмата ИМУ практически в одни годы.

Жители Верхнекетского района Томской области помнят и ценят вклад И. И. Смирнова и его коллег в изучение природы их родного края [110].

Алексей Илларионович Березовский (1890-1938).

Источник: [16, С.287]

Березовский Алексей Илларионович (1890-1938) – гидробиолог. В 1914 г., окончил Императорский Московский университет, специализировался по микробиологии. В качестве вольноопределяющегося А. И. Березовский служил в Армии, получил ранение руки, находился в германском плену. Был работником прудового хозяйства в Тюрингии, где и познакомился с опытом рыборазведения. После окончания войны и обмена военнопленными Алексей Илларионович возвратился в Россию. В Москве поступил на курс рыбоводства и рыбоведения при Петровской СХА [246]. С именем А. И. Березовского связаны лучшие страницы истории гидробиологической науки в Сибири [207].

В 1938 г. работал научным руководителем лаборатории рыбоводства ВНИИ морского рыбного хозяйства и океанографии в г. Москве. Арестован 1938.04.19, осуждён 1938.10.03 Военной коллегией Верховного суда СССР. Обвинён за участие в контрреволюционной террористической организации. Расстрелян 1938.10.03. Реабилитирован 1956.12.08 ВКВС СССР [218].

В работе Нарымской экспедиции, вместе с И. И. Смирновым, принимали участие старший ассистент Красноярской рыбохозяйственной станции Феодосий Арсеньевич Петров (*енисеец, товарищ Л. И. Прасолова!* [318]) и его 16-летний сын – Борис (прил.10), [246]. Впоследствии, Б. Ф. Петров – выпускник кафедры почвоведения ТГУ 1934 г.– стал известным почвоведом [318]. Его отец – Феодосий Арсеньевич Петров, 22.02. 1931 г. был арестован в Красноярске, обвинен в контрреволюционной деятельности по ст. 58-11. Погиб в тюрьме. Реабилитирован 22 июня 2005 г.

Химик Ф. А. Петров и практикант Б. Ф. Петров за время экспедиции провели гидрохимические исследования для установления причин замора рыбы на

р. Оби [246]. По этой же проблеме проводил почвенно-химические исследования ещё один участник Нарымской экспедиции 1927 г. – ассистент профессора С. П. Кравкова – В. Н. Симаков (почвовед, выпускник ЛГУ 1925 г.) [246]. Впоследствии В. Н. Симаков (1896-1976), длительное время заведовал кафедрой экспериментального почвоведения ЛГУ, являлся Почетным членом Президиума Докучаевского Общества почвоведов. Около сорока лет он читал ведущий курс кафедры «Общее почвоведение», работал в области физико-химии, биохимии, мелиорации почв [310].

Примечательным фактом следует считать участие в экспедиции известного сибирского художника Каратанова Дмитрия Иннокентьевича (1874-1952), [246]. Он создал много портретных рисунков и картин, запечатлевших образы (прил. 11), жизнь и быт коренного населения Нарыма: («Подготовка невода», «Починка сетей», «Погрузка», «Отдых в юрте», «Семья в юрте», «Чаепитие в чуме» и др.).

Участник экспедиции Пётр Леонтьевич Пирожников (1904-1996) стал известным гидробиологом, доктором биологических наук, профессором.

В таком замечательном коллективе исследователей И. И. Смирнов напряжённо работал летом-осенью 1927 г. на территории Западной Сибири, где он выполнил обследование почвенного покрова малоизученного района в пределах бассейнов правобережных притоков среднего течения р. Оби.

Почвенные монолиты, отобранные за период Нарымской экспедиции, И. И. Смирнов передал в Томский Краевой Музей и ТГУ. Часть коробочных образцов почв была проанализирована в химической лаборатории Таёжной опытной станции, где он стал работать с осени 1927 года [330].

12. Таёжная опытная станция (ТОС)

В 1927-1929 гг. И. И. Смирнов – сотрудник Сибирского переселенческого управления на должностях: почвовед Томской переселенческой партии, заведующий лабораторией Таёжной опытной станции (ТОС) [330]. Работа Таёжной опытной станции представляет интерес для истории науки как пример организации научных исследований в первое десятилетие после изменения политического режима в России. Большую поисковую работу по истории ТОС провели в 2010-е годы учащиеся МБОУ «СОШ №33» г. Тайга под руководством учителя истории и обществознания Тимук Лидии Павловны [116], [348].

Сибирская колонизационно-таежная опытная станция переселенческого управления Сибкрайисполкома была организована в Тайгинском районе Томского округа Сибирского края 30 декабря 1926 г. [224]. Станция за период своего функционирования имела несколько названий и аббревиатур: Таёжная опытная станция (ст. Тайга, Томская ж.-д.); ТОС; Сибирская научно-опытная таежная станция (ст. Тайга, Томская ж.-д.); Сибирская колонизационная таежная опытная станция (ст. Тайга, Томская ж.-д.); Сибирская колонизационно-таежная опытная станция (ст. Тайга, Томская ж.-д.) [387], СТОС (Сибирская таежная опытная станция), СИБКОЛОНТОС (Сибирская Колонизационно-Таёжная опытная станция) [116].

Станция была одновременно научно-исследовательским и учебно-показательным учреждением, её работа должна была обеспечивать крестьян-переселенцев из центральных районов страны рекомендациями по освоению новых земель таёжной зоны огромного Сибирского края. Опытная станция работала под методическим руководством Переселенческого Управления Наркомзема СССР, непосредственно подчинялась Сибирскому переселенческому управлению [224].

В 1930 г. Таёжная опытная станция перешла в ведение управления землеустройства Наркомата земледелия СССР. В этом же году было принято Положение о Сибирской колонизационно-таежной опытной станции (1930 г.) [68]. Научно-исследовательскую работу Сибирской колонизационно-таежной опытной станции стала координировать Всесоюзная академия сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина (ВАСХНИЛ).

23 января 1933 г. Сибирская колонизационно-таежная опытная станция (СИБКОЛОНТОС) была реорганизована в Комплексную сельскохозяйственную станцию Нарымского Севера ВАСХНИЛ с центром в р. п. Колпашево [68]. В 2018 г. правопреемник СИБКОЛОНТОС имел следующее название – Нарымский отдел селекции и семеноводства Федерального бюджетного научного учреждения Сибирского научно-исследовательского института сельского хозяйства и торфа – филиала Федерального государственного бюджетного учреждения науки Сибирского федерального научного центра агробιοтехнологий Российской академии наук (СибНИИСХиТ – филиал СФНЦА РАН), г. Колпашево, Россия. Именно в архиве этого научного учреждения в г. Колпашево сейчас хранятся ежегодные отчеты о работе ТОС (СИБКОЛОНТОС).

До 1917 г. агрономическими мероприятиями в Томском переселенческом районе занимался агрономический отдел, который отвечал за устройство сельскохозяйственных складов, снабжал население орудиями, машинами и мелким инвентарем. Основная задача агрономической организации – это обследование новых колонизационных районов в агрономическом и климатическом отношениях, а затем – первоначальное их обслуживание при заселении. Агрономические отряды содействовали травосеянию и развитию земельных промыслов, изучали хозяйства переселенцев, составляли естественно-исторические, экономические и хозяйственные очерки [87].

Главная цель работы опытных станций – показать переселенцу-крестьянину, что в Сибири возможно успешное земледелие. Необходимо было научить жизни не только в условиях сурового климата.

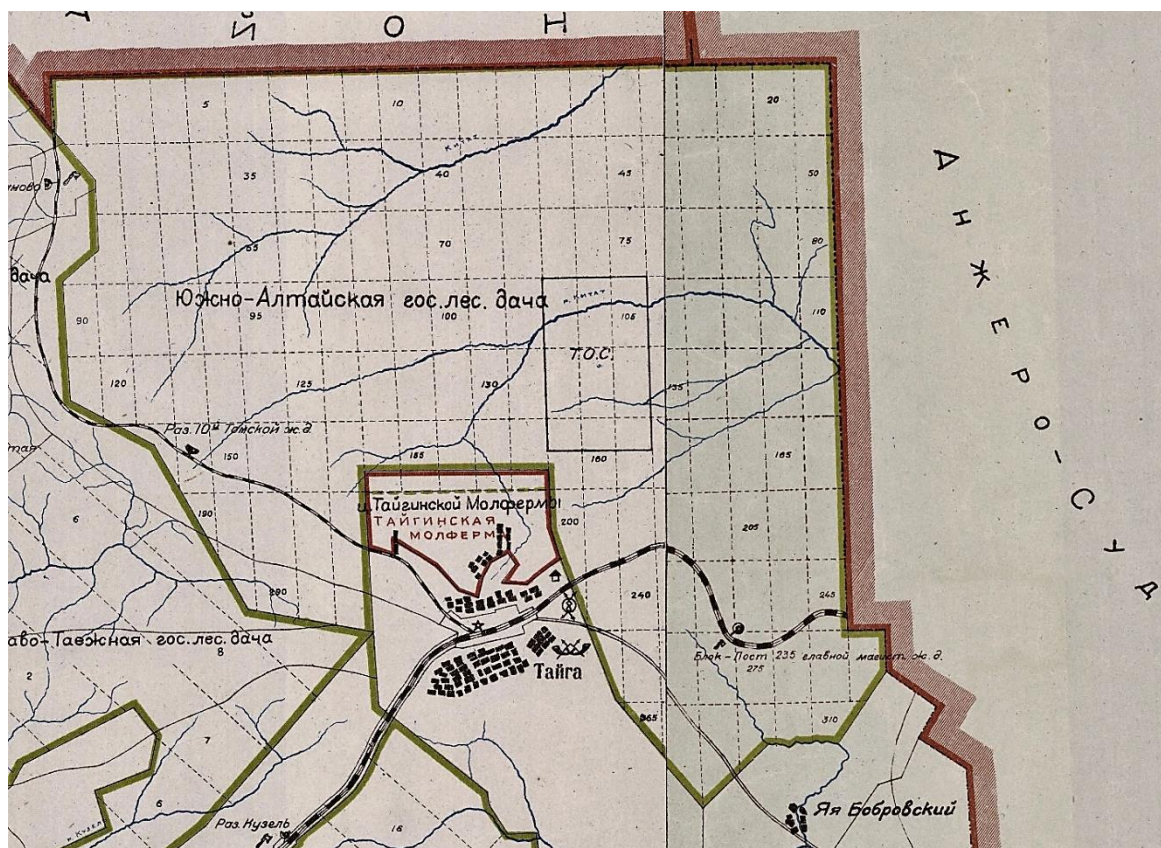
В период своего существования в 1920-1930-е годы, посёлок Таёжной опытной станции размещался в 7 километрах на северо-восток от станции Тайга, Томской железной дороги, которая связывает Томск с Трансибом.

Вид на железнодорожную станцию Тайга Томской железной дороги (1906 год, город Тайга, Томский уезд Томской губернии). Источник: [54]

Местоположение станции соответствовало типичным для таёжно-лесной зоны Западно-Сибирской равнины природным условиям. Земельный участок, закреплённый за ТОС, покрыт елово-пихтовой, с примесью кедра, тайгой. Практически вся территория землепользования станции представляла собой сограу – влажный,

слегка заболоченный лес [134]. Участок имел прямоугольную форму и располагался в пределах девяти кварталов Южно-Алтайской государственной лесной дачи: 104-106; 132-134 и 159-161. На севере земельный участок пересекает река Китат, в центре – малые реки Левая Голдобинова и Правая Голдобинова – притоки р. Голдобинова. Речная сеть обеспечивает только слабое дренирование территории. Административные и жилые здания, сооружения станции располагались на склоне водораздела малых рек Левая и Правая Голдобиновы.

Фрагмент карты Тайгинского района 1931 года. Т.О.С. располагается в пределах Южно-Алтайской государственной лесной дачи. Источник: [143]

В современных административных границах земельный участок, который был закреплен за Т.О.С., располагается в пределах Яшкинского лесничества Яшкинского района Кемеровской области. Поселок Кедровый входит в состав Тайгинского городского округа Кемеровской области, административный округ г. Тайга.

«К строительству Таёжной опытной станции приступили в 1913 году (показывает в своем отчете Т.О.С.). Первая мировая война, революция и кардинальная смена власти остановила строительство станции» [348]. При активизации переселенческой политики в советской России строительство станции возобновилось. В 1926 году была сооружена дорога от ст.Тайга до Таёжной опытной станция. «Только в течение 1927–1928 гг. на строительство помещений и содержание штата станции из 18 человек было затрачено 25000+54000 рублей» [216, С.190]. По

меркам 1920-х годов средства на содержание станции расходовались значительные. «Конечно, быстрых результатов даже при условии правильной организации научной работы не следовало ожидать, но именно поэтому в коридорах районных органов власти бытовало непонимание – с какой целью тратятся такие большие деньги? (Красное знамя. 9.12.1928. № 286; 24.09.1930. № 19)» [216, С.191].

«На опытной станции было сооружено шесть деревянных одноэтажных корпусов. Жилые корпуса, столовая, лаборатории были аккуратными, с большими окнами и удобными для работы и жизни людей внутренними помещениями» [348].

В структуре ТОС было три отдела: 1) Лабораторно-исследовательский отдел – **И. И. Смирнов**, А. Д. Казанцев, Н. А. Кукарина. 2) Агрометеорологический отдел – В. К. Янковский, О. В. Вознесенская, В. Н. Тервинский, П. П. Степанов, М. А. Пентина, С. А. Девяшина. 3) Лесотехнический отдел – А. С. Буянов, В. А. Седельников, М. Ф. Целищев. Директором ТОС был назначен В. А. Мантейфель [348].

Директор Таёжной опытной станции В. А. Мантейфель в 1910-е годы окончил агрономический факультет Московского сельскохозяйственного института и был оставлен для получения профессорского звания на кафедре почвоведения, в лаборатории В. Р. Вильямса. Истории науки больше известен его старший брат – Петр Александрович Мантейфель (1882-1960), по образованию он агроном-почвовед, но ставший в СССР крупным учёным в области зоологии и охотоведения.

Вот, что кратко написали в 1952 г. историки почвоведения – братья И.А. и Л. А. Крупениковы о работе в лаборатории В. Р. Вильямса братьев **П. А. и В. А. Мантейфель**: «Большую помощь Вильямсу в эти годы оказывали его ученики, совершившие по заданию и под руководством Вильямса в 1910–1916 годах ряд экспедиций в Среднюю Азию, Казахстан, Южное Заволжье. В этих экспедициях участвовали ученики Вильямса: В. П. Бушинский, **П. А. и В. А. Мантейфель**, Б. П. Серебряков, В. И. Турбин» [159]. В экспедициях 1910-х годов, участниками которых были сотрудники лаборатории В. Р. Вильямса, будущий директор ТОС – В. А. Мантейфель был помощником почвовед-агронома В. П. Бушинского. По итогам почвенно-мелиоративной экспедиции на территории Семипалатинской области В. П. Бушинский и В. А. Мантейфель опубликовали в 1915 г. статью «Организация хозяйства при орошении в засушливых районах» [40].

В 1913 году старший брат В. А. Мантейфеля – Петр Александрович Мантейфель входил в состав почвенной экспедиции под руководством почвовед-агронома Василия Васильевича Никитина. Экспедиция проложила маршруты в пределах Ханства Хивинского и пустыни Кызылкум [65, Л.10]. В 1914 году прапорщика запаса П. А. Мантейфеля призвали в Армию, и он находился на фронтах Первой мировой войны, а затем участвовал и в Гражданской войне на стороне красных. После окончания службы П. А. Мантейфель занялся "преобразованием" почв. С 1921 г. он возвращается на "фронт восстановления народного хозяйства". Работая в системе Наркомзема, Петр Александрович занимался вопросами мелиорации [89].

Коллега В. А. Мантейфеля – В. П. Бушинский в 1920-е годы стал крупным организатором науки, в том числе какое-то время занимал должность председате-

ля сельскохозяйственной секции Госплана, входил в состав межведомственной комиссии по пересмотру сети опытных учреждений РСФСР, имел большое административное влияние на кадровую политику в сфере организации аграрных опытных учреждений в СССР [112]. Вопрос о назначении в 1926 году В. А. Мантейфеля директором ТОС мог быть решён при участии В. П. Бушинского.

Каждый из учеников В. Р. Вильямса старался оказывать поддержку своим товарищам. Можно предположить, что именно профессор Пермского государственного университета В. В. Никитин в 1927 г. рекомендовал директору ТОС В. А. Мантейфелю принять на должность заведующего агрономической лаборатории станции высококвалифицированного специалиста химического анализа – И. И. Смирнова. В. В. Никитин ценил и уважал И. И. Смирнова и понимал его мотивы переезда из Перми в Томск. Так или иначе, но осенью 1927 года на Таёжной опытной станции стали работать в одном коллективе: В. А. Мантейфель – директор ТОС и И. И. Смирнов – заведующий лабораторно-исследовательского отдела ТОС. Каждый из них оказался на станции своим путём, но они имели общий круг хорошо знакомых им московских учёных-естествоиспытателей. Был среди них и агроном-почвовед Ростислав Сергеевич Ильин – выпускник ИМУ (1913) и МСХИ (1917) [124].

При очередном аресте в марте 1931 г. учёного Р. С. Ильина, отбывающего политическую ссылку в г. Томске, обвинили в том, что он, якобы, вёл антисоветскую агитацию среди научных работников. В письме прокурору г. Томска Р. С. Ильин с этим категорически не соглашался и в частности написал следующее: «Без смеха нельзя вспоминать обвинение, предъявленное директору Таёжной научно-опытной станции В. А. Мантейфелю, человеку, всю жизнь далеко стоявшему от политики, чтобы он, имея 46 лет от роду, вдруг распропагандировался и ездил на политические совещания ко мне. Неправдоподобие этой версии переходит все границы, – никто из знающих В. А. Мантейфеля этому никогда не поверит. Ну и нашли, кого притянуть!» [41, С.118].

Директор ТОС В. А. Мантейфель, по служебным делам неоднократно бывал в Томске и находил время для встреч с Р. С. Ильиным. Они знали друг друга ещё по учёбе в МСХИ. В 1910-е годы, Р. С. Ильин, как и братья П. А. и В. А. Мантейфель, специализировался в МСХИ на кафедре почвоведения у профессора В. Р. Вильямса. Общение давних знакомых – Р. С. Ильина и В. А. Мантейфеля не было ни антисоветским заговором, ни контрреволюционной деятельностью.

В периодическом издании "Журнальная летопись" за 1935 г., вып. 19-24, на странице 89 имеется запись: «Мантейфель В. А. и Вознесенская О. А. Агрономические требования, предъявляемые к площадям, раскорчевываемым для сельскохозяйственного использования» [357]. Соавтор В. А. Мантейфеля – Вознесенская О. А. – сотрудница агрометеорологического отдела ТОС с 1927 года. Дальнейший жизненный путь директора ТОС В. А. Мантейфеля, с которым на станции работал И. И. Смирнов, требует уточнения в архивах. В открытых базах данных информа-

ция о судьбе В. А. Мантейфеля не найдена.

Целая группа сотрудников Таежной опытной станции занималась изучением способов свода леса для дальнейшего сельскохозяйственного использования освобождённой территории. На опытных лесных делянках испытывались корчевальные машины разного типа. Машины конструировались и изготавливались на базе Томского технологического института [348]. По чертежам агрономического отдела Томского переселенческого района, ещё в период столыпинских реформ по сельскохозяйственному освоению Сибири, в г. Томске были сделаны первые корчевальные машины – чертов древовал и корчевальная вага, которые позволяли освобождать от леса пространства для сельскохозяйственных посевов [87]. Названия некоторых машин звучат устрашающе и напоминают фантастические кадры из «Сибирского цирюльника» – российского художественного фильма 1998 года режиссёра Никиты Михалкова.

Технологии свода леса на ТОС применялись самые разнообразные. Об этом свидетельствует перечень статей в четвертом выпуске научных трудов станции, изданном в 1935 году [314]. Вот их названия и *авторы статей*: "Подготовка площадей к корчеванию." *И. И. Журавлёв*; "Лесотранспорт и последующие за корчеванием лесорасчистные работы." *И. И. Журавлёв*; "Опыты ошкурки леса на корню." *И. И. Журавлёв*; "Ручная расчистка лесных площадей." *А. С. Буянов*; "Анализ работы корчевальных аппаратов "Геркулес." *А. С. Буянов*; "Подсечка леса." *А. С. Буянов*; "Лесохимпромышленная переработка древесины с раскорчеванных лесоплощадей." *А. С. Буянов*; "К вопросу об установлении норм выработки на лесорасчистных работах, проводимых ручным способом." *В. Г. Коробейников*; "Корчевание леса и пней при помощи машин." *В. Г. Коробейников*; "Взрывной метод корчевания." *В. Г. Коробейников*; "К вопросу о массовых подсечках леса." *В. Г. Коробейников*; "К вопросу о первичной обработке вновь раскорчеванных лесоплощадей." *В. Г. Коробейников*; "Материалы по организации краткосрочных курсов десятников лесорасчистного дела." *В. Г. Коробейников*; "Вопросы теории корчевальных машин." *А. В. Верховский*; "Биологические и химические способы уничтожения пней." *М. Ф. Целищев*.

А. С. Буянов и М. Ф. Целищев – авторы статей в четвертом выпуске научных трудов станции – работали на станции в одно время с И. И. Смирновым.

Мероприятиями по своду леса на станции руководил Коробейников Владимир Григорьевич – старший специалист по лесотехнике. Он имел большой опыт проведения инженерных работ в таёжной зоне Сибири, трудился гидротехником в Томском переселенческом районе ещё до 1917 года [395]. В. Г. Коробейников, после закрытия Таёжной опытной станции продолжил свои исследования на Нарымской полеводческо-животноводческой опытной станции в п.г.т. Колпашево.

«В случае любого сбоя в работе машин на станцию приезжали научные сотрудники Томского технологического института, студенты. Механические методы раскорчевки казались дорогостоящими. Выкорчевка пней машинами деформи-

ровала почву настолько, что местами будущая пашня обесценивалась из-за глубоких ям. <...> Станция проводила опыты ускоренного разрушения пней. Изучали грибы гниющей древесины, организовывали получение чистых культур для искусственного заражения пней с целью их разрушения» [348].

Консультантом и научным руководителем работ ТОС по методам биологического разрушения пней деревьев, спиленных в тайге, был профессор Сибирского института сельского хозяйства и лесоводства (г. Омск) К. Е. Мурашкинский. Заведующий лабораторно-исследовательского отдела ТОС Иван Иванович Смирнов был знаком с Константином Евгеньевичем ещё по работе в СИСХ и П.

Мурашкинский Константин Евгеньевич (1884-1948) – известный учёный в области защиты растений от вредителей и болезней, миколог и фитопатолог.

Мурашкинский К. Е. родился в г. Городце Нижегородской губернии 10 мая 1884 г. Окончил школу (1906), естественное отделение физико-математического факультета Московского университета (1910) и Московский сельскохозяйственный институт (1913). Служил в армии (1914-1918). С мая 1920 г. преподавал фитопатологию в Сибирском институте сельского хозяйства и промышленности. В декабре 1923 г. утвержден в звании профессора и заведующего кафедрой фитопатологии, энтомологии. С 1930 по 1948 гг. – заведующий кафедрой защиты растений. Доктор сельскохозяйственных наук (1938) К. Е. Мурашкинский опубликовал около 100 научных работ. Был одним из крупнейших советских специалистов в сфере защиты растений от вредителей и болезней, миколог и фитопатолог. Ученый с мировым именем. В 1923 г. послал свою статью в Германию, которая была опубликована в 1943 г. В связи с этим К. Е. Мурашкинского обвинили в сотрудничестве с фашистами. После сессии ВАСХНИЛ (1948) не согласился с антинаучными взглядами Т. Д. Лысенко, что послужило новым поводом для травли ученого. Покончил жизнь самоубийством 25 сентября 1948 г. Источник: [222].

За короткий период времени на территории лесного массива, закреплённого за ТОС, было создано несколько небольших полей правильной формы. Одной из задач работы ТОС была разработка приёмов рационального использования лесных ресурсов Сибирского края. В отчёте за 1928/29 год [337], научные работники станции акцентировали внимание на том, «...что важно сохранение "таёжности участка", работа и дальнейшее поселение людей должны вестись с условием сбережения леса, самой тайги» [348].

Поля, созданные на земельном участке ТОС, имели свои индивидуальные названия, например, «Седельниково поле». Вполне вероятно, что поле было названо по фамилии сотрудника лесотехнического отдела станции В. А. Седельникова, который отвечал за какую-то определённую технологию свода леса на этом участке тайги. Другие поля назывались «Метеорологический участок», «6 га». Контуров полей, созданных в конце 1920-х годов, и сейчас хорошо выражены среди «зеленого моря тайги», прилегающего к посёлку Кедровый.

Фрагмент территории бывшей Таёжной опытной станции.
 В центре рисунка – посёлок Кедровый Тайгинского городского округа
 Кемеровской области (Спутниковый снимок Digitalglobe, 2018 г.)

На ТОС велись агрометеорологические наблюдения. Динамика гидротермических условий изучалась в разных биогеоценозах: в лесу, на раскорчёванных участках, на участках пашни, занятых разными сельскохозяйственными культурами. Аналогичная работа проводилась и на опорных пунктах ТОС по всему Сибирскому краю, например, на Васюганской агрометеосети в Нарымском округе.

Исследования условий выращивания сельскохозяйственных культур на станции были комплексными и охватывали не только агрометеорологические наблюдения, но и характеристику показателей почвенного плодородия, в том числе в динамике. В лаборатории станции И. И. Смирнов, А. Д. Казанцев и др. определяли основные свойства почв: содержание элементов питания, количество гумуса, кислотность, показатели поглотительной способности, валовой химический состав, физические свойства. В 1928 году на ТОС были проведены рекогносцировочные опыты по определению потребности почв станции в удобрениях, которые показали, что эти почвы менее всего обеспечены азотом [307]. Коллега И. И. Смирнова по лабораторно-исследовательскому отделу ТОС – А. Д. Казанцев работал ещё на одной опытной станции – на Томской Зональной Станции. В летописи посёлка Зональная Станция указывается, что А. Д. Казанцев впоследствии стал профессором [183].

Исследования на ТОС включали сортоиспытания пшеницы, ячменя, овса, ржи, гороха, вики, чечевицы, льна, картофеля. Основное внимание уделялось зернофуражным культурам. Только овса высевалось 46 сортов [348]. С 1932 г. научным руководителем Сибирской таёжной опытной станции стал известный цитолог и генетик Владимир Петрович Чехов. Судьба профессора ТГУ В. П. Чехова сложилась трагически – в 1937 году он был арестован и расстрелян [389].

Спектр научных исследований ТОС был широкий и охватывал также вопросы кормопроизводства. Так, на станции «...проводили эксперименты по силосованию таёжного бурьяна как добавки к традиционному рациону из грубых кор-

мов для домашних животных» [216, С.190]. На северо-западе г. Тайга располагалась усадьба Тайгинской молочной фермы (рис.56). Для повышения продуктивности животных было необходимо разработать технологии производства сочных кормов из доступных источников. В состав нетрадиционного сырья для приготовления силоса на Таёжной опытной станции использовалась луговая и лесная растительность: папоротники, сныть, побеги осины, хвощ, татарник, вейник, лабазник. Для закваски силоса применяли простоквашу из кипячёного молока [362].

Научные работники ТОС также изучали способы «использования отходов лесорасчисток путем их химической и механической переработки в работе дегтекуренных и пихтогонных установок» [348].

Качество всех видов экспериментальной продукции ТОС контролировалось в её лаборатории, которую возглавлял И. И. Смирнов.

В 1931 г. учёные ТОС и кафедры Физиологии и Биохимии растений Томского Государственного Университета – П. В. Савостин, К. В. Сапожникова и М. А. Пентина, проводили исследования динамики нитратного и аммонийного азота в почвах Таёжной опытной станции [307]. Авторы публикации «Биодинамика таежных почв в связи с их азотным плодородием» [307], указали, что характеристики почв ТОС, которые приведены в статье, были установлены почвоведом станции И. И. Смирновым и А. Д. Казанцевым.

«В изучении находились следующие почвы: I. Полуболотные (метеорологический участок Таежной опытной станции): а) участок со сведенной тайгой, не распаханый; б) участок пахотный 2-х лет пользования (в 1931 г. – под викой); II. Вторично-подзолистые ("Седельниково поле" и "6 га"): а) осветленный участок (удален кустарник, лес оставлен); б) участок со спиленным лесом, не раскорчеванный ("6 га") в) пахотный участок 3-х лет пользования (в 1931 г. – под овсом).

<...> Почвы метеорологического участка Таёжной опытной станции принадлежат, по И. И. Смирнову, к полуболотным почвам. Весь участок характерен близким к дневной поверхности уровнем грунтовых вод (верховодка), нижняя граница которых находится на глубине 80 см. До освобождения участка от леса, этот участок представлял собою „мокрое место". Горизонт А₀, (2 см) состоит из лесной подстилки со слабо разложенными растительными остатками. Горизонт А₁ (15 см) – крупно-зернистый лессовидный суглинок. Содержание Р₂О₅ – для гориз. А₀, и А₁, (откуда фактически брались пробы для изучения биодинамики) равно соответственно 0,37 и 0,17%.

<...> Почвы "Седельникова поля" отнесены И. И. Смирновым к вторичным, сильноподзолистым. На этом участке также констатировано присутствие верховодки, но в силу давней расчистки верховодка в течение вегетационного периода – явление временное. Горизонт А₁ (15 см) – темно-серой окраски, плотноват, структура близка к крупно-зернистой. Валового анализа этой почвенной разности не производилось, но сопоставляя ее с другими образцами, принадлежащими аналогичной разности, содержание Р₂О₅ можно считать равным 0,19%. Содержание гумуса = 3,24%. Гидролитическая кислотность по Куглинскому колеблется...» [307].

Приведённые цитаты из статьи показывают, что приборы и оборудование в лаборатории ТОС позволяли И. И. Смирнову и сотрудникам лаборатории выполнять широкий спектр анализов почв, включая валовой химический состав.

Ежегодно с 1928 по 1932 гг. сотрудники станции готовили отчёты о её работе, которые сохранились в архивах бывшей Комплексной сельскохозяйственной станции Нарымского Севера (г. Колпашево, Томская обл.) [244]. Кроме ежегодных отчётов было издано четыре выпуска трудов Сибирской научно-опытной таежной станции [148], [314], [337], [357], отдельные авторские рекомендации [149].

Второй, третий и четвёртый выпуски Трудов станции были специализированными и охватывали агрономический [357] и лесотехнический [148], [314] циклы исследовательских работ на станции.

Некоторые итоги работы учёных станции востребованы до сих пор. Так, О. В. Ложкина, в диссертации «Оценка исходного материала и создание сортов двукисточника тростникового (*Phalaroides arundinacea* (L.) Rausch.)» [188], защищённой в 2012 году, использовала материалы отчётов ТОС за 1928-1932 гг., инв. № 92. В числе исполнителей отчётов указаны Н. А. Кукаркина, **И. И. Смирнов**, Д. П. Баранов [244].

Коллега И. И. Смирнова и соавтор отчётов о работе ТОС – метеоролог Д. П. Баранов, участвовал в научной экспедиции на Алтай. «В 1932 г. Западно-Сибирский Гидрометеорологический комитет по предложению Комитета II Международного Полярного года решил открыть у Белухи две гидрометеостанции. К Белухе была организована экспедиция под начальством О. А. Алекина. В состав экспедиции вошел Д. П. Баранов, сотрудник Таежной опытной станции» [286]. Д. П. Баранов обосновал выбор местоположения метеостанции на знаменитом Аккемском озере, расположенном в Алтайских горах у подножия северного склона г. Белуха.

«Согласно протоколу совещания при начальнике Управления Землеустройства, Геодезии и Переселения НКЗ СССР от 23 декабря 1932 года финансирование ТОС было значительно урезано. Администрации ТОС было откровенно сказано, что "для организации агротехнических работ необходимо связаться с руководством ГУЛАГ, так как опытная станция находится в районе Спецпереселения"» [116]. После закрытия Сибирской научно-опытной таежной станции в 1934 г., на её территории в 1930-е годы работала опытная пчеловодческая станция. Позднее, в годы Великой Отечественной войны, в посёлке Кедровый размещался госпиталь для раненых бойцов и инвалидов войны. «В начале 60-х годов госпиталь был перепрофилирован в психоневрологический интернат, <...> было начато строительство главного корпуса, развитие приусадебного хозяйства, которое давало прибыль и помогало продуктами городу» [70]. Поля, созданные в 1920-е годы трудами работников ТОС, длительное время использовались по прямому назначению – для производства сельскохозяйственной продукции. В 2000-е годы, участки пашни, расположенные на месте сведённого леса, начали постепенно зарастать лесом. «Молодые березы, осины, ели заняли уже около 10 метров краев бывших полей» [116].

Кемеровская область, Яшкинский район. Дорога в окрестностях п. Кедровый (б. ТОС). 2000-е годы. Источник: [URL:http://images.esosedi.org/doroga_k_kedrovomu/44556795/] (дата обращения 16.08.2018)]

Кемеровская область, Яшкинский район. Зарастающее поле бывшей Таёжной опытной станции. 2000-е годы. Источник [URL:http://images.esosedi.org/polyana_v_lesu/44556782] (дата обращения 16.08.2018)]

История создания и изменения целевого назначения Таёжной опытной станции, эволюция её пахотных угодий очень символичны и перекликаются с новейшей историей России. Впору обратиться к научным разработкам ТОС по способам свода леса. Миллионы гектаров бывших пахотных угодий страны зарастают лесом.

По итогам изучения почвенного покрова территории ТОС И. И. Смирнов подготовил «Очерк естественно-исторических условий Таёжной опытной станции (рукопись)» [327].

13. Почвоведы Ростислав Сергеевич Ильин и Иван Иванович Смирнов. Томский Краевой Музей

В научной биографии Ивана Ивановича Смирнова важнейшим фактом является совместная работа с Р. С. Ильиным.

Ильин Ростислав Сергеевич (1891-1937 гг.) – выдающийся учёный в истории не только почвоведения, но и всего цикла наук о Земле, ученый-прогнозист, приблизившийся к пониманию системы мироздания [346].

Р. С. Ильин – автор гипотез и натурфилософских идей, сохранивших значение до наших дней о субаэрально-струевом происхождении лёссов, о роли Солнца и почвенного покрова в биосфере Земли [121], [122].

Ростислав Сергеевич Ильин (1891-1937). Источник: [124]

Ильин Ростислав Сергеевич (1891-1937) – «почвовед, геолог, геоморфолог, создатель почвенно-биосферной концепции. <...> Р.С. Ильин окончил Московскую гимназию (1909), Московский университет (по кафедре А. Н. Сабанина) в 1913 г. и Московский СХИ в 1917 г. (по кафедре В. Р. Вильямса). Первый экспедиционный опыт Ильин получил при изучении естественно-исторических условий и почв Черниговской (1912 г.), Московской (1913 г.) и Уфимской (1914-1915 гг.) губерний под руководством Н. А. Димо, В. В. Геммерлинга и М. М. Филатова...» [121].

«В студенческие годы увлекся идеями эсеров, и, работая в 1916-1922 в Подмосковье, обучал крестьян передовым методам хозяйствования. <...> В 1922 - 1925 преподавал в МГУ, был научным сотрудником Московского НИИ почвоведения. За принадлежность к ПСР его неоднократно арестовывали на короткие сроки, в 1925 отправили в Челябинский политический изолятор, а в 1927 – в

Нарымскую ссылку сроком на 3 года. В челябинском заключении Ильин сумел написать несколько научных отчетов и статей, которые стараниями В. И. Вернадского и А. П. Павлова тогда же увидели свет. В Нарымском крае работал в агрометеорологической сети, потом - почвоведом, периодически наезжал в Томск, где жила семья. За 2 года он обследовал почвы бассейнов р. Васюган, Парабель, Нижней Кети, Оби в р-не Колпашева, подготовил научное исследование «Природа Нарымского края», увидевшее свет в 1930 г.

В 1932 г., первым из специалистов, опубликовал научное обоснование предположения о нефтеносности Западной Сибири и получил помощь и поддержку М. А. Усова.

С 1929 г. Ильин жил в Томске, отбывая еще три года ссылки. Занимался геолого-почвенным обоснованием трассы Томск – Чулым; работал в Томском краевом музее, подготовил несколько работ о геологическом строении окрестностей Томска и Томь-Яйского водораздела; в 1930-1931 гг. и 1934-1937 гг. читал лекции в ТГУ и Сибирском геологоразведочном институте.

<...> 12 июня 1937 г. арестован в седьмой раз и решением тройки Управления НКВД по ст. 58- 8 - 10 - 11 УК РСФСР по обвинению в "подпольной контрреволюционной террористической организации эсеров" приговорен к высшей мере наказания, 10-11 сентября 1937 г. расстрелян в Томской тюрьме. Научное наследие Ильина включает почти 150 публикаций и рукописей; главный труд его жизни, "Происхождение лессов", увидел свет лишь в 1978 г. Ильин является одним из основоположников теории геобиоценоза, он создал стройную теорию зависимости геотермодинамики от солнечного излучения, разработал оригинальную концепцию происхождения лессов, не потерявшую своего значения и в наши дни» [24].

«Квалификационная комиссия Почвенного института (Москва) [в 1934 г.] сочла "безусловно возможным присуждение степени канд. почвенных наук Р. С. Ильину без защиты диссертации"» [291].

Ивана Смирнова и Ростислава Ильина связывало не только научное сотрудничество, но и товарищеские отношения, сложившиеся за годы совместной учёбы и работы. Ильин и Смирнов обучались на кафедре Агрономии Императорского Московского Университета в 1909-1913 гг. В 1912 г. они проходили производственную почвенно-ботаническую практику в Черниговской губернии. В томский период жизни Смирнов и Ильин проводили ряд совместных работ: изучали почвы колонизационного фонда и создавали экспозицию монолитов почв в Томском Краеведческом Музее (1927-1929 гг.); в одной экспедиции проводили почвенно-геологическое обследование на территории проектируемой железнодорожной трассы Томск – Енисейск (1929 г.), хотя и в разных почвенных отрядах. После открытия в 1930 году кафедры почвоведения в ТГУ, её первый заведующий – И. И. Смирнов пригласил Р. С. Ильина для работы на кафедре. Р. С. Ильин предложение принял и был избран по конкурсу на вакантную должность преподавателя кафедры. Очередной арест Р. С. Ильина в марте 1931 года прервал совместную работу И. И. Смирнова и Р. С. Ильина в ТГУ [41].

Иван Смирнов и Ростислав Ильин имели близкое социальное происхождение – отец И. И. Смирнова и мать Р. С. Ильина были из духовного сословия. Иван Иванович и Вера Ивановна Смирновы в 1923 году назвали Ростиславом своего сына, родившегося в Перми. Также следует отметить, что имя и отчество внука почвоведом Ивана Смирнова – известного иркутского филолога Сергея Ростиславовича Смирнова, оказалось созвучным с именем и отчеством почвоведом Ростислава Сергеевича Ильина. Вряд ли это череда случайных совпадений.

В 1927 г. Иван Смирнов и Ростислав Ильин практически одновременно оказались в Томском округе Сибирского края (*административно-территориальная единица в РСФСР, существовавшая с 25 мая 1925 г. по 30 июля 1930 г. – курсив А.А.В.*). Р. С. Ильин в марте 1927 г. был направлен для отбывания ссылки на опорную станцию Васюганской агрометеосети в с. Парабель Нарымского края и находился там до конца 1927 года. По заданию и на средства Томской окружной колонизационной переселенческой партии (Т.К.П.П.), он проводил агрономические и агрометеорологические наблюдения, ставил опыты на Парабельском опытном поле. Ростислав Ильин летом 1927 г. выполнил почвенно-ботаническое обследование территории бассейна р. Парабель. Иван Смирнов в июне 1927 г. был принят на должность почвоведом Т.К.П.П.

Первая встреча на томской земле Ивана Смирнова и Ростислава Ильина произошла в с. Парабель в конце августа 1927 г., когда пароход с участниками комплексной Нарымской экспедиции, а в их числе был и Иван Смирнов, сделал остановку в Парабели.

Во многих публикациях, посвящённых томскому периоду жизни Р. С. Ильина, чаще всего приводятся сведения о его дружбе со ссыльным поэтом Н. А. Клюевым, хранителем фондов университетского этнолого-археологического музея П. П. Славниным, со ссыльным искусствоведом С. Н. Дурылиным, что, безусловно, характеризует многогранность личности Р. С. Ильина. В письме к поэту и художнику Максимилиану Волошину Р. С. Ильин поясняет, что для него общение с творческими людьми других профессий имеет огромное значение в создании собственной целостной концепции и картины мира: «Я, как естествоиспытатель, много обязан Вам и другим русским поэтам, постигавшим Хаос и Космос» [162].

В литературе по истории почвоведения вклад сподвижников Р. С. Ильина в созданные им за «томский период» жизни работы по почвоведению не конкретизирован и не оценён. Сам Ростислав Ильин в своих работах отмечает, что актуальный полевой материал, использованный им для характеристики природных условий почвообразования (рельеф, растительность, почвообразующие и подстилающие породы, гидрология) и почвенного покрова обширных территорий Томского округа, был собран не только им лично, но и усилиями целой группы почвоведов и геоботаников. В публикациях о жизни Р. С. Ильина в Томске почти ничего не написано о его взаимодействии с научными единомышленниками – коллегами-почвоведом, а таковые в период его нахождения в Томске были.

Во второй половине 1920-х годов в Томске одновременно оказалось три представителя сабанинской школы почвоведения: Р. С. Ильин – выпускник кафедры Агрономии Императорского Московского Университета 1913 года, Ф. Н. Ульященко – выпускник кафедры Агрономии ИМУ 1912 года, И. И. Смирнов – выпускник кафедры Агрономии ИМУ 1913 года. В 1920-е годы они собрали богатый полевой материал по почвенному покрову Томского округа Сибирского края.

Р. С. Ильин, в периоды между экспедициями в 1928 и 1929 гг., находился по несколько месяцев в Томске и имел возможность свободно консультироваться, обмениваться мнениями по различным вопросам с профессором В. В. Ревердатто, коллегами-почвоведом – И.И. Смирновым, Ф. Н. Ульященко, В. А. Мантейфелем, а также с геологами – А. М. Кузьминым, М. И. Кучиным [129, С.21] и с другими томскими учёными-естествоиспытателями.

Общая теоретическая подготовка Р. С. Ильина, И. И. Смирнова, Ф. Н. Ульященко и уровень их образования, а каждый из них имел по два высших образования, были вполне соизмеримыми. Вместе с тем, Р. С. Ильин относился к редкому типу учёных – генераторов новых значимых теорий и идей [121], и во многих теоретических вопросах значительно опережал своих современников. В истории науки хорошо известна оценка масштаба личности Н. И. Вавилова, которую дал своему ученику Д. Н. Прянишников: «Николай Иванович – гений, и мы не осознаём этого только потому, что он наш современник» [39]. Безусловно, аналогичные слова были бы вполне уместны по отношению к Ростиславу Сергеевичу Ильину. Его научный талант высоко ценили В. И. Вернадский, Л. И. Прасолов, Б. Б. Полынов, А. А. Ярилов и другие крупные учёные-естествоиспытатели.

Следует сказать, что коллеги-почвоведы Р. С. Ильина, оказавшиеся вместе с ним в Томске, были специалистами высокого уровня. И. И. Смирнов хорошо знал четвертичную геологию Западной Сибири и оригинальные теории происхождения лёссов, выдвинутые его учителями – В. А. Обручевым и С. С. Неуструевым, и мог свободно обсуждать проблему их генезиса с Р. С. Ильиным. Происхождение лёссов было одним из главных почвенно-геологических вопросов, которым много лет занимался Р. С. Ильин, в том числе в период сибирской ссылки. Именно в Томске он завершил оформление рукописи, в которой изложил синтетическую субаэрально-струевую теорию происхождения лёссов [128], [130]. Книга Р. С. Ильина «Происхождение лёссов (из истории вопроса)» [130] была издана только в 1978 году.

Конечно нельзя утверждать, что И. И. Смирнов сыграл существенную роль в разработке Р. С. Ильиным крупных теоретических вопросов, но для любого исследователя публичное обсуждение проблемы, над которой он работает, имеет важное значение. После этого учёный завершает работу над окончательным вариантом рукописи. Сам Р. С. Ильин по поводу необходимости общения со студентами вузов г. Томска написал в 1931 г. так: «... не проработав своих новых достижений со слушателями, я недостаточно ясно излагал их в своих печатных работах...» [41]. Для квалифицированного обсуждения теоретических вопросов геологии и почвоведения Р. С. Ильин, находясь в томской ссылке, вел обширную переписку с ведущими учё-

ными страны и общался со своими томскими коллегами-почвоведом и геологами ТГУ.

И. И. Смирнов имел четкие представления о генезисе ледниковых отложений, типах оледенения, распространении ледников в плейстоцене на территории Сибири. Три года учёбы в Томском технологическом институте у профессора В. А. Обручева не прошли бесследно и помогли Ивану Ивановичу достаточно точно охарактеризовать ледниковые формы рельефа и почвообразующих пород не только на территории бассейнов рек Кеть и Тым Нарымского края, но и в пределах других ландшафтов Томского округа. Так, Р. С. Ильин указывает, что пески с галькой как признаки границ распространения ледниковых отложений встречаются в Томском округе в пределах определённых ареалов [129]. Далее Ильин пишет следующее: «**И. И. Смирнов сообщил мне** о находке аналогичных образований [*пески с галькой*] на правом берегу реки Тяжина» [129, С.34].

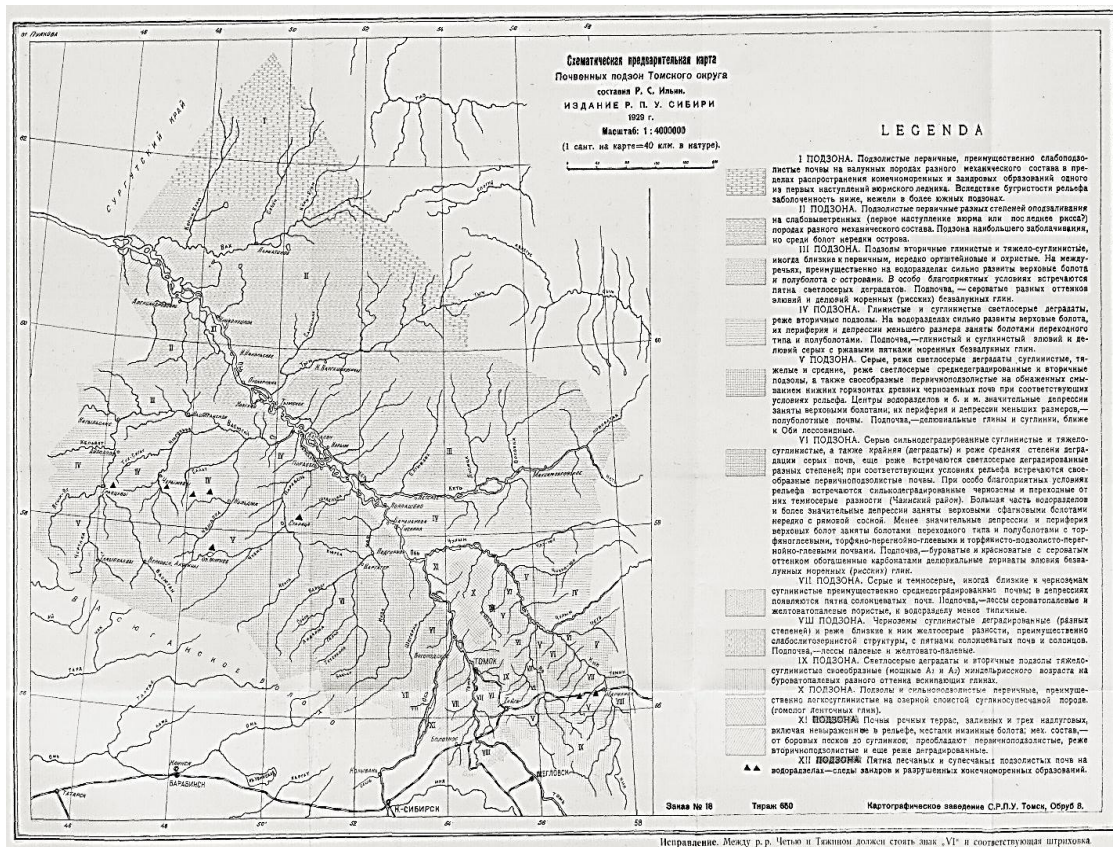
Небольшая река Тяжина – правый приток реки Кия, находится в юго-восточной части Томского округа. Тяжина обозначена на карте почвенных подзон Томского округа, составленной в 1929 г. Р. С. Ильиным. Почвенный покров и четвертичные породы бассейна р. Тяжина были обследованы И. И. Смирновым в рамках его работы по характеристике природных условий территории, прилегающей к Таёжной опытной станции [316]. Водно-ледниковые отложения, обнаруженные И. И. Смирновым на водоразделах рек в районе ж.-д. станции Тайга, дополнили информацию о генезисе почв и пород земельного участка Таёжной опытной станции. Территория ТОС располагалась на близком расстоянии от бассейна р. Тяжина. Исследования Сибирской лесоэкономической экспедиции охватывали и территорию бассейна р. Тяжины.

На карте почвенных подзон Томского округа (1929) Р. С. Ильин выделил территории, занятые следами зандров и отложений конечных морен. Он обозначил их значками в виде залитых (закрашенных) треугольников. На этих породах водораздельных территорий образовались песчаные и супесчаные почвы.

Общение И. И. Смирнова, Ф. Н. Улященко и Р. С. Ильина на темы, связанные с геологией и почвоведением, происходило на понятном для собеседников профессиональном языке, и поэтому было продуктивным, с научной точки зрения. Сотрудничество почвоведов-сабанинцев при изучении природных условий и почвенного покрова Нарымского края, даже с учётом выдающихся талантов Р. С. Ильина, совсем не выглядит как перенос пресловутого бревна на кремлёвском субботнике.

В публикации 1929 г. «О происхождении рельефа, поверхностных пород и почв Томского района» [127] Р. С. Ильин приводит несколько больших цитат из работы И. И. Смирнова [326]. Р. С. Ильин использовал материалы И. И. Смирнова для характеристики природных условий территории нарымского правобережья р.Оби, геологических особенностей и почв долин рек Тым и Кеть [127, С.42-43]. В своей книге о природе Нарымского края [129], Р. С. Ильин также сделал несколько значительных ссылок на результаты исследований И. И. Смирнова (страницы III,

33, 34, 141-144), Ф. Н. Ульященко (страницы Ш, 163,164, 168, 179, 250, 302, 324). Р. С. Ильин также использовал рукописные работы (отчёты) Е. Н. Протопоповой, Е. П. Шевелёвой, Л. В. Шумиловой, К. К. Полуяхтова – выпускников и студентов кафедры геоботаники Томского государственного университета. И. И. Смирнов с 1927 года преподавал почвоведение и был консультантом по почвенным разделам дипломных работ выпускников биологического отделения физико-математического факультета.

Схематическая предварительная карта почвенных подзон Томского округа. Составил Р. С. Ильин, 1929 г. Источник: [127, рис.5]

Цитирование результатов исследований И. И. Смирнова, Ф. Н. Ульященко Ильин сопровождал, в свойственной ему манере, небольшими критическими замечаниями, но практически нигде не опровергает их, по-существу.

В комментариях к «Схематической предварительной карте почвенных подзон Томского округа», составленной в 1929 г., Р.С. Ильин делает оговорку, что вынужден был создавать свои построения только на основании литературных данных, рукописных и устных отчётов работников переселения, других учреждений <...> особенно [это] относится ко всему правобережью Оби, где я не был» [127, С.35]. К моменту составления Р.С. Ильиным карты р.р. почвенных зон Томского округа, рельеф, четвертичные отложения и почвенный покров правобережья р. Оби профессионально были изучены только И. И. Смирновым [326].

Р. С. Ильин сделал окончательный вывод о границах почвенных зон в пределах территории правого берега реки Оби только с учётом исследований И. И. Смирнова. Вот, что он пишет по этому поводу: «**Приводимые И. И. Смирновым** описания разрезов и знакомство с его монолитами, а также и другие отрывочного характера сведения, дали мне основание для проведения границ почвенных подзон на правом берегу Нарымского края» [127, С. 43]. В книге ««Природа Нарымского края: рельеф, геология, ландшафты, почвы» Р. С. Ильин указывает, что слабовсхолмленные песчаные пространства берегов Обь-Енисейского канала были отнесены И. И. Смирновым к зандрам и приводит «План водораздела Обь-Енисейского водного пути», на который И. И. Смирнов нанес распространение зандров на побережье р. Кеть. Для составления схемы распространения водноледниковых отложений И. И. Смирнов выполнил барометрическое нивелирование (*школа профессора П. К. Соболевского! – курсив А.А.В.*) и провёл визуальные наблюдения за формами рельефа [129, С.142-143].

Р. С. Ильин, как представитель сабанинской школы почвоведов, в вопросах генезиса почв придавал большое значение их химическим свойствам и химическому составу. Историки почвоведения отмечают, что Р. С. Ильин за годы работы в Томском округе не имел возможности выполнить даже простейшие анализы состава и свойств почв и «изучение почвенного покрова сибирской тайги проводил при самом примитивном обеспечении средствами исследования. В его распоряжении были лопата, нож, отвертка, топор и ящики для монолитных почвенных образцов. Ни одного простейшего прибора для анализа на механический и химический состав. Вот почему Ростиславу Сергеевичу приходилось сосредоточивать все свое внимание на выборе доступных в создавшихся условиях методов исследования» [359]. Такими методами были профильно-морфологический и опросный [359].

Однако нельзя говорить о том, что у Р. С. Ильина не было никаких сведений о составе и свойствах почв Томского округа. В своих публикациях Р. С. Ильин широко использовал данные химических анализов образцов почв, отобранных в 1911 г. экспедицией под руководством почвоведом Д. А. Драницина [356]. В книге Р. С. Ильина «Природа Нарымского края: рельеф, геология, ландшафты, почвы» [129] сделано более 50 ссылок на данные Д. А. Драницина по нарымским почвам, в том числе и по их химическому составу и свойствам. В указанной книге также приведены данные о химическом составе почв разрезов, заложенных в пределах Васюганских болот участниками геоботанических экспедиций под руководством А. Я. Бронзова.

Кроме того, в процессе общения с Иваном Смирновым, Ростислав Ильин получал некоторую информацию по химии и минералогии почв Нарымского края. Так, при характеристике геологических и почвенных условий долины реки Тым, Р. С. Ильин написал: «Другим доказательством сравнительной молодости края является необычный минералогический состав тымских террасовых песков, **любезно показанных мне И. И. Смирновым**; там кроме зёрен гранита, оказались осколки полевых шпатов, слюд и других минералов, видимые простым взглядом; кетские пески носят иной характер» [127, С.40].

В лаборатории Таёжной опытной станции, которую возглавлял И. И. Смирнов, выполнялись химические анализы образцов почв, отобранных Р. С. Ильиным за период полевых исследований 1927 г. и 1928 г. Об этом Ильин в апреле 1929 г. написал так: «...отчетные труды автора, иллюстрированные чертежами и рисунками предполагается издать в «Трудах Районного Переселенческого Управления Сибири по изучению колонизационных районов» **после того как Таёжной Опытной Станцией будут закончены ныне выполняемые ею анализы этих почв**, тогда же можно будет дать соображения о разумном использовании естественных богатств изучаемых районов» [128, С.П].

Далее Р. С. Ильин указывает, что «...до углублённой химической характеристики этих почв бесполезно и преждевременно приводить подробные морфологические описания и точно устанавливать границы между группами и разностями. Изложение этого материала вместе с описанием моих маршрутов и иных документов должно быть дано в отчётной работе по Нарымскому краю вместе с данными **анализов, выполняемых Таёжной Опытной Станцией**; задержки с анализами заставляют в настоящий момент давать предлагаемый общегеографический краткий очерк предварительного характера» [127, С.37].

Таким образом, анализы образцов нарымских почв выполнялись И. И. Смирновым в лаборатории ТОС, но их результаты в тексты публикаций Р. С. Ильина за 1929 и 1930 гг. [127], [128], [130] не попали. Вероятно, что анализ состава и свойств почв всё-таки был выполнен в лаборатории ТОС. Так, в ответе Томского Краевого Музея на запрос Совета Севера при плановой комиссии Сибкрайисполкома о работах музея по изучению Нарымского края от 26 января 1933 г. было указано: «В 1927–1928 гг. сотрудником музея Ильиным Р. С. по заданию Томск[ого] переселенческого управл[ения] произведены работы по обследованию почв Нарымского края в целях изыскания колонизационных фондов. Работа – 4 месяца. Имеется **анализ** и научное описание монолитов и **проб почв (более 1000)**» [12]. Так как вся работа по обобщающей характеристике почвенного покрова Нарымского края была поручена внештатному сотруднику музея Р. С. Ильину и была фактически сосредоточена в ТКМ, то и результаты анализа проб почв И. И. Смирнов передал в музей.

Перед ссыльным учёным Р. С. Ильиным была поставлена задача – в кратчайшие сроки подготовить сводку о природных условиях Нарымского края. В апреле 1929 года Р. С. Ильин по этому поводу написал следующее: «Переселенческим органам срочно нужна карта естественно-исторических особенностей колонизационных районов, а Томской Окружной Плановой Комиссии – материал для районирования округа – в связи с предполагаемым укрупнением административных районов» [127-128, С. П]. Для завершения работы по характеристике природных условий Нарымского края Р. С. Ильин осенью 1929 г. был выслан из Томска на заимку Феофанова, расположенную на берегу р. Оби в районе с. Колпашево.

Временную изоляцию Р. С. Ильина на заимке Феофанова можно рассматривать как прототип пресловутой «шарашки», широко применяемой НКВД СССР

во взаимоотношениях с советскими учёными. В недрах ОГПУ к концу 1929 г. уже сформировалась стратегия массового перемещения ограбленных («раскулаченных») крестьян и членов их семей в Нарымский край. Для решения тактических задач была необходима внятная оценка состояния природных ресурсов региона. В общем-то Р. С. Ильин восполнил этот пробел, и в декабре 1929 г. закончил работу над книгой. Полный анализ состава и свойств почв казался государственным органам власти не очень важной деталью при решении стратегической задачи ускоренного освоения обширных свободных земель Нарыма с привлечением труда наиболее трудоспособных крестьян из южных регионов Сибири.

Книга Р. С. Ильина «Природа Нарымского края» (рельеф, геология, ландшафты, почва) [129] содержала в обобщённом виде актуальные результаты исследований рельефа, растительности и почвенного покрова региона, выполненные группой почвоведов-сабанинцев и других специалистов Томской колонизационной Переселенческой Партии (Т.К.П.П.). Научный труд Р. С. Ильина был издан Томским отделением Общества изучения Сибири и ее производительных сил в 1930 г. Тираж составил 525 экз. Книга использовалась как справочная литература всеми специалистами, работавшими в 1930-е годы в Нарымском крае, в том числе и сотрудниками ОГПУ. Так, некто И. Бочарников, начальник экспедиции комендантурного управления ОГПУ, вспоминал: «Назначение я получил в Новосибирске. Там находился штаб трудовых переселений. Хорошо помню, что вместе с другими документами мне дали книжку по природе Нарымского края. Фамилия автора, по-моему, Ильин. Она мне сильно помогла сориентироваться на местности и в условиях поселений. Все участковые специалисты изучали ее в приказном порядке. Другой справочной литературы у нас не было, только эта» [124].

В 1931 г. колонизационный фонд Нарымского края стал интенсивно использоваться органами государственной власти для заселения семьями раскулаченных крестьян, в основном из южных регионов Западной Сибири. Переселение проводилось форсированными темпами и сопровождалось различными негативными процессами, трагической гибелью огромного количества людей.

Почвоведы и геоботаники, занимавшиеся формированием колонизационного фонда Нарымского края, в буквальном смысле стали «головой отвечать» за результаты своей работы. Ведь в случае каких-то ошибок, допущенных представителями органов государственной власти СССР, сразу же происходил поиск или «назначение» виновных лиц среди тех, кто хоть немного был причастен к неудачному проведению тех или иных мероприятий под эгидой государства.

В секретном отчёте начальника Сиблага И. М. Биксона, направленном в августе 1931 г. секретарю крайкома ВКП(б) Р. И. Эйхе и председателю Сибкрайисполкома Ф. П. Грядинскому о хозяйственном освоении Нарыма спецпереселенцами в 1931-1932 гг., указано следующее: «В мае месяце [1932 г.] истек годичный срок от начала колонизации Нарымского края выселенным из районов сплошной коллективизации кулачеством. <...> В апреле 1931 г. было вынесено Запсибкрайисполкомом решение о колонизационном освоении Нарымского края

кулачеством. Этим актом и последовавшим за ним осуществлением была разрешена историческая проблема колонизации Нарымского края. Предварительная проработка вопроса о назначении Нарымского края для расселения на нем спецпереселенцев проводилась в зимний и ранневесенний период, когда снежный покров не дал возможности в натуре, экспедиционным порядком, **проверить пригодность колонизационных фондов Нарыма** в определении их бывшим Переселенческим управлением (*Переселенческое управление было ликвидировано в 1930 г., в связи с ликвидацией Томского округа и Сибирского края – курсив А.А.В.*) и наметить на них точки для поселков. Проверка материалов бывшего Переселенческого Управления была проведена камеральным путем с использованием материалов лесоэкономических обследований и материалов экспедиций по определению трассы Томско-Енисейской железной дороги.

Несмотря на это, надо констатировать, что **определение районов для выселения было сделано все же правильно, и даже удаленные от обжитой части края на север районы рек Васюгана и Кети оказались пригодными для хозяйственного их освоения»** [338].

И. И. Смирнов, как и многие десятки других специалистов, участвовал в формировании колонизационного фонда Нарымского края. Так, комплексная Нарымская экспедиция А. И. Березовского 1927 г. только на одном отрезке своего маршрута по р. Обь выделила колонизационный фонд, пригодный для заселения 11 тыс. человек [14]. Случись так, что эксперты И. М. Биксона признали бы работу по формированию колонизационного фонда Нарымского края неудовлетворительной, то легко представить последствия, которые могли грозить специалистам бывшего Переселенческого управления, в том числе томским почвоведом и геоботаникам.

В отчете И. М. Биксона использовано традиционное сравнение с нигде не годными темпами "отсталого царизма": «Операция по вселению спецпереселенцев в Нарым, проводившаяся бывшим Комендантским управлением, началась 10 мая и была закончена к 30 июня 1931 г. В Нарымский край, старожильческое население которого в районах вселения спецпереселенцев составляло 119 942 чел. на территории 343 984 кв. км, было вселено 43 852 семей; 182 327 чел.

<...> Таким образом, в течение 65-70 дней Нарымский край, колонизовавшийся царским правительством в течение 350 лет и получивший за этот промежуток времени около 40 000 чел. переселенного населения, удвоил количество жителей. Вселение 180 000 чел. спецпереселенцев в Нарым коренным образом изменяло всю его экономику и уклад жизни, создало чрезвычайные перспективы для хозяйственного использования громаднейших его богатств.

<...> Хозяйственное устройство на необжитых местностях Нарыма, в особенности его климатических условий, отсутствие в первые месяцы колонизации соответствующей медицинской сети вызвали повышенную смертность и наряду с ней усиленные побеги спецпереселенцев» [338].

Многие современные историки и публицисты называют доклад И. М. Биксона уникальным, так как он содержит достоверную информацию о том, что про-

изошло с людьми, переселёнными насильно в Нарымский край. В государственных архивах официальные статистические отчёты по этой проблеме отсутствуют.

Демографические последствия «ударной» по темпам колонизации неотъемлемого Нарымского края были трагическими. Однако И. М. Биксону "человеческая убыль" в 15% представлялась "не особенно большой". Основной причиной "убыли" была смерть переселенцев, а отнюдь не побег. Биксон в секретном донесении отмечал: «Принимая за исходное положение состояние населения спецпереселенцев на 1 сентября [1932 г.], момент, когда операция по вселению была совершенно законченной, оказывается, что за год число спецпереселенцев уменьшилось на 15,3%. В свете задачи колонизации громадной территории Нарыма, проведенной в минимальный промежуток времени, эта величина убыли населения за год не должна считаться особенно большой» [338]. Эволюционный подход в освоении территории Сибири, выработанный правительством П. А. Столыпина, властями СССР был подменён революционными методами, что привело к огромным жертвам за первый и последующие годы колонизации «по-советски». В основном пострадали «раскулаченные» крестьяне и члены их семей. Печальные последствия «колонизации с карательной окраской» Нарымского края вызвали естественное сопротивление переселенцев, которое жестоко подавлялось властями [152].

Необходимо также констатировать, что в результате многолетней и добросовестной работы большой группы исследователей почвенного и растительного покрова, других природных ресурсов Нарыма, работниками Переселенческого управления был сформирован колонизационный земельный фонд, который максимально отвечал возможностям ведения сельского, лесного, рыбного хозяйства и кустарного производства в этом суровом регионе Сибири. В какой-то мере это смягчило драматические последствия форсированной колонизации края. Естественно, что никто из специалистов, проводивших исследования природных ресурсов на территории Нарыма, не предполагал такого трагического сценария развития событий на этих землях, которые развернулись после начала «коренной реконструкции сельского хозяйства страны» в 1929 году.

Отрицательные оценки методов ускоренной колонизации Нарыма и политики раскулачивания, которые в любой форме давались жителями г. Томска и Томского округа, немедленно пресекались представителями ОГПУ-НКВД как антисоветская пропаганда и агитация, и наказывались в соответствии с печально известной ст. 58 УК РСФСР.

Томский Краевой Музей. В 1928-1929 гг. в Томском Краевом Музее, по инициативе Районного Переселенческого Управления и других организаций, был создан отдел почвоведения, который включал монтировочную мастерскую, кабинет почвоведения и экспозицию почвенных монолитов и коробочных образцов почв и пород [299]. Подотдел почвоведения на общественных началах возглавлял Р. С. Ильин.

Город Томск. Здание Томского Краевого Музея. 1930-1940-е гг.
Фотофонд ТОКМ. Источник: [220]

Выпускница (1928 г.) кафедры геоботаники ТГУ Александра Николаевна Виноградова с октября 1928 года стала штатной сотрудницей естественно-исторического отдела Томского Краевого Музея. В 1929 году А. Н. Виноградова была помощницей Р. С. Ильина в его третьей по счету почвенно-ботанической экспедиции на территории Нарымского края [390].

Цель создания почвенного подотдела музея заключалась в организации ознакомительных экскурсий для специалистов Т.К.П.П., жителей города и переселенцев, перед их водворением на постоянное место жительства в Сибири. В 1928-1929 гг. водворение частично ещё было добровольным. «В переписке ТКМ указывалось, что "образцы почв, карта и книги привлекают в музей членов экспедиций, особенно землеустроительных, которые перед отъездом на Север, в целях подготовки к работе, в большом количестве посещают музей и поддерживают с ним свою связь" [Архив ТОКМ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 148, с. 9]». Цитируется по [299, С.16].

На базе почвенного подотдела музея проводились краткосрочные курсы по почвоведению для работников колонизационных партий [351].

Коллекция монолитов почв в Томском Краевом Музее создавалась трудами участников почвенных и геоботанических экспедиций. Директор музея М. Б. Шатилов в отчёте о работе учреждения за 1927-1928 гг. указал, что «...в подотдел почвоведения материалы поступили от Сибирского Переселенческого Управления, Томской Колонпартии и Земуправления» [390]. Почвовед Ф. Н. Ульященко в 1926-1928 гг. провел исследования почв территории между реками Икса (с востока), Чая (с севера) и на водоразделе Парбиг-Кенга [319]. Материалы почвенных

исследований Ф. Н. Ульященко были опубликованы в отдельной статье [361]. Р. С. Ильин в 1929 г. отмечал, что «...Ульященко сдал не все монолиты в музей при отделе водворения переселенцев и Томский Краевой» [129, С.164]. Можно предположить, что, Ф. Н. Ульященко часть монолитов какое-то время хранил в подсобных домашних или рабочих помещениях организаций, в которых он работал, а также они могли быть переданы в кабинет почвоведения ТГУ. С конца 1929 года Ф. Н. Ульященко занимал должность доцента кафедры почвоведения ТГУ [319].

И. И. Смирнов собрал и передал в музей коллекцию монолитов по итогам Нарымской экспедиции 1927 года. Так, Р. С. Ильин отмечает, что в долине р. Кеть на «... "высокой террасе" в 6 км на юг от юрт Напасских **И. И. Смирновым был взят двухметровый монолит** (очевидно, что это были два ящика длиной по 1 м – курсив А.А.В.), в котором подпочвой служат слоистые песчаные древнеаллювиальные отложения, перекрытые суглинистыми» [127, С.39].

Р. С. Ильин передал в Томский Краевой Музей 92 монолита, где, как он сам указывает, уже находилось «около полусотни нарымских монолитов И. И. Смирнова, Ф. Н. Ульященко, Е. Н. Протопоповой, Е. П. Шевелёвой, Л. В. Шумиловой, Экспедиции Государственного Лугового Института, К. К. Полуяхтова» [129, С.Ш].

Музей получал на проведение почвенных исследований целевую материальную поддержку. Так, например, от Общества изучения Сибири (ОИС) поступили средства на монтаж материалов по почвоведению Томского края и трассы Томск-Енисейской железной дороги (300 руб.) и на экспедиционные обследования за два года – 1400 руб. [351]. Почвенные монолиты с трассы Томск-Енисейской железной дороги отбирались в 1929 г. почвоведом Р. С. Ильиным и И. И. Смирновым, которые в составе разных экспедиций проводили исследование почвенно-геологических условий территории, запроектированной для постройки дороги.

К сожалению, почвенный подотдел Томского краеведческого музея постепенно был ликвидирован. В конце 1930-х годов «...к управлению учреждением (музеем) пришли неквалифицированные кадры, которые не понимали значения музейных коллекций и не умели их хранить. В одном из документов описывается судьба экспонатов, собранных Ильиным: "...почвенные монолиты Нарымского Севера долго валялись в огороде музея под дождем и снегом, утрачивая постепенно свою научную ценность" [Архив ТОКМ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 112, с. 16]». Цитируется по [299, С.16].

Краеведческий музей был местом, где происходили встречи и общение томских естествоиспытателей. Так, директор музея М. Б. Шатилов в обзоре деятельности Томского Краевого Музея за 1927-1928 гг. указал, что за отчетный период на публичных научных заседаниях Совета Музея было заслушано и обсуждено 27 докладов, в том числе сообщение А. И. Березовского на тему «Научно-промысловая экспедиция Сибирской ихтиологической станции по обследованию

бассейна р. Оби в 1927 г», которое содержало характеристику почвенного покрова территории обследования, выполненную почвоведом Т.К.П.П. Смирновым И. И. [390].

Правда такое общение учёных в Томском Краевом Музее имело для некоторых участников научных встреч весьма неблагоприятные последствия. Почвоведы-сабанинцы И. И. Смирнов, Ф. Н. Ульященко, Р. С. Ильин и ряд других учёных-естествоиспытателей из категории «бывших» находились под надзором сотрудников ОГПУ. Некоторые «бдительные» работники этой организации обладали удивительными способностями найти подходящий повод, чтобы выявить, даже в общении на чисто научные темы, признаки контрреволюционных заговоров. Чекистам требовалось получить, а точнее «выбить» признания от участников (или организаторов) таких встреч об антигосударственных, антикоммунистических и прочих преступных замыслах, и действиях, а затем использовать их показания для «обезвреживания врагов народа». Раскрытие чекистами антисоветских «заговоров» поощрялось наградами, внеочередными званиями, спецпайками и другими «благами».

«Слабым звеном» в истории музейной работы почвоведов и биологов Томского государственного университета оказался его директор М. Б. Шатилов, который был членом партии эсеров с 1917 г. по 1924 г., а в 1918 году занимал пост министра Туземных дел в составе Сибирского временного правительства. В контексте того времени, он был для сотрудников ОГПУ практически идеальной кандидатурой для оперативной разработки. После очередного ареста в апреле 1933 г. <...> «в своих показаниях "по существу дела" М. Б. Шатилов дает невероятные и губительные для себя и других признательные показания о том, что является членом контрреволюционной белогвардейской повстанческой организации, поставившей перед собой задачу свержения советской власти и установления буржуазной демократической республики. <...> Шатилов в своих показаниях указывает на то, что им через проф. **В. В. Ревердатто** была установлена связь с группой профессора **Ф. Н. Ульященко**, в состав которой входили инженер Севастьянов и еще два-три человека, чьи фамилии ему неизвестны. Заканчивает свои признательные показания он тем, что признается в руководстве якобы созданного в 1932 году центра контрреволюционной организации, которым вместе с ним руководили также профессора **В. В. Ревердатто**, М. А. Усов, Н. В. Гутовский, А. М. Никольский, **Ф. Н. Ульященко** и некоторые другие лица» [375, С.212-213].

В. А. Ханевич [375], в связи с показаниями М. Б. Шатилова, указывает следующее: «Можно было бы, конечно, вообще не обращать внимания на изложенный выше бред сумасшедшего. Однако эта заведомая ложь написана рукой Шатилова. Думается, что М. Б. Шатилов понимал последствия таких признательных показаний в отношении известных ему людей и себя, но вот почему он так поступил, очевидно, уже навсегда останется тайной. Мы сейчас достаточно хорошо осведомлены о приемах воздействия следователей ОГПУ-НКВД на подследственных, и поэтому не будем столь категоричны в оценке признательных пока-

заний следователю арестованного Шатилова» [375, С.213]. В 1933 г. постановлением коллегии ОГПУ М. Б. Шатилов был осужден на 10 лет заключения, а затем в 1937 г. расстрелян [299]. Томский областной краеведческий музей (ТОКМ) с 2010 г. носит имя М. Б. Шатилова [299].

На основании показаний М. Б. Шатилова органы государственной безопасности в 1933 г. не стали подвергать немедленному аресту В. В. Ревердатто, М. А. Усова, Ф. Н. Ульященко и др., но указанные граждане попали в списки ОГПУ для «перспективных» разработок и были подвергнуты репрессиям позднее, уже в рамках новых уголовных расследований, которые формально не были связаны с делом М. Б. Шатилова. Профессора ТГУ В. В. Ревердатто арестовали в сентябре 1939 г. и содержали под следствием в тюрьме УНКВД Новосибирской области. В августе 1939 г. он был полностью реабилитирован и вернулся в Томск [36].

Профессор ТГУ Ф. Н. Ульященко в 1937 году был арестован, «признал» свое участие в кадетско-монархической офицерской контрреволюционной организации «Союз спасения России», начавшейся создаваться в 1933 г. и оформившейся к началу 1936 г. Ф. Н. Ульященко был расстрелян в 1937 году [319].

В марте 1931 г. Р. С. Ильин был в очередной раз арестован и находился в тюрьме 9 месяцев. [124].

В феврале 1933 г. Р. С. Ильин был выслан с семьей в Минусинск, где работал в Минусинской геологоразведочной базе. Здесь он как старший геолог геологоразведочной базы проводил исследования в Минусинской котловине [124], изучал почвы Хакасской мелиоративной опытной станции.

Иван Иванович Смирнов избежал «томской» волны репрессий 1931-1933 гг. В августе-сентябре 1932 г. он с семьей переехал из Томска в Подмоскovie, но угроза расправы над ним уже нависла.

14. Кафедры геоботаники и почвоведения Томского государственного университета. Профессор В. В. Ревердатто. Почвовед Ф. Н. Улященко

В 1920-е годы преподаватели и студенты физико-математического факультета Томского государственного университета внесли существенный вклад в изучение природных богатств Сибирского края. В 1927 г. Томский окрисполком привлёк ученых университета к разработке 15-летнего плана развития Томского округа. В качестве консультантов работали: профессор В. В. Ревердатто – по сельскому хозяйству; профессор Г. Э. Иогансен – по рыбоводству, рыбному промыслу; доцент В. А. Хахлов – по вопросам геологии и др. Университет готовил высококлассных специалистов разного профиля, но для решения насущных задач по изучению и рациональному использованию земельных ресурсов региона возникла необходимость в кадрах почвоведов-профессионалов, обладающих знаниями не только в области почвоведения, но и в смежных науках. В первые три десятилетия XX века в Томске ещё не была создана научная школа почвоведения. Небольшая группа почвоведов и геоботаников работала на биологическом отделении физико-математического факультета университета, где в 1923-1928 гг. были открыты специальности: физиология растений, **геоботаника**, систематика низших растений, экспериментальная зоология и сравнительная анатомия [350].

Дисциплина «Почвоведение» в университете изучалась студентами-биологами на кафедре геоботаники. Первоначально занятия по почвоведению проводил профессор В. В. Ревердатто. В 1927 году, в Трудах Общества изучения Томского края (вып.1. С.1-27), Ревердатто опубликовал статью «Краткий очерк почв и растительности Томского округа и прилегающих районов (Материалы к естественно историческому районированию)».

Профессор В. В. Ревердатто возглавлял Томское отделение общества изучения Сибири и ее производительных сил (ОИС). За период существования общества (1925-1930 гг.) было проведено и профинансировано несколько экспедиций, преимущественно ресурсоведческого характера (геологические, ботанические, почвоведческие). Так, почвенно-геоботаническая Нарымская экспедиция 1929 года в бассейне р. Васюган (руководитель Р. С. Ильин), была осуществлена на средства и по заданию ОИС.

Осенью 1927 г., по приглашению В. В. Ревердатто, на должность ассистента кафедры геоботаники был принят почвовед Иван Иванович Смирнов, позднее он был избран по конкурсу на должность доцента кафедры.

К 1927 г. И. И. Смирнов и В. В. Ревердатто были знакомы уже более семи лет. В первой половине 1920 г. И. И. Смирнов работал в естественно-историческом отделе Института исследования Сибири. В это же время сотрудником отдела была принята Л. Ф. Ревердатто – первая жена В.В. Ревердатто [115, С.89]. К сожалению, Любовь Флегонтовна погибла от несчастного случая во время одной из ботанических экскурсий в 1925 г.

Иван Иванович Смирнов на кафедре геоботаники (?) ТГУ.
1920-е годы. Фотография из семейного архива С. Р. Смирнова

Студенты-дипломники и выпускники кафедры геоботаники ТГУ – Елена Николаевна Протопопова (1928), Елена Петровна Шевелёва (1928), Людмила Васильевна Шумилова (1928), Константин Капитонович Полуяхтов (1930) и др. [36] выполняли почвенно-геологические и геоботанические изыскания колониционного фонда Нарымского края. Так, Е. П. Шевелёва и Л. В. Шумилова в 1927-1928 гг. работали на штатной основе помощниками прораба-геоботаника в Томской колониционно-переселенческой партии [69]. Хорошими знаниями по почвоведению и геологии обладал ещё один из учеников И. И. Смирнова – К. К. Полуяхтов. На результаты почвенно-геологических исследований Полуяхтова неоднократно ссылался в своих работах Р. С. Ильин [127], [128], [129].

Полуяхтов Константин Капитонович (1905-1982) после окончания ТГУ работал в Сибирской лесозооэкономической экспедиции. Позднее он был заведующим кафедрой ботаники в Уральском университете, затем – в Смоленском педагогическом институте, а через некоторое время – в Горьковском (Нижегородском) государственном университете. К. К. Полуяхтов стал доктором биологических наук, профессором.

Коллегой И. И. Смирнова по кафедре геоботаники была Л. В. Шумилова. Выбор ботаники, как дела всей жизни, Людмила Васильевна сделала в 1920 г. под влиянием блестящих и увлекательных лекций по анатомии и физиологии растений, которые читал студентам 1 курса физико-математического факультета Томского университета профессор Пермского университета А. А. Рихтер [396]. Во второй половине 1920-х годов Л. В. Шумилова исполняла обязанности ассистента кафедры геоботаники. В июне 1928 г. Л. В. Шумилова защитила дипломную работу на тему "Материалы по изучению болот Нарымского края". Со временем Людмила Васильевна Шумилова стала крупным учёным-биологом, доктором наук, профессором, длительное время она возглавляла кафедры ботанического профиля в Томском университете.

В 1928 г. при кафедре геоботаники ТГУ был организован кабинет почвоведения, его заведующим назначили И. И. Смирнова. В 1930 г. на базе кабинета

почвоведения создали кафедру почвоведения и её также возглавил доцент Иван Иванович Смирнов [155]. Иван Иванович Смирнов был строгим преподавателем, но справедливым. «Студенты прозвали "горчицей", но потом сами благодарили его» (прил.8).

Биологическое отделение физико-математического факультета университета к 1929 году имело пять специальностей: физиология растений, геоботаника, систематика низших растений, экспериментальная зоология и сравнительная анатомия [350].

В 1931 году произошло «разукрупнение» Томского университета и Томского технологического института. Было создано несколько новых вузов: медицинский, химико-технологический, геолого-разведочный институты [186].

Весной 1930 года были организованы новые факультеты ТГУ, в том числе, **опытного растениеводства и животноводства** с подготовкой почвоведов. Для обучения по этой специальности были отобраны с разных факультетов четыре студента [8].

В конце 1930 г. вступает в силу циркуляр Наркомпроса «О введении единоначалия в вузах». Факультетская система заменялась системой отделений, кафедры – специальностями. В результате проведённой реформы, Томский государственный университет к началу 1931/1932 уч. года состоял из 9 отделений: математического, астрономо-геодезического, зоологического, **почвенного**, ботанического, химического, физического, географического и геологического [350, С.19]. Только в 1932 г. была восстановлена факультетская система, и кафедра почвоведения вошла в состав нового Геолого-Почвенно-Географического факультета ТГУ [145], [155].

Создание и развитие кабинета (1928), кафедры (1930) и отделения почвоведения в Томском государственном университете осуществлялось при деятельном участии профессора Виктора Владимировича Ревердатто.

Виктор Владимирович Ревердатто (1891-1969). Фотография 1939 г. Источник: [283]

В период формирования основ почвоведческого образования в ТГУ, Ревердатто занимал в университете должности, позволяющие ответственно принимать важные управленческие решения. Профессор В. В. Ревердатто «...с 1926 по 1929 г. – декан (заведующий) физико-математического факультета. В 1929–1930 гг. – член правления Томского университета. С 1930 г. по 1935 г. – заместитель директора (проректор) университета по учебной работе» [283].

Главный корпус ТГУ во время Первомайских праздников 1939 года. Перед входом – памятник И. В. Сталину. Фото из семейного альбома Марии Трухиной. Источник: [57]

Ревердатто Виктор Владимирович (1891-1969) – геоботаник, выдающийся биолог, систематизатор высших растений, организатор науки. «Основатель сибирской ботанической школы. Окончил Томское реальное училище (1908), учился на химическом факультете Томского технологического института (1917). Доктор биологических наук (1935). После смерти П. Н. Крылова в 1931 г. был признанным главой томских ботаников. С 1920 начал преподавать в ТГУ. <...> В начале 1930-х гг. В. В. Ревердатто провел детальное естественно-историческое районирование Сибири» [285]. В 1925 г. организовал первую в Сибири кафедру геоботаники [36] «В 1935-1937 – директор Биологического института при ТГУ, заведовал секцией ботаники. <...> В 1943-1944 был деканом биологического факультета. В 1941-1951 – директор Медико-биологического института Западно-Сибирского филиала АН СССР в Новосибирске. В годы Великой Отечественной войны руководил изысканиями новых источников растительного

лекарственного и технического сырья. В 1954 вернулся в Томск и до 1968 был зав. кафедрой биологии ТМИ, затем – старший научный сотрудник лаборатории геоботаники и растительных ресурсов НИИ биологии и биофизики. В числе учеников В. В. Ревердатто более 20 кандидатов и 5 докторов наук.

Удостоен Сталинской премии 2-й ст. (1947). Заслуженный деятель науки РСФСР (1948)». Источник: [285].

В конкурсе на вакантную должность доцента кафедры почвоведения принял участие Ф. Н. Ульященко.

Фёдор Николаевич Ульященко (1880-1937). Источник: [319]

Ульященко Фёдор Николаевич (1880-1937) – почвовед, агроном, учёный, педагог.

«Родился Ф. Н. Ульященко 1 августа 1880 года в деревне Тёмной Стрелецкой волости Орловской губернии. В 1912 году окончил физико-математический факультет Московского государственного университета, а в 1914 году – Московский сельскохозяйственный институт.

До поступления в Томский университет работал в должности ученого агронома Томского Земуправления. В 1927 году являлся преподавателем Первого Сибирского Политехникума им. К. А. Тимирязева (г. Томск), а затем (1927-1935 гг.) – штатным доцентом Сибирского Технологического института (г. Томск).

С конца 1929 года в период организации кафедры почвоведения Ф. Н. Ульященко перешел в Томский университет в качестве и. о. доцента, а позднее ему было присвоено звание доцента. Одновременно в 1930 году Федор Николаевич работал преподавателем в гидромелиоративном Западно-Сибирском техникуме (г. Томск), а в 1931-35 годах – старшим почвоведом Зональной Сибирской лесо-экономической экспедиции Западно-Сибирского края.

<...> 27 сентября 1937 года он был арестован в Томске.

<...> Выписка[a] из дела № 12301 по обвинению Федора Николаевича Ульященко в преступлении, предусмотренном с/п 58-2-10-11 УК РСФСР: "Ульященко Ф. Н., доцент ТГУ, бывший белый офицер, имеющимися материалами в ТО ГО НКВД изобличается, как участник офицерской кадетско-монархической повстанческой организации, существовавшей, в Томске, имевшей своей целью свержение советской власти путем вооруженного восстания в момент нападения иностранных государств на СССР и восстановления монархии".

<...> В анкете арестованного указано, что Ф. Н. Ульященко преподаватель ТГУ, "[Учён.] почвовед". Имущества не имел и не имеет. С 1901 по 1903 годы – младший унтер-офицер, с 1914 по 1918 годы – прапорщик. В белой армии с сентября 1918 года по декабрь 1919 года – прапорщик, затем – подпоручик. Социальное происхождение – из крестьян, в 1926 году лишился права голоса. Русский, беспартийный, образование высшее... <...> В 1920 г. привлекался органами ЧК за службу в белой армии. На последнем допросе (29 сентября 1937 года) Ф. Н. Ульященко "признал" своё участие в кадетско-монархической офицерской контрреволюционной организации "Союз спасения России", начавшейся создаваться в 1933 г. и оформившейся к началу 1936 г. <...> Ульященко имел задание: вербовка новых членов, контрреволюционная агитация, **"вредительская деятельность в области преподавания почвоведения в ТГУ"**.

<...> Заседание тройки состоялось 8 октября 1937 года. Ф. Н. Ульященко был приговорен к расстрелу. Приговор приведен к исполнению 17-19 октября 1937 года.

Дело о реабилитации Ф. Н. Ульященко начато 20 августа 1956 года. Реабилитирован Федор Николаевич Ульященко в 1957 году». Источник: [319].

В электронной базе данных «Участники Белого движения в России» имеется следующая запись: «Ульященко Федор Николаевич, р. в Орловской губ. Прапорщик. В белых войсках Восточного фронта. Взят в плен. На 1 авг. 1922 на особом учете в Томском ГВК» [361].

В своих воспоминаниях, опубликованных в 1994 году, профессор Т. П. Славнина дала высокую оценку человеческим и профессиональным качествам Федора Николаевича Ульященко [319]. Т. П. Славнина указывает также, что в 1936 году Федора Николаевича пригласили возглавить кафедру почвоведения в Новосибирском сельскохозяйственном институте, но он не успел воспользоваться приглашением, так как был арестован.

Ф. Н. Ульященко был старше И. И. Смирнова на несколько лет, но их связывали дружеские отношения ещё со времени обучения в Императорском Московском университете. Вместе они проводили почвенные обследования в составе Сибирской лесоэкономической экспедиции 1930 г., работали в Хакасском почвенном отряде в 1931 г.

Участие в конкурсе на вакантную должность преподавателя новой кафедры ТГУ принял агроном-почвовед Р. С. Ильин. Осенью 1930 года он уже присту-

пил к проведению занятий на кафедре почвоведения. Преподавательская работа Р. С. Ильина в томских вузах была предварительно согласована с ОГПУ, так как Ильин находился в г. Томске на правах ссыльного. В Томском государственном университете Р. С. Ильин проработал до марта 1931 года.

О своей работе на кафедре почвоведения Томском университете и в СибГРИ ссыльный учёный написал следующее: «... во всём этом не было моей инициативы. Преподавание мне было предложено по той причине, что иначе всё равно ко мне приходили, направляемые коммунистами, работниками вузов (проф. В. В. Ревердатто, А. М. Кузьминым) студенты с просьбой прочесть им частный курс, или сделать доклад; помимо этого, ко мне обращались за консультацией и научные работники по всем близким мне дисциплинам, я неоднократно водил экскурсии в окрестностях Томска. Ясно, что от кустарного производства и частной практики надо было переходить к преподаванию в вузах. <...> моя прямая обязанность – готовить себе смену, ибо иначе я всегда буду оставаться своего рода колдуном и знахарем, монополистом своих методов, без которых затруднено простое разрешение актуальных проблем, над которыми я всегда успешно работал, ибо я не умею отделять чистую науку от повседневной практики» [41].

Н. Ф. Тюменцев – студент первого набора почвоведов 1930 г., описал своё восприятие общения в вузе с Р. С. Ильиным. По словам Н. Ф. Тюменцева, Р. С. Ильин «... производил самое отрадное впечатление на нас, тогда студентов первых курсов. Он изредка приходил в университет, охотно беседовал с нами, высказывая смелые, глубокие и стройные по своему научному содержанию идеи. Немногие встречи, короткие беседы с ним оставили определенный след в умах слушателей.

<...> Воспитательное значение встреч с ним заключалось в том, что мы настолько уверовали в науку "Почвоведение", что все посвятили себя деятельности в этой области. Никто из выпускников нашего времени не изменил этому направлению, остался верен основным докучаевским идеям, за которые так горячо и последовательно ратовал Ростислав Сергеевич Ильин» [359].

В 1937 году декан Геолого-Почвенно-Географического факультета ТГУ, профессор Венедикт Андреевич Хахлов в предисловии к 92 тому Трудов университета [358], написал следующее: «Специальность Почвоведение в Томском Государственном Университете существует всего с 1930 года, и кафедра Почвоведения принадлежит к наиболее молодым учреждениям ТГУ. Тем не менее одновременно с учебной работой, обеспечившей к настоящему времени два выпуска специалистов почвоведов, кафедра развёртывает и научно-исследовательскую работу по изучению почвенного покрова районов Западной Сибири» [358, предисловие].

Первый выпуск почвоведов на Геолого-Почвенно-Географическом факультете ТГУ состоялся в 1934 г., т.е. через два года после отъезда И. И. Смирнова из Томска. Выпуск 1934 г. оказался очень немногочисленный – всего четыре человека. Среди первых выпускников кафедры был Борис Феодосьевич Петров (1911-1951) – участник Нарымской экспедиции 1927 г. Со временем Б. Ф. Петров стал профессором, доктором с.-х. наук, известным почвоведом-географом [8], [318]. Череда реформ, происходивших в начале 1930-х годов в высшем образовании

СССР, затронула и Томский государственный университет. Количество выпускников резко снизилось по всем биологическим специальностям вуза. Так, отделения университета ботанического профиля выпустили в 1933 году только одного специалиста, а в 1934 году выпуск составил только девять человек по четырём кафедрам, из них всего три выпускника по кафедре геоботаники [36, С.345-346].

Второй, более многочисленный выпуск почвоведов состоялся через шесть лет после открытия кафедры. В числе выпускников 1936 года были Тамара Порфирьевна Славнина и Николай Федорович Тюменцев, которые поступили на биологическое отделение физико-математического факультета ещё в 1930 г. Т. П. Славнина (р.1912) [132] и Н. Ф. Тюменцев (1902–1976) [397] стали известными почвоведом, докторами наук, профессорами, организаторами науки.

Условия, в которых обучались студенты ТГУ в начале 1930-х годов, по воспоминаниям Н. Ф. Тюменцева, характеризовались, как тяжёлые: «...в аудиториях зимой 1930/31 учебного года было очень холодно, пришлось сидеть в "зимних одеяниях", так как температура воздуха в Томске в ту зиму нередко опускалась до -57°C . <...> «Студенты, – пишет Н. Ф. Тюменцев, – объединённые в бригады по 3-4 человека, в академический час по расписанию сами прорабатывали определённое задание по учебнику. В аудитории сидело по 5-6 таких бригад, каждая из них разбирала вслух содержание определённого раздела книги. Преподаватель находился на занятиях в качестве свидетеля-консультанта» [397, С.189-190].

Среди выпускников 1936 г. была и Клавдия Андреевна Уфимцева, которая поступила на почвенное отделение ТГУ в 1931 г. После окончания обучения в вузе она работала на кафедре почвоведения Томского университета лаборантом, затем ассистентом, вскоре К. А. Уфимцева и Б. Ф. Петров создали семью. **К. А. Уфимцева (1913-2003) – доктор с.-х. наук, участвовала в создании двенадцати (!) листов Государственной почвенной карты СССР в масштабе 1:1 000 000, Почвенной карты Иркутской области 1983 г. [146].**

Борис Феодосьевич Петров
(1911-1951) Источник: [8]

Клавдия Андреевна Уфимцева
(1913-2003) Источник: [146]

Усилиями И. И. Смирнова и Ф. Н. Ульященко на кафедре почвоведения ТГУ была создана первая химическая лаборатория, хотя «...недостаток средств и

отсутствие надлежаще оборудованной химической лаборатории и вегетационного домика не всегда давало возможность проводить исследования с желательной полностью и глубиной» [358]. Лаборатория кафедры размещалась в цокольном этаже учебного корпуса. Т. П. Славнина вспоминала, что, профессор Ф. Н. Ульященко читал лекции студентам-почвоведом «...в подвальном помещении кафедры (лаборатории), и мы знали, что точно в назначенный по расписанию час появится высокая маститая фигура в глухо закрытом черном френче с белым воротничком» [319, С.4].

Иван Иванович Смирнов в химической лаборатории кафедры почвоведения Томского государственного университета. 1931 г.
Фотография из семейного архива С. Р. Смирнова

С 1931 г. кафедра почвоведения ТГУ стала сотрудничать с Сибирской станцией агротехнической организации территории (Сибагростанция), расположенной в г. Омске. Заведующий кафедрой ТГУ Иван Иванович Смирнов и заведующий кафедрой почвоведения Омского института зерновых культур и по совместительству директор Сибагростанции Константин Павлович Горшенин в 1920-1922 гг. были коллегами по работе в СИСХиП, поэтому успешно наладили договорные отношения между ТГУ и агростанцией. Цель договора – исследование природных ресурсов, составление почвенных и геоботанических карт, организационно-хозяйственное устройство земель, отводимых для создаваемых колхозов и совхозов Красноярского края [172].

В 1931 г. И. И. Смирнов возглавил Хакасский почвенный отряд Сибагростанции [330]. В составе отряда с мая по октябрь проходил производственную

практику Б. Ф. Петров – студент первого курса специальности почвоведение [8]. На отделении «Почвоведение» ТГУ в 1930-1932 гг. «...в процессе обучения большое внимание уделялось производственным практикам, которые начинались с первого курса» [155].

По результатам работы Хакасской экспедиции И. И. Смирнов выполнил в химической лаборатории кафедры ТГУ анализ основных свойств почв.

Иван Иванович Смирнов выполняет химический анализ в почвенной лаборатории ТГУ. 1931 г. Фотография из семейного архива С. Р. Смирнова

Иван Иванович Смирнов, по результатам полевых исследований почвенного покрова и лабораторных анализов почв, создал рукописные крупномасштабные почвенные карты и написал почвенные очерки к ним – «Почвы Красно-Июсского мясо-совхоза» (*рукопись*), «Почвы Таштыпского мясо-совхоза» (*рукопись*) [330]. Почвам совхозов была дана агропроизводственная характеристика. Материалы исследований послужили основой для организации территории крупнейших мясо-совхозов Хакасии и разработки приёмов агротехники, способов повышения плодородия почв.

Позднее свойства основных типов почв Хакасии детализировал выпускник кафедры почвоведения 1934 г. – Б. Ф. Петров. Результаты обобщённых исследований он опубликовал в 1937 г. [255]. В статье «Почвы южной части Красноярского края» [255], Б. Ф. Петров указал, что почвы Таштыпского совхоза "Скотовод" и совхоза "Красный Июс" впервые были изучены ещё в 1931 году, т.е. отметил роль своего учителя и наставника – И.И. Смирнова, в изучении почв региона.

В книге Александра Яковлевича Березовского и соавторов «Природа Ширинского района Республики Хакасия» [266], изданной в 2011 г., приводится информация об истории изучения почвенного покрова региона и, в частности, указано, что «... в 1930-40-е годы, в период коллективизации и в связи с землеустройством колхозов и совхозов начали проводиться более детальные исследования почв. В этот период в работах участвуют почвоведы Томского госуниверситета (И. И. Смирнов, Ф. Н. Ульященко, Б. Ф. Петров) ...» [266].

Организация учебного процесса на кафедре почвоведения подразумевала, подготовку наглядных учебных пособий – почвенных монолитов. А. В. Литвинов, в монографии об истории образования и науки в ТГУ, указал, что после открытия кафедры почвоведения в университете «...начался сбор материалов для почвенного музея [186, С.104]. Томские историки Е.С. Алексеева и И. А. Сизова [7], утверждают, что точная дата создания почвенного музея в ТГУ нигде не указана. Им не удалось обнаружить документальные свидетельства в архивах ГАТО и архиве ТГУ. Большинство историографов ТГУ считает, что музей был создан благодаря усилиям доцента К. А. Кузнецова, возглавившего кафедру почвоведения в июне 1932 г. «Процесс этот, протекал в 1930-е годы, особую роль сыграли 1934 и 1937 гг. Однако эта роль рисуется неоднозначно: то как активный сбор материала, то как создание музея, то как кардинальное преобразование (1934 г.) уже созданного музея» [7, С. 220-221].

В связи с этим следует отметить следующее. Создание полноценного почвенного музея при кабинете почвоведения, а затем и на кафедре почвоведения ТГУ в 1928-1932 гг. могло сдерживать только отсутствие специального помещения. Некоторая часть монолитов и коробочных образцов почв была собрана силами Л. В. Шумиловой, И. И. Смирнова, К. К. Полуяхтова и других преподавателей и студентов кафедры геоботаники уже в первые годы существования кабинета почвоведения, т.е. во второй половине 1920-х годов. Очевидец и участник событий создания кафедры почвоведения Б. Ф. Петров так в 1939 г. охарактеризовал историю создания коллекции монолитов и первого почвенного музея вуза: «В кладовых университета за 1926-1929 гг. скопилось большое количество монолитов и образцов почв, собранных исследователями, работавшими в отдельных местностях Сибири (бывшее Переселенческое управление, лесоэкономическая экспедиция и др.) и желавшими сохранить единственный в своём роде материал в Томском государственном университете. <...> Наличие известной базы в виде коллекций <...> послужили толчком к открытию в университете специальной кафедры почвоведения» (С.83) [ж. Почвоведение. – 1939. – № 2. – С. 83-84].

После создания самостоятельной кафедры почвоведения коллекция монолитов и коробочных образцов расширилась, так как уже в 1930 и 1931 гг. преподаватели кафедры И. И. Смирнов, Ф. Н. Ульященко, при участии студентов 1 и 2 курсов, продолжили обследование почвенного покрова Сибири. Экспедиции сопровождались обязательным отбором монолитов. Такие опытные почвоведы-сабанинцы, как И. И. Смирнов и Ф. Н. Ульященко, просто не могли представить организацию учебного процесса по почвоведению без использования классического для дисциплины демонстрационного материала.

Таким образом, создание и начальный период развития кафедры почвоведения, первого почвенного музея Томского государственного университета проходили при самом деятельном участии учеников профессора А. Н. Сабанина – выпускников 1912-1913 гг. кафедры Агрономии Естественного отделения физико-математического факультета Императорского Московского университета: И. И. Смирнова, Ф. Н. Ульященко, Р. С. Ильина. С 1928 г. по июнь 1932 г. кабинет и кафедру почвоведения ТГУ возглавлял Иван Иванович Смирнов.

15. Сибирская лесоэкономическая экспедиция. Байкало-Амурская магистраль

Доцент Иван Иванович Смирнов, помимо педагогической и научной деятельности в Томском государственном университете, работал почвоведом в составе нескольких крупных экспедиций по изучению природных ресурсов Сибири.

В конце 1920-х годов в СССР была принята программа индустриализации. Закупка промышленного оборудования за рубежом для нужд индустриализации обеспечивалась экспортными поставками леса и другого сырья. Большое количество леса требовалось и для масштабного строительства внутри страны. Поэтому одной из основных задач лесопромышленного комплекса СССР стало увеличение лесозаготовок в «многолесных» районах, преимущественно в Сибири. «В ускоренном темпе и по упрощенной программе требовалось исследовать все лесные территории, представлявшие интерес с точки зрения промышленной эксплуатации, а там, где необходимо – провести лесотаксационные работы, и обследованные участки обозначить как потенциальные лесосырьевые базы будущих предприятий. Для проведения столь масштабной работы была образована Сибирская лесоэкономическая экспедиция, возглавил которую известный ученый-лесовод В. Д. Сперанский» [135].

В конце 1910-х годов В. Д. Сперанский был старшим таксатором лесоустроительной партии в Пермской губернии. Он являлся инициатором открытия Пермского лесного Института [251] и лесного отделения Сельскохозяйственного и лесного факультета в Пермском университете, непродолжительный период времени работал его преподавателем [60].

В Сибирской лесоэкономической экспедиции ведущая роль принадлежала таким специалистам, как А. А. Бескид, Н. Н. Зиновьев, П. Н. Кабатов, П. П. Кокушкин, П. А. Логачев, Г. Н. Новиков, А. А. Полянский, М. П. Сибирцев, А. Н. Тверской, Б. М. Яковлев и др. [141].

В соответствии со всеми разносторонними заданиями, возлагающимися на лесоэкономические обследования (лесоэкономические экспедиции), в состав их, кроме лесотехников, включаются экономисты, почвоведы, геоботаники, геодезисты, охотоведы и в особых случаях – мелиораторы и дорожники [182]. В 1931-35 гг. старшим почвоведом Зональной Сибирской лесоэкономической экспедиции Западно-Сибирского края работал доцент кафедры почвоведения ТГУ Ф. Н. Ульященко [319]. Материальное положение работников вузов в конце 1920-х гг. – начале 1930-х гг. было сложным. Небольшая учебная нагрузка на ряде кафедр обеспечивала преподавателей только скромной заработной платой. Их выручала работа в нескольких учебных заведениях, участие в экспедициях и другие дополнительные доходы.

И. И. Смирнов принимал участие в экспедиции по изучению бассейна р. Кети, которая состоялась в 1929 году. Объекты исследования ему уже частично были знакомы по работе в Нарымской экспедиции 1927 года. Итоги почвенных

изысканий И. И. Смирнов подвёл в двух работ: «Почвы побережий реки Кети» (*рукопись*) и «Река Кеть» (*рукопись*) (прил. 7).

Преобладающим методом во всех работах лесозономических экспедиций до 1930 г. был поречный, сводящийся к проложению визирных линий от русла рек через определенные расстояния, вглубь прибрежных лесных массивов на 5 – 10 – 15 км. Такого же рода работы производились вдоль трасс проектируемых железных дорог [182].

Лесозономическим обследованием были охвачены лесные массивы в районе проектируемой в тот период железной дороги Томск-Енисейск [141].

В 1929 г. И. И. Смирнов принял участие в экспедиции по изучению почвенно-геологических условий района восточной половины трассы Томск-Енисейской железной дороги (прил. 7). Особенность железнодорожной сети Сибири в первой трети XX века, да и практически в первой четверти XXI века, заключается в ее однобокости. Магистраль, пролегающая по лесостепной зоне Сибири, ответвляет от себя почти все линии на юг. К северу имеется лишь короткая линия Тайга – Томск с очень слабой пропускной способностью. Была осуществлена попытка строительства железной дороги от Томска до Енисейска, но проект так и не был завершён.

Работа Сибирской лесозономической экспедиции в 1930 г. охватывала территории на водоразделе Ангары и Енисея. Иван Иванович был руководителем почвенной части экспедиции (прил. 7). Участниками экспедиции «...исследовались почвы в массивах приангарских сосновых лесов (Смирнов, Ульященко и др.)» [254].

«Необходимость единовременной и быстрой оценки лесных ресурсов на обширной территории бассейна р. Ангары в начале 1930-х гг. продиктована грандиозными планами экономического развития этого края. Учитывая уникальное сочетание высокоэффективных топливно-энергетических, минеральных, лесных и других ресурсов, сосредоточенных в Приангарье, коллектив ученых и практиков Ангарского бюро Госплана СССР, который возглавлял будущий академик И. Г. Александров, предложил создать здесь мощный топливно-энергетический комплекс на базе гидроэнергии Ангары. Намечалось сформировать на его основе крупные энергоёмкие производства, прежде всего черной и цветной металлургии, деревообработки и химической промышленности. Однако для принятия столь ответственного решения требовалось провести широкомасштабные комплексные исследования экономических условий и природных ресурсов региона. В Восточно-Сибирский край были направлены многочисленные академические и ведомственные экспедиции с целью выработки оптимальной стратегии по широкому кругу народнохозяйственных вопросов. В рамках поставленных Госпланом задач краевые организации и Наркомлес СССР приняли решение о сплошном обследовании лесных массивов планируемого Большого Ангарстроя, границы которого простирались с запада на восток от р. Енисей до Дальневосточного края и с севера на юг от 60-й параллели до Транссибирской железнодорожной магистрали» [135].

За несколько лет необходимо было обследовать около 80 млн. га. «В составе лесо-экономических экспедиций работала группа географов и картографов, в обязанности которых входил сбор картографического материала для составления карты лесов и обзорного физико-географического описания Ангаро-Енисейского региона. <...> карты масштаба 1:1 000 000 составлены в значительной степени, по распросным сведениям, и изобилуют "белыми пятнами"» [48].

Обеспеченность аэрофотоснимками объектов лесоэкономического обследования была очень слабой. «Лишь около одной четверти площади объекта к востоку от Енисея было покрыто аэрофотосъемкой, использование которой в сочетании с имеющимися материалами натуральных изысканий позволяло изготовить подробную карту местности. На остальную территорию могли быть изготовлены только схематические чертежи местности, на которых действительности соответствовало лишь местонахождение линейных объектов» [48]. Инструментальная съемка осуществлялась вдоль рек.

Качество проведения почвенно-геологических, лесотаксационных и иных полевых экспедиционных работ значительно зависит от наличия и точности картографических материалов. В конце 1920-1930 гг. на большую часть территории лесоэкономического обследования в Сибири топографические материалы отсутствовали, заменялись грубыми схемами или содержали много "белых пятен". Иван Иванович обладал опытом барометрического нивелирования, и поэтому частично сам дополнял картографическую основу для изучения почв территории обследования.

Основательная геодезическая подготовка, полученная И. И. Смирновым у профессора П. К. Соболевского в Томском технологическом институте, помогала ему в экспедиционных работах на территории Сибири.

Иван Иванович Смирнов свои знания и опыт применял в прикладном почвоведении для решения нескольких важнейших задач по освоению природных ресурсов Сибири и развитию экономики России.

В 1930 году был создан "Ангарстрой", который вместе со строительством занялся и возобновлением проектно-изыскательских работ на трассе Ангаро-Ленской железной дороги. К их выполнению привлекалось большое количество специалистов. Участвовали в этой работе и почвоведы.

Основанием для принятия первого правительственного постановления «О строительстве Байкало-Амурской магистрали» в апреле 1932 г. послужили проектно-изыскательские работы на трассе Ангаро-Ленской железной дороги, выполненные участниками лесоэкономических экспедиций, предпринятых ещё в 1930 году. Было намечено строить железнодорожную магистраль от Тайшета через Братск, Усть-Кут и Нижнеангарск на Комсомольск. Одним из звеньев БАМ должен был стать железнодорожный путь от станции Тайшет на реку Лену. Небольшая станция Тайшет стала превращаться в крупный железнодорожный узел Сибири.

В 1930 г. почвенным отрядом на западной половине проектируемой железной дороги Тайшет – Братское руководил И. И. Смирнов. В результате исследова-

ний почвенного покрова территории проектирования был собран и обработан обширный материал о почвах, грунтах, рельефе и подготовлен отчёт «Почвы западной половины трассы Тайшет – Братское» (прил. 7).

С 1932 года начались интенсивные изыскательские работы на западном участке БАМ. На участке Тайшет – Усть-Кут сотрудники НИИ пути Народного комиссариата путей сообщения в 1932 – 1936 годах провели ряд изысканий [259].

К изыскательским работам, в качестве рабочих, привлекались спецпереселенцы из числа раскулаченных крестьян, которых в избытке направляли в Тайшет. Вот как один из них описывает обстановку тех лет в Тайшете: «...Шел 1932 год... Вокруг Тайшета, небольшого одноэтажного деревянного поселка, лес был вырублен. Настоящую тайгу я увидел, лишь прибыв в лагерь изыскательской партии, раскинутый на берегу реки Байроновка, чуть выше села Н. Гоголевка. Начальником партии был Георгий Николаевич Мышкин. Я начал работать вторым нивелировщиком. Наша партия занималась изысканиями в районе Тайшета и до р. Чуны» [315].

Вид на железнодорожную станцию Тайшет. 1938 г. Источник: [138]

Реализация проекта строительства БАМа началась не сразу. В 1937 г. вышло второе постановление правительства о строительстве БАМа. Был утверждён нынешний маршрут от Тайшета через Усть-Кут, до Советской Гавани. На крайнем западном участке БАМ (Тайшет – Падун) строительство началось в 1938 г. К 1941 г. было уложено 68 км пути, который был законсервирован в конце 1941 г. В годы Великой Отечественной войны рельсы, металлические пролётные строения и железнодорожное оборудование БАМа использовались для строительства «заволжской рокады» Саратов – Сталинград. В результате в 1942 г. железнодо-

рожное сообщение на уже построенных участках БАМа было прекращено. В 1945 г. было возобновлено строительство ж.-д. линии Тайшет – Усть-Кут. В 1947 г. был открыт участок Тайшет – Братск. В июле 1951 г. железнодорожную магистраль довели до ст. Лена (г. Усть-Кут) [136]. Значение этого участка БАМа для экономики страны трудно переоценить. Был обеспечен надёжный транспортный выход в обширный бассейн Лены, что явилось важным фактором, стимулирующим интенсивное освоение природных ресурсов края. Эти железнодорожные линии были необходимы для обеспечения работы крупных строек – Усть-Илимской ГЭС, Братского и Усть-Илимского ЛПК [136].

Таким образом, экспедиция почвоведов И. И. Смирнова внесла свой пионерный вклад в реализацию крупного проекта, имеющего для России стратегическое значение, – проектирование и строительство БАМа. Проект заложил перспективы развития нашей страны на несколько столетий вперёд.

Ещё одна лесоэкономическая экспедиция, в составе которой в 1930 г. работал И. И. Смирнов, провела исследования по маршруту ст. Тайшет – п. Талая – верховья рек Изана и Тымбыра. Экспедиция была комплексной и включала геодезистов, почвоведов, геологов, ботаников, лесоустроителей и др.

В экспедиции успех работы зависел от вьючных лошадей, которые перевозили оборудование и образцы. Но чаще всего её участники передвигались пешком, подвергаясь атакам полчищ мошек и комаров, с тяжёлыми рюкзаками, лопатами и геодезическими приборами. Точной карты обследуемого региона не существовало, но были схематические рисунки территории, реже – аэрофотоснимки. Предстояло изучить местность и составить более точную карту территории по пути следования экспедиции. На аэрофотоснимках, даже если они имелись в наличии, были запечатлены сплошные лесных массивы бескрайней тайги. Было необходимо нанести на аэрофотоснимки все особенности местности. Задача почвоведов экспедиции – через каждые два-три километра по маршруту давать характеристику почв, в которую входят название почвы, строение профиля, гранулометрический состав, основные физические свойства, характер увлажнения.

Маршрут экспедиции в верховьях рек Тымбыра и Изана проходил через безлюдные места. Почти через 30 лет после завершения экспедиции, которой руководил И. И. Смирнов, практически на этой же территории, работала геодезическая партия, занимавшаяся уточнением топографической карты территории от р. Тымбыр до р. Изан. В. Р. Яценко – участник геодезической экспедиции 1960-х годов, детально описал природные условия, бытовые и организационные моменты проведения полевых почвенно-геодезических исследований в междуречье р. Тымбыр и р. Изан [10], [407]. За период времени после завершения экспедиции И. И. Смирнова, оснащение полевых экспедиций приборами, полевым оборудованием, материалами улучшилось, но природа в бассейнах притоков правобережья Бирюсы за это время мало изменилась, сложнейшие условия проведения полевых работ в этом регионе сохранялись и через 30 лет [10], [407]. Мужество участников экспедиции И. И. Смирнова (1930), В. Р. Яценко (1960) вызывает восхищение.

Иван Иванович Смирнов, по итогам проведения полевых исследований и камеральных работ, подготовил отчёт «Почвы района ст.Тайшет – п. Талая – верховья рек Изана и Тымбыра» (*рукопись*) (прил. 7), в которой изложил основные итоги изучения почв по маршруту экспедиции. Изыскательские работы экспедиции в бассейнах Тымбыра и Изана в XX веке не воплотились в реализацию какого-то масштабного проекта строительства дорог, проложенных от ст. Тайшет вдоль правого берега р. Бирюса. Полномасштабного освоения природных ресурсов этого труднодоступного края пока не произошло. В бассейнах рек Изан и Тымбыр широко развиты рудные поля, перспективные на золото, полиметаллы, марганец и другие полезные ископаемые. Возобновление проектных работ будет сопровождаться изучением архивных почвенно-геологических материалов по этой территории.

Экспедиционные исследования и решение задач прикладного почвоведения расширили профессиональные навыки почвовед И. И. Смирнова. Повышенное внимание надзорных органов к категории «бывшие» в вузах г. Томска, череда арестов и увольнений начала 1930-х годов среди томских учёных заставили И. И. Смирнова задуматься о поиске нового места жительства и работы. В начале лета 1932 года он принял решение уволиться по собственному желанию из ТГУ.

Перед своим увольнением из ТГУ И. И. Смирнов и руководство университета обратились в Ленинградский государственный университет с просьбой о подборе на кафедру нового преподавателя-почвовед. Профессор ЛГУ С. П. Кравков рекомендовал выпускника аспирантуры Константина Андреевича Кузнецова для распределения на работу в Томск. С 1 июля по октябрь 1932 г. К. А. Кузнецов был принят на должность старшего ассистента, с 1 ноября того же года переведён на должность доцента. С июля 1932 г. по ноябрь 1933 г. он по совместительству заведовал почвенным отделением геолого-почвенного факультета Томского университета. В мае 1937 г. К. А. Кузнецов защитил в совете Томского университета кандидатскую диссертацию. Одним из оппонентов его диссертационной работы был Ф. Н. Улященко.

16. Научно-исследовательский институт пути НКПС

В конце лета 1932 г. И. И. Смирнов с семьёй переехал на постоянное место жительства в ближнее Подмосковье (прил. 8). Брат Ивана Ивановича – Николай Иванович Смирнов в 1930-е годы был священником в одном из храмов Подмосковья, возможно, в окрестностях Сергиева Посада (прил. 8).

Новым местом работы И. И. Смирнова стал НИИ пути НКПС.

Город Москва. Свиблово район. Игарский проезд 11.
Главный корпус Института Пути. Источник: [33]

В годы индустриализации СССР одной из актуальных задач экономики стала техническая реконструкция транспорта. Научный центр НКПС активно подключился к решению новых задач. Грандиозность поставленных целей побудила руководство НКПС увеличить число научно-исследовательских организаций.

В 1929 г. Научно-технический комитет НКПС был разделен на шесть отраслевых институтов. В 1930 г. их стало уже двенадцать, в 1932 г. – девятнадцать. Новым структурам НКПС потребовались новые научные кадры. Их отбирали по всей стране.

Заметный вклад в научное сопровождение дорожного строительства в СССР в 1920 – 1930-е годы внёс Михаил Михайлович Филатов, один из учителей И.И. Смирнова в ИМУ. Его по праву считают одним из создателей нового научного направления в геологии – грунтоведения. Профессиональные знания М. М. Филатова были востребованы органами власти и научно-инженерным сообществом страны. Приведём перечень некоторых должностей, на которых он успешно работал в учреждениях и организациях, связанных со строительством и эксплуатацией дорог: член промышленной секции Госплана СССР (1924-1926), член Ученого совета Дорожного научно-исследовательского института, Всесоюзного общества инженеров, Постоянной комиссии при АН СССР по изучению четвертичных отложений, правления ВНИТО, ИТС Цудортранса СССР, председатель

ИТС Главдортранса РСФСР, зав. дорожно-исследовательской станции Отдела дорожных исследований НКПС (1927) [316].

И. И. Смирнов имел определённый опыт научного обеспечения проектирования и строительства железных дорог. В период своей работы в Томском государственном университете он участвовал в проведении почвенно-геологических обследований территорий проектирования двух крупных железнодорожных трасс: Томск-Енисейск и Тайшет-Братское (БАМ). Для составления отчётов по итогам работ требовалось организовать и провести специальные исследования физических и физико-механических свойств почв и грунтов. Методическим обеспечением проведения исследования грунтов занимались научные коллективы под руководством профессора М. М. Филатова. И. И. Смирнов был лично знаком с М. М. Филатовым ещё по годам учёбы в Императорском Московском университете (глава 5). С высокой долей вероятности можно утверждать, что в решении вопроса о трудоустройстве И. И. Смирнова в почвенную лабораторию Института пути НКПС принимал участие М. М. Филатов.

Мемуары сына Ивана Ивановича – Ростислава Ивановича свидетельствуют, что переход И. И. Смирнова на новую работу в научные структуры НКПС потребовал определенного времени (прил. 8). В конце лета 1932 года вопрос о трудоустройстве Ивана Ивановича в НКПС был решён положительно. Семья И. И. Смирнова получила в своё распоряжение служебный товарный вагон, в который на ж.- д. станции в г. Томске погрузили вещи. Вагон был прицеплен к кому-то товарному поезду. Ранним туманным утром в начале сентября «путешественники» прибыли на станцию «Белокаменная» Московской Окружной дороги. Станционное здание из белого камня, по мнению сына И. И. Смирнова – девятилетнего Ростислава, соответствовало старому названию Москвы (прил.8).

Позднее, в 1966 г., когда Ростислав Иванович Смирнов вместе с сыном Сергеем находился в Москве, то платформа «Белокаменная» уже называлась «Институт Пути» (прил.8).

Ивана Ивановича Смирнова в сентябре 1932 г. назначили заведующим почвенной лабораторией Института пути и строительства (прил. 8). Государство выделило крупные денежные средства на развитие научного обеспечения дорожного строительства. Для проведения теоретических и экспериментальных работ были построены лабораторные помещения на Бескудниковской ветке (Институт пути). Территория посёлка Института Пути стремительно застраивалась типовыми двух-трёхэтажными жилыми домами. В посёлке сооружались административные корпуса научных подразделений и объекты социальной сферы. Семья И. И. Смирнова выделили отдельную квартиру в трёхэтажном кирпичном доме. На девятилетнего Ростислава Смирнова произвели самое благоприятное впечатление комфортные бытовые условия на новом месте жительства – «все удобства – и светящиеся вечерами абажуры у люстры» (прил. 8).

Старший научный сотрудник Института пути НКПС И. И. Смирнов вновь встретился в Москве со своими университетскими наставниками. Институт пути

НКПС тесно сотрудничал с Научно-исследовательским институтом почвоведения МГУ, директором которого был заведующий кафедрой почвоведения МГУ В. В. Геммерлинг. Под руководством заведующего сектором генезиса и географии почв НИИ почвоведения МГУ Ивана Александровича Шульги в 1932 г. были исследованы почвы полосы отчуждения вдоль строившейся ж.-д. линии Москва – Донбасс на отрезке между станциями Несветаево – Валуйки. Эта работа должна была выяснить возможность использования живой изгороди для защиты железнодорожного пути от заноса его снегом и песком [74]. По заданию Института Пути НКПС в 1933–1934 гг. проводились почвенно-дендрологические обследования с целью выяснения пригодности различных почв для искусственных лесонасаждений на полосах отчуждения вдоль ж.-д. линий: Троицк – Карталы – Магнитогорск, Троицк – Кустанай, Оренбург – Орск – Карталы и Петропавловск – Караганда. Руководил этими работами также Иван Александрович Шульга [74].

К концу 1932 года наступил новый виток реорганизаций советской науке: число транспортных научно-исследовательских институтов НКПС сократили с девятнадцати до восьми. Остались НИИ тяги, пути, транспортного строительства, электрификации, материалов, связи, экономики и др. Очевидно, что очередная реформа повлекла за собой сокращение научных кадров. Подобные организационно-управленческие решения, правильнее сказать «шараханья», в начале 1930-х годов происходили во всех отраслях науки и в высшем образовании СССР.

Ивану Ивановичу Смирнову пришлось искать новое место работы.

17. Башкирский почвенно-ботанический институт

В 1933 году И. И. Смирнов принял предложение возглавить почвенную лабораторию почвенно-ботанического бюро Наркомзема Башкирской АССР (прил. 7).

Почвенно-ботаническое бюро Башкирского НКЗ было создано в 1931 г. в Уфе. Первоначально бюро функционировало при Башкирском СХИ [21, 34, 35]. Преподаватели и студенты вуза, который был создан 23 июля 1930 года, были включены в работу бюро. Существенную нагрузку по проведению почвенных и геоботанических исследований выполняли кафедра ботаники и кафедра почвоведения и земледелия молодого сельскохозяйственного вуза.

Кафедру почвоведения и земледелия Башкирского СХИ с конца 1931 г. возглавил Николай Филиппович Добряков. До этого он работал в Уральском СХИ, созданном в 1930 г. на базе агрономического факультета Пермского государственного университета. Н. Ф. Добряков, за время трудовой деятельности в Башкирском сельскохозяйственном институте, неоднократно получал письменные благодарности от студентов, а также был награжден дирекцией Башкирского СХИ Почётной Грамотой за образцовую работу кафедры почвоведения и земледелия [96], [97].

Студенты Башкирского сельскохозяйственного института
по завершению курса «Земледелие» в 1933 г.

Второй ряд, слева направо: 4-й – профессор Николай Филиппович Добряков, 5-й – ассистент Султан Нургалиевич Тайчинов. Источник: [22]

В ходе производственной практики кафедра земледелия и почвоведения обследовала почвенный покров земель учхоза: для анализа было взято 200 образцов почвы, 12 монолитов, что позволило составить почвенную карту учхоза [22].

Николай Филиппович Добряков и Иван Иванович Смирнов более четырёх лет (1923-1927 гг.), вместе трудились на Пермской опытной сельскохозяйственной станции и были дружны. После отъезда И. И. Смирнова из Перми они поддерживали между собой связь. Н. Ф. Добряков высоко ценил профессионализм И. И. Смирнова и, в 1933 году, содействовал его приглашению на работу в Башкирское почвенно-ботаническое бюро.

В 1932-1934 гг. Н. Ф. Добряков руководил почвенными отрядами, созданными по договору с Башкирским почвенно-ботаническим бюро. Коллективы отрядов, в которые входили и студенты вуза, обследовали почвенный покров на площади около 110 тыс. га. Н. Ф. Добряков составил почвенные карты и написал почвенные очерки с характеристиками почв колхозов и совхозов Башкирии, предложил рекомендации по их использованию [96], [97].

В 1934 году Н. Ф. Добряков вернулся из Уфы в Пермь, где на базе УИПиА (Уральского Института Почвоведения и Агрохимии) был вновь создан самостоятельный сельскохозяйственный институт. В период коренной реорганизации высшей школы и масштабных административных реформ вуз утратил своё первоначальное название – Уральский сельскохозяйственный институт. Аграрный вуз, возрождённый в Перми, получил название Пермский сельскохозяйственный институт. Первым деканом факультета Почвоведения и агрохимии Пермского СХИ в 1934 году был назначен Н. Ф. Добряков, он также занимал должность доцента на кафедре агрохимии. В годы Великой Отечественной войны Н. Ф. Добряков находился на фронте, участвовал в боевых действиях [96], [97]. Информация, размещенная на сайте ФГБОУ ВО «Рязанский государственный агротехнологический университет имени П. А. Костычева», свидетельствует, что первым деканом агрономического факультета этого вуза, созданного вскоре после окончания Великой Отечественной войны, был Н. Ф. Добряков. «Кафедрой агрохимии и почвоведения в 1949 г. руководил доцент Николай Филиппович Добряков. <...> Под его непосредственным руководством было приобретено первое оборудование, появились макеты, монолиты почв, велась активная научно-исследовательская работа преподавателей и студентов» [363]. В середине 1950-х годов Н. Ф. Добряков заведовал кафедрой почвоведения и агрохимии Кировского СХИ.

После отъезда Н. Ф. Добрякова из Уфы, И. И. Смирнов продолжил свою работу в почвенно-ботаническом бюро. В 1933-1936 гг. И. И. Смирнов был не только заведующим почвенной лабораторией в почвенно-ботанического бюро Наркомзема Башкирской АССР, но и являлся её научным руководителем. Работа И. И. Смирнова в почвенной лаборатории была отмечена Почётной грамотой Наркомзема БАССР (прил. 7). В 1933-1935 годы бюро имело статус почвенно-ботанического института.

С 1935 года почвенно-ботанический институт вошёл в состав Башкирского НИИ земледелия и животноводства.

В составе бюро (института) действовали ботанический и почвенный отделы, в которых работало в 1933-34 гг. 87 сотрудников. Детальные почвенные исследования проводились в 1932-1933 гг. – под руководством выпускника (1916 г.) кафедры Агрономии ИМУ В. И. Шрага, в 1934-1939 под руководством Д. В. Богомолова. «Результаты исследований оформлялись в виде районных и колхозных карт, которые с объяснительными записками передавались для использования районными земельными отделами и правлениям колхозов. <...> В проведении этих работ принимали участие Р. С. Ахматов, Д. В. Богомолов, Е. Ф. Бехли, **Н. Ф. Добряков**, М. Г. Жежель, А. Ш. Еникеев, Г. М. Колтунов, Л. А. Летков, М. М. Меринов, Н. С. Миллер, В. А. Панкин-Федоров, **И. И. Смирнов**, Ю. Г. Тессен, Б. Г. Тессен, П. Н. Чижиков, В. И. Шраг, Н. В. Щерба, М. С. Шигаев, А. Ф. Цыганенко и др.» [35, С.17]. Многие участники экспедиций, организованных почвенно-ботаническим институтом в Уфе, впоследствии стали известными почвоведом, организаторами науки и образования: Л. А. Летков, Н. С. Миллер, П. Н. Чижиков В. И. Шраг, А. Ф. Цыганенко и др.

И. И. Смирнов обследовал почвенный покров Макаровского (*сейчас Ишимбаевский – курсив А.А.В.*) района республики (прил. 7). Западную часть Макаровского района обследовали П. П. Жукова, Н. В. Самсель, Н. Л. Соколов. Детально Иван Иванович изучил почвенный покров Мясовхоза ОГПУ Макаровского района. Результаты обследований И. И. Смирнов оформил в виде карт и почвенных очерков: «Почвы Макаровского района Башкирской АССР», «Почвы Мясовхоза ОГПУ» (прил. 7).

За годы работы Башкирского почвенно-ботанического бюро (института) проведено агрохимическое обследование почв на площади более 4 млн. га в 34 районах республики, выявлены основные типы растительного покрова, почв, Д. В. Богомоловым, М. М. Туровцевым была составлена почвенная карта республики в масштабе 1:600000 [35].

Заведующий почвенным отделом почвенно-ботанического бюро Д. В. Богомолов проявил хорошие организаторские способности и высокий профессионализм в деле изучения почвенного покрова республики.

Богомолов Дмитрий Васильевич (1909-1961) – агроном, почвовед, кандидат геолого-минералогических наук (1947). Окончил Кубанский с.-х. институт (1930). С 1932 занимался изучением почв Башкирии в составе Башкирской экспедиции АН СССР. Затем был назначен заведующим почвенным отделом Почвенно-ботанического бюро (Уфа). Д. В. Богомолов – первый почвовед, проводивший комплексное исследование почв Башкирии. В 1934-40 гг. под руководством Д. В. Богомолова проведены крупномасштабные почвенные обследования территорий колхозов, районов и государственных сортоиспытательных участков рес-

публики. По результатам исследований впервые составлена сводная почвенная карта Башкирии (1941). Научные исследования Д. В. Богомолова охватывают проблемы происхождения, развития почв и формирования почвенного покрова на территории Башкирии; разработки мероприятий по борьбе с эрозией почв и системы ползащитных лесных насаждений на основе естественно-исторического районирования в республике; вопросы известкования кислых почв и др. Награжден орденами Трудового Красного Знамени и "Знак Почета". Источник: [34].

Обстоятельства сложились так, что в 1936 г. И. И. Смирнов вновь был вынужден решать проблему своего трудоустройства. После вхождения почвенно-ботанического института в структуру Башкирского НИИ земледелия и животноводства была проведена кадровая «чистка» среди научных сотрудников НИИ.

Д. В. Богомолов – ученик профессора С. А. Захарова. После окончания Кубанского СХИ Д. В. Богомолов работал в Краснодарском институте табаководства, на Муганской опытно-солончаковой станции "Джафархан" в Азербайджане, в Закавказском институте водного хозяйства (1928-1932). Он знал многих научных работников агрономического профиля в Закавказье. Вполне возможно, что советы и содействие Дмитрия Васильевича Богомолова помогли И. И. Смирнову найти новое место работы именно в Азербайджане.

18. Маргушеванская научная исследовательская станция. Гваюла (*Parthenium argentatum* Gray)

В научной биографии Ивана Ивановича Смирнова есть ещё одна замечательная страница – служба на Маргушеванской научной исследовательской станции в Нагорном Карабахе. На станции велась селекционная работа и разрабатывались технологии возделывания каучуконосов, главным образом – гваюлы (*Parthenium argentatum* Gray) (*гвайюлы, гвайюллы*). История Маргушеванской НИС и Каучукпромхоза №4 является одной из ярких страниц развития сельскохозяйственной науки в СССР [225] и, на взгляд автора книги, примером решающей роли России в поддержании слаженных межнациональных отношений в Закавказье в 1930-1940-е годы.

В 1920-1940-е годы производство натурального каучука было одной из стратегических задач СССР. Страна не имела собственного натурального каучука. Потребность в этом материале в различных отраслях народного хозяйства была очень велика, особенно в оборонной отрасли промышленности. Перед учёными-биологами и практиками сельскохозяйственного производства СССР были поставлены задачи по селекции, семеноводству, разработке и освоению технологий промышленного выращивания каучуконосов.

В 1931 г. на территории СССР были открыты каучуконосные растения, такие как кок-сагыз, тау-сагыз и крым-сагыз. Площади посевов кок-сагыза в средней полосе России стремительно расширялись [279]. В Башкирии, где в 1933-1936 гг. работал И. И. Смирнов, в культуру стал внедряться кок-сагыз. Первые геопосадки кок-сагыза в Уфе были проведены ещё в 1933 г. [181]. Центром интродукции растений и географических посевов в Уфе были опытные участки ботанического отдела почвенно-ботанического бюро [38]. Проблема возделывания каучуконосов в Башкирии «была на слуху». Колхозы Башкирской АССР стали заниматься промышленным возделыванием кок-сагыза уже с 1936 г. [280]. Нет ничего удивительного, что И. И. Смирнов выбрал работу в области каучуководства – актуальному для того времени направлению науки и производства. Иван Иванович был разносторонним специалистом, а состав органических соединений в растениях был профилем его научной работы ещё в годы обучения в Императорском Московском университете.

В конце 1920-х – начале 1930-х годов в СССР сформировалась стройная система по организации производства натурального каучука, которую возглавлял «Главрасткаучук». Этот Главк создал более, чем в 15 регионах СССР свои местные структуры. Научно-методическое руководство всеми работами осуществлялось Всесоюзным научно-исследовательским институтом каучука и гуттаперчи (ВНИИКиГ). В первые годы существования Главка и Института их возглавлял известный специалист – В. Н. Макогон [178], [192].

Заместителем директора по научной части ВНИИКиГ в 1931–1932 гг. работал А. А. Рихтер, профессор, зав. кафедрой физиологии растений Московского

университета. В 1917-1924 гг. А. А. Рихтер был профессором, деканом (1920 г.), Сельскохозяйственного и лесного факультета, ректором (1921-1923) Пермского государственного университета [23], [250]. Каучуконосами в СССР занимались многие известные биологи: П. А. Баранов, А. А. Зайцева, М. В. Культиасов, Н. В. Культиасов, В. К. Кобелев, А. К. Лапин, Г. М. Попова, Т. В. Фролов и др. [260].

Начало производства натурального каучука в СССР связано с интродукцией каучуконосов из тропических стран. Интродукция гваюлы (*Parthenium argentatum* Gray) имеет свою длительную историю. В 1926 году специальная экспедиция Резинотреста, в состав которой входили ботаники Ю. Н. Воронов (руководитель), С. В. Юзепчук и Г. Г. Боссэ, привезла из Мексики в СССР «небольшую горсточку» семян гваюлы. Первые семянки гваюлы положили начало отечественной селекции гваюлы и каучуковому хозяйству [279].

Всесоюзный институт прикладной ботаники и новых культур (ВИПБиНК), возглавляемый Н. И. Вавиловым, также включился в работу с каучуконосами [81], [260]. Сотрудник ВИПБиНК, (с 1930 г. Всесоюзный институт растениеводства – ВИР) В. В. Таланов в 1927 г. провел полугодовую экспедицию в США и Канаду. Одним из результатов экспедиции был ввоз новой для СССР культуры – гваюлы [81]. С 1925 по 1929 г. опытные посевы гваюлы производились в Крыму, Дагестане, Азербайджане и Грузии, а также в Средней Азии (Узбекистане, Таджикистане и Казахстане) и на юге Украины [225].

В 1930 г. осуществилась экспедиция Н. И. Вавилова в южную часть США (штаты Флорида, Луизиана, Аризона, Техас и Калифорния), в Мексику, Гватемалу и Гондурас. Н. И. Вавилов большое внимание уделял каучуконосным растениям. Он ознакомился с опытом работы по каучуконосам Департамента земледелия США. Затем исследовал заросли дикорастущего каучуконоса гваюлы (*Parthenium argentatum* Gray) в США (штат Техас) и в Мексике. Он также изучил опыт возделывания гваюлы в Калифорнии на промышленных плантациях и опытной станции Салинас. Сбор семенного материала по каучуконосам в пределах Мексики представлял значительные трудности. Задача эта была не из легких потому, что американцы старательно засекречивали свою работу с каучуконосами, и от Николая Ивановича потребовалось много настойчивости и затрат энергии, чтобы добиться успеха в своих поисках [81]. Американская Каучуковая Компания «Intercontinental Co» оказывала давление на правительственные структуры и средства массовой информации Мексики. Целью давления был запрет Н. И. Вавилову собирать материалы по гваюле. Н. И. Вавилов «оказался зачисленным в список иностранцев, особо опасных для Мексики» [42, С.91] или, говоря языком дипломатии 2010-х годов, – «он был включён в санкционный список».

Руководство СССР уделяло значительное внимание культивированию гваюлы. В четвёртом пункте Постановления ЦК по натуральному каучуку. (Утверждено Политбюро ЦК ВКП(б) 7 января 1931 г.) Приложение № 1 к п. 27, пр. ПБ № 22 было предусмотрено следующее: «Создать плантации по гвайюлле в

тот же срок (3-4 года) в пределах 20-25.000 гектар, для чего провести в течение 1931 года все необходимые изыскательные работы, обеспечивающие по климатическим и прочим условиям успешное культивирование гвайюллы с тем, чтобы в 1931 г. было освоено не менее 1.500 га» [268].

Трест «Каучуконос» создал два специальных гвайюльных каучукпромхоза – №4 и № 5, при которых были организованы и вели научно-исследовательскую работу научные исследовательские станции. Первый из них (Каучукпромхоз № 4) был организован в с. Марага на территории Нагорного Карабаха, второй – в Туркмении (Каучукпромхоз № 5). Специальные географические посевы гвайюлы осуществлялись и в других районах Азербайджана и Средней Азии [180].

В сёла Маргушеван и Марага (Нагорный Карабах), расположенные в субтропиках предгорий Малого Кавказа, для работы на опытной станции и в Каучукпромхозе № 4, «...переехали сотни русских специалистов с семьями. Первым директором промхоза был Иосиф Розин, очень заботливо относившийся к людям. Он ездил на "виллисе" и с готовностью помогал машиной всякому. И всякий мог обратиться к нему – он с участием выслушивал всех. Особое же внимание обращал на дельные предложения и советы» [140].

Иосиф Розин длительное время работал в отрасли каучуководства, о чем свидетельствует перечень и хронология издания его печатных работ [293-295], [343]. К 1935 году, уже имея опыт руководства Маргушеванской НИС и Каучукпромхозом № 4, И. Н. Розин был назначен на должность директора ВНИИКиГ треста «Каучуконос» Главрезины НКТП [234].

В 1935 году материально-техническая база Маргушеванской НИС признавалась лучшей в системе научно-производственных учреждений гостреста «Каучуконос». Однако в резолюции совещания по каучуконосам, опубликованной в Бюллетене ВАСХНИЛ за 1935 год, отмечалось, что станция «...не имеет холодильной установки для нормального развития работы по отбору зимостойких сортов» [287, С.37].

Научно-исследовательская станция гостреста «Каучуконос» в п. Маргушеван была организована весной 1930 года на базе действующей уже с 1910-х годов опытной селекционной станции. Она изначально имела неплохую материальную базу.

Небольшой, но к концу 1920-х годов хорошо обустроенный посёлок Маргушеван располагался в полутора километрах западнее с. Марага, в равнинной части Карабаха. Маргушеван был основан на средства крупного предпринимателя Давид-Бека Аван-Юзбашяна в 1914 г. «Новому поселению Аван-Юзбашян дал имя любимой своей дочери Маргуши» [140]. Здание главной усадьбы было сложено из обожжённого красного кирпича с характерными для того времени архитектурными элементами фасада.

Кроме прочего, Давид-Бек открыл в посёлке экспериментальную семенную лабораторию – намеревался вывести наиболее урожайные сорта зерновых, соот-

ветствующие местным климатическим условиям. В лабораторию он тоже пригласил опытных специалистов. Приглашённых издалека специалистов ждал двухэтажный жилой дом, перед которым высадили экзотические деревья из Крымского ботанического сада: пальмы, кипарисы, голубые ели, другие растения [140].

В 1930-е гг. на Маргушеванской НИС были созданы и успешно выполняли научную работу несколько отделов: селекции, метеорологический, агротехнический, физиологический.

По данным публикаций в журнале «Советские субтропики», установлено, что с самого момента создания Маргушеванской НИС в отделе селекции станции работал Тихон Васильевич Фролов [93], [367-373]. В научных статьях, изданных в самом начале 1930-х годов, он подписывался так: «Фролов Т. В. – зав. Отд. селекции Азербайджанской научно-исследовательской станции по гвайюле гостреста "Каучуконос". Всес. науч.-иссл. ин-т каучука и гуттаперчи» [369].

Нагорный Карабах. Ленинаван (Маргушеван). 1960-е гг.
Здание Карабахской научно-экспериментальной базы (КНЭБ)
Института генетики и селекции АН Азербайджанской ССР.

Станция в Маргушеванах первоначально называлась «Центральная Опытно-Селекционная Станция по гвайюле (с. Маргушеван в Нагорном Карабахе)». Сразу после того, как создали станцию, её сотрудники приступили к селекционной работе и уточнению возможных районов возделывания гвайюлы на территории Азербайджанской ССР.

Основным направлением работы селекционного отдела станции было выведение наиболее зимостойких сортов, пригодных для районов, намеченных под гвайюлу. Уже «...в конце 1934 г. в результате большого сортоиспытания на Мар-

гушеванской станции Института каучука и гуттаперчи выпущена в производство как первый сорт линия № 2280» [180]. Сорт получил название «Азербайджанка», он отличался повышенной зимостойкостью и занимал на первом этапе практической селекции гваюлы в 1933-1934 гг. ведущее место по выходу каучука. К 1936 году методом массового отбора были выведены зимостойкие сорта гваюлы «Узколистная», «Курчавая», «Пионер Карабаха».

За выведение сорта гваюлы «Пионер Карабаха» Тихон Васильевич Фролов был удостоен Сталинской премии III степени, присуждаемой за выдающиеся изобретения и коренные усовершенствования методов производственной работы за 1950 год [366]. Кандидат сельскохозяйственных наук Т. В. Фролов в 1951 году работал старшим агрономом-методистом Управления Научно-исследовательских учреждений Главсельпропаганды МСХ СССР.

В 1932-1933 годы по поручению Маргушеванской НИС было проведено обследование засорённости посевов гваюлы на 16 геопунктах в Азербайджане: Маштаги на Апшероне, Сальяны, Джафархан на Мугани, Кюрдамир, Геокчай, Барда, Агдам, Маргушеван близ Тертера, Астраханка, Джафар-абад на Шекинском нагорье, Нуха, Закаталы, Гянджа, Еленендорф и Акстафа. Закладка географических посадок гваюлы началась ещё с середины 1920-х годов. Обследование засорённости посевов проводил А. А. Гроссгейм – научный сотрудник Азербайджанского филиала Ботанического института АН СССР.

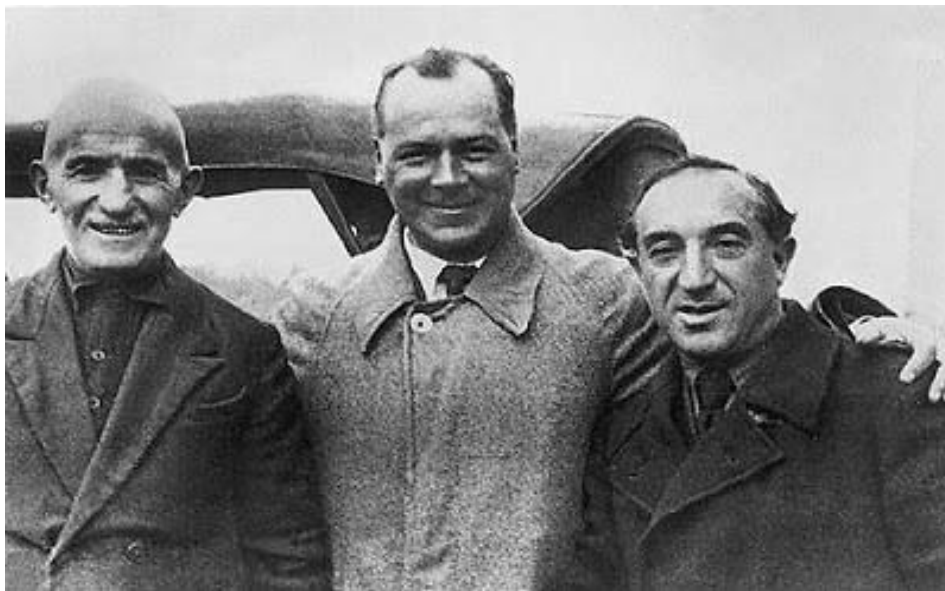
Александр Альфонсович Гроссгейм (1888-1948) – выдающийся советский ботаник, крупнейший специалист по флоре и растительности Кавказа, академик. В 1931 году вместе с другими сотрудниками Ботанического института Азербайджанского отделения Закавказского Филиала Академии наук СССР он занимался пересмотром флоры Азербайджана по каучуконосности. А. А. Гроссгейм – выпускник 1913 года Естественного отделения физико-математического факультета Императорского Московского университета. Обучался в ИМУ в одни годы с Иваном Ивановичем Смирновым.

Совместно с А. А. Гроссгеймом геопосадки гваюлы обследовал агроном станции ВИР в Азербайджане (Гянджа) В. И. Черепанов. Вячеслав Иванович Черепанов в 1930-е годы занимался вопросами оценки природных условий и технологий возделывания гваюлы в различных географических условиях Азербайджана [388]. После окончания Тифлиского Политехнического института В. И. Черепанов работал на Маргушеванской опытной станции, где состоялась его первая встреча с Николаем Ивановичем Вавиловым [308].

Каучуконосы были одним из приоритетных направлений работы ВИПБ и НК, (позднее ВИР) и его директора – Н. И. Вавилова. В сентябре 1936 г. Н.И. Вавилов начал свою очередную экспедицию на Кавказе с обследования Армении, отсюда Николай Иванович направился в Нагорно-Карабахскую АО и в Азербайджанскую ССР по маршруту: Шуша – Степанакерт – Евлах – Шемаха – Кировабад – Нуха – Закаталы – Белоканы – Геокчай – Кюрдамир – Муганская степь – Лиракская степь – Ленкорань [398].

Маргушеванская НИС и Каучукпромхоз № 4 располагались на участке маршрута экспедиции Н. И. Вавилова от Степанакерта до Евлаха, ближе к

г. Евлаху. Естественно, что перечень вопросов, которыми занимался Н. И. Вавилов в период своей рабочей поездки в Нагорный Карабах и Азербайджан, был обширный. Однако производственные посадки гваюлы в Каучукпромхозе № 4 и работу Маргушеванской НИС он не мог оставить без внимания. С высокой долей вероятности можно утверждать, что Н. И. Вавилов осенью 1936 года посетил каучукпромхоз и станцию, где в это время уже работал И. И. Смирнов.

Николай Иванович Вавилов во время поездки в Нагорный Карабах. Осень 1936 г.
Источник: [199]

В ВИРе селекцией гваюлы занимался ближайший соратник Николая Ивановича Вавилова – Виктор Евграфович Писарев. Он один из первых в СССР изложил основные направления работы с этим полупустынным растением-каучуконосом (Вопросы селекции гвайюлы в Союзе ССР// (Субтропики. 1930. № 3-4. С. 33-50). Селекционная работа с гваюлой в Азербайджане проводилась на станциях ВИР в Гянже и Мардакьянах.

Во Всесоюзном научно-исследовательском институте каучука и гуттаперчи (ВНИИКиГ) за селекционную работу с каучуконосами отвечал Александр Иванович Купцов, который, по предложению Н. И. Вавилова, в 1933 г. был направлен из ВИРа во ВНИИКиГ, где он проработал до 1939 г. За короткий период времени А. И. Купцов сумел организовать селекционную работу с гваюлой на новом уровне. Вскоре его назначили начальником селекционного отдела ВНИИКиГ [175]. Основная работа ВНИИКиГ по селекции гваюлы проводилась на Маргушеванской НИС [177].

Профессор А. И. Купцов, в 1987 году утверждал, что именно на опытную станцию в Маргушеванах, а не в структурные подразделения ВИРа поступила коллекция семян гваюлы, собранная по заданию Н. И. Вавилова мексиканским исследователем Элиасом Кессельбрэннером. Семена местных мексиканских популяций дикой гваюлы были собраны Э. Кессельбрэннером из разных мест полу-

пустынных территорий Северной Мексики. Данный материал, как считал А. И. Купцов, был очень ценным для селекционной работы [176].

На Маргушеванской НИС сформировался квалифицированный и работоспособный коллектив, который сумел за короткий срок достичь высоких результатов в выведении новых сортов гваюлы и разработать технологии её возделывания в субтропиках СССР. В США, где проводились аналогичные исследования, вся работа была засекречена, и воспользоваться наработками зарубежных коллег учёные Советского Союза не могли.

В тот период, когда на Маргушеванской НИС работал И. И. Смирнов, в отделе физиологии опытной станции проводил исследования Сергей Петрович Кузьмин (1896-1944) – один из учеников Николая Александровича Максимова – выдающегося ученого-физиолога первой половины XX века. До начала работы на Маргушеванской НИС С. П. Кузьмин выполнил в лаборатории ВИПБиНК ряд научных экспериментов по исследованию физиологии гваюлы и получил опыт работы с этой культурой [193].

С. П. Кузьминым и сотрудниками отдела физиологии растений станции в первой половине 1930-х годов проводились исследования по оценке засухоустойчивости и зимостойкости гваюлы [166], [167], [168]. Изучалось влияние концентрации солей, влажности почвы, температуры почвы, условий освещения на рост и развитие гваюлы, накопление каучука в различных частях растений [165], [169]. Одной из биологических особенностей гваюлы является низкая всхожесть семян. С. П. Кузьмин и его коллеги в отделе физиологии растений опытной станции в Маргушеванах изучали различные приёмы стимуляции процесса прорастания семян и влияние удобрений на развитие молодых сеянцев гваюлы [170].

Содержание научных работ, их высокая цитируемость показывают, что заведующий отделом физиологии С. П. Кузьмин был универсальным специалистом: агрономом, физиологом растений, почвоведом. Он проработал на опытной станции до 1944 года, умер и был похоронен в Маргушеванах [301]. Имя Сергея Петровича Кузьмина занесено в биографо-библиографический словарь «Русские ботаники» [301, С.589].

В середине 1930-х годов, в отделе физиологии станции научно-производственные исследования выполняла Л. Я. Вельтищева. Она подготовила отчёт о работе физиологической лаборатории за 1935 год [51], занималась проблемами накопления и расходования каучука в растениях гваюлы при разных факторах внешней среды [50]. Научным консультантом Л. Я. Вельтищевой был известный учёный-физиолог, профессор А. А. Ничипорович, который в те годы занимал должности заместителя директора по науке и заведующего отделом физиологии и почвоведения ВНИИКиГ. Помощь Л. Я. Вельтищевой в проведении исследований осуществляла научный сотрудник М. С. Мошкина.

В первой половине 1930-х годов были изучены состав, свойства и особенности водного режима почв на территории Маргушеванской НИС и на территории

ях, занятых геопосадками гваюлы. Исследования почвоведом Н. Н. Михайлова позволили провести оценку экологических условий произрастания гваюлы в субтропиках Азербайджана [209-213].

Отдел агрометеорологии станции в 1930-е годы возглавлял С. И. Гусев. Наблюдения научных сотрудников-метеорологов позволяли контролировать погодные условия перезимовки гваюлы в Маргушеване. Изучалась обеспеченность осадками, интенсивность засухи в отдельные периоды вегетации и по годам, влияние осенних ветров-фенов на рост и развитие гваюлы [90-93].

Среди десятков специалистов и рабочих, приехавших из России в Каучукпромхоз № 4 и на Маргушеванскую НИС, был и Иван Иванович Смирнов. Государство выделяло солидные средства для развития каучуководства. В Маргушеване и Мараге строились жилые дома и детские учреждения, «...здесь открылся детский сад. Местные семьи тоже с удовольствием отдавали своих малышей в русский детсад, который становился для детей-армян основой русского образования.

В маргушаванской школе-семилетке, наряду с армянским, появился русский сектор. Причём, большинство местных ребяташек учились именно в русском секторе. Русский сектор маргушаванской школы посещали и некоторые марагинские дети. И родным их языком потихоньку становился русский. Если выпускники армянских классов продолжали учёбу в средней школе в Мараге, то подростки из русского сектора, начиная с восьмого класса, посещали школу в Мир-Башире (*сейчас г.Тертер – курсив А.А.В.*)» [140].

«Чем дальше, тем больше проникали в разговорную речь маргушаванцев сугубо русские обороты, при этом русские слова приобретали в карабахском наречии характерную окраску, на местный лад обкатывались. <...> Юноши-маргушаванцы, получившие русское образование, продолжать его устремлялись в Россию и, закончив там институт или университет, уже не возвращались домой. Выпускники же армянских школ, как правило, продолжали учёбу в Ереване, и тоже не возвращались. Отныне в Маргушаване ли, в Мараге ли не было ни единой семьи, чьи отпрыски ни жили бы в городах Армении или России. Сёстры и братья новоявленных горожан мало-помалу тянулись вслед за родными» [140].

Основными задачами опытной станции были селекция и семеноводство гваюлы, закладка питомников размножения и производственных плантаций гваюлы. Плантации закладывались путём высадки 1–2-летней рассады из питомников. Гваюлой были заняты плантации в каучукпромхозе № 4 и в колхозах, расположенных в Маргушаванском подрайоне и на других территориях предгорий Малого Кавказа.

В Российском государственном архиве кинофотодокументов сохранились фотографии плантаций гваюлы в Каучукпромхозе № 4, сделанные в 1936 году, то есть в период работы И. И. Смирнова на Маргушеванской НИС.

Общий вид плантации гваюлы Каучукпромхоза №4
Азербайджанской ССР. Дата съёмки 1936 г. Источник: [296]

Общий вид плантации гваюлы Каучукпромхоза №4
Азербайджанской ССР, 1936 г. Источник: [297]

Плантации гваюлы эксплуатировались на протяжении нескольких лет после их закладки. Было установлено, что в Азербайджане гваюла слабо повреждается вредителями [49]. Для сбора технического сырья (стебли и корни), содержа-

шего каучук, использовались 3–4-летние промышленные плантации гваюлы. Техническое сырьё в сухом виде прессовалось и доставлялось на каучуковый завод. Через несколько лет после создания Каучукпромхоз № 4 стал «...давать государству каучук собственного производства, тысячи тонн каучука» [140].

Вопросами питомниководства, создания и эксплуатации промышленных плантаций гваюлы занимался агротехнический отдел станции. Научными сотрудниками отдела изучались вопросы технологии посева семян гваюлы в питомниках, выращивания и пересадки рассады на плантации. Так, заместитель заведующего Маргушеванской НИС Николай Яров [140] изучал технику выращивания, браковки рассады гваюлы в парниках и питомниках, первичный и последующий уход за рассадой после её пересадки [405], [406].

В перечень вопросов, которыми занимался агротехнический отдел станции, входили: посев семян гваюлы в питомниках, посадка рассады на промышленных плантациях, уход за рассадой, установление оптимальных норм растений гваюлы на гектаре, выбор ширины междурядий, борьба с сорняками, удобрение, полив растений в питомниках и на плантациях и другие. Опыты проводились на богаре и на орошаемых участках.

В первые годы после создания Маргушеванской станции заведующим её агротехнического отдела был агроном В. А. Панфилов, который к этому времени имел значительный опыт работы в качестве заведующего Полевого отдела Среднеазиатской Зональной Опытной Станции в Узбекистане. Большое значение для гваюлы имеют нормы высадки растений на гектар. В.А. Панфилов провел в этом направлении ряд исследований в Маргушевани и установил оптимальные количественные параметры густоты растений гваюлы на плантациях. Результаты опытов В. А. Панфилов изложил в рукописи предварительного отчёта отдела агротехники Маргушеванской НИС за 1934 г.

Некоторые рекомендации по технологиям посева гваюлы, предложенные отделом агротехники станции, подвергались критике столичными учёными и признавались, как «вредные». Например, в 1935 году А. К. Лапин в статье «Культура каучуконосов» [181] написал, что «...идеи культуры гваюлы "на нетронутой целине или многолетней залежи" – идеи, исходившие от Маргушеванской опытной станции по каучуконосам (Азербайджан), сыграли свою отрицательную роль» в продвижении в производство посевов гваюлы [181, С.72]. А. К. Лапин в 1934 году отстаивал технологию однолетней культуры гваюлы, а не создание многолетних плантаций. Для того времени критика в печати «вредных идей» могла иметь для их авторов неприятные последствия. Отчёт отдела Агротехники Маргушеванской НИС за 1935 год составил уже не В. А. Панфилов, а Л. И. Агеев [4].

Опыты Л. И. Агеева на Маргушеванской станции показали, что для сохранения жизнеспособности гваюлы саженцы надо всячески предохранять от значительных потерь влаги. Был найден весьма простой и удобный способ хранения саженцев в период посадки. Рассадку в промежутке между выкопкой из гряд питомника и посадкой (если этот период затягивается на несколько дней) прикапывали во влажную почву [4].

Л. И. Агеева на должности заведующего отделом сменил Н. А. Крашенинников [157].

Вместе с Н. А. Крашенинниковым, агрономом Л. И. Агеевым и другими научными сотрудниками отдела Агротехники станции в 1936-1937 гг. работал Иван Иванович Смирнов. В 1936 г. он был назначен на должность почвовед-агрохимика отдела. И. И. Смирнов провел тщательное изучение состава и свойств почв опытных участков отдела, подготовил рукопись работы «Почвы агротехнического отдела Маргушеванской НИС (Азерб. ССР)» (прил. 7). Увеличение продуктивности плантаций гваяулы можно было достичь путём применения удобрений, полива, других приёмов агротехники и мелиорации. На каштановых почвах станции эффективность применения фосфорных удобрений ограничивалась образованием труднорастворимых солей кальция и фосфорной кислоты. Было установлено, что для повышения приживаемости рассады гваяулы и повышение её продуктивности необходимо вносить суперфосфат в дозе более 180 кг/га.

В «Вестнике сельскохозяйственной литературы» за 1938 год [53] указано, что «...за последние 2 года (*т.е. 1936-1937 гг. – курсив А.А.В.*) работниками Маргушеванской опытной станции проделана крупная работа с гваяулой, особенно по вопросам устойчивой зимовки и повышения урожая».

Н. А. Крашенинникову и коллективу сотрудников отдела удалось получить рекордные урожаи гваяулы на опытном поле, закреплённом за отделом Агротехники. В статье «Гваяула», размещённой во втором издании Большой Советской Энциклопедии [71], указано, что «...урожайность сырья 4-летней плантации Г.[ваяулы] достигает на неполивных участках св. 60, а на поливе – св. 100 ц с I га, что даёт 700-1500 кг технич. [еского] каучука (примесь смол 10-20%). Маргушеванский каучуководческий совхоз получил 130 ц, а Маргушеванская опытная станция св. 200 ц сырья Г.[ваяулы] с 1 га» [71]. Оценивая достижения Н. А. Крашенинникова на Маргушеванской опытной станции, Бокур Карапетян [140] написал, что «...переехавший в Карабах Н. А. Крашенинников на своём опытном поле получил с гектара целых шестнадцать тысяч килограммов (*160 ц/га – А.А.В.*) [сырья]. Уже планировалось выделить под каучуковые плантации шесть тысяч гектаров. <...> Маргушаван прославился в Нагорном Карабахе как родина особой смолы-жвачки. Стоило маргушаванцу куда-то поехать, у него там первым делом интересовались: "Жвачку привёз?"» [140]. Русские и армяне из с. Марага и с. Маргушеван, русские (молокане) из д. Левонарх, жители других населённых пунктов Мардакертского района дружно и ударно трудились на производственных плантациях гваяулы.

На работу коллективов учёных опытной станции и работников Каучукпромхоза № 4, как и на жизнь всех жителей Советского Союза, в 1930-е годы очень сильное влияние оказала череда репрессий. В 1937 году репрессии в СССР резко усилились, общественно-политическая ситуация в стране существенно ухудшилась, а «...для маргушаванцев удобным поводом уразуметь и оценить положение вещей стала лекция, прочитанная в зале «Каучукпромхоза» присланным из ЦК Азербайджана профессором Мамедом Гюльзаде» [140].

Профессор М. Гюльзаде в докладе отметил следующее: «Руководителям

советских республик, коммунистам, верным последователям Ленина и Сталина поручается неустанно и бдительно выявлять изменников и троцкистов на вверенных им административных участках, предприятиях и колхозах. Все вы сознаёте, что в Нагорном Карабахе немало вредителей, там и тут затаились троцкисты, шпионы, враги народа. <...> Говоря по правде, мы давно ждали удобного случая, чтобы покончить с троцкистско-националистической группировкой, свившей себе гнездо в нашем Центральном комитете, и с бандой их приспешников в Шемахе. В результате справедливого судебного рассмотрения девять человек за создание контрреволюционно-повстанческих, шпионско-террористических, диверсионно-вредительских организаций и активную подрывную деятельность, направленную против строительства социализма, приговорены к расстрелу, пять человек – к различным срокам заключения» [140].

Бакур Карапетян [140] так описывает ситуацию, сложившуюся в 1937 году в общественной жизни Нагорного Карабаха: «Даже крохотная заметка полуграмотного селькора давала повод исключать людей из партии; исключённых в лучшем случае высылали в Сибирь. <...> ... ежедневно выявлялись и публиковались в газетах имена всё новых и новых "последователей этих троцкистских изменников и шпионов". В газетных публикациях <...> "Разоблачить контрреволюционеров-дашнаков", "Правые оппортунисты в Джанятах", "Избавить село Ванк от вредительских элементов и судить их", **"Каучукпромхоз не выполняет шесть исторических указаний тов. Сталина"**, <...> "Троцкистское отребье" и в сотнях им подобных интеллигенты на первых порах обвинялись в страшных грехах, а затем газеты требовали без промедления судить и осудить их» [140].

В Нагорном Карабахе стал раскручиваться маховик массовых репрессий. И. И. Смирнов был хорошо знаком с критериями подбора «врагов народа» и методами работы ОГПУ-НКВД. Он уже знал о судьбах многих своих товарищей и знакомых, репрессированных в начале 1930-х годов в Перми и Томске. И. И. Смирнову был понятен весь дальнейший механизм действий работников местного НКВД по поиску «вредителей» и «шпионов» на Маргушеванской опытной станции. Он осознавал, что в первую очередь местные чекисты примутся «разоблачать врагов» из числа «бывших». Иван Иванович принял решение о переезде из Нагорного Карабаха в г. Иркутск, где проживала семья его брата – Алексея Ивановича Смирнова (прил. 6).

Постепенно государственная программа производства натурального каучука в СССР была свёрнута. Плантации гваюлы, которые к началу 1950-х годов занимали в Каучукпромхозе № 4 1800 га орошаемых и богарных земель, распахали. На базе Маргушеванской опытной станции была создана Карабахская научно-экспериментальная база (КНЭБ) Института генетики и селекции Академии наук Азербайджанской ССР [140]. В 1954 г. село Марага и село Маргушеван были преобразованы в п.г.т. Лениаван. Население Лениавана в конце 1980-х годов составляло около 10 тыс. человек.

В 1992 году в Нагорном Карабахе произошёл межнациональный конфликт с применением боевой техники и оружия [140]. Результатом конфликта стали многочисленные человеческие жертвы, полное разрушение многих жилых домов

и построек в Мургашаване и Мараге, передел сфер влияния новых постсоветских государств на территории Закавказья.

В качестве небольшого заключения к этой главе следует отметить следующее. В XXI веке спрос на натуральный каучук в мире с каждым годом заметно растет. По качеству натуральный каучук незаменим при производстве шин, испытывающих повышенные нагрузки. Каучук из гваюлы является одним из лучших по качеству каучуков. В этой связи актуальными являются исследования, направленные на возможность возделывания каучуконосов на территории России и стран СНГ в современных условиях. Опыт, накопленный в 1930-1950-х годах прошлого века в СССР, США, а также достижения биотехнологической науки XXI века позволяют осуществить эти проекты. Коммерческий интерес к гваюле проявляют США, Австралия, Греция, Франция, Италия, Испания и другие страны, где есть условия для произрастания гваюлы, тогда как для гевеи таковых нет. В странах Европейского союза был создан специальный Консорциум EU-PEARLS для решения задачи организации производства гваюлы и кок-сагыза в современных условиях [225].

Таким образом не исключено, что разработки специалистов-каучуководов Маргушеванской НИС, где работал И. И. Смирнов, востребованы новыми поколениями учёных и практиков. Библиотеки ведущих университетов США оцифровали (перевели в электронный вид) журналы «Советский каучук», «Советские субтропики» и другую научную литературу по каучуководству, изданную в XX веке.

19. Иркутск. Гибель в застенках НКВД

*"Тот, кто вчерашние жертвы забудет,
Может быть, завтрашней жертвою будет".*
Евгений Евтушенко («Фуку», 1985)

И. И. Смирнов из Нагорного Карабаха переехал в Иркутск в 1937 году. В г. Иркутск жил и работал его родной брат, известный хирург – Алексей Иванович Смирнов (прил. 6). На работу И. И. Смирнов устроился лаборантом в Государственную санитарную инспекцию. Сыну Ивана Ивановича – Ростиславу в 1937 году исполнилось 14 лет. Он учился в школе № 15 г. Иркутска.

В 1937 г. в СССР начался мрачный период, который позднее получил название «Большой террор». Масштабы репрессий 1937 года значительно превосходили предшествующие карательные действия советской власти по отношению к гражданам СССР.

Тот факт, что, находясь под надзором ОГПУ – НКВД, Иван Иванович Смирнов имел возможность работать в вузах и НИИ, заниматься научными исследованиями и педагогической деятельностью, свидетельствовал отнюдь не о гуманности власти, а о дефиците специалистов. В 1920 – 1930-е гг. кадры старой интеллигенции активно привлекались для работы в научно-исследовательских и учебных учреждениях СССР. Со стороны власти это была вынужденная, но временная мера, и ситуация кардинально изменилась в годы «Большого террора» [153].

Второго июля 1937 года И. В. Сталин продиктовал «директиву об антисоветских элементах» за номером 863/ш. В ней предлагалось всем секретарям областных и краевых партийных организаций и НКВД взять на учет всех «бывших», а наиболее враждебных к советской власти – расстрелять [173].

Иван Иванович Смирнов был арестован 27 декабря 1937 года.

Книга «Жертвы политических репрессий» Т.8. Часть 3 [114] содержит краткую запись, свидетельствующую о предъявленных обвинениях и хронологии расправы над Иваном Ивановичем.

«Смирнов Иван Иванович. № 5541. 1884 г.р., урож. Томской губ., житель г. Иркутск, лаборант Госсанинспекции, начальное, б/п, русский. Арестован 27.12.37 г. по ст. 58 - 1«а», 2, 8, 11. Осужден Постановлением Тройки УНКВД Иркутской области от 11.02.38 г. Расстрелян 15.02.38 г. Реабилитирован 08.10.57 г.» [114].

Некоторые детали биографии (год рождения, образование) в справочной записи «Книги Памяти» не соответствуют изложенным выше фактам из жизни Ивана Ивановича и биографической справке его внука С. Р. Смирнова (прил. 7).

Члены иркутского клуба «Встреча» обнаружили в 8-ом томе Книги памяти жертв политических репрессий «Память и предупреждение будущему» множество ошибок и искажений, допущенных при ее издании и направили в администрацию Иркутской области резолюцию по итогам заседания клуба с просьбой уничтожить бракованный том и издать его заново [200]. Журналисты г. Иркутска охарактеризовали неприятные факты ошибок и искажений в 8 томе Книги памяти жертв политических репрессий, как «глумление над памятью» [200].

Ивану Ивановичу Смирнову было предъявлено обвинение сразу по четырём пунктам печально известной статьи 58 УК РСФСР, которая предусматривала суровое наказание за контрреволюционную деятельность.

<...> «Контрреволюционным признается всякое действие, направленное к свержению, подрыву или ослаблению власти рабоче-крестьянских советов и избранных ими, <...> правительств Союза ССР, союзных и автономных республик, или к подрыву или ослаблению внешней безопасности Союза ССР и основных хозяйственных, политических и национальных завоеваний пролетарской революции.

<...> 58-1а. Измена родине, т.е. действия, совершенные гражданами СССР в ущерб военной мощи СССР, его государственной независимости или неприкосновенности его территории, как-то: шпионаж, выдача военной и государственной тайны, переход на сторону врага, бегство или перелет за границу: наказание расстрел с конфискацией имущества, или 10 лет с конфискацией имущества.

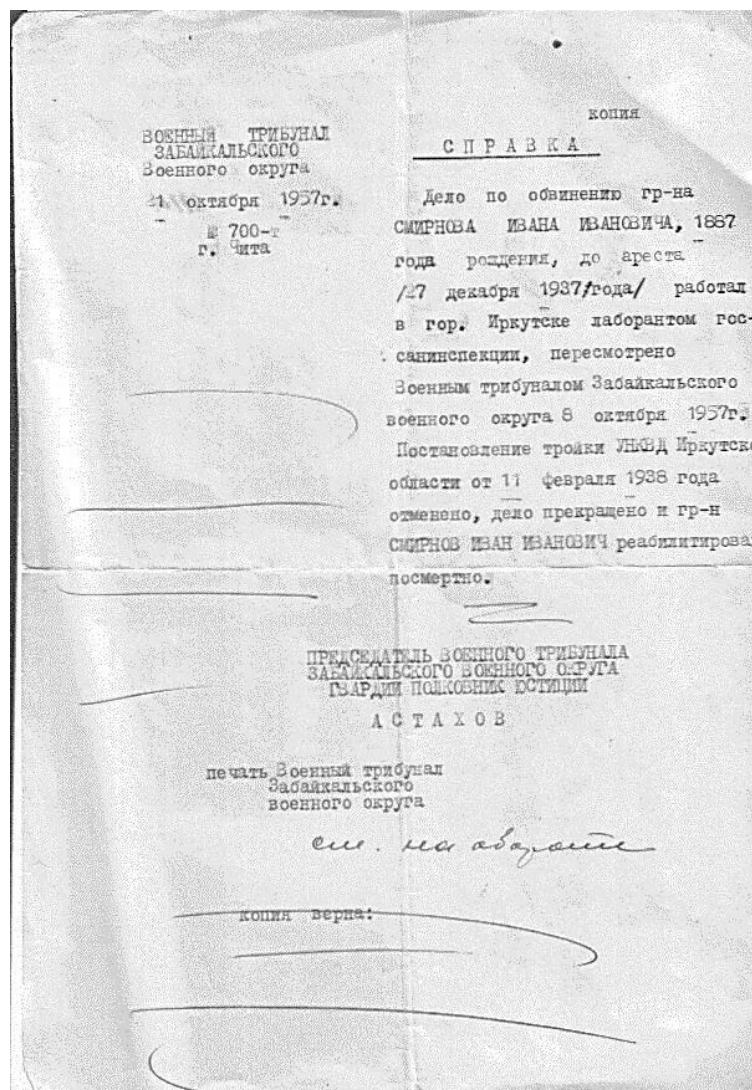
<...> 58-2. Вооруженное восстание или вторжение в контрреволюционных целях на советскую территорию вооруженных банд, захват власти в центре или на местах в тех же целях и, в частности, с целью насильственно отторгнуть от Союза ССР и отдельной союзной республики какую-либо часть ее территории или расторгнуть заключенные Союзом ССР с иностранными государствами договоры, влекут за собой – высшую меру социальной защиты – расстрел или объявление врагом трудящихся с конфискацией имущества и с лишением гражданства союзной республики и, тем самым, гражданства Союза ССР и изгнанием из пределов Союза ССР навсегда, с допущением, при смягчающих обстоятельствах, понижения до лишения свободы на срок не ниже трех лет, с конфискацией всего или части имущества.

<...> 58-8. Совершение террористических актов, направленных против представителей Советской власти или деятелей революционных рабочих и крестьянских организаций, и участие в выполнении таких актов, хотя бы и лицами, не принадлежащими к контрреволюционной организации, влекут за собою – меры социальной защиты, указанные в ст. 58-2 настоящего Кодекса.

<...> 58-11. Всякого рода организационная деятельность, направленная к подготовке или совершению предусмотренных в настоящей главе преступлений, а равно участие в организации, образованной для подготовки или совершения одного из преступлений, предусмотренных настоящей главой, влекут за собою – меры социальной защиты, указанные в соответствующих статьях настоящей главы» [360, С. 35-43].

Смертный приговор И. И. Смирнову мог быть вынесен по любому из этих пунктов ст. 58. Репрессивные организации для «убедительности» масштабы обвинения увеличили в несколько раз. Поражает с какой скоростью была учинена расправа. От ареста до приведения приговора в исполнение прошло всего шесть недель и четыре дня – после вынесения приговора.

Все обвинения, предъявленные И. И. Смирнову, оказались надуманными. В октябре 1957 года он был полностью реабилитирован за отсутствием состава преступления.

Копия справки о реабилитации Ивана Ивановича Смирнова.
Источник: семейный архив С. Р. Смирнова

15 ноября 1937 года в г. Барнауле был арестован известный в городе врач, родной брат Ивана Ивановича – Александр Иванович Смирнов (прил. 4). 08 декабря 1937 года его расстреляли. А. И. Смирнов был реабилитирован в 1956 году [322].

09 октября 1937 года в г. Новосибирске был арестован регент Вознесенской церкви Новосибирска Евгений Иванович Смирнов – родной брат Ивана Ивановича Смирнова. 05 ноября 1937 года его расстреляли. Евгений Иванович Смирнов был реабилитирован 7 февраля 1958 г. (прил. 5).

События, связанные с «Большим террором», были подробно рассмотрены на уровне органов государственной власти, в литературе и кинематографе. Им дана нравственная, политическая и правовая оценка, но этот вопрос не может быть закрыт для обсуждения по чьему-то приказу или решению. На гражданское общество, а значит и на развитие нашей страны, последствия «Большого террора» продолжают негативно влиять, так как его чудовищные масштабы не могли пройти бесследно как для родственников и современников безвинных жертв, так и для по-

следующих поколений граждан России. Как сегодня сказываются на нашу жизнь последствия репрессий? Каждый здравомыслящий гражданин России после недолгих раздумий ответит на этот вопрос и приведёт конкретные примеры на этот счёт.

Обратимся к оценке репрессий 1937-1938 гг. в СССР и в Восточно-Сибирском (Иркутском) регионе, которую дал доктор исторических наук, профессор Игорь Владимирович Наумов [226]. Он пишет, что «...политика «Большого террора» являлась закономерным итогом развития внутривластной обстановки в СССР после Гражданской войны – установления тоталитарной диктатуры коммунистической партии, ожесточенной борьбы за власть внутри ее руководства и захвата этой власти И. В. Сталиным. <...> «Большим террором» И. В. Сталин стремился решить важнейшие задачи укрепления своей диктатуры: исключить любую возможность малейших посягательств на свою власть, создать в стране обстановку страха и подозрительности, добиться полного подчинения населения своей воле и, наконец, с помощью бесплатной рабочей силы осуществить ряд экономических мероприятий по подготовке к будущей большой войне» [226, С. 511].

Руководство СССР к началу «Большого террора» было подготовлено. Почти всех негодных ему руководителей государства и ВКП (б) И. В. Сталин к этому времени уже устранил. В управлении государством к 1937 году остались только самые «верные ленинцы». Сформировался культ личности Сталина. Н. Д. Цветков [386] даёт такую оценку культу личности: «Соратники Сталина привыкли поддакивать, соглашаться, угадывать его намерения, самоотверженно исполнять любые его желания. Культ – это безумное или расчетливое преклонение. Это – раболепство, угодничество, лицемерие, покровительство, насилие. При культе происходит мельчание, перерождение, затем духовная и политическая гибель как самой властвующей фигуры, так и других лиц, втянутых в водоворот преступных действий диктатора. Сталин зорко следил за тем, чтобы никто из его окружения не уклонялся от законов круговой поруки и связанности сообщая содеянным. Он почти никогда не оформлял решения только своей подписью. Он требовал согласия и одобрения этих решений другими крупными руководителями» [386].

И. В. Наумов [226] указывает, что «...сотрудников государственной безопасности к «Большому террору» готовила и все более расширявшаяся практика применения внесудебных репрессий (противозаконных по самой своей сути), когда существовавшие при Полномочных представительствах ОГПУ «тройки» без суда приговаривали лиц, обвиняемых в политических преступлениях, к различным мерам наказания вплоть до расстрела. Причем, масштабы деятельности «троек», и в частности, Восточно-Сибирской, непрерывно возрастали. <...> После преобразования в 1934 г. ОГПУ в НКВД практика внесудебных репрессий сохранилась» [226, С. 512]. «Приближали «Большой террор» и такие широкомасштабные акции, как раскулачивание, борьба с вредительством и религией, сопровождавшиеся массовыми беззакониями, жертвами которых в Восточно-Сибирском крае стали десятки тысяч ни в чем не повинных людей» [226, С.512].

«Партийная пропаганда стала искусно нагнетать атмосферу всеобщей подозрительности, объясняя любую аварию, любой дефицит, плохое качество продукции, невыполнение производственных планов и т.п. целенаправленной под-

рывной деятельностью вредителей, диверсантов и шпионов. Тем самым, искусственно нагнеталась атмосфера шпиономании и "врагомании", атмосфера чрезвычайной обстановки, в которой <...> звучали требования чрезвычайных мер против "врагов народа" и беспощадной расправы с ними» [226, С.515].

Показательны «...заголовки центральных и местных газет того времени: "Злейшим врагам рабочих и крестьян не может быть пощады!", "Истребим врагов всех до одного", <...> "Собакам – собачья смерть!" и т.д. и т.п.» [226, С.515].

«После революции 1917 года интеллигенция, впрочем, как и весь народ, жила в условиях геноцида. Такой извращенной жестокости к своим гражданам не знало ни одно государство. Интеллигенцию априорно относили к «врагам народа». Надо было посещать все общественные мероприятия, открытые партсобрания, осуждать очередных разоблаченных врагов народа и голосовать за их уничтожение, невольно становясь причастным к преступлениям перед совестью. О том, что высокообразованные люди не понимали этой игры власти, не могло быть и речи, но страх, даже не за себя лично, а за близких, не позволял им высказывать недовольство и протестовать» [173, С.113].

И. В. Наумов [226] считает, что непосредственный переход к массовым репрессиям произошел на рубеже 1936–1937 гг. «Главным основанием для ареста и обвинения того или иного лица становятся доносы, которые, как правило, не проверялись. Доносительство осуществлялось в двух основных формах: добровольное (из-за господствовавшей атмосферы взаимной подозрительности, из-за личных или корыстных интересов и т.п.) и принудительное – от секретных осведомителей НКВД (сексотов). <...> Одновременно меняются и цели, и методы допросов. Поскольку, настоящее расследование фактически не проводилось, главной целью допроса становится получение признания подследственных в тех преступлениях, которые им приписывались доносчиками. Соответственно, основным методом работы с арестованными становится т.н. "конвейер" (непрерывный допрос) с применением средств физического (пытки) и психического (угрозы в адрес ближайших родственников, обещания смягчить наказание в случае признания вины и т. п.) воздействия» [226, С. 515-516].

Жесточайшие «...методы допросов до предела упростили ход следствия. Основным показателем деятельности того или иного сотрудника НКВД становится количество разоблаченных "врагов народа", что, в свою очередь, способствовало раскручиванию маховика репрессий. <...> Упрощенное следствие закономерно вело и к упрощенному судопроизводству. В условиях массовых репрессий, когда суды не справлялись с делами, вновь расцвела практика внесудебных репрессий. Уже в августе 1937 г. действовавшие в регионах "тройки" получили право выносить обвиняемым смертные приговор» [226, С. 516-517].

«Массовые аресты в Иркутске и других населенных пунктах области начались в соответствии с планом в ночь на 15 августа 1937 г. Первоначально всех арестованных, обреченных на скорый неправый суд и расправу, свозили во внутреннюю тюрьму УНКВД, находившуюся в подвалах здания управления на ул. Литвинова. Днем и ночью поблизости от нее, в Пионерском переулке толпилась очередь из родственников, пытавшихся хоть что-нибудь узнать о своих близ-

ких. В конце 1937 г. всех арестантов перевели в общую тюрьму, которую к этому времени удалось разгрузить от уголовников. Туда же переместилась и скорбная очередь» [226, С.519]. Жена и сын И. И. Смирнова прошли через это суровое жизненное испытание.

Руководители Иркутской области уже не могли остановиться в проведении репрессий и через год после их массового начала – в августе 1938 г. начальник Управления НКВД по Иркутской области Б. А. Малышев и 1-й секретарь обкома ВКП(б) А. А. Филиппов просили у ЦК ВКП(б) разрешения приговорить к расстрелу еще 5 тысяч человек в дополнение к ранее установленной «квоте». Надённые высшими полномочиями, должностные лица в Иркутске посчитали, что они, в пределах ранее выделенной «квоты», не сумели закончить «очистку» региона от троцкистов, белогвардейцев, колчаковцев, эсеров и других враждебных элементов. Разрешение «от центра» на увеличение категории граждан Иркутской области, подлежащих расстрелу, было получено.

Репрессии привели к кризису в управлении и экономике СССР. Были уничтожены наиболее квалифицированные управленцы, военные, работники вузов, инженерно-технических работники. Чувство страха сковывало инициативу людей и приводило к отказу от выдвижения на руководящую работу [226].

По официальным данным с 01 октября 1936 по 01 ноября 1938 года в СССР были арестованы и осуждены свыше 1,5 млн человек, из которых расстреляны 668 305 человек [385].

Терновая Ирина Ивановна, Заслуженный работник культуры РФ проводит большую общественную работу по сохранению памяти о жертвах репрессий 1937-1938 года в Иркутской области. В одной из публикаций она рассказала, о событиях осени 1989 г. у пос. Пивовариха вблизи Иркутска: «...в пятистах метрах от бывшего пионерского лагеря было обнаружено место массового захоронения жертв репрессий 1930-40-х гг. По материалам УФСБ по Иркутской области в 1937 г. в области приблизительно было репрессировано 24 007 человек. К сожалению, каких-либо систематизированных материалов о деятельности так называемых контрреволюционных групп и организаций на территории Иркутской области в 1937–1938 гг. не имеется. Предварительный анализ архивных следственных дел, протоколов заседаний "тройки" УНКВД по Иркутской области, сделанный рабочей группой "Поиск", показывает, что в эти годы проводились широкомасштабные репрессии лиц, обвинявшихся в принадлежности к антисоветским организациям, которые якобы действовали на территории области. Это, прежде всего, право-троцкистская контрреволюционная организация, которая, как утверждалось, возникла в 1927 г. и была разгромлена в 1937–1938 гг. Другой крупной враждебной организацией считалась панмонгольская диверсионно-шпионская повстанческая организация, "появившаяся" в 1918–1919 гг. и ликвидированная в 1937–1938 гг. Основной целью этой организации было "свержение советской власти и образование панмонгольского государства под протекторатом Японии, с включением в него Бурят-Монголии (МНР) и Внутренней Монголии (Китай)". "Действовала" в Иркутской области и "польская резидентура". Вот выдержка из документов УНКВД по Иркутской области 1938 г.: "...подавляющая часть ликвидированных

нами диверсантов и шпионов насаждены в порядке единого плана японской и польской разведок, которые после разгрома колчаковской армии оставили свою квалифицированную агентуру в тылу Красной Армии с задачей облегчить ход военных действий войскам Японии в предстоящей войне с СССР путём организации крупных диверсионных актов". Следственными органами УНКВД по Иркутской области в указанные годы была "разоблачена и ликвидирована" и так называемая «фашистская» контрреволюционная организация, занимающаяся шпионажем в пользу Германии. <...>

Одной из наиболее опасных считалась контрреволюционная эсеровская организация. <...> Организация якобы занималась подготовкой свержения советской власти, вредительством в сельском хозяйстве, работой с повстанческими кадрами, диверсиями, подрывными действиями в Красной Армии, созданием террористических групп, шпионской деятельностью» [347].

И. И. Терновая задает вопрос: «Какова дальнейшая судьба лидеров и членов этих организаций?» [347] и сама комментирует его: «Ответ однозначный. Большая часть их погибла в подвалах НКВД, иркутской тюрьмы» [347].

И. И. Терновая приводит некоторые фрагменты показаний свидетелей из материалов расследования, проведённого прокуратурой Иркутской области: «В НКВД был подвал, стены которого были обшиты железом, а на полу были настелены опилки. В этот подвал ночью или рано утром из тюрьмы привозили людей. Люди эти были самые разные: женщины и мужчины, "чернь и видные", из Тайшета, Тулуна и других мест. В подвале НКВД этих людей расстреливали... Расстрел производил один мужчина, вооружённый маленьким пистолетом. Он вызывал людей по списку, приказывал вставать на колени и производил выстрел в "мозжечок" ... Так продолжалось в течение ночи, пока трупов не набиралось на две автомашины... Во время расстрела во дворе находился с включённым двигателем трактор. Люди умирали с криками. Одни кричали: "Да здравствует Сталин!", другие: "Я не враг народа!". Трупы отвозили в совхоз им. 1 Мая, на территории этого совхоза и производили захоронение трупов по ночам. Сверху приваливали землёй, используя при этом трактор» [347].

При проведении поисковых работ в 1989 г. в районе д. Пивовариха Иркутской области «...было обнаружено три рва неправильной формы различных размеров. Глубина засыпки рвов от 30 до 70 см. Наибольший по размерам ров № 1 подвергся частичному вскрытию, и были извлечены останки 304 человек. Многие черепа носили следы пулевых отверстий, а также раздробления костей. Здесь же были найдены и личные вещи этих людей: остатки одежды, обуви, мыльницы, расчёски, трубки, мундштуки, щётки, кружки, портмоне. Маркировка некоторых предметов, а также обнаруженные на месте раскопок монеты дали возможность подтвердить предположение о времени захоронения – зима 1938-1939 гг. Всего же, по данным следствия, в трёх рвах предположительно захоронено около 4,5-5 тысяч человек» [347].

Родственники жертв репрессий так и не смогут узнать точное место нахождения останков своих родных и близких, казнённых в подвалах Иркутского НКВД. Очевидно, что это касается и места погребения Ивана Ивановича Смирнова.

На мемориальном кладбище «Пивовариха» в окрестностях г. Иркутска сооружён памятник. Заведующий лабораторией археологии при гуманитарно-эстетическом факультете педагогического института ИГУ Евгений Инешин отметил, что «...важную вещь сказал на открытии Мемориала памяти жертв политических репрессий в Пивоварихе тогдашний глава Иркутской епархии Хризостом. На той церемонии много кто говорил о роли Сталина и о его вине за произошедшее. А Хризостом заговорил о другом: "Люди, всмотритесь каждый в себя. Кто вы были и, кто есть в этой жизни? Не надо перекладывать вину на человека, который не может вам ответить. Ответствуйте перед богом каждый за себя..."» [131]. Евгений Инешин также не исключил того, «...что на открытии памятника, среди толпы рыдавших были и доносчики, и даже палачи, которые всё себе простили, объяснив собственное поведение велением времени и культом личности» [131].

На Стене Скорби Мемориального комплекса на кладбище «Пивовариха» установлены личные памятные знаки. На гранитном памятнике высечена надпись: «Помни, Родина, нас всех, кто погиб невинно. Будь милосердна и возврати нас из небытия».

Пусть и эта публикация будет частичкой памяти об Иване Ивановиче Смирнове.

Памятник жертвам репрессий на мемориальном кладбище «Пивовариха». Источник: [227]

В процессе работы над книгой, известное изречение А. С. Пушкина: «Боже, как грустна наша Россия!», которое он произнёс после окончания чтения Н. В. Гоголем «Мёртвых душ», неоднократно возникало в моём сознании. Огромное количество талантливых людей, в том числе коллег, друзей, родных и близких Ивана Ивановича Смирнова, погибло в годы репрессий.

Заключение

Имя Ивана Ивановича Смирнова, его трагическая судьба пока мало известны в профессиональном сообществе почвоведов и биологов. Автор надеется, что данная публикация восполнит этот пробел в истории почвоведения.

И. И. Смирнов прошёл школу профессоров В. А. Обручева и П. К. Соболевского в Томском технологическом институте, получил под руководством профессора А. Н. Сабанина и его учеников высокую квалификацию почвоведом на кафедре Агрономии в стенах Московского университета. Он успешно решал различные вопросы прикладного почвоведения и почвоведческого образования. Жизненный путь почвоведом Смирнова Ивана Ивановича незримой нитью связывает сразу несколько университетов России: Алтайский ГАУ – Томский государственный политехнический университет – Московский государственный университет – Омский ГАУ – Пермский государственный университет – Пермский ГАТУ – Томский государственный университет – Башкирский ГАУ. Среди учителей, научных руководителей, коллег, однокурсников и учеников И. И. Смирнова были выдающиеся учёные, замечательные люди.

Иван Иванович Смирнов учился, работал и жил в очень сложное время. За первые четыре десятилетия XX века в России неоднократно происходила смена облика исторических эпох. В силу жизненных обстоятельств, И. И. Смирнов был вынужден постоянно менять место жительства и работы. Свой творческий потенциал он не смог полностью реализовать. Основные научные работы И. И. Смирнова, охватывающие характеристику почв различных территорий России, остались в рукописях.

Работа почвоведом Ивана Ивановича Смирнова на сельскохозяйственной опытной станции и в государственном университете в Перми заложила на кафедре почвоведения агрономического факультета Пермского университета фундамент высокой культуры химического анализа почв, характеризовавшую школу профессора А. Н. Сабанина. Через связь поколений она поддерживается от периода становления кафедры до настоящего времени. Многие студенты, которые обучались у Ивана Ивановича в Пермском университете, впоследствии внесли значительный вклад в развитие почвоведения, в том числе Н. Я. Коротаев, В. Н. Прокошев, А. И. Оборин, А. А. Лютин, С. С. Колотова и другие. Среди его студентов в Томском университете были – К. К. Полуяхтов, Б. Ф. Петров, К. А. Уфимцева, Н. Ф. Тюменцев и другие, ставшие со временем известными учёными, организаторами образования и науки.

Для современных почвоведов, агрономов, биологов биография И. И. Смирнова может служить примером преданности профессии, умения познавать новое и преодолевать трудности. Патриотизм – слово, которое сейчас часто употребляют, характеризуется многообразием форм своего проявления. Почвовед-

ды Р. С. Ильин, И. И. Смирнов, Ф. Н. Ульященко и другие, работавшие на Урале и в Сибири в 1920 – 1930-е гг., – настоящие патриоты России. Сложные жизненные обстоятельства не сломили силу их духа и желания оказывать пользу обществу.

Журналист С. Заплавный [117], в статье «Сибирь меня не забудет...» выразил своё восхищение по поводу слов, написанных в 1931 г. выдающимся учёным XX века Р. С. Ильиным: «Ростислав Сергеевич, предваряя выводы будущих биографов о трудностях его пребывания в Сибири, высказывал опасение, что при случае они могут написать: «Смотрите, мол, как он страдал в Сибири и т.п. – в то время, как я все время работал, получая несравненное удовлетворение, и всегда буду вспоминать Сибирь с благодарностью, равно как и она меня не забудет...» [117]. Слова Р. С. Ильина также соответствуют жизненной позиции, которую занимал его современник, коллега и товарищ Иван Иванович Смирнов – учёный, почвовед, агроном, преподаватель, организатор науки и образования.

Список сокращений

АН – Академия Наук
АССР – Автономная Советская Социалистическая Республика
АТОМК – архив Томского областного краеведческого музея
БАМ – Байкало-Амурская магистраль
ВАСХНИЛ – Всесоюзная академия сельскохозяйственных наук им. В.И. Ленина
ВИПБиНК – Всесоюзный институт прикладной ботаники и новых культур
ВИР – Всесоюзный институт растениеводства
ВКВС – Военная коллегия Верховного Суда СССР
ВКП(б) – Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
ВМН – высшая мера наказания
ВНИИ – Всероссийский (в СССР – Всесоюзный) научно-исследовательский институт
ВНИИКиГ – Всесоюзный научно-исследовательский институт каучука и гуттаперчи
ВНИТО – Всесоюзное научное инженерно-техническое общество
ВСНХ – Высший Совет Народного Хозяйства
ВЦИК – Всероссийский Центральный исполнительный комитет
ВЧК – Всероссийская чрезвычайная комиссия
ГАПК – Государственный архив Пермского края
ГАТО – Государственный архив Томской области
ГАТУ – государственный аграрно-технологический университет
ГАУ – государственный аграрный университет
ГБУ КО – Государственное бюджетное стационарное учреждение социального обслуживания Кемеровской области
ГЗУ – Государственное земельное управление
ГУЗиЗ – Главное управление землеустройства и земледелия
ГУС – Государственный учёный совет
ГЭС – гидроэлектростанция
Д. – дело
д.об.п. – души обоого пола
дес. – десятина
ДКНБ РК – департамент Комитета национальной безопасности Республики Казахстан
ДКП – Докучаевский Почвенный Комитет
ИИС – Институт исследования Сибири
ИИСибири – Институт исследования Сибири
ИМЛИ – Институт мировой литературы
ИМТУ – Императорский Московский технический университет
ИМУ – Императорский Московский университет
ИПЦ – Издательско-полиграфический центр
ИРЛИ – Институт русской литературы
ИТК – исправительно-трудовая колония
ИТС Цудортранса СССР – Инженерно-технический совет Центрального управления шоссейных и грунтовых дорог и автомобильного транспорта Союза Советских Социалистических Республик
КНЭБ – Карабахская научно-экспериментальная база
КФАН – Казанский филиал Академии Наук СССР
Л. – лист
ЛГУ – Ленинградский государственный университет

ЛПК – лесопромышленный комплекс
МБОУ СОШ – Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение
Средняя общеобразовательная школа
МГУ – Московский государственный университет
МСХ СССР – Министерство сельского хозяйства Союза Советских Социалистических Республик
МСХИ – Московский сельскохозяйственный институт
НИИ – научно-исследовательский институт
НИС – научно-исследовательская станция
НКВД СССР – Наркомат внутренних дел Союза Советских Социалистических Республик
НКПС – Наркомат путей сообщения
НКТП – Народный комиссариат тяжёлой промышленности
Об-во Е.П.У – Общество Естествоиспытателей при Пермском Университете
ОГПУ – Особое государственное политическое управление
ОИС – Общество изучения Сибири и ее производительных сил
ОмГАУ – Омский государственный аграрный университет
Оп. – опись
ОССХУ – Омское среднее сельскохозяйственное училище
ПАЭТ – Почвоведения, Агротехники, Экологии, Товароведения (факультет)
п.г.т. – посёлок городского типа
Пермская ГСХА – Пермская государственная сельскохозяйственная академия имени академика Д.Н. Прянишникова
Пермская ГСХОС – Пермская государственная сельскохозяйственная опытная станция
Пермский ГАТУ – Пермский государственный аграрно-технологический университет имени академика Д.Н. Прянишникова
Пермский СХИ – Пермский государственный сельскохозяйственный институт имени академика Д.Н. Прянишникова
ПСР – Партия социалистов- революционеров или эсеров
ПСХИ – Пермский сельскохозяйственный институт имени академика Д.Н. Прянишникова
РККА – Рабоче-крестьянская Красная Армия
РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
С. – страница
СБО – справочно-библиографический отдел
СибАка – Сибирская Академия сельского хозяйства
СибГРИ – Сибирский геологоразведочный институт
СИБКОЛОНТОС – Сибирская Колонизационно-Таёжная опытная станция
СибНИИСХиТ-филиал СФНЦА РАН – Сибирский научно-исследовательский институт сельского хозяйства и торфа – филиал Федерального государственного бюджетного учреждения науки Сибирского федерального научного центра агробιοтехнологий Российской академии наук
Сибревком – Сибирский революционный комитет
СИСХ – Сибирский институт сельского хозяйства
СИСХиП – Сибирский институт сельского хозяйства и промышленности
СНГ – Содружество Независимых Государств
СНК – Совет народных комиссаров
СССР – Союз Советских Социалистических Республик
ССЭ – Сибирская советская энциклопедия

СТОС – Сибирская таежная опытная станция
США – Соединенные Штаты Америки
Т.К.П.П. – Томская окружная колонизационная переселенческая партия
ТГУ – Томский государственный университет
ТКМ – Томский Краевой Музей
ТМИ – Томский медицинский институт
ТОГО НКВД – Томский городской отдел Народного комиссариата внутренних дел
ТОКМ – Томский Краевой Музей
Томский ГВК – Томский городской военкомат
ТОС – Таёжная опытная станция
ТПУ – Томский политехнический университет
ТСХА – Тимирязевская сельскохозяйственная академия
ТТИ – Томский технологический институт
УГБ НКВД – Управление государственной безопасности Наркомата внутренних дел
УИПиА – Уральский Институт Почвоведения и Агрохимии
УК РСФСР – Уголовный Кодекс Российской Советской Федеративной Социалистической Республики
УНКВД – управление Народного комиссариата внутренних дел
УФСБ – управление Федеральной Службы Безопасности
ФГБОУ ВО Пермский ГАТУ – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Пермский государственный аграрно-технологический университет имени академика Д.Н. Прянишникова»
ФГБУН ИФХиБПП РАН – Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения Российской академии наук
Чекатиф – Чрезвычайная комиссия по борьбе с тифом
ЧК – Чрезвычайная Комиссия по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем
Ф. – фонд
ЦА ФСБ РФ – Центральный Архив Федеральной Службы Безопасности РФ
ЦНСХБ – Центральная научная сельскохозяйственная библиотека
ЦК ВКП(б) – Центральный комитет Всесоюзной коммунистической партии (большевиков)
EU-PEARLS – консорциум по производству и использованию альтернативных резиновых и латексных источников на основе Европейского Союза

Указатель имён

- Аван-Юзбашян Давид-Бек 199
Аван-Юзбашян Маргуша 199
Агеев Л.И. 206, 207
Азадовский М.К. 61, 62
Аксёнова Н.Н. 144
Алекин О.А. 156
Александров И.Г. 185
Александрова Л.Н. 77
Алексеева Е.С. 183
Аничкова Н.И. 122
Анучин Д.Н. 38
Апарин Б.А. 8
Арбузов С.А. 108, 110
Архангельский М.Н. 73
Астапенко С.С. 32
Афанасьев Я.Н. 44
Афанасьева Г.В. 144
Афонин М.И. 45
Ахматов Р.С. 195
- Бабанова** Л. 119, 120-122, 124
Базанов В.А. 144
Бакай Н.Н. 60-62
Баранов Д.П. 156
Баранов П.А. 198
Барков В.В. 144
Бауман В.И. 60, 61
Безсонов А.И. 99
Бекетов А.Н. 21, 57
Беклемишев В.Н. 59, 60, 81, 83, 97, 113
Берг Л.С. 144
Березин Л.В. 72
Березовский А.И. 120, 121, 123, 143-145, 167, 170
Березовский А.Я. 182
Берзинь И.А. 98
Берников В.В. 72, 73
Бескид А.А. 184
Бехли Е.Ф. 195
Биксон И.М. 166-168
Битовт М.И. 83
Благовидова Л.А. 121
Бобарыков И.И. 61
Богомолов Д.В. 195, 196
Болдырев Н.Н. 72
Бондарев Е.А. 21
Боссэ Г.Г. 198
Бочарников И. 166
Бронзов А.Я. 164
- Бубнов Н.М. 83, 97
Бушинский В.П. 150, 151
Буянов А.С. 150, 152
Бынов Ф.А. 86, 98
Быстрова Е.М. 108-110
- Вавилов** Н.И. 161, 198, 201, 202
Варгин В.Н. 68-70
Варгин В.Н. 8, 68-70, 84, 89, 97, 105-107
Варгина М.В. 68
Василенко В.И. 144
Ватман Б.Г. 31
Вейнберг Б. П. 60, 61, 67
Великанов М.А. 61
Вельтищева Л.Я. 203
Верещагин В.И. 19, 21-23, 31, 32, 36
Вернадский В.И. 38, 102, 159, 161
Верховский А.В. 152
Вильямс В.Р. 88, 150, 151, 158
Виноградова А.Н. 169
Винокуров М.А. 73, 75, 77-79
Вихман Г.И. 99
Возбуждая А. Е. 9, 108-111
Вознесенская О.В. 150, 151
Вологжанина Т.В. 5
Волошин М. 160
Воронов Ю.Н. 198
Воскресенский А.Н. 121, 128
- Геммерлинг** В.В. 41-45, 99, 108, 109, 158, 192
Генкель А.Г. 58, 60, 81, 83, 84, 97, 98
Генкель П.А. 98, 113
Герасько Л.И. 144
Гёте И. 5
Глинка Г.В. 33
Глинка К.Д. 32, 58, 100
Гоголина Л.Е. 122
Гоголь Н.В. 217
Гордеев Т.П. 99
Горин А. П. 97, 106
Горохова С.В. 11
Горшенин К.П. 9, 65, 70, 72-77, 181
Граевская Е.А. 11
Гриценко С.В. 2, 10
Гроссгейм А.А. 43, 201
Грядинский Ф.П. 166
Гусев В.В. 97

Гусев С.И. 204
 Гутовский Н.В. 61, 62, 171
 Гюльзаде М. 207

Девяшина С.А. 150
 Дзержинский Ф.Э. 50
 Димо Н.А. 43, 97, 99, 100, 102, 103, 158
 Дмитриев А.В. 60, 62, 63
 Добряков Н.Ф. 106-108, 110, 111, 193, 194
 Докучаев В.В. 8, 32, 39, 40, 95, 99, 102, 103
 Домрачева Е.А. 111
 Драверт П.Л. 72, 75
 Драницин Д.А. 32, 164
 Дудецкий В. Д. 60, 61
 Дурьлин С.Н. 160
 Дутов А.И. 67, 71
 Дьяков В.П. 112
 Дьяконов А.П. 113
 Дьяконов Д.М. 60

Евсеева Н.С. 144
 Евтушенко Е. 210
 Елисеев С.Л. 2, 10
 Еникеев А.Ш. 195
 Еремеев В.М. 31
 Ерофеев А.А. 98

Жаворонкова Г.И. 5, 68
 Жежель М.Г. 195
 Желнин А.К. 122
 Жолцинский И.П. 41, 43-45
 Жукова П.П. 195
 Журавлёв И.И. 152

Завадовский А. 13
 Заварзин А.А. 64, 65
 Зайцева А.А. 198
 Заплавный С. 219
 Захаров С.А. 41, 43, 44, 102, 196
 Здравомыслов В.М. 64
 Зеленин А.А. 97
 Зелинский Н.Д. 38
 Земцов А.А. 144
 Зиновьев Н.Н. 184
 Золотов М.Е. 69, 80, 84, 97, 106, 107

Иваницкий Б.Е. 33
 Иванов В.И. 122

Иванов В.Н. 51, 82
 Иванов И.В. 2, 8, 11, 72, 102
 Ильин Р.С. 2, 9-10, 43, 44, 115, 140, 144, 151, 158-166, 168, 169, 170-174, 178, 179, 183, 217-219
 Иоганзен Г.Э. 173

Кабатов П.Н. 184
 Каблуков И.А. 38
 Казанцев А.Д. 150, 154, 155
 Казыдуб Н. Г. 71
 Калугин В.Е. 144
 Карамышев Н.А. 31
 Карапетян Б. 207, 208
 Каратанов Д.И. 120, 122, 146
 Карпушенков В.В. 6
 Кессельбреннер Э. 202
 Климентьев А.И. 72
 Клюев Н.А. 160
 Кнорринг-Неуструева О.Э. 71
 Кобелев В.К. 198
 Кокушкин П.П. 184
 Колоколов М.Ф. 35
 Колотова С.С. 108, 111, 112, 218
 Колтунов Г.М. 195
 Колчак А. В. 50, 52, 53, 56, 57, 64, 69, 71-73, 82, 83
 Комаров В.Л. 33, 123
 Коморовский Ф.А. 121, 125
 Конторович И.Г. 97
 Корепанова О.К. 11
 Коркина Н.И. 122
 Коробейников В.Г. 152
 Корольков Н. 13
 Коротаев Н.Я. 5, 90, 91, 98, 103, 109, 112, 218
 Котова В.Н. 88
 Кошелев Б.С. 73
 Кравков С.П. 111, 146, 189
 Красноперова Н.И. 68
 Крашенинников Н.А. 207
 Круглевский А.Н. 83
 Круглов Л.Н. 97
 Крупеников И.А. 89, 150
 Крупеников Л.А. 150
 Крылов П.Н. 23, 33, 55, 57, 58, 65, 176
 Кувардина Т.В. 68
 Кудрявцев Н.Г. 86, 87, 97, 98, 106, 107, 112, 114
 Кузнецов К.А. 144, 183, 189

- Кузьмин А.М. 161, 179
 Кузьмин С.П. 203
 Кукарина Н.А. 150, 156
 Кулижский С.П. 144
 Культиасов М.В. 198
 Культиасов Н.В. 198
 Куприянов С.И. 94-98
 Купцов А.И. 202, 203
 Кусков М.И. 122
 Кучеревская-Рожанец С.Е. 67
 Кучин М.И. 161
 Кюнцель А.А. 112
- Лаврентьев В. 26
 Лапин А.К. 198, 206
 Лашков А.И. 122
 Лебедев П.Н. 38
 Ленин В.И. 50, 71, 208
 Летков Л.А. 195
 Липкина Г.С. 144
 Литвинов А.В. 183
 Литвинов Л.С. 110
 Лобанов В.А. 107
 Логачев П.А. 184
 Ложкина О.В. 156
 Луначарский А.В. 71
 Лысенко Т.Д. 109, 153
 Лютин А.А. 88, 107, 218
- Макогон В.Н.** 197
 Максимов Н.А. 203
 Маландин Г.А. 5, 9, 90, 92, 103, 112
 Малкова Т. 17
 Малышев Б.А. 215
 Малышев П.Н. 54
 Мантейфель В.А. 150-152, 161
 Мантейфель П.А. 150, 151
 Матвеева Н.П. 83, 107
 Мензбир М.А. 38
 Меринов М.М. 195
 Мизеров Б.В. 144
 Милищенко О.А. 71, 72
 Миллер Н. С. 195
 Минина Е.Г. 110
 Минюхина Л.А. 111
 Михайлов Н.Н. 204
 Михалков Н. 152
 Мотузова Г.В. 42, 45
 Мошев А.И. 96
 Мошкина М.С. 203
- Мурашкинский К.Е. 153
 Мыларщиков В.П. 98, 104
 Мышкин Г.Н. 187
- Нагнибеда В.Я.** 61
 Наумов И.В. 213, 214
 Неуструев С.С. 9, 32, 56, 60-62, 65-67, 69-76, 79, 88, 89, 99, 142, 161
 Никитин В.В. 5, 9, 70, 81, 84, 87-90, 92, 97-99, 102, 103, 107, 112, 114, 151,
 Никитин Е.Д. 144
 Николин Я.И. 60, 62
 Никольский А.М. 171
 Ничипорович А.А. 203
 Новиков Г.Н. 184
 Носович И. 14
- Оборин А.И.** 5, 85, 93, 98, 103, 218
 Обручев В.А. 24, 27-30, 161, 162, 218
 Обручев В.В. 30
 Обручев С.В. 30
 Обухов Л.А. 113
 Окуневич С.П. 97
 Орлов Ю.А. 51, 64
 Орлова Е.Н. 122, 144
 Орловский Н.В. 79
 Осипов К.Ф. 98
- Павлов А.П.** 38, 159
 Павлов М.Г. 45
 Панкин-Федоров В.А. 195
 Панков А.М. 89
 Панфилов В.А. 206
 Пастернак Б. 5
 Пентина М.А. 150
 Пентина М.А. 155
 Пепеляев А.Н. 50
 Пепеляев А.Н. 53
 Петров Б.Ф. 122, 144, 145, 179, 180, 182, 183, 218
 Петров Ф.А. 120, 121, 123, 135, 145
 Пирожников П.Л. 120, 122, 146
 Писарев В.Е. 202
 Плодовский П.И. 71, 72
 Плотников С.Н. 10
 Плотникова Г.Н. 10
 Пологова Н.Н. 144
 Полуяхтов К.К. 163, 170, 174, 183, 218
 Польшов Б.Б. 32
 Польшов Б.Б. 45, 161

- Полянский А.А. 184
 Попова Г.М. 198
 Порубиновский А.М. 43, 44
 Поспелов А.П. 62
 Прасолов Л.И. 32, 45, 99, 145, 161,
 Преображенский П.И. 79, 81, 83-87, 89
 Прокашев А.М. 144
 Прокошев В.Н. 98, 218
 Проничкин А.Н. 31
 Протопопова Е.Н. 163, 170, 174
 Прянишников Д.Н. 38, 106-108, 161
 Прянишников Н.Д. 107
 Пушкарёв В.М. 22
 Пушкин А.С. 217
 Пятницкий К.П. 22
- Ревердатто В.В. 9, 23, 161, 171-173,
 175-177, 179
 Ревердатто Л.Ф. 173
 Рейнгольд М.А. 122
 Ризположенский Р.В. 103
 Рихтер А.А. 58-60, 81, 83, 174, 197, 198
 Рожанец М.И. 62, 65-67, 75-77
 Розанов А.Н. 89
 Розин И.Н. 199
 Руденко С.И. 61, 62
 Рыженко Г.Н. 47
- Сабанин А.Н. 38-45, 47, 158, 183, 218
 Сабинин Д.А. 9, 60, 81, 83, 97, 98, 106,
 109-111
 Саввон К.Н. 71
 Савостин П.В. 155
 Самсель Н.В. 195
 Сапожников В.В. 23, 33, 56, 57, 59-62,
 67
 Сапожникова К.В. 155
 Световидова А.А. 122
 Севостьянов 171
 Седельников В.А. 150, 153
 Сергиевская Л.П. 23
 Сергованцев В.П. 83, 97
 Серебряков Б.П. 150
 Серяков Е.И. 62, 63
 Сибирцев М.П. 184
 Сибирцев Н.М. 8, 99, 102
 Сизова И.А. 183
 Силин А.Г. 98, 107, 110
 Симаков В.Н. 121, 143, 146
 Скалазубов Н.Л. 35
- Славнин П.П. 160
 Славнина Т.П. 178, 180, 181
 Смирнов Александр И. 115
 Смирнов Александр И. 15, 16, 36, 49,
 212
 Смирнов Алексей И. 15, 16, 208, 210
 Смирнов В.П. 32
 Смирнов Е.И. 15, 16, 115, 212
 Смирнов И.И. 2, 3, 5-10, 12-16, 21, 23-
 25, 27, 31, 32, 36-38, 43-50, 53-57, 60-63,
 65, 67, 68, 70, 73-75, 79, 80, 83-85, 88-
 90, 92, 94-99, 102-104, 106-108, 110-115,
 119-123, 128, 129, 132-138, 140-147,
 150-165, 167, 170-175, 178, 179, 181-
 186, 188-198, 201-204, 207-212, 215-219
 Смирнов И.А. (о. Иоанн) 12-16, 32, 36,
 49
 Смирнов Н.И. 15, 190
 Смирнов Р.И. 6, 10, 84, 141, 160, 191,
 210
 Смирнов С.Р. 6, 7, 10, 41, 43, 46, 85,
 124, 128, 134, 136, 160, 174, 181, 182,
 191, 210, 212
 Смирнова В.И. 84, 85, 160
 Смирнова М.А. 16
 Соболевский П.К. 24, 29, 30, 67, 164,
 186, 218
 Соколов Г.А. 68, 69
 Соколов Н.Л. 195
 Сокуров И.М. 31
 Солина Ю.В. 11
 Сперанский В.Д. 184
 Сталин И. В. 50, 176, 208, 210, 213,
 216, 217
 Степанов П.П. 150
 Стойчев С.А. 112-114
 Столыпин П.А. 168
 Стрижова А.И. 144
 Сукачев В.Н. 33
 Суханов Н.В. 121
 Сюзёв П.В. 59-60, 67
- Тайчинов С.Н. 193
 Таланов В.В. 72, 198
 Танашев Г.А. 8, 98
 Гарновский Н.А. 83
 Твардовский А. 8
 Тверской А.Н. 184
 Теплоухов С.А. 59
 Тервинский В.Н. 150

- Терновая И.И. 215, 216
 Тессен Б.Г. 195
 Тессен Ю.Г. 195
 Тимук Л.П. 147
 Титов В.С. 71, 79
 Тове Л.Л. 29
 Трефилова Л.А. 98
 Трифонов А.И. 120, 122
 Трубецкова О.М. 98, 110, 111
 Трухина М. 176
 Туева О.Ф. 110, 111
 Турбин В.И. 150
 Туровцев М.М. 195
 Тухачевский М.Н. 64
 Тюлин А.Ф. 8, 9, 104, 108-111, 114
 Тюменцев Н.Ф. 179, 180, 218
- У**льянинский В.Ю. 56
 Ульященко Е.Н. 37
 Ульященко Ф.Н. 37, 43, 44, 161-163, 169-173, 177, 178, 180-185, 189, 219
 Умнов Н.А. 38
 Умов К.А. 72
 Урбанковский Е.И. 51
 Усов М.А. 67, 159, 171, 172
 Устрялов Н.В. 52
 Уфимцева К.А. 180, 218
- Ф**едотов В.М. 51
 Федотов Д.М. 64
 Ферсман А.Е. 79, 101
 Филатов М.М. 33, 41- 45, 158, 190, 191
 Филиппов А.А. 215
 Фоминых С.Ф. 56
 Фрейберг И.К. 99
 Фролов Т.В. 198, 200, 201
 Фукс 54
- Х**аневич В.А. 171
 Хахлов В.А. 173, 179
 Хоринко П.А. 6, 96
 Храмцов И.Ф. 73
 Хребтов А.А. 8, 79, 80, 84, 86, 87, 97, 98
 Хризостом 217
- Ц**ветков Н.Д. 213
 Целищев М.Ф. 150, 152
 Цыганенко А.Ф. 195
- Ч**ащин А.Н. 2, 11
 Черепанов В.И. 201
 Черный А.П. 99
 Чехов В.П. 154
 Чижиков П.Н. 195
 Чиркова Е.В. 5
 Чумищев А.Н. 98
- Ш**атилов М.Б. 169-172
 Швалёв А.П. 98
 Шевелёва Е.П. 163, 170, 174
 Шелоумова А.М. 83
 Шестаков В.К. 31
 Шигаев М.С. 195
 Шипчинский Н.В. 9, 115, 120-124, 128, 133-135, 140-142
 Ширяев А.Е. 90, 94-98
 Шишкин В.К. 23
 Шмидт К.В. 85
 Шраг В.И. 195
 Шульга И.А. 9, 44, 98-103, 192
 Шумилова Л.В. 163, 170, 174, 183
- Щ**ерба Н.В. 195
- Эйхе Р.И. 166
- Ю**данова О.Н. 122
 Юзепчук С.В. 198
 Юркова А.В. 108
- Я**ковлев Б.М. 184
 Якунин А.А. 18
 Янковский В.К. 150
 Ярилов А.А. 161
 Ярилов А.А. 43
 Яров Н. 206
 Ярославцев А.Н. 89
 Ященко В.Р. 188

Список использованных источников

1. Абиникян, Р. М. Бывшие белые офицеры в РККА в 1920-е гг. / Р. М. Абиникян // Российская история. – 2013. – № 4. – С. 116-128.
2. Агалаков, А. Эпидемия тифа во время русской Гражданской войны [Электронный ресурс] / А. Агалаков // Тайны XX века. – 2010. – № 24. – Режим доступа : <http://unbelievable.su/articles.php?id=234>. – Загл. с экрана.
3. Агеев, И. А. Обь-Енисейский канал в транспортной системе Сибири (вторая половина XIX – начало XX века) / И. А. Агеев // Вестник Томского государственного университета. История. – 2010. – № 1 (9). – С. 22-26.
4. Агеев, Л. И. Отчет отдела агротехники Маргусеванской НИС по гвайюле за 1935 год : рукопись /Л. И. Агеев.
5. Администрация Третьяковского района Алтайского края. Муниципальные образования Шипунихинское сельское поселение [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://третьяковский.рф/municipalnoe_o/shipunihinskoe_s/. – Загл. с экрана.
6. Аксенова, Н. Н. Библиография литературы о природе поймы рек Обского бассейна / Н. Н. Аксенова // Природа поймы реки Оби и ее хозяйственное освоение : [сборник статей]. – Томск, 1963. – Т. 152. – С. 350-407.
7. Алексеева, Е.С. Почвенный музей / Е. С. Алексеева, И. А. Сизова // Томские музеи. Музеи университетов : материалы к энциклопедии «Музеи и музейное дело Томской области». – Томск, Издательство Томского университета, 2012. – С.218-222.
8. Алтайский край, 2011 : календарь знаменательных и памятных дат. – Барнаул : ОАО «Алтайский полиграфический комбинат», 2010. – 200 с.
9. Анисимова, М. В. Первая городская больница. История-летопись. Годы 1897-2007 [Электронный ресурс] / М. В. Анисимова – Режим доступа : <http://dereksiz.org/m-v-anisimova-pervaya-gorodskaya-bolenica-istoriya-letopise-go.html>. – Загл. с экрана.
10. Антология экспедиционного очерка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://geolmarshrut.ru/antologiya/?ELEMENT_ID=1050. – Загл. с экрана.
11. Астапенко, С. С. Быт студентов Томского технологического института императора Николая II / С. С. Астапенко // Вестник КемГУ. – 2013. – № 4 (56). – С. 29-32.
12. АТОКМ [Электронный ресурс] : Ф. 1. Оп. 1. Д. 54. Л. 114-115. Копия. Машинопись. – Режим доступа: https://tomskmuseum.ru/about_mus/95/95imvd/otchyoty-i-analiticheskie-zapiski-o-deyatelnosti-toms. – Загл. с экрана.
13. Афанасьева, Г. В. Подзолистые холодные почвы средней тайги Западной Сибири / Г. В. Афанасьева В. И. Василенко // Природные условия Западной Сибири : сб. статей. – Москва, 1971. – Вып. 4.– С. 49-58.
14. Бабанова, Л. Первопроходцы [Электронный ресурс] / Л. Бабанова // Ветеранские вести: газета Томского областного совета ветеранов. – 2012. – Ноябрь, № 9 (18). – С. 4. – Режим доступа : <https://veteran.tomsk.gov.ru/uploads/ckfinder/369/userfiles/files/>. – Загл. с экрана.
15. Базанов, В. А. Роль рельефа и неотектоники в формировании болот левобережья р. Кети / В. А. Базанов, Н. С. Евсеева, Н. Н. Пологова // Вопросы географии Сибири. – Место издания, 1987. – С. 68-86.
16. Базов, А. В. Селенгинская популяция Байкальского омуля: прошлое, настоящее, будущее / А. В. Базов, Н. В. Базова ; ред. : Л. Л. Убугунов, В. А. Петерфельд ; Федер. агентство по рыболовству, Гос. науч.-производ. центр рыб. хоз-ва, Байкал. фил., Сиб. отд-ние РАН, Ин-т общей и эксперимент. биологии СО РАН. – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2016. – 349 с.
17. Барков, В. В. Материалы к геоморфологии реки Тыма / В. В. Барков // Вопросы географии Сибири. – Томск, 1951. – Вып. 2. – С. 177-194.
18. Барнаул. Юбилейные даты – библиотека № 17 ЦБСБ [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://ok.ru/barnaul.y/topic/66715455146894>. – Загл. с экрана.
19. Барнаульский кафедральный собор в честь Покрова Пресвятой Богородицы, в Заячьей слободе Барнаульской епархии [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://drevo-info.ru/articles/17166.html>. – Загл. с экрана.
20. Барнаульское реальное училище [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://ru.wikipedia.org/wiki/>. – Загл. с экрана. (дата обращения 12.05.2018).
21. Башкирская энциклопедия : в 7 т. / Гл. ред. М.А. Ильгамов. Т. 1. : А – Б. – Уфа: Башкирская энциклопедия, 2005. – 623 с.
22. Башкирский государственный аграрный университет. Становление и развитие Башкирского государственного аграрного университета [Электронный ресурс]. – Режим доступа :

- https://bsau.ru/about_university/history/beginning/. – Загл. с экрана.
23. Без малого 100: Пермская государственная сельскохозяйственная академия с 1918 года в высшем сельскохозяйственном образовании – время выбрало нас. – 2-е изд., испр. и доп. – Пермь : Изд-во Пермской ГСХА, 2013. – 302 с.
 24. Беклемишев Владимир Николаевич [Электронный ресурс] : биографическая справка // Научное наследие России : электронная библиотека. – Москва, 1998. – Режим доступа : <http://e-heritage.ru/ras/view/person/history.html?id=47733958>. – Загл. с экрана.
 25. Беклемишев, В. Н. Общество естествоиспытателей при Пермском Университете : истор. очерк / В. Н. Беклемишев // Труды Общества естествоиспытателей при Пермском Университете : протоколы заседаний за 1917-23 гг. – Пермь, 1924. – Т. 1, вып. 1. – С. 3-7.
 26. Беломорская биологическая станция им. Н. А. Перцова биологического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. Работы научно-промышленной экспедиции по изучению реки Оби и ее бассейна [Электронный ресурс]. Т. 1, вып. 2. – Режим доступа : <http://en.wsbs-msu.ru/dict/view.php?ID=122>. – Загл. с экрана.
 27. Белянин, Д. Н. Столыпинская переселенческая политика в Томской губернии: 1906-1914 гг.: дис. ... канд. истор. наук: 07.00.02. / Белянин Дмитрий Николаевич. – Кемерово, 2003. – 314 с.
 28. Берг, Л. С. Избранные труды : в 5 т. Т. 3 : Средняя Азия-Лесс / Л. С. Берг ; [ред. Э. М. Мурзав] ; АН СССР. – Москва: Изд-во АН СССР, 1960. – 551 с.
 29. Берг, Л. С. Климат и жизнь / Л.С. Берг. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : ОГИЗ, 1947. – 356 с.
 30. Березин, Л. В. С. С. Неуструев – организатор кафедры почвоведения / Л. В. Березин // Вестник ОмГАУ. – 2018. – № 1 (29). – С. 158-168.
 31. Березовский, А. Кеть / А. Березовский // Сибирская советская энциклопедия : в 4 т.– Новосибирск, 1929. – Т. 2: 3-К.– С. 653-654.
 32. Берников, В. Кафедра почвоведения при Омском сельскохозяйственном институте им. С. М. Кирова за 20 лет работы / В. Берников // Почвоведение. – 1940. – № 7. – С. 78-79.
 33. Бескудниковская ветка. Бескудниково – Лосиноостровская. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.noorderlingen.org/pages/40003.htm>. – Загл. с экрана.
 34. Богомолов Д. В. // Башкортостан: Краткая энциклопедия. – Уфа : НИ Башкирская энциклопедия, 1996. – 672 с.
 35. Богомолов, Д. В. Почвы Башкирии / Д. В. Богомолов. – Москва : Изд-во АН СССР, 1954. – 294 с.
 36. Ботаника и ботаники в Томске. К 100-летию со дня рождения Антонины Васильевны Положий / ред. : А. С. Ревушкин, И. И. Гуреева. – Томск : Издат. дом Томского гос.ун-та, 2017. – 398 с.
 37. Ботанический институт имени В. Л. Комарова Российской академии наук [Электронный ресурс] // Фотоматериалы Переселенческого управления. – Режим доступа : <https://www.binran.ru/structure/museum/kollekti/immigr.php>. – Загл. с экрана.
 38. Ботанический сад-институт УНЦ РАН [Электронный ресурс]. Режим доступа : <http://уфаботсад.рф/istoriya/>. – Загл. с экрана.
 39. Бреславец, Л. П. Науку он ставил превыше всего / Л. П. Бреславец // Николай Иванович Вавилов : очерки, воспоминания, материалы. – Москва, 1987. – С. 85-89.
 40. Бушинский, В. П. Организация хозяйства при орошении в засушливых районах / В. П. Бушинский, В. А. Мантейфель // Изыскания по орошению в Семипалатинской области. – Москва, 1915. – Т. 1, вып. 1 : Материалы по изучению экономических условий Семипалатинской области. – 87 с.
 41. В конечном итоге я буду оправдан... Ильин Ростислав Сергеевич [Электронный ресурс] // Следственная тюрьма НКВД : мемориальный музей. – Режим доступа : <http://nkvd.tomsk.ru/researches/passional/ilin--rostislav--sergeevich/>. – Загл. с экрана.
 42. Вавилов, Ю. Н. В долгом поиске. Книга о братьях Николае и Сергее Вавиловых / Ю. Н. Вавилов. – Москва : ФИАН, 2008. – 368 с.
 43. Варгин Владимир Николаевич / Пермская ГСХА ; сост. С. В. Гриценко, Г. И. Жаворонкова ; ред. Ю. Н. Зубарев, С. Л. Елисеев. – Пермь : Прокрость, 2017. – 267 с.
 44. Варгин, В. Н. Почвоведение / В. Н. Варгин.– 5-е изд. – Санкт-Петербург : Изд-во А.Ф. Девриена, 1915. – 64 с.
 45. Васильев, А. А. Из истории кафедры почвоведения (1923-2013 гг.). / А. А. Васильев // Маринка. – 2013. – № 2. – С. 5.
 46. Васильев, А. А. История кафедры почвоведения [Электронный ресурс] / А. А. Васильев. –

- Режим доступа : https://pgsha.ru/export/sites/default/faculties/agrohim/cathedras/soil/soil_files/history_soil_04.12.pdf. – Загл. с экрана.
47. Васильев, А. А. Томский период в научной биографии Владимира Николаевича Варгина и предыстория кафедры почвоведения [Электронный ресурс] / А. А. Васильев // Маринка. – 2018. – № 6. – С. 2-3. – Режим доступа : https://pgsha.ru/export/sites/default/generalinfo/library/lib_docs/mariinka-iyun_-19.06.pdf. – Загл. с экрана.
 48. Вашук, Л. Н. Опыт применения статистического метода обследования лесов Приангарья в 1932 году / Л. Н. Вашук // Сибирский лесной журнал. – 2014. – № 5. – С. 105-112.
 49. Вельтищев, П. А. Вредители гваяюлы в СССР / П. А. Вельтищев // Советские субтропики. – 1937. – № 9. – С.74-75.
 50. Вельтищева, Л. Я. Некоторые данные по вопросу образования и расходования каучука у гваяюлы (*Partheniumar gentatum* Gray)/ Л. Я. Вельтищева// Физиология и анатомия каучуконосов: сб. работ. – Москва, 1936. – С. 199-206.
 51. Вельтищева, Л. Я. Отчет физиологической лаборатории Маргушеванской научно-исследовательскойстанции : рукопись / Л. Я. Вельтищева // Архив Ин-та каучуконосов, 1935.
 52. Веремеев, Ю. Анатомия армии. Всеобщая воинская обязанность в России в 1913 году [Электронный ресурс] / Ю. Веремеев. – Режим доступа : <http://army.armor.kiev.ua/hist/voen-povin-1913.php>. – Загл. с экрана.
 53. Вестник сельскохозяйственной литературы [Электронный ресурс]. 1938. – Режим доступа : <https://books.google.ru/books?id>. – Загл. с экрана.
 54. Вид на железнодорожную станцию Тайга Томской железной дороги (1906 год, город Тайга, Томский уезд Томской губернии) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : [http://towiki.ru/view/Файл:Тайга_Станция_\(1906\).jpg](http://towiki.ru/view/Файл:Тайга_Станция_(1906).jpg). – Загл. с экрана.
 55. Возбуждая Амалия Ефимовна [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://www.myheritage.com/person-1000016_296479931_296479931/амалия-возбуждая?lang=RU. – Загл. с экрана.
 56. Вологжанина, Т. Кафедра юбилею / Т. Вологжанина // За сельскохозяйственные кадры. – 1981. – 15 июля, № 24 (679). – С. 2.
 57. Восемь знаменитых женщин Томска [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://obzor.westsib.ru/article/565933---vosem-znamenityh-zhenshchin-tomska>. – Загл. с экрана.
 58. Выветривание и почвообразование : [сб. ст.] / АН СССР ; отв. ред. Б. Б. Польшов, И. В. Тюрин. – Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1950. – 211 с. – (Труды Почвенного ин-та им. В. В. Докучаева; т. 34).
 59. Гайсин, О. Д. История Александровской женской гимназии [Электронный ресурс] / О. Д. Гайсин. – Режим доступа : <https://sites.google.com/a/diaghilev.perm.ru/istoria-doma/h>. – Загл. с экрана.
 60. ГАПК. Ф. р-180. Оп. 2. Д.336.
 61. ГАПК. Ф. р-180. Оп. 2. Д. 345.
 62. ГАПК. Ф. р-180. Оп. 2. Д. 565.
 63. ГАПК. Ф. р-180. Оп. 6. Д. 62.
 64. ГАПК. Ф. р-180. Оп. 6. Д. 265.
 65. ГАПК. Ф. р-180. Оп. 6. Д. 439.
 66. ГАПК. Ф. р-180. Оп. 6. Д. 886.
 67. ГАПК. Ф. р-554. Оп. 1. Д. 478.
 68. ГАТО Ф. р-629, 172 ед. хр., 1919–1943 гг. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://portal.rusarchives.ru/guide/gato/sh27.shtml>. – Загл. с экрана.
 69. ГАТО. Ф. р-215, 873 ед. хр., 1925-1931 гг.оп.1, 473 ед. хр. (в том числе л. с.), 1925–1931 гг. оп. 2, 400 ед. хр. (л. с.), 1925-1931 гг. [Электронный ресурс]. – Режим доступа:<http://portal.rusarchives.ru/guide/gato/sh31.shtml>. – Загл. с экрана.
 70. ГБУ КО «Тайгинский психоневрологический интернат» [Электронный ресурс] : историческая справка. – Режим доступа : <http://tinternat.kmr.socinfo.ru/istoricheskaya-spravka>. – Загл. с экрана.
 71. Гваяюла // Большая Советская энциклопедия : в 51 т. – 2-е изд. – Москва,1952. – Т. 10 : Газель-Германия. – С. 288-289.
 72. Гельтман, Д. В. Воспоминания по революционной истории БИНа Н. В. Шипчинского / Д. В. Гельтман, М. П. Андреев // Историко-биологические исследования. – 2014. – № 3. – С. 74-89.
 73. Геммерлинг, В. В. О метаморфозе почвенных образований : реферат доклада / В. В. Геммерлинг // Дневник XII съезда естествоиспытателей и врачей. – Москва, 1910. – Отд. 2. – С. 629-631.
 74. Геммерлинг, В. В. Профессор И. А. Шульга / В. В. Геммерлинг // Почвоведение. – 1947. – № 7. – С. 433-435.

75. Генеалогический форум ВГД. Дневники участников. Дневник shveda. Военный раздел. 5-я армия. 1918-1920 гг. [Электронный ресурс] : донесения, приказы, политсводки. – Режим доступа : <http://forum.vgd.ru/post/1531/60801/p1795727.htm>. – Загл. с экрана.
76. Генкель, А. Г. Пятилетие агрофака в Перми [Электронный ресурс] / А. Г. Генкель // Экономика. – 1923. – № 5. – С. 53-55. – Режим доступа : <http://arch.permculture.ru/handle/permculture/2218>. – Загл. с экрана.
77. Генкель, П. А. Дмитрий Анатольевич Сабинин, 1889-1951 / П. А. Генкель. – Москва : Наука, 1980. – 183 с.
78. География Томской области / ред. А. А. Земцов. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1988. – 246 с.
79. Гилева, С. И. Сюзёв Павел Васильевич [Электронный ресурс] / С. И. Гилева // Электронная энциклопедия «Пермский край». – Режим доступа : <http://enc.permculture.ru/showObject.do?object=1803700848>. – Загл. с экрана.
80. Гончаров, Н. П. Организатор системы государственного сортоиспытания и выдающийся селекционер (130 лет со дня рождения В. В. Таланова) [Электронный ресурс] / Н. П. Гончаров // Информационный вестник ВОГиС. – 2002. – № 20. – Режим доступа : http://www.bionet.nsc.ru/vogis/vestnik.php?f=2002&p=20_5. – Загл. с экрана.
81. Гончаров, Н. П. Экспедиции Н. И. Вавилова / Н. П. Гончаров // Вавиловский журнал генетики и селекции. – 2012. – Т. 16, № 3. – С. 560-578.
82. Гордеев, А. Г. Деятельность Бийской Городской думы в период с июня 1918 по декабрь 1919 гг. / А. Г. Гордеев // Вестник КемГУ. – 2017. – № 3 (71). – С. 39-43.
83. Гордеев, В. А. Соболевский Петр Константинович (1868-1949) / В. А. Гордеев // Известия УГГУ. – 2010. – № 24. – С. 166-171.
84. Город на память. Императорский Московский университет (Моховая, 11) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://evgechesnokov.livejournal.com/71205.html>. – Загл. с экрана.
85. Городков, Б. Н. Почвенные районы Уральской области / Б. Н. Городков, С. С. Неуструев // Урал : технико-экономический сборник. – Свердловск, 1923. – Вып. 5. – С. 3-90.
86. Горшенин Константин Павлович [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://ru.wikipedia.org/wiki/Горшенин_Константин_Павлович. – Загл. с экрана.
87. Горюшкин, Л. М. Источники по истории крестьянства и сельского хозяйства Сибири / Л. М. Горюшкин ; Новосиб. гос. ун-т им. Ленинского комсомола. – Новосибирск : Изд-во НГУ, 1973. – 96 с.
88. Гражданская (1917-1922). Белое движение. Участники Белого движения в России [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://погибшие.рф/arhiv/uchastniki-grazhdanskoj-vojny/uchastniki-belogo-dvizheniya-v-rossii/uchastniki-belogo-dvizheniya-v-rossii-dl-ds.html>. – Загл. с экрана.
89. Гусев, В. Г. Натуралист, педагог, писатель (Памяти П. А. Мантейфеля) / В.Г. Гусев // Охотничьи просторы : альманах. – Место издания, 1962. – Вып. 16. – С. 159-164.
90. Гусев, С. И. Метеорологические условия зимовки гвайюлы в 1931 г. : рукопись / С. И. Гусев. Рукопись цитируется по: Черепанов, В. И. Материалы по районированию гвайюлы в Азербайджане. (Из итогов трехлетней работы) / В. И. Черепанов // Труды Ботанического института Азербайджанского филиала Академии наук СССР. – Баку, 1936. – Т. 2. – С. 119-146.
91. Гусев, С. И. Отчет о работе отдела метеорологии Маргушеванской НИС в 1931 г. : рукопись / С. И. Гусев. Рукопись цитируется по: Черепанов, В. И. Материалы по районированию гвайюлы в Азербайджане. (Из итогов трехлетней работы) / В. И. Черепанов // Труды Ботанического института Азербайджанского филиала Академии наук СССР. – Баку, 1936. – Т. 2. – С. 119-146.
92. Гусев, С. И. Отчет отдела агрометеорологии Маргушеванской НИС по гвайюле за 1930-1935 г. : рукопись / С. И. Гусев. 1936.
93. Гусев, С. И. Сентябрьские фены 1931 г. и их действие на гвайюлу в условиях АССР : рукопись / С. И. Гусев, Т. В. Фролов. Рукопись цитируется по: Черепанов, В. И. Материалы по районированию гвайюлы в Азербайджане. (Из итогов трехлетней работы) / В. И. Черепанов // Труды Ботанического института Азербайджанского филиала Академии наук СССР. – Баку, 1936. – Т. 2. – С. 119-146.
94. Димо Николай Александрович [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://ru.wikipedia.org/wiki/Димо,_Николай_Александрович. – Загл. с экрана.
95. Дмитриенко, Н. М. Томский технологический институт и купечество: опыт делового сотрудничества (1890-е – 1910-е гг.) / Н. М. Дмитриенко, С. Е. Григорьева // Вестник Томского государственного университета. История. – 2015. – № 3 (35). – С. 16-20.
96. Добряков Николай Филлипович // Бессмертный батальон : книга памяти об участниках Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. сотрудниках и студентах Молотовского СХИ. – Пермь, 2015. – С. 81-82.

97. Добряков Николай Филлипович // Опаленные войной. Книга памяти о сотрудниках Молотовского СХИ – участниках трудового фронта 1941-1945 гг. – Пермь, 2015. – С. 205-207.
98. Домрачева, Е. А. Физико-механический и химический анализ почвы : краткое руководство / Е. А. Домрачева; авт. предисл. С. П. Кравкова. – Москва ; Ленинград : Гос. изд-во, 1928. – 170 с.
99. Донченко, А. С. Реформирование высшей школы Советского государства в декретах и постановлениях партии и правительства (1917-1938 гг.) / А. С. Донченко, Т. Н. Самолова // Вестник КрасГАУ. – 2014. – № 10. – С. 229-235.
100. Достопримечательности России (Russights.ru) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://russights.ru/post_1449269938.html. – Загл. с экрана.
101. Древоград. Справочник по лесу. Биографии. Горшенин Константин Павлович [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.derev-grad.ru/biografii/gorshenin-konstantin-ravlovich.html>. – Загл. с экрана.
102. Древо – открытая православная энциклопедия. Барнаульская епархия [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://drevo-info.ru/articles/6012.html>. – Загл. с экрана.
103. Дунбинский, И. А. Институт исследования Сибири и подготовка исследователей / И. А. Дунбинский // Вестник Томского государственного университета. История. – 2012. – № 4 (20). – С. 54-56.
104. Дьяков, В. П. Изменение свойств дерново-подзолистых почв тяжелого механического состава Среднего Предуралья при окультуривании : автореф. дис. ... канд. с.-х. наук / Дьяков Валерий Павлович; Пермский с.-х. ин-т им. Д. Н. Прянишникова. – Пермь, 1971. – 25 с.
105. Евдокимова, Т. И. Краткая история кафедры общего почвоведения (1922-2003) (научная, педагогическая и общественная деятельность) / Т.И. Евдокимова; под ред. А. С. Владыченского. – Москва. : НИИ-Природа, 2004. – 104 с.
106. Евдокимова, Т. И. Профессор Иван Петрович Жолчинский (забытые страницы истории) / Т. И. Евдокимова // Почвоведение. – 2002. – № 6. – С. 741-747.
107. Евсеева, Н. С. География Томской области. (Природные условия и ресурсы) / Н. С. Евсеева. – Томск : Изд-во Томского ун-та, 2001. – 223 с.
108. Евсеева, Н. С. Геоморфология бассейна р. Тым / Н. С. Евсеева, А. А. Земцов // Вопросы географии Сибири. – Томск, 1999. – Вып. 23. – С. 52-64.
109. Евсеева, Н. С. Деформации берегов р. Кети и связанные с ними процессы / Н. С. Евсеева, А. А. Земцов // Вопросы географии Сибири. – Томск, 1978. – Вып. 11. – С. 121-129.
110. Евсеева, Н. С. Краткий очерк природы Верхнекетского района / Н. С. Евсеева // Земля верхнекетская: сб. науч.-поп. очерков к 60-летию образования Верхнекетского района. – Томск, 1997. – С. 37-49.
111. Евсеева, Н. С. Современный морфолитогенез юго-востока Западно-Сибирской равнины / Н. С. Евсеева. – Томск : Изд-во НТЛ, 2009. – 484 с.
112. Елина, О. Ю. Сельскохозяйственные опытные станции в начале 1920-х гг: советский вариант реформы / О. Ю. Елина // На переломе: советская биология в 20–30-х. – Санкт-Петербург, 1997. – С. 27-85.
113. Жаворонкова, Г. И. Возбуждая Амалия Ефимовна. Подвиг жизни / Г. И. Жаворонкова // Лики истории. – Пермь, 2015. – С. 56-58.
114. Жертвы политических репрессий Иркутской области: память и предупреждение будущему [Электронный ресурс] : 8 т. / ред. : П. П. Боханов [и др.]. – Иркутск : Иркутск. обл. типография № 1, 1998-2006. – Режим доступа : http://www.ирк-ажпр.рф/foto/knigi_pamyati/tom8_3_sim-spu.pdf. – Загл. с экрана.
115. Журналы заседаний совета Института исследования Сибири (13 ноября 1919 г. – 16 сентября 1920 г.) / отв. ред. С.Ф. Фоминых. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2008. – 264 с.
116. Жучкова, А. История ТОС – Таежной опытной станции / А. Жучкова // Живи, Кузнецкая земля! : сб. материалов победителей и призёров обл. турист.-краевед. конф., 5 декабря 2017 г. – Кемерово, 2018. – С. 19-21.
117. Заплавный, С. «Сибирь меня не забудет...» / С. Заплавный // Красное знамя. – 1991. – 9 апр. – С. 3.
118. Зленко, К. В. Протоколы заседаний естественно-исторического отдела Института исследования Сибири как источник по истории (1919-1920 гг.) / К. В. Зленко, С. А. Некрылов // Документ как социокультурный феномен : сб. материалов IV Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (29-30 октября 2009 ; Томск). – Томск, 2010. – С. 564-567.
119. Зубкова, Т. А. Роль почвенных исследований в освоении Азиатской России и переселенче-

- ском движении в начале XX века / Т. А. Зубкова, О. Н. Тынянова // Вестник АГАУ. – 2013. – № 12 (110). – С. 20-26.
120. Иванов, Вс. Н. Исход. Повествование о времени и о себе [Электронный ресурс] / Вс. Н. Иванов // Дальний Восток. – 1994. – № 12. – С. 3-75. – Режим доступа : <http://bekishev.ru/public/ivanov-2-4354/>. – Загл. с экрана.
 121. Иванов, И. В. История отечественного почвоведения : развитие идей, дифференциация, институционализация : в 2 кн. Кн. 1. 1870-1947 гг. / И. В. Иванов. – Москва : Наука, 2003. – 397 с.
 122. Иванов, И. В. Непреходящая актуальность научных идей Ростислава Сергеевича Ильина / И. В. Иванов // Отражение био-, гео-, антропосферных взаимодействий в почвах и почвенном покрове : сб. материалов VI Всерос. конф. с междунар. участием, посвящ. 125-летию со дня рожд. Ростислава Сергеевича Ильина. – Томск, 2016. – С. 11-15.
 123. Ильин Ростислав Сергеевич (ученый, географ, почвовед, геолог, геоморфолог; 1891-1937) // Томские музеи. Музеи университетов : материалы к энциклопедии «Музеи и музейное дело Томской области». – Томск, 2012. – С. 122.
 124. Ильин Ростислав Сергеевич. Мартиролог. Архивы [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://nkvd.tomsk.ru/researches/passional/ilin--rostislav--sergeev>. – Загл. с экрана.
 125. Ильин, В. Н. Единоверие в XIX в. на территории Томской губернии / В. Н. Ильин // Известия АлтГУ. – 2012. – № 4/2 (76/2). – С. 85-91.
 126. Ильин, Р. С. О генезисе лёссов и других покровных пород скульптурных равнин / Р. С. Ильин // Почвоведение. – 1930. – № 1-2. – С. 159-163.
 127. Ильин, Р. С. О происхождении рельефа, поверхностных пород и почв Томского района / Р. С. Ильин // Труды Томского областного краеведческого музея. – Томск, 1927. – Т. 3, вып. 1. – С. 18-46.
 128. Ильин, Р. С. Об условиях почвообразования в Томском округе / Р. С. Ильин // Труды Томского областного краеведческого музея. – Томск, 1927. – Т. 3, вып. 1. – С. 1-17.
 129. Ильин, Р. С. Природа Нарымского края : рельеф, геология, ландшафты, почвы / Р. С. Ильин. – Томск : Изд-во Общества изучения Сибири и ее производительных сил, 1930. – 349 с.
 130. Ильин, Р. С. Происхождение лёссов (из истории вопроса) / Р. С. Ильин. – Москва : Наука, 1978. – 236 с.
 131. Инешин, Е. Репрессии были общенародным движением. [Электронный ресурс] / Е. Инешин // Ежедневник "Аргументы и Факты" № 42 14/10/2009 – Режим доступа : <http://www.irk.aif.ru/society/persona/76306>. – Загл. с экрана.
 132. Интеллигент, ученый, педагог // ALMA MATER. – 2012. – 27 марта, №2519. – С. 4.
 133. Интернет энциклопедия. Русские путешественники и мореплаватели. Неуструев Сергей Семенович, физико-географ, почвовед [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://russ-travelers.ru/neustruev-sergej-semenovich/>. – Загл. с экрана.
 134. Исторический музей Тайгинского городского округа. История города Тайги [Электронный ресурс] : ч. 1. – Режим доступа : http://taigamuz.ucoz.ru/index/istorija_goroda_tajgi_1_chast/0-22. – Загл. с экрана.
 135. История лесной промышленности в Красноярском крае [Электронный ресурс] // Энциклопедия Красноярского края. – Режим доступа : <http://my.krskstate.ru/docs/ecology/istoriya-lesnoy-promyshlennosti/>. – Загл. с экрана.
 136. К 40-летию БАМа 18.04.2014. Новости университета. Университетская жизнь. Сибирский государственный университет путей сообщения [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.stu.ru/news/index.php?news=845>. – Загл. с экрана.
 137. Казыдуб, Н. Г. История агрономического факультета ОмГАУ: от «насаждения культурного хозяйства» до селекционной науки (1910-1930-е гг.) / Н. Г. Казыдуб, О. А. Милищенко // Азиатская Россия: люди и структуры империи : сб. науч. тр. – Омск, 2016. – С. 449-456.
 138. Как Тайшет стал городом. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.t24.su/wp-content/uploads/2018/03/old-mm-227.jpg>. – Загл. с экрана.
 139. Калугин, В. Е. К характеристике почв бассейна р. Пайдугиной / В. Е. Калугин // Почвоведение. – 1969. – № 2. – С. 12-22.
 140. Карапетян, Б. Маргушеван – Марага [Электронный ресурс] : документ. повесть / Б. Карапетян ; пер. с армян. Г. Кубатьян. – Ереван : Фонд Шуши, 2013. – 195 с. – Режим доступа : <https://miaban.ru/themes/gen-in-azer/bakur-maraga/>. – Загл. с экрана.
 141. Карначев, А. Е. История лесоводческих исследований: учеб. пособие / А. Е. Карначев,

- А. А. Яковлев / науч. ред. Л. А. Зайцева ; Бурятская ГСХА им. В. Р. Филиппова. – Улан-Удэ : Изд-во БГСХА им. В. Р. Филиппова, 2009. – 124 с.
142. Карпинец, А. Ю. Некоторые проблемы реализации переселенческо-колониционной политики в Сибири в период первой половины 1920-х годов (по материалам газеты «Советская Сибирь») / А. Ю. Карпинец // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2013. – № 3 (2). – С. 228-234.
143. Карта Тайгинского района 1931 года 9282x6732 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.etomesto.ru/img_map.php?id=3013. – Загл. с экрана.
144. Карцева, Н. П. Штрихи к портрету ректора [Электронный ресурс] / Н. П. Карцева // Материалы конференции «Пермская элита: история, развитие, современное состояние» (январь-февраль 2003). – Режим доступа : http://elis.pstu.ru/index.php?a=9&pod_id=29&pod3_id=234. – Загл. с экрана.
145. Кафедра почвоведения: историческая ретроспектива и современность // Материалы III Всероссийской научной конференции «Современные проблемы почвоведения и оценки земель Сибири», посвященной 75-летию со дня основания кафедры почвоведения Томского государственного университета. – Томск, 2005. – С. 6-9.
146. Клавдия Андреевна Уфимцева (к 90-летию со дня рождения) // Почвоведение. – 2003. – № 11. – С. 1403-1404.
147. Климентьев, А. И. Сергей Семенович Неуструев – теоретик почвоведения: личность и научные идеи (к 140-летию Сергея Семеновича Неуструева) / А. И. Климентьев, И. В. Иванов, Л. В. Березин // БОНЦ УрО РАН. – 2015. – № 1. – С. 1-30.
148. Коробейников, В. Г. Лесорасчистные и корчевальные работы на сибирских совхозах, колхозах и МТС : инструкция, техн. условия и расчеты проведения лесорасчисток / В. Г. Коробейников ; [авт. предисл. Н. И. Черепанов]. – Томск : Сибир. науч.-опыт. таежная станция, 1933. – 123 с. – (Труды Сибирской научно-опытной таежной станции. Цикл лесотехнический / Наркомзем СССР ; ВАСХНИЛ ; Сибир. науч.-опыт. таежная станция ; Вып. 2).
149. Коробейников, В. Г. Освободим новые площади под посевы : практ. руководство по корчеванию / В. Г. Коробейников; [авт. предисл. В. Лошаков] ; Нарымск. полеводческо-животноводческая станция. – Новосибирск : Западно-Сибир. изд-во, 1936. – 71 с.
150. Коротаяев, Н. Я. Почвы Пермской области / Н. Я. Коротаяев. – Пермь : Кн. изд-во, 1962. – 278 с.
151. Коротаяева (Быстрова) Елизавета Михайловна // Бессмертный батальон : книга памяти об участниках Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. сотрудниках и студентах Молотовского СХИ. – Пермь, 2015. – С. 218-220.
152. Красильников, С. А. Серп и молот: крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы / С. А. Красильников. – Москва : Российская политическая энциклопедия, 2003. – 288 с.
153. Красильников, С. А. Ученые и политический режим в 30-е годы (по материалам Западной Сибири) / С. А. Красильников, Г. П. Сергеевых // Кадры науки советской Сибири: проблемы истории. – Новосибирск, 1991. – С. 128.
154. Краснопёрова, Н. В. Золотов Михаил Евгеньевич / Н. В. Краснопёрова // Варгин Владимир Николаевич. – Пермь, 2017. – С. 169-174.
155. Краткая история развития научно-педагогического коллектива кафедры почвоведения и экологии почв Национального исследовательского Томского государственного университета // Отражение био-, гео-, антропоферных взаимодействий в почвах и почвенном покрове : сб. материалов V Междунар. науч. конф., посвящ. 85-летию кафедры почвоведения и экологии почв ТГУ (7–11 сентября 2015 ; Томск). – Томск, 2015. – С. 7-10.
156. Краткий исторический очерк Томского университета за первые 25 лет его существования (1888–1913 гг.). – Томск : Типо-лит. Санкт-Петербург. товарищества печ. дела, 1917. – 544 с.
157. Крашенинников, Н. А. К выращиванию рассады гваялы в поливном питомнике / Н. А. Крашенинников, Л. И. Агеев // Советские субтропики. – 1940. – № 4. – С. 38-41.
158. Крейдун, Ю. А. (свящ.) Протоиерей Анемподист Завадовский, Иоанн Смирнов и Николай Корольков и их роль в системе просвещения и образования г. Барнаула [Электронный ресурс] / Ю. А. Крейдун, Т. В. Скворцова. – Режим доступа : <http://www.altai-eparhia.ru/eparhia/otdel/kanon/news/?ID=4467>. – Загл. с экрана.
159. Крупеников, И. А. Василий Робертович Вильямс. 1863-1939 / И. А. Крупеников, Л. А. Крупеников. – Москва : Мол. гвардия, 1952. – 544 с.
160. Крупеников, И. А. История почвоведения от времени его зарождения до наших дней / И. А. Крупеников. – Москва : Наука, 1981. – 328 с.
161. Круч, И. Н. Вячеслав Павлович Балиев и становление опытной и образовательной базы Ом-

- ского опытного поля, Омского среднего сельскохозяйственного училища и Сибирского сельскохозяйственного института (1910-1923 гг.) [Электронный ресурс] / И. Н. Круч, О. А. Мищенко // Электронный научно-методический журнал Омского ГАУ. – 2017. – № 4 (11). – Режим доступа : <http://ejournal.omgau.ru/images/issues/2017/4/00472.pdf>. – Загл. с экрана.
162. Крюков, В. «Сибирь меня не забудет» / В. Крюков // Реальный сектор. – 2018. – № 1 (96). – С. 20-21.
163. Кудрявцева, Е. На лысой горе [Электронный ресурс] / Е. Кудрявцева. – Режим доступа : <http://omskgazeta.ru/gorod/na-lysoj-gore>. – Загл. с экрана.
164. Кузнецов, К. А. Почвы Томской области/ К. А. Кузнецов // Вопросы географии Сибири. – Томск, 1951. – Вып. 2. – С. 69-86.
165. Кузьмин, С. П. Влияние интенсивности освещения на развитие и накопление каучука в растениях / С. П. Кузьмин // Физиология и анатомия каучуконосов : сб. работ. – Москва, 1936. – С. 50-58.
166. Кузьмин, С. П. Вымерзание гвайюлы и меры борьбы с ним : рукопись / С. П. Кузьмин. Рукопись цитируется по: Черепанов, В. И. Материалы по районированию гвайюлы в Азербайджане. (Из итогов трехлетней работы) / В. И. Черепанов // Труды Ботанического института Азербайджанского филиала Академии наук СССР. – Баку, 1936. – Т. 2. – С. 119-146.
167. Кузьмин, С. П. Гвайюла на различной влажности почвы : рукопись / С. П. Кузьмин. Цитируется по : Черепанов, В. И. Материалы по районированию гвайюлы в Азербайджане. (Из итогов трехлетней работы) / В. И. Черепанов // Труды Ботанического института Азербайджанского филиала Академии наук СССР. – Баку, 1936. – Т. 2. – С. 119-146.
168. Кузьмин, С. П. Культура гвайюлы (*Parthenium gentatum* Gray) при разной влажности почвы (Отдел физиологии Маргушеванской опытной станции) / С. П. Кузьмин // Физиология и анатомия каучуконосов : сб. работ. – Москва, 1936. – С. 10-49.
169. Кузьмин, С. П. Режим поливов гвайюлы под углом зрения повышения зимостойкости гвайюлы : рукопись / С. П. Кузьмин. Рукопись цитируется по: Черепанов, В. И. Материалы по районированию гвайюлы в Азербайджане. (Из итогов трехлетней работы) / В. И. Черепанов // Труды Ботанического института Азербайджанского филиала Академии наук СССР. – Баку, 1936. – Т. 2. – С. 119-146.
170. Кузьмин, С. П. Стимуляция процесса прорастания семян и влияние удобрений на развитие молодых сеянцев гвайюлы / С. П. Кузьмин // Советский каучук. – 1934. – № 3. – С. 23-32.
171. Кулижский, С. П. История изучения почвенного покрова Томского Приобья (от Смирнова И. И. до наших дней) / С. П. Кулижский, Л. И. Герасько // История и методология физиолого-биохимических и почвенных исследований : сб. науч. тр. по материалам науч. конф., посвящ. 100-летию кафедры физиологии растений и микроорганизмов Пермского гос. национ. исследоват. ун-та. – Пермь, 2017. – С. 142-145.
172. Кулижский, С. П. Научные исследования и подготовка кадров на кафедре почвоведения Томского университета / С. П. Кулижский // Биолого-почвенный факультет: прошлое, настоящее и будущее : материалы науч. конф., посвящ. 125-летию основания Томского гос. ун-та и 70-летию биолого-почв. факультета, 23-24 апреля 2003 г. – Томск, 2003. – С. 72-80.
173. Куприянов, А. Н. Арабески ботаники : в 2 кн. Кн. 2: Томские корни / А. Н. Куприянов. – Кемерово : Мастерская АЗ, 2003. – 223 с.
174. Куприянов, С. И. Материалы по изучению лесов Сарапульского округа / С. И. Куприянов // Ученые записки Пермского государственного университета. – Пермь, 1930. – № 3 : Отдел Сельское хозяйство, вып. 1. – С. 93-120.
175. Купцов Александр Иванович [Электронный ресурс] // Электронная энциклопедия Томского государственного университета. – Режим доступа : http://wiki.tsu.ru/wiki/index.php/Купцов_Александр_Иванович. – Загл. с экрана.
176. Купцов, А. И. О некоторых латиноамериканских приоритетах Н. И. Вавилова / А. И. Купцов // Латинская Америка в трудах и творческом наследии академика Н. И. Вавилова. (К 100-летию со дня рождения) : [сб.]. – Москва, 1987. – С. 33-35.
177. Купцов, А. И. Первые селекционные сорта гвайюлы / А. И. Купцов // Советские субтропики. – 1937. – № 7.
178. Курас, М. В. Исторические аспекты использования отечественных видов растительного сырья для промышленного производства натурального каучука и спирта : дис. ... канд. техн. наук : 07.00.10, 02.00.13 / Курас Марина Викторовна ; [Уфим. гос. нефт. техн. ун-т]. – Уфа, 2008. – 143 с.
179. Куцепаленко, В. Ф. Томская горная школа: исторический очерк / В. Ф. Куцепаленко, В. Г. Лукьянов, С. П. Музыкантов. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2001. – 104 с.

180. Лапин, А. К. Каучуконосы и гуттаперченосы СССР / А. К. Лапин // Природа. – 1936. – № 7. – С. 110-112.
181. Лапин, А. К. Культура каучуконосов / А. К. Лапин // Сельское хозяйство СССР : ежегодник. – Москва, 1935. – С. 65-74.
182. Лесозащитные обследования // Сибирская советская энциклопедия : в 4 т.– Новосибирск, 1931. – Т. 3 : Л-Н. – С. 141-142.
183. Летопись посёлка Зональная Станция [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://letsonal.edu.tomsk.ru/letsonal/predpriatie.html>. – Загл. с экрана.
184. Лики истории / ред. : Ю.Н. Зубарев [и др.] ; М-во сел. х-ва РФ ; Пермская гос. с.-х. акад. им. акад. Д. Н. Прянишникова. – Пермь : Пермская ГСХА, 2015. – 530 с.
185. Липкина, Г. С. Свойства дерново-подзолистых почв на моренных и покровных суглинках / Г. С. Липкина // Почвоведение. – 1969. – № 1. – С. 3-12.
186. Литвинов, А. В. Образование и наука в Томском государственном университете в 20-30-е гг. XX в. / А. В. Литвинов ; под ред. С. Ф. Фоминых. – Томск. : Изд-во Томского ун-та, 2005. – 154 с.
187. Литвинова, О. Г. Обь-Енисейский канал: инженерно-технологический аспект. – Томск : Томский государственный архитектурно-строительный университет, 2018. – 188 с.
188. Ложкина, О. В. Оценка исходного материала и создание сортов двукисточника тростникового (*Phalaroidesarundinacea* (L.) Rausch.) в условиях севера Томской области : дис. ... канд. с.-х. наук : 06.01.05 / Ложкина Ольга Васильевна; [Сибир. науч.-исслед. ин-т кормов Россельхозакадемии]. – Колпашево, 2012. – 167 с.
189. Лучшая школа в Барнауле! Школа № 1, № 6 или № 13? [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://mega-bitva.ru/luchshaya-shkola-v-barnaule-shkola-1-6-ili-13/>. – Загл. с экрана.
190. Лютин А. А. Почвы поймы реки Сырвы : автореф. дис. ... канд. с.-х. наук / Лютин Александр Александрович ; АН СССР, Почв. ин-т им. В. В. Докучаева. – Москва, 1956. – 25 с.
191. Лялин, С. П. Репрессированные почвоведы. Записки Б. Б. Польшова о 1937 г. / С. П. Лялин, Ф. Ф. Перченко // Трагические судьбы: репрессированные ученые Академии наук СССР. – Москва, 1995. – С. 76-90.
192. Макогон, В. Н. Советский натуральный каучук / В. Н. Макогон. – Москва ; Ленинград : Гос. учеб.-педагог. изд-во, 1932. – 80 с.
193. Максимов, Н. А. Материалы к физиологической характеристике гвайюлы / Н. А. Максимов, С. П. Кузьмин, В. И. Иванова // Труды по прикладной ботанике, генетике и селекции. – Л : Издание Всесоюзного Института Прикладной Ботаники и Новых Культур при СНК СССР и Государственного Института Опытной Агрономии НКЗ РСФСР, 1930. Т. XXIV. Вып. 3. – С. 99-145.
194. Маландин, Г. А. Почвы Урала: принципы агротехники и мелиорации / Г. А. Маландин. – Свердловск : [б. и.], 1936. – 328 с.
195. Масалкин, Н. К. 40 лет Пермскому сельскохозяйственному институту имени Д. Н. Прянишникова / Н. К. Масалкин. – Пермь : Изд. с.-х. ин-та, 1958. – 177 с.
196. Маценко, П. А. История становления и развития хирургии в Иркутской области / П.А. Маценко. – Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1970. – 234 с.
197. МБОУ «СОШ № 13» г. Барнаул. Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение «Средняя общеобразовательная школа № 13» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://sch13brn.edu22.info/>. – Загл. с экрана.
198. МГТУ им. Н. Э. Баумана. История Университета. Выпускники и выдающиеся деятели Университета [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://people.bmstu.ru/index.htm>. – Загл. с экрана.
199. Мегаэнциклопедия Кирилла и Мефодия [Электронный ресурс]. –Режим доступа : [http://megabook.ru/media//Вавилов_Николай_Иванович_\(в_Нагорном_Карабахе\)](http://megabook.ru/media//Вавилов_Николай_Иванович_(в_Нагорном_Карабахе)). – Загл. с экрана.
200. Международный институт генеалогических исследований. Программа «Российские Династии». Новости генеалогии. 16 февраля 2007 г. Глумление над памятью [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://geno.ru/news/142/Источник:http://pressa.irk.ru/friday/2007/06/009002.html>. – Загл. с экрана.
201. Мемориальный музей «Следственная тюрьма НКВД». Архивы. Мартиролог. Ильин Ростислав Сергеевич [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://nkvd.tomsk.ru/researches/pas-sional/ilin--rostislav--sergeevich/>. – Загл. с экрана.
202. Меркулов, С. А. Деятельность Василия Васильевича Сапожникова на посту директора Института исследования Сибири / С. А. Меркулов // Вестник Томского государственного университета. История. – 2012. – № 4 (20). – С. 179-182.
203. Мизеров, Б. В. Основные черты палеогеографии Кеть-Тымского Приобья в четвертичном

- периоде / Б. В. Мизеров, А. И. Стрижова // Труды института геологии и геофизики. – Новосибирск, 1964. – Вып. 44 : Четвертичная геология, геоморфология и палеогеография Сибири. – С. 196-217.
204. Милищенко, О. А. Очерк ранней истории агрономического факультета ОмГАУ (1918-1922 гг.) [Электронный ресурс] / О. А. Милищенко. – Режим доступа : http://sibaka-today.ucoz.ru/index/k_jubileju_vuza/0-35. – Загл. с экрана. (дата обращения 22.04.2018).
 205. Милищенко, О. А. Пётр Драверт и Сибак / О. А. Милищенко // Дравертские чтения : материалы регион. науч.-практ. конф., посвящ. 135-летию со дня рожд. П. Л. Драверта (25 ноября 2014 ; Омск). – Омск, 2015. – С. 98-104.
 206. Минеев, В. Г. Агрохимия в Московском университете (к 150-летию кафедры агрохимии и биохимии растений) / В. Г. Минеев. – Москва : КДУ, 2013. – 437 с.
 207. Миращ, Л. Д. ФГНУ «Научно-исследовательский институт экологии рыбохозяйственных водоемов» (Енисейской ихтиологической лаборатории) – 100 лет / Л. Д. Миращ // Рыбоводство и рыбное хозяйство. – 2009. – № 6. – С. 41-48.
 208. Михаил Александрович Винокуров. (К 90-летию со дня рождения и 60-летию научной деятельности) // Почвоведение. – 1974. – № 4. – С. 142-143.
 209. Михайлов, Н. Н. Влажность и физические свойства почв Маргушеванской НИС : рукопись / Н. Н. Михайлов. Рукопись цитируется по: Черепанов, В. И. Материалы по районированию гвайюлы в Азербайджане. (Из итогов трехлетней работы) / В. И. Черепанов // Труды Ботанического института Азербайджанского филиала Академии наук СССР. – Баку, 1936. – Т. 2. – С. 119-146.
 210. Михайлов, Н. Н. Зимовка гвайюлы в связи с почвенными условиями района Маргушеванской НИС : рукопись / Н. Н. Михайлов. Рукопись цитируется по: Черепанов, В. И. Материалы по районированию гвайюлы в Азербайджане. (Из итогов трехлетней работы) / В. И. Черепанов // Труды Ботанического института Азербайджанского филиала Академии наук СССР. – Баку, 1936. – Т. 2. – С. 119-146.
 211. Михайлов, Н. Н. Почвенные характеристики геопосадок гвайюлы 1933 г. : отчёт / Н. Н. Михайлов. Цитируется по: Черепанов, В. И. Материалы по районированию гвайюлы в Азербайджане. (Из итогов трехлетней работы) / В. И. Черепанов // Труды Ботанического института Азербайджанского филиала Академии наук СССР. – Баку, 1936. – Т. 2. – С. 119-146.
 212. Михайлов, Н. Н. Почвы Азербайджанской НИС по гвайюле : рукопись / Н. Н. Михайлов. 1935.
 213. Михайлов, Н. Н. Результаты географических посадок по гвайюле в Азербайджане / Н. Н. Михайлов // Советские субтропики. – 1936. – № 8. – С. 43-49.
 214. Моисеенко, В. М. Крестьянские переселения в 1920-е годы (из истории миграции в России) / В. М. Моисеенко // Демографическое обозрение. – 2015. – Т. 2, № 3. – С. 87-141.
 215. Молчанов, Л. А. «Институт представляется в виде мощного... союза всех коллективов, причастных к делу изучения Сибири». Организация и деятельность Института исследования Сибири в 1919-1920 гг. / Л. А. Молчанов // Вестник архивиста. – 2009. – № 4. – С. 132-141.
 216. Морозов, Н. М. Тайга. Исторический опыт поколений : в 3 т. Т.2 : 1920-1945 гг. / Н. М. Морозов. – Кемерово : ИНТ, 2017. – 497 с.
 217. Морозова, О. М. Тифозная вошь в солдатской шинели. О влиянии естественно-природных факторов на ход и исход Гражданской войны в России [Электронный ресурс] / О. М. Морозова // Релга : научно-культурный журнал. – 2013. – № 1. – Дата депонирования : 05.01.2013. – Режим доступа : <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=3424&level1=main&level2=articles>. – Загл. с экрана.
 218. Москва, расстрельные списки – Коммунарка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://lists.memo.ru/d4/f210.htm>. – Загл. с экрана.
 219. Мотузова, Г. В. Из истории химии почв в Московском Университете [Электронный ресурс] / Г. В. Мотузова. – Режим доступа : <http://soil.msu.ru/kaf-himia/himia-kafedra/himia-istoria/1846-iz-istorii-khimii-pochv-v-moskovskom-universitete>. – Загл. с экрана.
 220. Музейные фонды : Томский краеведческий начал публикацию архивных фотоматериалов. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://obzor.westsib.ru/article/378554>. – Загл. с экрана.
 221. Муниципальное образование город Пермь. Новости Перми за 05.10.2018. [Электронный ресурс] – Режим доступа : <http://www.gorodperm.ru/news/2018/10/05/46959-id/> – Загл. с экрана.
 222. Мурашинский Константин Евгеньевич [Электронный ресурс] // Краеведение Омской области. – Режим доступа : <http://kraeved.omsklib.ru/index.php/articles/people/my-filter-3/649-murashinskij-konstantin-evgenevich>. – Загл. с экрана.
 223. Мырзахметова, А. Ж. Исследовательская деятельность переселенческого управления в Казахстане в начале XX века [Электронный ресурс] / А. Ж. Мырзахметова // Вестник КарГУ. –

2007. – Режим доступа : <https://articlekz.com/article/5120>. – Загл. с экрана.
224. Нарымская государственная селекционная станция СО Российской академии сельскохозяйственных наук // Учреждения и деятели сельскохозяйственной науки Сибири и Дальнего Востока : биографо-библиограф. справочник/ РАСХН, Сиб. отд-ние ; [сост. : П. Л. Гончаров, Ю. А. Белоножко, А. В. Карамзин]. – Новосибирск, 1997. – С. 400-401.
225. Натуральный каучук, его источники и составные части / Б. Р. Кулуев [и др.] // Биомика. – 2015. – Т. 7, № 4. – С. 224-283.
226. Наумов, И. В. Политика «Большого террора» в Иркутском регионе (1936–1938) // Сибирская ссылка : сб. науч. ст. / ред. : А. А. Иванов, С. И. Кузнецов, Б. С. Шостакович. – Иркутск, 2011. Вып. 6 (18). – С. 510-525.
227. Некрополь террора и ГУЛага. Картотека захоронений и памятных мест. Мемориальное кладбище «Пивовариха» [Электронный ресурс]. – Режим доступа:<https://mapofmemory.org/38-01>. – Загл. с экрана.
228. Никитин, Е. Д. О почвенно-географической зональности в таежных регионах центра Западной Сибири / Е. Д. Никитин // Вестник Московского университета. Сер.6 : Биология, почвоведение. – 1975. – № 5. – С. 101-106.
229. Никитин, Е. Д. Почвы долины среднего течения Кети, их некоторые геохимические особенности / Е. Д. Никитин // Научные доклады высшей школы. Биологические науки. – 1976. – № 6. – С. 129-135.
230. Николаев, С. Ф. Испытатель природы – Павел Васильевич Сюезв / С. Ф. Николаев. – Пермь : Кн. изд-во, 1958. – 56 с.
231. Обзор деятельности Главного управления землеустройства и земледелия за 1907-1908 гг. СПб.: Изд. ГУЗиЗ, 1909. – 432 с.
232. Оборин, А. И. Кафедра почвоведения / А. И. Оборин // Пермский государственный университет. Ученые записки. – Пермь, 1936. – Юбилейный (внеочередной) вып. – С. 25-32.
233. Оборин, А. И. Почвенные исследования в Пермском университете / А. И. Оборин // Ученые записки Пермского университета. – Пермь, 1969. – Т. 179. – С. 41-51.
234. Оборонпром. ВНИИ каучука и гуттаперчи (ВНИИКиГ) НКТП [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://oboron-prom.ru/page,9,prochie-predpriyatiya-v.html>. – Загл. с экрана.
235. Обручев Владимир Афанасьевич [Электронный ресурс] //Томский политехнический университет : электрон. энциклопедия. – Режим доступа : <http://wiki.tpu.ru/wiki>. – Загл. с экрана.
236. Обухов, Л. А. Власть и профессура (из истории Пермского университета 1917–1931 гг.) / Л. А. Обухов // Вестник Пермского университета. История. – Пермь, 2011. – Вып. 2 (16). – С. 145-153.
237. Обухов, Л. А. Прикамье в годы Гражданской войны / Л. А. Обухов // Гражданская война на востоке России. Урал, Поволжье, Сибирь, Дальний Восток : материалы Всерос. науч. конф. (25-26 ноября 2008 ; Пермь). – Пермь, 2008. – С. 214-220.
238. Обухов, Л. А. Прикамье в годы гражданской войны [Электронный ресурс] / Л. А. Обухов // Пермский государственный архив социально-политической истории. – Режим доступа : <https://www.permgaspi.ru/publikatsii/konferentsii/grazhdanskaya-vojna-navostoke-rossii/l-a-obuhov-prikame-v-gody-grazhdanskoj-vojny.html>. – Загл. с экрана.
239. Обь-Енисейский канал [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.krasplac.ru/wp-content/uploads/2012/03/Обь-Енисейский-канал21.jpg>. – Загл. с экрана.
240. Овсянников, А. И. Пермь – 285 лет. Из века в века переходя. 1723-2008. – Екатеринбург : Уральский рабочий, 2008. – 357 с.
241. Орлов, Ю. А. Невозвратимое прошлое / Ю. А. Орлов // Пермский университет в воспоминаниях современников. – Пермь, 1991. – Вып. 1. – С. 20-39.
242. Орловский, Н. В. Страницы истории сельскохозяйственной науки XX века : (воспоминания ученого) / Н. В. Орловский ; Краснояр. гос. аграр. ун-т. – 2-е изд., доп. – Красноярск, 2012. – 496 с.
243. Отчет о деятельности Пермского Государственного Университета за 1923-24 г., доложенный Ректором Университета в день 8 годовщины его основания, 14 октября 1924 года [Электронный ресурс] // Экономика : журнал. – 1924. – № 2 (21). – Режим доступа : <http://arch.permculture.ru/bitstream/handle/permculture/2276/5546.pdf?sequence=1&isAllowed=y>. – Загл. с экрана.
244. Отчеты Таежной опытной станции. Тайга, 1928-1932 гг. / Таежная опытная станция ; исполн. : Н. А. Кукаркина, И. И. Смирнов, Д. П. Баранов и др. Инв. № 93.
245. Официальный сайт РФО. Память. Годовщина взятия Перми войсками Колчака [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://npf-ramyat.livejournal.com/402725.html>. – Загл. с экрана.
246. Очерки истории рыбохозяйственных исследований Сибири (1908-1968) / Под ред. В.Н. Лопа-

- тина. – Новосибирск : Наука. Сиб. предприятие РАН, 1999. – 354 с.
247. Памяти Г. А. Маландина // Почвоведение. – 1970. – № 8. – С. 163.
248. Переселение и землеустройство за Уралом в 1906-1910 гг. : отчет о работах Переселенческого управления. – Петербург : тип. М. П. Фроловой, 1911. – 501 с.
249. Пермский государственный университет имени А. М. Горького, 1916-1966 : истор. очерк / ред. Ф. С. Горовой. – Пермь : Кн. изд-во, 1966. – 293 с.
250. Пермский государственный университет: история в лицах [Электронный ресурс] / авт.-сост. А. В. Пустовалов. – Пермь : Маматов, 2015. – 56,9 Мб. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). – Мин. систем. требования: процессор IntelPentium, 1,3 ГГц; 1 Гб HDD; 256 Мб RAM; операц. система: Windows® XP / Vista® /7/8/9/10; рекомендуемое разрешение 1024x576, CD-ROM или DVD-ROM; ПО для чтения документов в формате pdf. – Загл. с этикетки диска.
251. Пермский Губернский Съезд Лесоводов. 4-10июля1917года / Совет Пермского отдела Всерос. Союза Лесоводов. – Кунгур : Типография паевого товарищества, 1917. – 96 с.
252. Пермь, улица Краснова, дом 10. Пермская государственная сельскохозяйственная академия им. Д. Н. Прянишникова (2013 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : [https://yandex.ru/images/search?text=Пермь краснова](https://yandex.ru/images/search?text=Пермь+краснова) <http://www.vsedomarossii.ru>. – Загл. с экрана.
253. Петров, Б. Ф. К вопросу о происхождении второго гумусового горизонта в подзолистых почвах Западной Сибири / Б. Ф. Петров // Труды Томского государственного университета им. В. В. Куйбышева. – Томск, 1937. – Т. 92. – С. 43-69.
254. Петров, Б.Ф. Почвы Алтайско-Саянской области / Б.Ф.Петров. – М.: Изд-во АН СССР, 1952. – 248 с.
255. Петров, Б. Ф. Почвы южной части Красноярского края / Б. Ф. Петров // Труды Томского государственного университета им. В. В. Куйбышева. – Томск, 1937. – Т. 92. – С. 41-42.
256. Плотников, С. Н. Пермский дом в контексте земской реформы / С. Н. Плотников, Г. Н. Плотникова // Пермский дом в истории и культуре края : материалы девятой науч.-практ. конф. – Пермь, 2016. – С. 24-26.
257. Познанский, В. С. Социальные катаклизмы в Сибири: голод и эпидемии в 20-30-е годы XX в. / В. С. Познанский ; РАН, Сибирское отд-ние, Ин-т истории. – Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2007. – 306 с.
258. Полюнов, Б. Б. Очерк развития учения о почве как отрасли естествознания / Б. Б. Полюнов // Труды Института истории естествознания. – Москва ; Ленинград, 1948. – Т. 2. – С. 105-169.
259. Попов, А. Кое-что из предыстории строительства БАМ / А. Попов // Ленские вести. – 2017. – 9 июня, № 22. – С. 14.
260. Попова, Г. М. В горах Каратау / Г. М. Попова // Николай Иванович Вавилов : очерки, воспоминания, материалы. – Москва, 1987. – С. 268-269.
261. Почвоведение в период развития капитализма [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://gasechono.ru/osnovu-ucheniya-o-pochvah/5593-pochvovedenie-v-period-razvitiya-kapitalizma.html>. – Загл. с экрана.
262. Правила приема в число студентов Томского Технологического Института Императора Николая II [Электронный ресурс]. – Томск : Типография приюта и Дома трудолюбия, 1912. – 11 с. – Режим доступа : <http://earchive.tpu.ru/handle/11683/32604>. – Загл. с экрана.
263. Прасолов, Л. И. История почвоведения в России [Электронный ресурс] / Л. И. Прасолов. – Режим доступа : gas.ru>FStorage/download.aspx?Id=1fb6a52f-4d75. – Загл. с экрана.
264. Преображенский Павел Иванович [Электронный ресурс] // Пермский государственный университет: история в лицах. – Пермь, 2015. – 56,9 Мб. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
265. Преображенский Павел Иванович [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://ru.wikipedia.org/wiki/>. – Загл. с экрана.
266. Природа Ширинского района Республики Хакасия : физико-географ. очерк / авт.-сост. : А. Я. Березовский [и др.]. – 2-е изд., перераб. и доп. – Абакан : Журналист, 2011. – 232 с.
267. Прокашев, А. М. Почвы со вторым гумусовым горизонтом востока Среднерусской (Южно-таежной) провинции : дис. ... канд. с.-х. наук : 06.01.03. / Прокашев Алексей Михайлович. – Киров, 1984. – 248 с.
268. Протокол № 22 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 7 января 1931 года [Электронный ресурс] // Протоколы Политбюро. Исторические материалы. – Режим доступа : <http://istmat.info/node/51477>. – Загл. с экрана.
269. Профессор Николай Яковлевич Коротаев [биобиблиография] / сост. Т. В. Вологжанина. – Пермь : Книжная типография № 2, 1976. – 16 с.
270. Профессора Томского политехнического университета : биограф. справочник : в 2 т. Т. 2 / Л.С.

- Анисимова и др. – Томск : Изд-во науч.-техн. лит., 2001. – 214 с.
271. Профессора Томского политехнического университета : биограф. справочник : в 2 т. Т. 1 / авт.-сост. А. В. Гагарин. – Томск: Изд-во науч.-техн. лит., 2000. – 300 с.
272. Прядкин, В. М. Реконструкция транссибирской магистрали в СССР и строительство Байкало-Амурской магистрали в 30-50 гг. XX века : [монография] / В. М. Прядкин ; Центр науч. знания «Логос». – Ставрополь : Логос, 2015. – 124 с.
273. Путь томича. Летопись. Хроника жизни Томской. Хроника 20 века (1919-1921 гг.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://tomich.tomintech.ru/hronika/62/>. – Загл. с экрана.
274. Работы Менделеевского опытного поля : в 2 т. Т. 2 : сб. науч. тр. / М-во сел. х-ва РСФСР, Пермская гос. с.-х. опыт. станция ; ред. : С. Н. Демидовцев, В. И. Сергиенко, Г. П. Сычева. – Пермь : Кн. изд-во, 1971. – 213 с.
275. Работы научно-промысловой экспедиции по изучению реки Оби и ее бассейна. Т. 1. Вып.2. / Наркомзем РСФСР, Сибир. науч. рыбохозяйств. станция ; ред. : С. С. Неуструев, А. И. Березовский. – Красноярск : Краснояр. гос. типо-лит., 1928. – 72 с.
276. Развитие естественных наук в Томском университете / А. А. Земцов [и др.]. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1980. – 171 с.
277. Расколец, В. В. Положение об Институте исследования Сибири: от первых проектов до утверждения (ноябрь 1917-октябрь 1919) / В. В. Расколец // Вестник Томского государственного университета. – 2017. – № 418. – С. 114-123.
278. Рафиенко, Л. С. П. И. Преображенский и Пермский университет / Л. С. Рафиенко // Пермский университет в воспоминаниях современников. – Пермь, 1996. – Вып. 4 : Живые голоса. – С. 163-172.
279. Рахманкулов, Д. Л. Исторические аспекты использования альтернативных видов углеводородного сырья для производства натурального каучука. Сообщение 2. Исторические аспекты зарождения и развития исследований в области поиска растительного сырья для получения натурального каучука / Д. Л. Рахманкулов, Е. А. Удалова, М. В. Курас // Башкирский химический журнал. – 2006. – № 4. – С. 165-167.
280. Рахманкулов, Д. Л. Исторические аспекты использования альтернативных видов углеводородного сырья для производства натурального каучука. Сообщение 3. Зарождение и развитие каучуководства в БАССР / Д. Л. Рахманкулов, Е. А. Удалова, М. В. Курас // Башкирский химический журнал. – 2006. – № 5. – С. 103-106.
281. Реальная Пермь 12 мая 2017 г. Федотова С. 1919. Александр Колчак в Перми [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.newsko.ru/articles/nk-3964124.html>. – Загл. с экрана.
282. Реальное училище // Барнаул : энциклопедия. – Барнаул, 2000. – С. 308.
283. Ревердатто Виктор Владимирович [Электронный ресурс] // Электронная энциклопедия ТГУ. – Режим доступа : http://wiki.tsu.ru/wiki/index.php/Ревердатто_Виктор_Владимирович. – Загл. с экрана.
284. Ревердатто Виктор Владимирович [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1445306>. – Загл. с экрана.
285. Ревердатто Владимир Викторович [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.lib.tomsk.ru/page/42/?db=person&pn=1&words=Ревердатто>. – Загл. с экрана.
286. Ревякин, В. С. Белуха – Сумеру Азии / В. С. Ревякин ; Межрегион. центр электрон. образоват. ресурсов. – Барнаул : МЦЭОР, 2014. – 348 с.
287. Резолюция совещания по каучуконосам // Бюллетень Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина. – 1935. – Т. 1. – С. 36-38.
288. Результаты работ за 1926 год. Агрехимический отдел. Вып.1/ Пермская с.-х. опыт. станция, Сеть с.-х.опытных учреждений Уральской области. – Пермь : [б. и.], 1927. – 150 с.
289. Река Кеть в Томской области [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://posibiri.ru/reka-ket-v-tomskoj-oblasti/>. – Загл. с экрана.
290. Ремезов, Н. П. Владимир Васильевич Геммерлинг. (Почвовед. 1880-1954 гг.) / Н. П. Ремезов. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1961. – 59 с.
291. Репрессированные геологи : биограф. материалы / Всерос. науч.-исследоват. геол. ин-т им. А. П. Карпинского ; сост. : А. И. Баженов [и др.]. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва ; Санкт-Петербург : ВСЕГЕИ, 1995. – 209 с.
292. Рожанец, М. И. Почвы окрестностей Томска в их связь с геологическим прошлым / М. И. Рожанец // Известия Томского отделения РБО. – Томск, 1921. – С. 33-35.
293. Розин, И. Гвайюла в СССР. (Добыча каучука) / И. Розин // Советский каучук. – 1932. – № 1. – С. 27-28.

294. Розин, И. Н. За овладение техникой [в производстве натурального каучука в СССР] / И. Н. Розин // Советский каучук. – 1932. – № 3. – С. 14-16.
295. Розин, И. Н. Кок-сагыз – высокоходная культура / И. Н. Розин. – Москва : Московский большевик, 1945. – 23 с.
296. Российский государственный архив кинофотодокументов [Электронный ресурс] : 903. Шифр 0-74940 ч/б. / автор съемки Я. Н. Халип. – Режим доступа : <http://photo.rgakfd.ru/showSubObjects.do?object=1804220815&page=61>. – Загл. с экрана.
297. Российский государственный архив кинофотодокументов [Электронный ресурс] : 904. Шифр 0-74943 ч/б./ автор съемки Я. Н. Халип. – Режим доступа : <http://photo.rgakfd.ru/showSubObjects.do?object=1804220815&page=61>. – Загл. с экрана.
298. Россия. Шипуниха [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.komandirovka.ru/cities/shipunikha_alt_kr. – Загл. с экрана.
299. Ростислав Ильин и Томский краевой музей / Е. А. Андреева [и др.] // Отражение био-, гео-антропосферных взаимодействий в почвах и почвенном покрове : сб. материалов IV Всерос. конф. с междунар. участием, посвящ. 125-летию со дня рожд. Р. С. Ильина. – Томск, 2016. – С. 15-18.
300. Русаков, Г. К. Пермский Государственный Университет / Г. К. Русаков // Пермский государственный университет. Ученые записки. – Пермь, 1936. – Юбилейн. вып. (внеочеред.). – С. 8-20.
301. Русские ботаники (ботаники России-СССР) : биографо-библиограф. Словарь : в 10 т. Т. 4: Кабанов – Кюз / отв. ред. В. Н. Сукачев ; сост. С. Ю. Липшиц. – Москва : МОИП, 1952. – 644 с.
302. Рыженко, Г. Н. Московский Императорский Университет. Некоторые заметки о студенческих делах ИМУ [Электронный ресурс] / Г. Н. Рыженко. – Режим доступа : <http://forum.vgd.ru/1411/5113/440.htm>. – Загл. с экрана.
303. Рынков, В. М. Обилие рафинированных интеллигентов: органы управления сельским хозяйством Сибири (14 июня 1918 г. – 5 января 1920 г.) / В.М. Рынков // Гуманитарные науки Сибири. – 2013. – № 4. – С. 8-12.
304. Сабанин, Алексей Николаевич [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://ru.wikipedia.org/wiki/>. – Загл. с экрана.
305. Сабанин, Д. А. Реакция среды, как фактор минерального питания растений / Д. А. Сабанин, С. С. Колотова // Результаты работ Агрохимического Отдела Пермской Станции за 1926 г. – Пермь, 1927. – С. 91-113.
306. Сабанин, Дмитрий Анатольевич [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://ru.wikipedia.org/wiki/>. – Загл. с экрана.
307. Савостин, П. В. Биодинамика таежных почв в связи с их азотным плодородием / П. В. Савостин, К. В. Сапожникова, М. А. Пентина // Труды Томского государственного университета : сб. ст. – Томск, 1934. – Т. 86. – С.10-29.
308. Садовникова, Н. Безымянная звезда... [Электронный ресурс] / Н. Садовникова. – Соловки, 2011. – 3 с. – Режим доступа:<http://solovkischool.ru/data/ourschool/tvorwork/sadovnikova-nopame-star.pdf>. – Загл. с экрана.
309. Сады Сибири [Электронный ресурс] // У-дача. – 2017. – Июль-август, № 7-8. – Режим доступа : <http://sadisibiri.ru/verestagin-vi.html>. – Загл. с экрана.
310. Санкт-Петербургский государственный университет. Институт наук о Земле. Кафедра почвоведения и экологии почв. Памятные даты [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://soil.spbu.ru/index.php?p=3&a=55>. – Загл. с экрана.
311. Сапожников Василий Васильевич [Электронный ресурс] // Томский политехнический университет : электрон. энциклопедия.– Режим доступа : <http://wiki.tpu.ru/wiki/> – Загл. с экрана.
312. Сафронов, С. А. Почвенно-ботанические исследования в Енисейской губернии в период столыпинской аграрной реформы / С. А. Сафронов // Проблемы социально-экономического развития Сибири. – 2016. – № 3. – С. 171-177.
313. Сведения ДКНБ РК по г. Алматы [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.centrasia.ru/person2.php?st=1503768848>. – Загл. с экрана.
314. Сводка тайги для сельскохозяйственного использования расчищенных площадей : сб. ст. Вып. 4 / Наркомзем СССР ; ВАСХНИЛ, Сибир. науч.-опыт. таежная станция, Комплекс. с.-х. станция Нарым. севера ; ред. В. Г. Коробейников. – Томск : Кр. Знамя, 1935. – 295, [1] с. – (Труды Сибир. науч.-опыт. таежной станции. Цикл лесотехнический).
315. Селезнёв, Е. С. Лагерное прошлое Тайшета [Электронный ресурс] / Е. С. Селезнёв, Т. А. Селезнёва. – Режим доступа : <http://www.taishet.ru/history/sel4.html>. – Загл. с экрана.
316. Сергеев, Е.М. Михаил Михайлович Филатов: Основатель кафедры грунтоведения: Биографический очерк / Е.М. Сергеев. – М.: Изд-во МГУ, 1956. – 53 с.

317. Скалозубов, Н. Л. О почвенных исследованиях в Сибири / Н. Л. Скалозубов // Сибирские вопросы. – 1911. – № 2-3. – С. 16-17.
318. Славнина, Т. П. Вклад Б. Ф. Петрова в развитие сибирского почвоведения (к 80-летию со дня рождения) / Т. П. Славнина // Почвоведение. – 1991. – № 6. – С. 113-117.
319. Славнина, Т. П. Фёдор Николаевич Ульященко / Т. П. Славнина // ALMA MATER. – 1994. – 21 окт., №26 (2140). – С. 4.
320. Слуцкий, В. И. Институт исследования Сибири в Томске (1919-1920 гг.) / В. И. Слуцкий // Проблемы геологии и географии Сибири : материалы науч. конф., посвящ. 125-летию основания Томского гос. ун-та и 70-летию образования геолого-географ. факультета. – Томск, 2003. – С. 220-223.
321. Слуцкий, В. И. История метеорологии в Томском университете [Электронный ресурс] : учеб. пособие / В. И. Слуцкий ; ред. В. А. Лойши. – Томск, 1998. – 112 с. – Режим доступа : <http://www.lib.tsu.ru/pdf>. – Загл. с экрана.
322. Смирнов Александр Иванович 1868-1937 [Электронный ресурс] // Генеалогическая база знаний: персоны, фамилии, хроника. – Режим доступа : <http://baza.vgdru.com/1/30366/40.htm?o=&>. – Загл. с экрана.
323. Смирнов Иван Акимович [Электронный ресурс] // Древо : открыт. православ. энциклопедия. – Режим доступа : <http://drevo-info.ru/articles/24817.html>. – Загл. с экрана.
324. Смирнов Ростислав Иванович. Учителя. История факультета. Факультет филологии и журналистики. Иркутский государственный университет. [Электронный ресурс] – Режим доступа : <http://filolog.in-site.ru/application/pages/read/smirnov-rostislav-ivanovich/> – Загл. с экрана.
325. Смирнов, И. И. Аналитические материалы по изучению почв опытных полей сети опытных учреждений Уральской области (Менделеевского, Балаирского, Шадринского) / И. И. Смирнов // Результаты работ Агрохимического Отдела Пермской Станции за 1926 г. – Пермь, 1927. – С. 115-124.
326. Смирнов, И. И. Материалы по изучению почв побережий рек Кети и Тыма / И. И. Смирнов // Работы Научно-промышленной экспедиции по изучению реки Оби и ее бассейна. – Красноярск, 1928. – Т. 1, вып. 2. – С. 5-26.
327. Смирнов, И. И. Очерк естественно-исторических условий Таёжной опытной станции : рукопись / И. И. Смирнов.
328. Смирнов, Р. И. «Иду с открытым сердцем к людям...» : из дневников. Стихи и переводы. Статьи. Воспоминания друзей / Ростислав Смирнов. – Иркутск : Иркут. ун-т, 2004. – 133 с.
329. Смирнов, Р. И. Почвовед. Из цикла «Люди советской науки» / Р. И. Смирнов // Новая Сибирь. – 1949. – Кн. 22. – С. 218-220.
330. Смирнов, С. Р. Иван Иванович Смирнов (1887-1938): материалы к биографии : рукопись / С. Р. Смирнов. – 2012. – 3 с.
331. Смирнов, С. Р. Служение делу, а не лицам. К 90-летию со дня рождения Ростислава Смирнова [Электронный ресурс] / С. Р. Смирнов // Восточно-Сибирская правда. Выпуск Губерния. 2013. – 14 окт., №43 (26687). – Режим доступа : <http://www.vsp.ru/2013/10/14/sluzhenie-delu-a-ne-litsam/>. – Загл. с экрана.
332. Смирнова, Т. В. Сергиев Посад. Репрессии 1930–х годов. [Электронный ресурс] /Т.В. Смирнова. – Режим доступа: <http://tvsm.ucoz.ru/pdf>. – Загл. с экрана.
333. Соболевский, П. К. Современная горная геометрия / П. К. Соболевский // Социалистическая реконструкция и наука. – 1932. – Вып.7. – С. 42-76.
334. Соборы. ру. Пермь. Церковь Николая Чудотворца и Александры Римской при Мариинской женской гимназии [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://sobory.ru/article/?object=16532>. – Загл. с экрана.
335. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР. Отдел 1, № 49. – Л. : Народный комиссариат Юстиции РСФСР, 1929. – 12 с.
336. Советские субтропики [Электронный ресурс]. – 1935. – Режим доступа : <https://books.google.ru/books>. – Загл. с экрана.
337. Сокращенный годовой отчет о работах Сибирской таежной опытной станции (ТОС) в 1928/29 году / Сибир. район. переселенческое управление НКЗ. – Томск : Сибир. таежная опыт. станция, 1930. – 164 с.– (Труды Сибирской таежной опытной станции ; Вып. 1).
338. Спецпереселенцы в Западной Сибири. Начало 1930-весна 1931 гг. / сост. : С. А. Красильников [и др.]. – Новосибирск : Наука, 1992. – 282 с.
339. Список лиц, подавших прошения относительно поступления в число студентов 1-го курса Томского Технологического Института Императора Николая II в 1906 году по горному отделению [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.lib.tpu.ru/fulltext/m/2016/rf/10.pdf>.

- Загл. с экрана.
340. Список населённых мест Томской губернии за 1893 год. – Томск : Типография губернского правления, 1893. – 381с.
 341. Список студентов и посторонних слушателей Томского Технологического Института Императора Николая II. На 1908-1909 учебный год [Электронный ресурс] / Томский технолог. ин-т. – Томск : Акцидентная типография В. М. Перельмана, 1908. – Режим доступа : <http://earchive.tpu.ru/handle/11683/37956>. – Загл. с экрана.
 342. Список студентов, посторонних слушателей и слушательниц Томского Технологического Института Императора Николая II на 1907-1908 учебный год [Электронный ресурс] / Томский технологический институт. – Томск : Типография Сибир. Товарищества Печ. Дела, 1908. – Режим доступа : <http://earchive.tpu.ru/handle/11683/37957>. – Загл. с экрана.
 343. Способ подготовки семян гваюлы к посеву [Электронный ресурс] : патент № SU 87231, 1950 / И. А. Грамолин, И. Н. Розин. – Режим доступа : <http://patents.su/2-87231-sposob-podgotovki-semyan-gvayuly-k-posevu.html>. – Загл. с экрана.
 344. Столетие горно-геологического образования в Сибири. – Томск : Водолей, 2001. – 704 с.
 345. Строительство Байкало-Амурской магистрали [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://diplomba.ru/work/45589>. – Загл. с экрана.
 346. Сычева, С. А. Выдающийся ученый-естествоиспытатель и эволюционист Ростислав Сергеевич Ильин (к 120-летию со дня рождения) / С. А. Сычева // Известия РАН. Сер. Географическая. – 2012. – № 4. – С. 93-102.
 347. Терновая, И. И. Массовые политические репрессии в Иркутской области в 1937–1938 гг.: 70 лет с начала репрессий / И. И. Терновая // Приангарье: годы, события, люди: календарь знаменательных и памятных дат Иркутской области на 2007 г. – Иркутск, 2006. – С.62-70.
 348. Тимук, Л. История существования опытной станции в Тайге раскрыта полностью / Л. Тимук // Информ-Тайга. – 2017. – 30 марта, №13 (464). – С.34, 38-39.
 349. Томский государственный университет. Гербарий имени профессора П. Н. Крылова. Крылов Порфирий Никитич [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://herbarium.tsu.ru/herb/?p=122&lang=ru>. – Загл. с экрана.
 350. Томский государственный университет: 50 лет со дня основания / сост. : П. А. Зайченко, И. М. Мягков. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1934. – 64 с.
 351. Томский областной краеведческий музей. История музея в документах. Отчёт о деятельности Томского краевого музея в 1927–1930 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://tomskmuseum.ru/about_mus/95/95imvd/otchyoty-i-analiticheskie-zapiski-o-deyatelnosti-toms. – Загл. с экрана.
 352. Тресвятский, В. Итоги переселенческого дела за Уралом за десятилетие с 1906 по 1916 г. / В. Тресвятский // Вопросы колонизации. – 1917. – № 20. – С. 45-85.
 353. Третьяковский район. Экологическая карта Алтая. Справочно-информационный центр «Экология» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://akunb.altlib.ru/o-tsentre-ekologiya/ekologicheskaya-karta-altaya/tretyakovskiy-rayon/>. – Загл. с экрана.
 354. Труды Омского сельскохозяйственного института им. С. М. Кирова. Т. 32. – Омск: Изд-во Омского с.-х. ин-та им. С. М. Кирова, 1958. – 348 с.
 355. Труды почвенно-ботанических экспедиций по исследованию колонизационных районов Азиатской России. Ч. 1, вып. 8 : Почвы бассейна р. Чулыма в Томской губ. / Переселенческое управление Главного управления землеустройства и земледелия. – Санкт-Петербург : тип. Ю. Н. Эрлих (влад. А. Э. Коллинс), 1910. – 75 [4] с.
 356. Труды почвенно-ботанических экспедиций по исследованию колонизационных районов Азиатской России. Ч. 1, вып. 1 : Материалы по почвоведению и геологии западной части Нарымского края. (Бассейны левых притоков р. Оби, р. Ягодной, Чаи, Тайто, Парабели и Васюгана) / Переселенческое управление Глав. управления землеустройства и земледелия ; ред. Д. Драницын. – Петроград : тип. Ю. Н. Эрлих (влад. А. Э. Коллинс), 1915. – IV, 255 [2] с.
 357. Труды Сибирской научно-опытной таежной станции. Цикл агрономический = Berichte der Sibirischen wissenschaftlichen Versuchsstation von Taiga. Вып. 3. / Наркомзем СССР, Всесоюз. акад. с.-х. наук им. В. И. Ленина. – Томск : [б. и.], [1933]. – 17 [1] с.
 358. Труды Томского государственного университета им. В. В. Куйбышева [Электронный ресурс]. Т. 92 / отв. ред. В. А. Хахлов. – Томск: Красное знамя, 1937. – Режим доступа : <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000196805>. – Загл. с экрана.
 359. Тюменцев, Н. Ф. Каким мы знали почвовед Р. С. Ильина / Н. Ф. Тюменцев // Вопросы географии Сибири. – Томск, 1974. – Вып. 8. – С. 169-173.
 360. Уголовный кодекс РСФСР : Официальный текст с изменениями на 1 июля 1950 г. и с прило-

- жением постатейно-систематизированных материалов / Министерство юстиции РСФСР. – М.: Государственное издательство юридической литературы, 1950. – 256 с.
361. Ульяшенко Федор Николаевич. Участники Белого движения в России. Генеалогический форум ВГД [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://forum.vgd.ru/395/70313/70.htm>. – Загл. с экрана.
362. Уразова, Л. Д. Развитие кормопроизводства в условиях Нарыма: страницы истории / Л. Д. Уразова // Сибирский вестник сельскохозяйственной науки. – 2016. – № 1 (248). – С. 103-112.
363. ФГБОУ ВО Рязанский государственный агротехнологический университет имени П. А. Костычева. История агрономического факультета [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.rgatu.ru/nauka/438/864>. – Загл. с экрана.
364. ФГБОУ ВО Санкт-Петербургский ГАУ. Факультет агротехнологий, почвоведения и экологии. Кафедра почвоведения и агрохимии. История кафедры почвоведения и агрохимии им. Л. Н. Александровой [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://spbgau.ru/departments/iape/struktura/kafedry/kaf_pochv_i_agro/history/node/2875. – Загл. с экрана.
365. Филатов Михаил Михайлович [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://ru.wikipedia.org/wiki/Филатов_Михаил_Михайлович. – Загл. с экрана.
366. Фролов Тихон Васильевич // Наука и жизнь. – 1951. – № 5. – С. 39.
367. Фролов, Т. В. За коренное изменение приемов культуры гвайюлы / Т. В. Фролов // Советский каучук. – 1933. – № 2. – С. 25-28.
368. Фролов, Т. В. К вопросу прироста вегетативной массы и каучуконопления гвайюлы : рукопись / Т. В. Фролов. Рукопись цитируется по: Черепанов, В. И. Материалы по районированию гвайюлы в Азербайджане. (Из итогов трехлетней работы) // Труды Ботанического института Азербайджанского филиала Академии наук СССР. – Баку, 1936. – Т. 2. – С. 119-146.
369. Фролов, Т. В. К зимостойкости гвайюлы (*Parthenium Argentatum* Gray) / Т. В. Фролов ; Всесоюз. науч.-исследов. ин-т каучука и гуттаперчи. – Москва ; Ленинград : Госхимтехиздат, 1933. – 56 с.
370. Фролов, Т. В. Материалы по селекции гвайюлы (*Parthenium Argentatum* Gray) / Т. В. Фролов // Труды Всесоюзного научно-исследовательского института каучука и гуттаперчи. – 1931. – № 5-6. – С. 1-104.
371. Фролов, Т. В. Повышение энергии и процента всхожести семян гвайюлы механическим способом : рукопись / Т. В. Фролов. Рукопись цитируется по: Черепанов, В. И. Материалы по районированию гвайюлы в Азербайджане. (Из итогов трехлетней работы) / В. И. Черепанов // Труды Ботанического института Азербайджанского филиала Академии наук СССР. – Баку, 1936. – Т. 2. – С. 119-146.
372. Фролов, Т. В. Результаты зимовки гвайюлы в Маргусеванах и в Крыму в зиму 1932 года : рукопись / Т. В. Фролов. Рукопись цитируется по: Черепанов, В. И. Материалы по районированию гвайюлы в Азербайджане. (Из итогов трехлетней работы) / В. И. Черепанов // Труды Ботанического института Азербайджанского филиала Академии наук СССР. – Баку, 1936. – Т. 2. – С. 119-146.
373. Фролов, Т. В. Советские каучуконосы на ВСХП / Т. В. Фролов // Каучук и резина. – 1930. – № 9. – С. 5-8.
374. Хаминов, Д. В. Историческая наука в Сибири и организация сибиреведческих исследований в период революции, Гражданской войны и первых лет советской власти (1917-середина 1920-х гг.) / Д. В. Хаминов // Вестник Томского государственного университета. – 2011. – № 352. – С. 111-116.
375. Ханевич, В. А. Политические репрессии в судьбах сотрудников Томского краеведческого музея / В. А. Ханевич // Труды Томского областного краеведческого музея. – Томск, 2002. – Т. 11. – С. 209-235.
376. Химический факультет МГУ. Академик Прянишников Дмитрий Николаевич [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.chem.msu.su/rus/history/acad/pryanishnikov.html>. – Загл. с экрана.
377. Хоринко, П. А. Пермский сельскохозяйственный институт имени академика Д. Н. Прянишникова (1918-1988) / П. А. Хоринко. – Пермь : Кн. изд-во, 1991. – 167 с.
378. Хоринко, П. Агротехническому факультету – 50 / П. Хоринко // За сельскохозяйственные кадры. – 1981. – 15 июля, № 24 (679). – С. 1.
379. Храмов, И. Ф. Развитие сельскохозяйственной науки в Омском регионе : монография / И. Ф. Храмов, Б. С. Кошелев ; Сибирский НИИСХ, Омский ГАУ им. П. А. Столыпина. – Омск : ЛИТЕРА, 2015. – 588 с.

380. Хребтов Аристоклий Александрович [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.fnperm.ru/хребтов-аристоклий-александрович.aspx>. – Загл. с экрана.
381. Хребтов, А. А. Из природы Алтая: тринадцать общедоступных естественно-исторических экскурсий по окрестностям гор. Бийска в 1918 году / А. А. Хребтов ; Бийское общество народных университетов. – Бийск : Товарищество Алтай, 1919. – 38 с.
382. Хребтов, А. А. Материалы по изучению сорной растительности Западной Сибири = Materialenzur Kenntnisdier Unkrautflora Westsibiriens / А. А. Хребтов. – Пермь : [б. и.], 1926. – 60 с.
383. Хребтов, А. А. О медоносной флоре / А. А. Хребтов // В помощь земледельцу. – Омск, 1922. – № 1. – С. 18-21.
384. Хребтов, А. А. Сорные растения – колонисты в посевах и на полях вблизи г. Омска / А. А. Хребтов // Труды Сибирской с.-х. академии. – Омск, 1922. – Т. 1. – С. 91-95.
385. ЦА ФСБ РФ. Ф. 8ос. Оп. 1. Д. 70. Л. 97. Подлинник опубликован: Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927-1939 : в 5 т. Т. 5. 1937-1939. Кн. 2. 1938-1939 : документы и материалы / ред. В. Данилов. – Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006. – 704 с.
386. Цветков, Н. Д. Гений зла Сталин / Н. Д. Цветков. – Москва : Яуза : ЭКСМО, 2014. – 414 с.
387. ЦНСХБ. Авторитетный файл наименований научных учреждений АПК. Сибирская колониационно-таежная опытная станция (ст. Тайга, Томская ж. д.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.cnsnb.ru/bul2.asp?s=af&p=katalog/af/&a=ru_csal_auth_560607260.htm. – Загл. с экрана.
388. Черепанов, В. И. Материалы по районированию гвайюлы в Азербайджане. (Из итогов трех-летней работы) / В. И. Черепанов // Труды Ботанического института Азербайджанского филиала Академии наук СССР. – Баку, 1936. – Т. 2. – С. 119-146.
389. Чехов Владимир Петрович [Электронный ресурс]. – Режим доступа : [https://ru.openlist.wiki/Чехов_Владимир_Петрович_\(1898\)](https://ru.openlist.wiki/Чехов_Владимир_Петрович_(1898)). – Загл. с экрана.
390. Шатилов, М. Б. Обзор деятельности Томского Краевого Музея (1927-1928 гг.) / М. Б. Шатилов // Труды Томского областного краеведческого музея. – Томск, 1929. – Т.2. – С. 92-104.
391. Шипчинский Николай Валерианович [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://ru.wikipedia.org/wiki/Шипчинский,_Николай_Валерианович. – Загл. с экрана.
392. Шипчинский, Н. В. Мои путешествия: записки ботаника. / Н.В. Шипчинский. – Москва: Географгиз, 1955. – 180 с.
393. Шипчинский, Н. В. Растительный покров восточной части Нарымского края / Н. В. Шипчинский // Работы Научно-промышленной экспедиции по изучению реки Оби и ее бассейна. – Красноярск, 1928. – Т. 1, вып. 2. – С. 27-72.
394. Ширяев Александр Евстафьевич [Электронный ресурс]. – Режим доступа : enc.permculture.ru/showObject.do?object=1803929408. – Загл. с экрана.
395. Штриховые обозначения грунтов в гидротехнической практике / сост. В. Г. Коробейников. – Томск : Типо-лит. Сибир. товарищества печат. дела, 1916. – 6 с.
396. Шумилова Людмила Васильевна. // Электронная энциклопедия ТГУ. [Электронный ресурс] – Режим доступа : http://wiki.tsu.ru/wiki/index.php/Шумилова,_Людмила_Васильевна – Загл. с экрана.
397. Шуточкин, Н. В. Воспоминания Н. Ф. Тюменцева как исторический источник / Н. В. Шуточкин // Вопросы истории, археологии, политических наук и регионоведения : сб. материалов XIII Всерос. науч. конф. студентов, магистрантов, аспирантов и молодых ученых (24–26 апреля 2017 ; Томск). – Томск, 2017. – Вып. 13, т. 1. – С.187-193.
398. Экспедиции Н. И. Вавилова по Кавказу. Зооинженерный факультет МСХА [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.activestudy.info/ekspedicii-n-i-vavilova-po-kavkazu/>. – Загл. с экрана.
399. Электронная энциклопедия. Томский Политехнический университет [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://wiki.tpu.ru/wiki>. – Загл. с экрана. (дата обращения 05.06.2018).
400. Электронная энциклопедия. Томский политехнический университет. Горное отделение Томского технологического института [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://wiki.tpu.ru/wiki/Mainpage>. – Загл. с экрана.
401. Энциклопедия «Пермский край». Смирнов Иван Иванович. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://enc.permculture.ru/start.do>. – Загл. с экрана.
402. Юго-Восточное благочиние Новосибирской епархии. [Электронный ресурс] – Режим доступа : http://www.orthedu.ru/kraeved/ugo_vost_blagochin/1.htm / Юго-Восточное благочиние Новосибирской епархии – Загл. с экрана.
403. Южно-Сибирский ботанический сад Алтайского государственного университета. Хребтов А. А. (1876-1944) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://old.ssbg.asu.ru/pdf>

- krta/researchers/researchers_Chrebtov.pdf. – Загл. с экрана.
404. Яндекс. Карты [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://yandex.ru/maps/org/mbou_srednyaya_obsheobrazovatel'naya_shkola_13/1082964913/. – Загл. с экрана.
405. Яров, Н. Я. К вопросу подмерзания и браковки рассады гвайюлы : рукопись / Н. Я. Яров. Рукопись цитируется по: Черепанов, В. И. Материалы по районированию гвайюлы в Азербайджане. (Из итогов трехлетней работы) / В. И. Черепанов // Труды Ботанического института Азербайджанского филиала Академии наук СССР. – Баку, 1936. – Т. 2. – С. 119-146.
406. Яров, Н. Я. Техника выращивания рассады гвайюлы в парниках и питомниках, первичный и последующий уход за ними : рукопись / Н. Я. Яров. Рукопись цитируется по: Черепанов, В. И. Материалы по районированию гвайюлы в Азербайджане. (Из итогов трехлетней работы) / В. И. Черепанов // Труды Ботанического института Азербайджанского филиала Академии наук СССР. – Баку, 1936. – Т. 2. – С. 119-146.
407. Ященко, В. Р. По геодезическим маршрутам / В. Р. Ященко. – Москва : Недра, 1990. – 94 с.
408. QR-Томск. История по-новому [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://qrtomsk.ru/RU/Places/8>. – Загл. с экрана.
409. PastVu – ретро-фотографии стран и городов [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://pastvu.com/p/30463>. – Загл. с экрана.

Служение делу, а не лицам

К 90-летию со дня рождения Ростислава Смирнова

Автор: Сергей Смирнов, профессор ИГУ

«Так уж случилось, что отцовские юбилейные даты всегда счастливо совпадали с годовщинами со дня основания родного университета. Вот и нынче, когда мы отмечаем 95-летие Иргосуна (расхожее в 1920-е годы наименование нашего вуза), Ростиславу Смирнову было бы девяносто (рис).

Смирнов Ростислав Иванович.

Фотография из семейного архива Сергея Ростиславовича Смирнова

С университетом отца, по его собственным словам, связывало более полувека, а количество студентов, которые у него учились, исчислялось тысячами. Сам он,

шутя, сравнивал их по численности с полковым воинским подразделением.

Я не раз был свидетелем его встреч на улицах, когда в ответ на приветствие звучала фраза: «Извините, не припоминаю, но ваше лицо мне знакомо! Вы, когда у меня учились и как ваша девичья фамилия?» После того как звучали даты и фамилии, по мгновенной, лишь ему ведомой ассоциации назывались имя-отчество встреченного собеседника, фамилии однокурсников и другие не менее важные детали.

В университет он поступил в 1940 году, а летом 1941-го, успев к тому времени съездить в диалектологическую экспедицию (кстати, его дипломная работа, выполнявшаяся после возвращения из армии под руководством профессора Тропина, тоже была по диалектологии), был направлен для прохождения службы в Забайкалье, где и принимал впоследствии участие в военных действиях против Японии. К слову, там же вместе со Смирновым начинал свой фронтовой путь и известный университетский профессор-географ Анатолий Золотарёв.

Именно тогда Ростислав Смирнов активно проявил себя как журналист, работая в редакции дивизионной газеты. Любовь к журналистскому мастерству он пронёс через всю жизнь, считая своим долгом один-два раза в месяц печататься на страницах «Восточно-Сибирской правды» или «Советской молодёжи».

С газетными публикациями был связан целый ритуал, который включал в себя обязательное вычитывание вёрстки в полосе накануне выхода номера, утренний обход газетных киосков, покупку не менее десяти экземпляров для дарения друзьям и коллегам и звонок в бухгалтерию по поводу начисления гонорара.

Когда отец получил в 1961 году членский билет Союза журналистов, он использовал его «на всю катушку». С прессой тогда считались, порой её даже побаивались, и Смирнов проникал с помощью этого документа в самые немыслимые сферы и успешно призывал к порядку нерадивых работников жилищно-коммунального хозяйства, транспорта, сервиса и торговли.

В университете он закончил аспирантуру, работал над диссертацией по творчеству Александра Блока, защищённой под руководством Алексея Фёдоровича Абрамовича. Впоследствии, находясь в научных командировках в Москве и Ленинграде, порой на равных обсуждал блоковедческие проблемы с ведущими специалистами ИМЛИ и ИРЛИ.

Ленинградский поэт Всеволод

Рождественский в начале 1950-х дал ему рекомендацию для встречи с Анной Ахматовой: «Она лучше меня расскажет вам о Блоке». Но Анна Андреевна в то время гостила в Москве у Ардовых, и желанная встреча, увы, не состоялась.

Со студенческих и аспирантских лет его связывала ничем не омрачаемая дружба с моим добрым наставником профессором Трушкиным. (На похоронах друга в августе 1996 года болезнь отца дала свой первый серьёзный звонок.).

До последних дней жизни он вёл душевные телефонные беседы с наставником многих поколений журналистов Владимиром Петровичем Владимирцевым,

которого на одном из факультетских партсобраний одарил эпиграммой:

«Нет, гений элоквещии не вымер,
Пока живёт Владимирцев
Владимир!»

Пять лет заведовал кафедрой русской и зарубежной литературы. Испытывал искреннюю гордость за то, что именно в эти годы защитили диссертации такие замечательные педагоги, как Лидия Андреевна Азьмуко и Вероника Францевна Уляндра.

Впрочем, он всегда проявлял заинтересованное и доброжелательное отношение к успехам младших товарищей. В их числе и нынешние ведущие профессора факультета филологии и журналистики Анатолий Собенников и Ирина Плеханова:

«Коллегой можем мы гордиться,
Ирину открывая заново.
Со временем однофамильца
Затмит нам юная Плеханова».

Отец поддерживал тёплые отношения и с преподавателями других факультетов. Как почётного гостя его принимали 23 Февраля полковники и подполковники военной кафедры. Много лет продолжалось общение с историками – отцом и сыном Шостаковичами, Семёном Ковалем, Николаем Щербаковым, Владимиром Свиным. Очень своеобразным был ракурс общения с профессором-математиком Владимиром Васильевым. Оба были заядлыми анекдотчиками и при встречах регулярно обменивались «свежатинкой».

Генетически тяготел Ростислав Иванович к биологам. Мой дед Иван Иванович (репрессированный в 1937 году) был выпускником МГУ, доцентом-почвоведом, основателем кафедры почвоведения в Пермском университете, где и по сей день хранят благодарную память о нём. Десятилетиями продолжалась дружба с профессором биофака и писателем-фантастом Львом Могилёвым.

Ещё один любопытный факт.

Со школьных времён его тянуло к звёздам, за которыми он ходил наблюдать в университетскую обсерваторию, где его духовным наставником стал Алексей Александрович Каверин. «Слава мог бы быть хорошим астрономом» – именно так, с ударением на втором слоге, произносил это слово Каверин во время ежегодного прихода 14 октября к отцу на день рождения. Кстати, из увлечения астрономией берёт название и университетский литкружок «Аэлита», которым руководил отец. (Если кто не помнит, так звали жительницу Марса, героиню одноименного романа Алексея Толстого).

В 1950–1970-е годы отец с мамой (которую звали Пальмира Евлампьевна) довольно часто бывали в иркутских театрах. С театром музыкальной комедии отец подружился, когда ему поручили вести у актёров кружок... марксизма-ленинизма. Он его и вёл. Слушателями, если я не ошибаюсь, были Николай За-

гурский, Николай Каширский, Вера Пясковская, Елена Волошина. В качестве «дивидендов» всегда выступали контрамарки на премьеры.

А в драме он сохранял прекрасные отношения с Виталием Венгером и Виктором Егуновым. Последний какое-то время был его соседом в доме по улице Володарского...

Очень ценил детский журнал «Сибирячок» и его многолетнего главного редактора Светлану Асламову – выпускницу нашего факультета.

С интересом следил и за многогранной деятельностью Фонда Александра Вампилова, возглавляемого неутомимой и безмерно обаятельной Галиной Солюновой. Посчитал своим священным долгом откликнуться на посмертно изданные фондом «Записные книжки» Марка Сергеева, своего однокашника по университету и верного товарища по жизни, опубликовав рецензию на страницах «Восточки».

А как бы он поразился, узнав, что на стенде вампиловского музея стоит подаренная ему юным А. Саниным (псевдоним Вампилова) книжка «Стечение обстоятельств» с автографом автора! Недавно мы побывали в открывшемся в августе музее с внучкой Светланкой, которой в школе уже объяснили, кто такой Вампилов, и она с благоговением смотрела на книжку из библиотеки своего прадеда.

Страсть к собиранию автографов – ещё один конёк Ростислава Смирнова. В его обширной библиотеке были автографы Константина Симонова и Булата Окуджавы, Евгения Евтушенко и украинского поэта Максима Рыльского.

С Рыльским отец состоял в переписке, так как успешно делал его переводы, одобренные самим автором.

В Доме писателей, что когда-то находился на улице 5-й Армии, он не пропускал ни одной «пятницы», так назывались еженедельные писательские «посиделки». Впоследствии неоднократно добрыми словами поминал старших товарищей – Георгия Маркова и Ивана Молчанова-Сибирского. На самих же «пятницах» любил дружески «пикироваться» с Марком Сергеевым и Юрием Самсоновым, другими соратниками по перу.

А своим любимым учеником называл Сергея Иоффе. Вот какой любопытный эпизод сохранили воспоминания отца: «У меня в шестьдесят третьем году вышла первая и, к сожалению, пока единственная книжка стихов и переводов «Юность сердца». Я зашёл в «Родник» (тогда был просто магазин Книготорга), чтобы взять мне положенные двадцать или двадцать пять авторских экземпляров, и в служебном помещении встретил Сергея Иоффе. Конечно, оба испытали большую радость от встречи, у меня тем более ещё такой повод, что книжка вышла. Достāju из папки один экземпляр и как-то экспромтом сразу же написалось у меня так:

«Слово не всегда идёт в строку,

Труд порой бывает и мучителен.

Первенца дарю ученику

С пожеланьем превзойти учителя».

Он любил путешествовать. Самолётов после одного неприятного инцидента

боялся. Зато поезд называл «домом отдыха на колёсах». Во время одной из таких поездок и было написано стихотворение, которое считаю у него самым лучшим:

«Путешествие манило далью,
Но, давно от графика отстав,
Целый день ещё по Зауралью
Медленно тащился наш состав.
Вдруг на неожиданной стоянке,
Спрыгнув с насыпи, среди кустов
Девушка-соседка на полянке
Нарвала большой букет цветов,
Просто, без смущенья улыбнулась:
– Это – вам! – и часть мне подала.
А в душе – студенческая юность
Памятью тревожной ожила.
Ночью что-то светлое приснилось.
Приоткрыл глаза: в купе – цветы.
Нет, не полевым букетом – ты
Юностью со мною поделилась».

Как мне кажется, у него было два главных жизненных принципа. Один – серьёзный: «Иду с открытым сердцем к людям». Другой – шуточный: «Из всякого большого свинства можно вырезать маленький кусочек ветчины!»

Поразительный факт. Отец никогда не стремился лезть на глаза начальству. Любил при случае цитировать Грибоедова о «служении делу, а не лицам». И при этом был одинаково примечаем и почитаем Николаем Фомичом Лосевым и Анастасией Васильевной Калабиной, Юрием Павловичем Козловым и Фёдором Карловичем Шмидтом, сохранял ровные деловые отношения со всеми факультетскими деканами.

...За долгие годы работы в университете я уже привык к тому, что старшие коллеги при обмене приветствиями называют меня: «Ростислав Иванович». Честное слово, мне это только льстит!».

Источник: [331].

Смирнов Ростислав Иванович (1923-2001)

Смирнов Ростислав Иванович. Источник: [324]

«Ростислав Иванович Смирнов родился в 1923 году в Перми. Окончив в 1940 г. среднюю школу №15 в Иркутске, поступил на филологическое отделение Иркутского государственного университета. В августе 1941 года был призван в ряды Советской армии. Военную службу проходил в частях Забайкальского фронта. Демобилизовавшись в апреле 1946 года, возобновил учебу в Иркутском университете, окончил аспирантуру при кафедре русской и зарубежной литературы. В 1951-1959 гг. преподавал в Иркутском педагогическом институте, а с 1959 г. до выхода на пенсию работал в Иркутском университете.

О студенческих годах свидетельствуют его юношеские дневники, в которых он много размышляет о судьбе своего безвинно репрессированного в 1937 году и расстрелянного в феврале 1938 года отца, ученого-почвовода Ивана Ивановича Смирнова (впоследствии его памяти будут посвящены и стихи).

В дневник вошли и впечатления о заседаниях литературного кружка в тогдашнем Дворце пионеров, не без влияния которых происходило формирование в

нем убежденного филолога. В обширнейший круг чтения Смирнова – первокурсника ИГУ – входили писатели-сатириконтцы, Ницше, символисты, акмеисты, имажинисты, полуопальный Есенин и уже расстрелянный к тому времени Бабель.

На одной из страничек дневника говорится о заметке Александра Гайдая в "Литературной газете", где упоминается имя студента первого курса историко-филологического факультета университета Ростислава Смирнова, выступившего с интересным докладом о Велимире Хлебникове. Юный студент так комментирует это знаменательное для него событие: "Прочел – и настроение сразу повысилось! Впрочем, Ростислав, расти славу свою, но не допускай тщеславия!.." А перед самым призывом в армию участвует в работе университетской диалектологической экспедиции...

Научные интересы Смирнова были в первую очередь связаны с изучением творчества Александра Блока, а также сибирских писателей. Являясь председателем комиссии по литературному наследию репрессированного в 1937 году сибирского поэта Александра Балина, организовал издание его стихов и воспоминаний о поэте под символическим названием "Возвращение".

Он ушел от нас в 2001 году в самый канун дня Победы – своего любимого праздника. Перед уходом успел завершить воспоминания о многолетнем друге и соратнике по кафедре и университету – Василии Прокопьевиче Трушкине, ждал выхода книги воспоминаний о другом товарище по литературным боям – Марке Сергееве, отрецензировал несколько работ школьников для олимпиады "Шаг в будущее".

Основные труды Р. И. Смирнова:

1. Некоторые вопросы идейно-художественной специфики поэмы А.А. Блока "Двенадцать" // Учен. зап. / Иркут. гос. пед. ин-т. – 1959. – Вып. 15: Кафедра литературы. – С. 87-129.
2. А.А. Блок в борьбе с буржуазно-формалистическими тенденциями в искусстве: очерк-памфлет "Русские дэнди" // Краткие сообщения и доклады о научно-исследовательской работе за 1962 год : прил. к отчету о науч.-исслед. работе за 1962 г. – Иркутск, 1965. – С. 92-95.
3. А.И. Балин (1890-1937) // Литературная Сибирь. Писатели Восточной Сибири: [биобиблиогр. справ.]. – Иркутск, 1971. – С. 79-80: портр.
4. А.Ф. Абрамович (р. 1907) // Там же. – С. 170-171: портр.
5. В.В. Киселев (р. 1918) // Там же. – С. 242-244: портр.
6. С.А. Иоффе (р. 1935) // Там же. – С. 315-316: портр.
7. Путь и судьба / сост. В.П. Трушкин // Трушкин В.П. Друзья мои...: Дневники. Очерки. Статьи. Автографы и воспоминания друзей. –Иркутск, 2002. – С. 353-371. (Воспоминания о В.П.Трушкине).
8. «Надо долго ждать...»: к 120-летию Александра Блока // Живая память иркутской филологии: межвуз. сб. науч. тр. и воспоминаний. – Иркутск, 2003. – С. 161-166. – Первая публ.: Зеленая лампа. 2000. № 11.

9. Пушкин и Блок // Там же. – С. 158-161.
10. «Иду с открытым сердцем к людям...»: из дневников. Стихи и переводы. Статьи. Воспоминания друзей и коллег / сост. С.Р. Смирнов; рец. Н.Н. Щербаков. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 2004. – 133 с.
11. Немного истории / Р. И. Смирнов // Литера: вестн. фак. филологии и журналистики ИГУ. – Иркутск, 2004. – Вып. 1. – С. 14-16. (Воспоминания о студенческом литературном кружке).

О Р. И. Смирнове:

1. Смирнов С.Р. «Иду с открытым сердцем к людям»: кратко об отце и учителе // Сто лет русской литературы: итоги века: сб. науч. тр. – Иркутск, 2001. – С. 3.
2. Смирнов С.Р. Об отце и учителе // Живая память иркутской филологии: межвуз. сб. науч. тр. и воспоминаний. – Иркутск, 2003. – С. 149-152.
3. Асламова С.Н. Любовь к Серебряному веку [Воспоминания об учителе] // Живая память иркутской филологии: межвуз. сб. науч. тр. и воспоминаний. – Иркутск, 2003. – С. 152-154.
4. Смирнов С.Р. Ростислав Смирнов о Марке Сергееве // Первые Сергеевские чтения: материалы науч. конф., посвящ. 80-летию со дня рождения М.Д. Сергеева, 18-19 окт. 2006 г. – Иркутск, 2007. – С. 34-37.
5. Владимирцев В.П. Штрихи к портрету друга // Живая память иркутской филологии: межвуз. сб. науч. тр. и воспоминаний. – Иркутск, 2003. – С. 155-157.
6. Владимирцев В.П. Штрихи памяти // Смирнов Р.И. «Иду с открытым сердцем к людям...». – Иркутск, 2004. – С. 89-91. (Воспоминания о Р.И. Смирнове).
7. Шерхунаев Р.А. Человек чистой и благородной души // Смирнов Р.И. «Иду с открытым сердцем к людям...». – Иркутск, 2004. – С. 91-95.
8. Уляндра В.Ф. С любовью к людям... // Смирнов Р.И. «Иду с открытым сердцем к людям...». – Иркутск, 2004. – С. 101-103.

Источник: [324]

Почвовед

Памяти отца – И. И. Смирнова

Август. Сырость и мгла.
На исходе сибирское лето.
Из прибрежной осоки уныло свистят кулики.
Пробиваясь сквозь тучи,
скупая полоска рассвета
Обозначила день
над болотистой поймой реки.

Поминутно холодные капли
слетают с деревьев –
Хвойный полог тайги
от ночных испарений промок.
И вокруг - ни души.
Лишь за дальней горой,
над кочевьем,
Километрах в семи –
расстилается синий дымок...

...Что ж, пора за работу.
Привычным, спокойным движеньем
Ты закинул за плечи ружье
и поправил рюкзак,
Залил угли в костре,
вынул компас,
засек направление –
И уверенно двинулся
в серый, сырой полумрак.

За одежду цепляется
частый, колючий кустарник –
Он сплошным заграждением
подступ к тайге сторожит.
Мошкара пробивается тучами
сквозь накомарник,
Жалит прямо в лицо,
надоедливо в уши жужжит.

Утомителен день.
До предела натружены плечи –
Образцами давно переполнен походный
мешок.
И когда незаметно надвинется
сумрачный вечер –
Ты поставишь палатку,
вблизи разожжешь огонек.

Соберутся товарищи
по многотрудной работе –
Вас послала страна
на разведку в лесные края:
Ихтиолог,
ботаник
и автор трудов об охоте –
Люди нашей науки,
советских ученых семья.

...Сменит хмурая осень
скупое таежное лето,
И доставит вас в город
последний в году пароход.
Превратясь в лаборантов,
засядете вы в кабинетах
На страдные недели
больших камеральных работ...

Ты закончишь анализы почвы,
напишешь отчеты
(Плодородность,
структура,
подробный состав вещества) –
И начнутся опять
лекционные курсы, зачеты...
...А когда зашумит на ветру молодая листва –

Устремятся в тайгу
по уже проторенному следу
Агрономы,
путейцы,
строители и горняки.
Ты своими трудами для них подготовил
победу.

Знаю –
будут они благодарны тебе,
почвоведу,
Как разведчику
в трудных боях
благодарны стрелки.

*(Смирнов Р. И. Почвовед: Из цикла «Люди советской науки» /
Р. И. Смирнов // Новая Сибирь. – 1949. – Кн. 22. – С. 218-220)*

Смирнов Александр Иванович (1868-1937)

«Александр Иванович Смирнов (1868-1937) – известный барнаульский врач, род. в с. Секисовское Томской губернии в семье священника. Вскоре семья переехала в Барнаул, где он окончил духовное училище, учился в Томской духовной семинарии. В 1891 оставил ее, поступил на медицинский факультет Томского университета. Будучи студентом, на каникулах работал в Барн.[аульской] амбулаторной лечебнице (1897). После окончания университета (1898) работал врачом в с. Усть-Абаканском Енисейской губ. Прошел годовое усовершенствование в С.-Петербурге и переехал в Барнаул на должность врача городской больницы (1900)» [92].

Смирнов Александр Иванович (1868-1937).

Источник: [Alexander Smirnov (1868-1937) [Электронный ресурс] // Geni.com – Режим доступа : [www.geni.com/people /Alexander-Smirnov/6000000007411833205](http://www.geni.com/people/Alexander-Smirnov/6000000007411833205) – Загл. с экрана.]

«Поднимает перед администрацией города вопрос о строительстве нового корпуса больницы. После избрания гласным гор. думы добивается выделения средств на эти цели. Его усилиями было построено 2-эт. камен. здание с большими светлыми палатами и кабинетами (ныне воен.-ист. отдел Алтайского государственного краеведческого музея и краевое объединение Союза ветеранов Афганистана). В 1905 он становится гл. врачом больницы, но в 1906 Дума уволила его с работы за сочувствие революционным событиям и оказание помощи раненым, на основании Указа Николая II от 25 дек. 1905 о введении в Барнауле военного положения.

Оставшись не у дел, Смирнов занимается частной практикой, и на личные деньги начинает строить по ул. Бийской (ныне ул. Никитинская, 110) роддом – первое учреждение родовспоможения на Алтае. Он начал действовать в 1912, на первом этаже располагались палаты, на втором – квартира врача. Единственным помощником была жена – М. А. Смирнова. В феврале 1917 Смирнов был мобилизован и служил младшим ординатором в Курганском военном лазарете, демобилизован в 1918. По возвращении в Барнаул был введен во врачебно-санитарный совет при Барн.[аульском] окрздравотделе. В 1922 на базе роддома был открыт 1-й в губ. гос. роддом, гл. врачом которого до 1927 был Смирнов. Одновременно он заведовал инфекц. отделением городской больницы, Домом матери и ребенка и дет. консультацией при нем. С 1928 вел детский прием при 3-й гор. амбулатории. В 1922-23 вместе с А.П. Киркинским, А. Ф. Зассом, А. П. Велижаниным вел приемы по системе "врачей групповой практики" и обслуживал ночные вызовы по скорой помощи.

В 1937 работал в ж.-д. поликлинике и имел частную практику. 15 ноября 1937 Смирнов был арестован и 8 декабря расстрелян. Реабилитирован в 1956. Место захоронения неизвестно.

Вместе с ним был репрессирован сын – С. А. Смирнов, позже реабилитированный. Смирнов – родоначальник династии врачей. В. А. Смирнов работал в Новосибирске в клинике проф. Мыша; Б. А. Смирнов – судмедэксперт в Красноярске; С. А. Смирнов – Засл. врач РСФСР, хирург ж.-д. больницы, затем кардиохирург краевой больницы; К. А. Смирнов – хирург краевой санитарной авиации; З. А. Лазаренко (приемная дочь) – врач-педиатр ж.-д. больницы. Внуки трудятся в учреждениях здравоохранения Барнаула, Новосибирска». Источник: [322].

Слева направо: н/д, Смирнов Иван Иванович, н/д, Смирнов Александр (?) Иванович. Барнаул 1907-1909 гг.(?). Фотография из семейного архива Сергея Ростиславовича Смирнова. *Примечание:* н/д – нет данных

Смирнов Евгений Иванович (1872-1937)

«Как известно, до 1924 г. современная Новосибирская область входила в состав Томской епархии. На территории современного Юго-Восточного благочиния Новосибирской епархии размещалось три благочиннических округа: 35-й, 43-й и 44-й. <...> Благочинным 44 округа с 1909 г. состоял священник, а впоследствии – **протоиерей** Евгений Смирнов.

<...> Евгений Иванович Смирнов родился в 1872 году, окончил Томскую Духовную семинарию по 2 разряду. В 1895 году был рукоположен в сан священника. В 1899 году значился настоятелем Вознесенской церкви с. Сузун. С 1901 года священник Никольской церкви с. Маслянино. С 1909 года состоял благочинным 44 округа.

14 января 1920 года был арестован, со 2 по 22 марта 1920 и с 12 мая по 20 мая 1920 года находился в Барнаульской тюрьме и освобожден Алтайской ГУБ ЧК с выслением за границы Барнаульского уезда. С мая 1920 (?) до 23 августа 1921 года работал в Бийском уземкоме как специалист по пчеловодству. С сентября 1921 до февраля 1922 года счетовод заготконторы в Маслянино.

2 февраля 1922 года овдовел, ранее потерял троих детей – все похоронены в Маслянино. В марте – мае подавал прошение архиерею о переводе на прежнее место в Маслянино, в прошении значится как священник Введенской церкви с. Гунихинского. Перед арестом в 1937 году не служил, был регентом Вознесенской церкви Новосибирска. Арестован и расстрелян в 1937 г.». Источник: [402].

Смирнов Алексей Иванович (1881-1965)

Смирнов Алексей Иванович (1881-1965)

«Родился в семье священника (с. *Шипуново* – курсив А.А.В.). Первоначально окончил Томскую духовную семинарию. Позднее поступил в Томский университет на медицинский факультет. Во время учебы женился на сокурснице Инне Наумовне Шур. С некоторым перерывом (исключался за «революционную деятельность») в 1914 году окончил вуз.

Работал ординатором Губернской (Кузнецовской) больницы. В 1926 г. Алексей Иванович возглавил хирургическое отделение. Оперировал на печени, желчных путях, желудке (в то время делали только гастроэнтероанастомозы) и при гинекологических заболеваниях. Алексей Иванович был первым в Иркутске урологом-хирургом, который владел всеми методами обследования урологических больных и оперировал мочеполовую систему. С его приходом стала отлично работать неотложная хирургическая помощь: были организованы круглосуточные дежурства для оказания неотложной и срочной квалифицированной помощи при острых хирургических заболеваниях и при травме.

Операции проводили под местным обезболиванием и эфирным или хлороформным наркозом, широко использовали спинномозговое обезболивание. Большое внимание обращалось на санитарное состояние отделения. Доктор Смирнов,

одним из первых, стал готовить хирургические кадры для области. Впервые в Иркутске при Губернской (Кузнецовской) больнице был открыт амбулаторный прием урологических больных и открыто урологическое отделение.

В 1939 г. Алексей Иванович Смирнов, вместе с семьей, переехал в Улан-Удэ, где работал в областной больнице. Возглавлял хирургическое отделение, его жена Инна Наумовна заведовала лабораторией.

В послевоенное время семья Смирновых переехала в Новокузнецк (Сталинск), где Алексей Иванович преподавал в медицинском училище. В 1962 г., вместе с семьей дочери Ирины, переехал в г. Могилёв (Белоруссия).

Имел звание «Заслуженный врач РСФСР» (1943 г.), награждён орденом «Красной Звезды» (1945 г.), медалью «За доблестный труд в ВОВ 1941-1945 гг.» (1946 г.), орденом Ленина (1951 г.)

Умер Алексей Иванович Смирнов 7 августа 1965 года. Похоронен в Могилёве. Врачебную династию Смирновых продолжает его внук и правнучка».

Источник: [196].

Иван Иванович Смирнов (1887-1938). Материалы к биографии

И. И. Смирнов родился 3 августа 1887 г. в с. Шипуново (ныне Алтайский край). Окончил естественное отделение физико-математического факультета Московского университета по специальности «почвоведение». В начале 20-х годов работал в почвенно-ботанической экспедиции под руководством проф. С. С. Неуструева при Омском губземотделе. С февраля 1921 г. до марта 1923 г. – научный сотрудник кафедры почвоведения Омского сельскохозяйственного института.

В 1923-1927 гг. – ассистент кафедры почвоведения Пермского государственного университета и заведующий химической лабораторией Пермской сельскохозяйственной опытной станции.

В 1927-1929 гг. – сотрудник сибирского переселенческого управления на должностях: почвовед Томской переселенческой партии, заведующий лабораторией таёжной опытной станции, руководитель почвенного отряда экспедиции по изучению района восточной половины трассы Томск-Енисейской железной дороги.

В 1927-1932 гг. – ассистент, затем доцент Томского государственного университета. Здесь под руководством И. И. Смирнова основан кабинет почвоведения, выделившийся затем в самостоятельную кафедру, первым заведующим которой он был.

В конце 20-х – начале 30-х годов И. И. Смирнов работал в следующих экспедициях: 1927 г. – экспедиции Красноярской рыбохозяйственной станции по изучению бассейна р. Оби; 1929 г. – экспедиция по изучению района восточной половины трассы Томск-Енисейской железной дороги; 1929 г. – Сибирская лесоэкономическая экспедиция по изучению р. Кети; 1930 г. – руководитель почвенной части Сибирской лесоэкономической экспедиции на водоразделе Енисей – Ангара; 1931 г. – руководитель Хакасского почвенного отряда Омской агростанции.

В 1932-1933 гг. – ст. научный сотрудник Научно-исследовательского института пути НКПС.

В 1933-1936 гг. – заведующий почвенной лабораторией и научный руководитель лаборатории Почвенно-ботанического бюро при Наркомземе Башкирской АССР (впоследствии – Научно-исследовательского Башкирского института земледелия и животноводства). Работа И. И. Смирнова по организации лаборатории была отмечена Почётной грамотой Наркомзема БАССР.

В 1936-1937 гг. в качестве почвовед-агрохимика вел исследования на Маргушеванской станции (Азербайджанская ССР) Всесоюзного научно-исследовательского института каучука и гуттаперчи.

В 1937 г. переезжает в г. Иркутск, где до ареста (27 декабря 1937 г.) работает лаборантом госсанинспекции. Расстрелян 15 февраля 1938 г. Реабилитирован посмертно в октябре 1957 г.

ОСНОВНЫЕ РАБОТЫ И. И. СМИРНОВА

1. Аналитические материалы по изучению почв опытных полей сети учреждений Уральской области. – Пермь, 1927.
2. Материалы по изучению почв побережий рек Кети и Тыма. С предисловием проф. С. С. Неуструева (Работы научно-промысловой экспедиции по изучению реки Оби и её бассейна. Том1, вып.2). Красноярск, 1928.
3. Рецензия на 1-е издание книги Е. А. Домрачевой «Физико-механический и химический анализ почв».
4. Очерк естественно-исторических условий Таёжной опытной станции.
5. Почвы района восточной половины трассы Томско – Енисейской железной дороги (рукопись).
6. Почвы побережий реки Кети (рукопись).
7. Почвы западной половины трассы Тайшет – Братское.
8. Почвы района ст.Тайшет – п. Талая – верховья рек Изана и Тымбыра.
9. Почвы Красно-Июсского мясосовхоза.
10. Почвы Таштыпского мясосовхоза.
11. Почвы Макаровского района Башкирской АССР.
12. Почвы Мясосовхоза ОГПУ (Башкирской АССР).
13. Почвы агротехнического отдела Маргусеванской НИС (Азер. ССР).
14. Река Кеть (рукопись).

На работы И. И. Смирнова, посвящённые изучению почв Сибири, имеются неоднократные ссылки в журнале «Почвоведение», статьях «Сибирской Советской энциклопедии», выходившей в Новосибирске в 1929-1932гг. (тт.1-3). Его работы получили также освещение и оценку в коллективном труде «Томский государственный университет им. В. В. Куйбышева (к столетию со дня основания). «Естественно-географические исследования». Томск, 1980.

Материалы подготовил С. Р. Смирнов

Из воспоминаний о детстве

Р. И. Смирнов

«Мемуары. Мне 52 года. Видимо, пока не ослабела память, надо вспоминать прошлое и писать мемуары.

Эпизоды.

Я вспоминаю себя в возрасте – лет 2,5. Стою у окна на стуле – венском, гнутом, жду возвращения папы из университета (Пермь, ул. Малышева, 4, кв.2).

Затем – поездка в Тюмень. Дядя Вася, кажется, был еще жив.

Потом – Томск, Лесной пер.,4. Флигель. Мама, стоя у комода, плачет: "Дядя Вася умер". (Воспаление легких).

Потом мама рассказывала о нем: он был социал-демократом, его арестовали в 1905 г., дедушка писал депутату Гос. Думы, и дядю Васю освободили за несовершеннолетием.

Попутно мама вспоминала, как дедушка (Иван Андреевич Тарутин) читал газеты и смеялся над речами Пуришкевича. Дед мой по матери – Иван Андреевич Тарутин – родился в б. Архангельской губернии, в Шенкурске (?), на побережье р. Ваги (приток Сев. Двины). (Помню, отец говорил мне в конце ноября или в начале декабря 1937 г., когда мы получили – уже в Иркутске телеграмму о смерти дедушки: "Там парни до 16 лет без штанов ходили"). Дед пришел строить Великий сибирский путь и дослужился до дорожного мастера. Его дом стоял неподалеку от вокзала, на ул. Коминтерна, 35.

Следующие эпизоды связаны с Томском. Флигель на Лесном переулке. Лето, двор. Мы с мамой только что приехали из Белокурихи. (Это уже тоже сознательная память). За лето накопилось несколько номеров "Мурзилки". Я читаю с увлечением летние, "зеленые" номера. Помню – А. Федэ (Федоров-Давыдов) – "Приключения (похождения?) Мурзилки, удивительно шустрой собачки". Книжка, рисунок, на котором Мурзилка тянет из ридикюля у дамы – сосиски. Позднее – "Мурзилка" (журнал) стала уже с тракторами на обложке.

Смутно помню приезд в Новосибирск, а затем в Томск.

Экспедиция отца в 1927 г. впоследствии (в 1940 г.) меня сильно увлекла. Я рассматривал фотокарточки, печатал фото с пластинок и даже начал писать повесть.

Итак, мы в Томске, во флигеле. Вечерами прогуливаемся по заснеженным улицам. Где-то по соседству жил ссыльный Радек (об этом я узнал позднее). Потом – переезд в двухэтажный дом. Да, еще во флигеле я случайно выпил на кухне искусную эссенцию – и меня отпаивали водой.

А когда уже мы переехали в дом – помню, как отец катался на велосипеде во дворе. Еще помню, как у кого-то закрылась дверь (видимо, на английский замок, и соседская девочка лезла в форточку, а хозяйка говорила: "Голова пролезет, а европа-то пройдет?")

Вообще у нас в семье не было в ходу грубых слов и выражений. Помню, как я, увидев на калитке "трехзначное слово", произнес его за обедом. Отец грозно спросил: "Это что такое?". Я ответил: "Это немецкий язык" ...

У отца в шкафу были книги, видимо относящиеся к этнографическим изданиям 910-х годов, когда "обсценные" слова не считались таковыми. Видимо, это было что-то вроде семинарской или школьной дразнилки: "Фита, ижица, к ж... плетка движется". Я произнес это за обедом. Отец сказал: "Ремень движется!".

Но это всё шуточные воспоминания. А если вспоминать всерьез, – то тут тоже есть, о чем поговорить.

Дед мой с отцовской стороны – Иван Акимович – был священником (протоиереем – как значится в отцовском дипломе 1-й степени об окончании Московского университета). Я помню фотокарточку деда и бабушки – он высокий, седобородый, она – типичная "попадья" с суровым взглядом. Он служил в с. Шипуново (где и родился мой отец – помню на пожелтевшем от времени фотоснимке двухкупольную каменную церковь), потом – в Барнауле (где отец окончил реальное училище – помню его фото в мундире реалиста). Из сестер и братьев отца знаю: Николай Иванович – священник. Умер где-то в 30-х годах (*Примечание: Предположительно – Николай Иванович Смирнов (1875–14.03.1938) – священник в селе Сваткове, бывший келейный монах Троице-Сергиевой лавры. Обвинен в контрреволюционной агитации и участии в группе архимандрита Кронида. Источник: [332] – А.А.В.*).

Евгений Иванович – священник, в 1933 г. служил под Москвой. В 1937 г. был репрессирован, кто-то видел его в тюремной бане. Его сын – Борис Евгеньевич – был врачом. Ныне его имя носит Зейская районная больница Амурской области. С Борисом Евгеньевичем я встречался в 1945 г., когда он был ведущим хирургом 54-го эвакогоспиталя в Чите, был награжден орденом, кажется Трудового Красного Знамени. Я, находясь в это время на службе в Забайкалье, прочитал об этом в газете "Забайкальский рабочий".

У Бориса Евгеньевича был в гостях в Чите в марте 1945 г., проездом в Дивизионную, где сдавал экзамены экстерном на офицерское звание...

Я почти не знал деятельность отца в университете. Помню только, что, когда мы жили во флигеле (1927-1928 гг.), к нему приходили студенты пересдавать экзамены или зачеты. Позднее мама мне говорила, что отца студенты прозвали "горчицей", но потом сами благодарили его.

Что еще сохранилось в памяти из воспоминаний детства?

Школа на ул. Красноармейской. Беличья (или кроличья?) шубка. Крутые лестницы в школе. Страх перед прививками ("Колоть будут!" – даже маятник часов дома напоминал мне об игле и болезненно, казалось, отдавался в лопатке).

...Помню – лозунг: дали первоклассникам задание, и вместе с отцом мы вымеряли и вырезали буквы из зеленой бумаги, а потом наклеивали на узкий

длинный лист: "Даешь Советы всему миру!"

...В нашем семейном архиве хранится фотокарточка с надписью на обороте: "Вот идет Петруша // Славный трубочист // Хоть лицом он черен // Но душою чист (почти)". Я не знаю литературного источника этого четверостишия, но я думаю об одном: вся фототека семьи Смирновых – это история целого поколения "разночинцев" 80-90-900-х годов.

В самом деле: Алексей Иванович Смирнов – окончил духовную семинарию – и поступил на медицинский факультет Томского университета.

Иван Иванович Смирнов – мой отец – окончил в Барнауле реальное училище и поступил сначала в Томский технологический институт, а затем, даже потеряв 2 или 3 года, перешел в Московский университет на физматфак, естественное отделение, "по почвенной специальности", – как сказано в его дипломе 1-й степени.

...Лето 1932 года. Папа уехал в Москву. С каждой большой станции дает телеграмму: "Здоров. Смирнов". Мама беспокоится: "Здоров, – может быть, у него чемодан украли!". Решился вопрос о переводе отца в Москву, в НИИ Трансстрой. Я, конечно, интересуюсь будущим адресом. Отец отвечает: "Москва. Зеленая Зона".

И вот – конец лета 1932 года. Мы – всей семьей – сидим в папином кабинете на клеенчатой кушетке. Из квартиры выносят последние вещи. Дело в том, что папе дан служебный товарный вагон, в который погружаются все наши вещи. И вот мы едем, прицепленные к кому-то товарному поезду. 1932 год. Мы не знаем, что он такое (Отец, видимо, знал). Наш вагон движется по Окружной дороге. Утро. Станция "Белокаменная" – и, действительно, станционное здание из белого камня – и как все соответствует старому названию Москвы... И вот – уже вначале сентября ранним, туманным утром наш вагон останавливается – и разгружается где-то на пути (позднее, в 1966 г., это уже платформа "Институт Пути"). (Отец – зав. почвенной лабораторией Института пути и строительства).

... В дороге читаю "Задушевное слово", "Наташин дневник" Лидии Чарской, но еще увлекаюсь какой-то детской повестушкой, в которой "Мышь-злюка" и др. и играю в ее героев.

Трехэтажный (кажется) каменный дом. Что меня поражает – все удобства – и светящиеся вечерами абажуры у люстры. Еще воспоминание – осенью 1932 г. – о нечаянно убитой лягушке и моем детском раскаянии...

Что я читал в детские годы? Да, я помню "Задушевное слово" и книгу Жемцовской. Но было и другое. Папа не противодействовал общечеловеческому воспитанию со стороны мамы. Но ... он отлично понимал, что общечеловеческое воспитание ... ничуть не противоречит другому – воспитанию человека в единстве с Природой. И в Томске, и в Подмоскovie моими книгами для чтения были "Зимовье на Студеной" и др. книги Д. Н. Мамина-Сибиряка. Позднее моими настольными книгами были последовательно "Рикки-Тикки-Тави" – Р. Киплинга,

"Кара-Бугаз" и "Колхида" К. Г. Паустовского...

Pro domo sua. ("про себя". – Р.С.). Я вспоминаю и пишу, думая лишь о том, как бы не забыть все детали, хранящиеся в моей памяти... Мне важно, чтобы восстановить в памяти все детали детства и других этапов моей жизни, а уж обобщать буду – потом.

Главное – в том, что мой путь, – демократического интеллигента в N-м поколении, перенесшего на своем пути все – очень многое (и 1937 г., и Великую Отечественную войну, и послевоенное восстановление, и многое, многое другое). Так всегда ли можно то поколение, в котором, в самом деле, из ста юношей – пришли с фронта лишь трое, как говорит наша ровесница Юлия Друнина, – винить в чем-то малозначительном?

...Пройдут годы, и десятилетия, и столетия, – и каждая деталь жизни нашего поколения, нашей среды – поколения советской интеллигенции, той его части которая выросла из истоков старой, русской, демократической интеллигенции, да, каждая деталь окажется важной...

Март 1976.» Источник: [328]

Схема Обь-Енисейского канала

Источник: Яндекс картинки [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://motorka.org/uploads/posts/2011-10/1317634263_3.jpg. – Загл. с экрана.

Коллектив Сибирской рыбохозяйственной станции Наркомзема. 1927 г.

Источник: [207]

Первый ряд, слева направо: А. И. Березовский – зав. станцией; О. С. Зверева; В. Н. Башмаков; П. В. Тюрин – зав. биологическим отделом, ст. ассистент; А. Я. Башмакова; Ф. А. Петров – зав. теххимическим отделом, ст. ассистент. Второй ряд, слева направо: Н. Г. Юданов; А. Н. Воскресенский – зав. опытно-показательной мастерской; А. В. Селюк – делопроизводитель-счетовод; Э. В. Аврутина; В. А. Голиаков; Л. А. Благовидова. Третий ряд, слева направо: Ф. А. Коморовский – моторист катера «Ёрш»; Б. Ф. Петров – практикант; П. Л. Пирожников – практикант; Л. А. Башмакова; Н. А. Остроумов. *Составлено по материалам источников [207], [246]*

Художник, этнограф, краевед

Рисунок. Каратанов Д. И. Тунгус с р. Кети. Карандаш. 1927 г.

<...> «Участие в экспедициях в качестве художника для Д. И. Каратанова всегда было очень плодотворным. Поездки сближали его еще больше с миром первозданной нетронутой сибирской природы, задумчивой тишины тайги, тундры. Радовало общение с жизнью простых бесхитростных людей, с своеобразным старинным бытом. Экспедиции расширяли мир художника и знание Сибири.

<...> Если нет душевной связи между портретистом и портретируемым, то портреты получаются холодные. А тут тепло. Простое человеческое тепло.

В портретах, исполнявшихся Каратановым, видно всегда его мягкое, душевное отношение к людям. Стремление понять и передать главное в них — характеры и обязательно живые души их. <...> Такое же отношение к людям Севера озаряет все работы Каратанова как художника, этнографа и краеведа.

<...> Очень интересен и выразителен как по типу человека, так и по исполнению карандашный портрет "Тунгус с реки Кети". Тунгус не молодой, сухопарый, подтянутый. Голова ловко завязана платком в виде шапочки, из-под которой стекают почти до плеч длинные пряди волос. Дан в профиль. И профиль чистый, своеобразный, красивый. Характерное монгольское лицо с чуть припухшим веком, но скуластости нет. Красивый, тонкий нос. Редкие и жесткие усы и такой же редкий клочок волос на подбородке. Умное лицо чуть светится сдержанной улыбкой». (Источник: Лисовский, Н. Сибирский художник Д. И. Каратанов / Н. В. Лисовский. – Красноярск: Красноярское книжное издательство, 1974. – 144 с.).

Оглавление

Предисловие	5
Введение	8
1. Детство. Иван Акимович Смирнов	12
2. Барнаульское реальное училище. В. И. Верещагин	19
3. Томский Технологический Институт Императора Николая II. Профессор В. А. Обручев. Профессор П. К. Соболевский	24
4. Императорский Московский университет. Профессор А. Н. Сабанин.....	38
5. Военная служба. Гражданская война	48
6. Институт исследования Сибири. Профессор С.С. Неуструев. Профессора Пермского университета	56
7. Профессор Варгин Владимир Николаевич и Смирнов Иван Иванович в Институте исследования Сибири	68
8. Омский период. Сибирский институт сельского хозяйства и промышленности (СИСХиП) и Сибирская академия сельского хозяйства (СибАка)	71
9. Пермский государственный университет. Профессор П. И. Преображенский. Профессор В. В. Никитин	81
10. Пермская сельскохозяйственная опытная станция. Профессор А.Ф. Тюлин	104
11. Томская окружная колонизационная переселенческая партия. Нарымская научно-промысловая экспедиция. Н.В. Шипчинский	115
12. Таёжная опытная станция (ТОС)	147
13. Почвоведы Ростислав Сергеевич Ильин и Иван Иванович Смирнов. Томский Краевой Музей.....	158
14. Кафедры геоботаники и почвоведения Томского государственного университета. Профессор В.В. Ревердатто. Почвовед Ф. Н. Ульященко	173
15. Сибирская лесозооэкономическая экспедиция. Байкало-Амурская магистраль	184
16. Научно-исследовательский институт пути НКПС	190
17. Башкирский почвенно-ботанический институт	193
18. Маргушеванская научная исследовательская станция. Гваяула (<i>Parthenium argentatum</i> Gray)	197
19. Иркутск. Гибель в застенках НКВД	210
Заключение.....	218
Список сокращений	220
Указатель имён	223
Список использованных источников.....	228
<i>Приложение 1.</i>	
Служение делу, а не лицам. К 90-летию со дня рождения Ростислава Смирнова. Автор – Сергей Смирнов, профессор ИГУ.....	247
<i>Приложение 2.</i>	
Смирнов Ростислав Иванович (1923-2001).....	252
<i>Приложение 3.</i>	
Почвовед. Памяти отца – И. И. Смирнова.....	255
<i>Приложение 4.</i>	
Смирнов Александр Иванович (1868-1937).....	257
<i>Приложение 5.</i>	
Смирнов Евгений Иванович (1872-1937).....	259
<i>Приложение 6.</i>	
Смирнов Алексей Иванович (1881-1965).....	260
<i>Приложение 7.</i>	
Иван Иванович Смирнов (1887-1938). Материалы к биографии	262
<i>Приложение 8.</i>	
Смирнов Р. И. Из воспоминаний о детстве	264
<i>Приложение 9.</i>	
Схема Обь-Енисейского канала	268
<i>Приложение 10.</i>	
Коллектив Сибирской рыбохозяйственной станции Наркомзема. 1927 г	269
<i>Приложение 11.</i>	
Художник, этнограф, краевед.....	270

Справочное издание

Васильев Андрей Алексеевич

Почвовед Смирнов Иван Иванович [1887-1938]
(Биография в контексте времени и судеб современников)

Подписано в печать 29.01.2019. Формат 60×84 1/8.
Усл. печ. л. 33,88. Тираж 50 экз. Заказ № 3

ИПЦ «Прокрость»

Пермского государственного аграрно-технологического университета
имени академика Д.Н. Прянишникова,
614990, Россия, г. Пермь, ул. Петропавловская, 23 тел. (342) 217-95-42